РУССКАЯ
ИСТОРИЯ

Проф. Н. А. РОЖКОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

(ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ)

ТОМ ВТОРОЙ

ФЕОДАЛИЗМ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

„КНИГА“
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА
1928

★
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ТИПОГРАФИЯ
НАРКОМВОЕНМОРА
Площ. Урицкого, 10
Ленинградский
Обллит № 44827
Тираж 8.100—27 п. л.
Заказ № 948

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Феодализм в развитом состоянии.

I.

Удельная северо-восточная Русь в XIII и первой половине XIV века.

Связью между предыдущим периодом, когда на Руси в известной мере, как мы видели, подготовлялся феодализм, и периодом удельным, к исследованию которого мы теперь переходим, служит сложный и длительный процесс колонизации—расселения и переселения. Излагая его, мы начнем издалека, вернемся назад—к X, отчасти даже и IX веку.

В IX веке южные черноморские степи были еще чисты от кочевников: только между Волгой и Доном кочевали угры или венгры, между Волгой и Яиком (Уралом) жили хозары, а севернее их печенеги, граничившие на востоке с узами или торками [1]). Вот почему северяне в X веке, может быть даже и ранее, развивали усиленную и энергичную колонизационную деятельность по направлению на восток и юго-восток. Это доказывается, во-первых, славянскими названиями рек, впадающих в Дон, Донец и в Азовское море, во-вторых, прямым свидетельством арабского писателя Аль-Масуди во второй половине X века, что по Дону было много славянских поселений; в третьих, остатками славянского населения в бассейне Дона и Донца еще в XII веке: так, на р. Ворскле существовал тогда северянский город Лтава (ныне Полтава), на Донце находился город Донец, куда прибежал из половец-

---

[1]) Голубовский, Печенеги, торки и половцы до нашествия татар

кого плена Игорь Святославич после своего несчастного похода, воспетого в „Слове о полку Игореве“; остатки славянского населения в Донецком бассейне XII века известны были также в виде небольших бродячих банд, называвшихся бродниками и берладниками; наконец, четвертым доказательством движения северян на восток и юго-восток служит основание в X в. на Таманском полуострове при Босфоре Киммерийском (Керченском проливе) на месте старой византийской колонии Таматархи города Тмуторокани, который, по археологическим признакам и по связи своей с северским княжеством, является несомненною колонией северян [1]).

Этот колонизационный поток был сильно задержан передвижениями кочевых народов, начавшимися во второй половине IX века. Тогда именно хозары, вступив в союз с торками, оттеснили печенегов на западный берег Волги; под влиянием этого венгры перешли в Паннонию, а затем, в X веке, печенеги заняли степи в нижнем течении Дона, Днепра и Днестра [2]). Во второй половине X века печенеги отобрали даже у полян бассейн реки Роси, впадавшей справа в Днепр. Это наступательное движение печенегов на полян и уменьшение территории последних с юга доказывается нашею Начальною летописью, по известиям которой Владимир Святой вынужден был строить для защиты от печенегов города севернее Роси,—по рекам Стугне и Суле [3]). О том же свидетельствует немецкий миссионер Бруно, проезжавший в начале XI века через Киев к печенегам [4]). Несколько позднее, в 30-х годах XI века, Ярославу удалось возвратить берега Роси, которые он и заселил, и нанести решительное поражение печенегам [5]). Но на смену последним во второй половине XI века пришли половцы, которые покорили родственных им торков, уничтожили хозарское царство, подчинили себе Тмуторокань, отодвинули северян с востока и, наконец, подвергли новому разорению славянское Поросье [6]).

---

[1]) Голубовский, История северской земли до половины XIV столетия, стр. 5, 6, 8, 12; Ключевский, Курс русской истории, ч. I.

[2]) Голубовский, Печенеги, торки и половцы; Ключевский, Курс русской истории, ч. I.

[3]) Ключевский, Курс русской истории, ч. I.

[4]) Там же.

[5]) Там же.

[6]) Там же; Голубовский Печенеги, торки и половцы.

И на этом, однако, не кончились перемены в населении южной Руси: в XII веке мы можем наблюдать усиленный отлив населения отсюда в двух направлениях—в галицко-волынское княжество, на запад, и на северо-восток, в область Оки и верхней Волги.

Население на Волынь и в Галицию, где с XII века появляется ряд новых городов, приливало, главным образом, из земли полян и древлян; сюда же с Днестра, из нынешних Подольской губернии и отчасти из Бессарабии, перешла значительная часть двух славянских племен—улучей и тиверцев, вытесненная с юга передвижением чуждых народностей [1]).

Два признака указывают на отлив населения в XII веке из земель полян и северян на Волгу и Оку. Во-первых, к концу этого века образуется прямое и беспрепятственное сообщение между югом и северо-востоком, ранее очень трудное: тогда как в XI веке Глеб Муромский для того, чтобы из Мурома проехать в Киев, вынужден был сначала отправиться на северо-запад, к нынешней Твери и затем уже спуститься вниз, а Владимир Мономах еще в начале XII века вменял себе в особую заслугу, что он прошел с юга на северо-восток прямой дорогой „сквозе вятичей“,—Юрий Долгорукий в конце XII в. свободно совершал уже свои походы этой же прямою дорогой [2]). Во-вторых, названия многих городов и рек на северо-востоке оказываются занесенными с юга: таковы названия городов Переяславля, Звенигорода, Стародуба, Вышгорода, Галича, рек Почайны, Лыбеди, Трубежа [3]).

Два народа стояли на северо-востоке на пути русской колонизации—финны на севере и в центре равнины и болгары, жившие при впадении Камы в Волгу. Русская колонизация, встречавшаяся в своем движении с поселениями этих народов, производилась тремя способами: во-первых, посредством мирных поселений отдельных лиц, во-вторых, путем княжеского завоевания и постройки укреплений, в третьих, посредством основания монастырей в незаселенных еще местах.

Древнейшим и важнейшим был первый способ. Еще в IX веке среди финских племен появились славянские поселения:

---

[1]) Ключевский, Курс русской истории, ч. I.

[2]) Там же.

[3]) Там же; ср. Ключевский, Боярская дума древней Руси.

Белоозеро, в области Веси, и Ростов в земле Мери [1]). Очень может быть, что тогда же существовал и Муром в земле Муромы. Он во всяком случае существовал уже в X веке, когда появился и Суздаль, и когда Владимир Святой походами на камских болгар расчистил шире и сделал безопаснее путь для славянской колонизации бассейна Оки и верхней Волги [2]). Пределы нынешних Тверской, Ярославской и Московской губерний в X и XI веках заселялись по преимуществу выходцами из Новгорода и его области, и только в XII веке течение с юга России стало преобладать и захватило также нынешние Рязанскую и Тульскую губернии. В XI веке появились Рязань и Пронск, основан был Ярославль и стали насаждаться монастыри благодаря деятельности св. Авраамия Ростовского [3]). В XII веке Владимир Мономах построил Владимир на Клязьме, Юрий Долгорукий основал Ксятин (в 1134 г.), Юрьев-Польский (1152 г.), Дмитров (1154 г.); в 1147 г. впервые упоминается Москва; в то же столетие появляются Тверь, Кострома, Галич, Звенигород, Калязин и южнее, в земле вятичей, Брянск, Карачев, Козельск, Мценск, Тула, Елец, Воротынск, Мосальск, Новосиль [4]). Наконец, к этому же времени относится основание таких монастырей, как Никитский недалеко от Переяславля Залесского (нын. Владим. губ.) и Покровский при впадении реки Нерли в Клязьму [5]).

Значение колонизации окско-волжского междуречья в XI и XII веках некоторые исследователи последнего времени склонны преуменьшать, отводя вместе с тем второстепенную роль колонизационной деятельности князей, почти совсем даже отрицая последнюю [6]). Конечно, нельзя признавать междуречье пустыней, колонизованной князьями; возможно, что часто князья только следовали в своей работе за ходом вольной колонизации. Но нельзя и преуменьшать значение весьма оживленного, сильного колонизационного движения.

---

[1]) Там же.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

[4]) Там же.

[5]) Зверинский, Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, II, Спб. 1892, № 947, стр. 213, и № 1072, стр. 279.

[6]) Пресняков, Образование великорусского государства, стр. 27 и след., 30, 34, 35.

Колонизация севера, т.-е. области, лежащей за северными увалами, составляющими водораздел между Волгой и реками Северного океана и Белого моря, до конца XII века шла из Новгорода и его области, исходила исключительно от славян ильменских и направлялась в две местности — в Обонежье, т.-е. в область между Ладожским и Онежским озерами, и в Заволочье, т.-е. в бассейн Северной Двины. Еще в XI веке на острове у северо-западного берега Ладожского озера основан был Валаамский монастырь [1]). В XII веке в так-называемом Обонежском ряду существует уже ряд новгородских поселений— погостов [2]). То же самое можно наблюдать тогда и по Двине, при чем эти поселения были результатом деятельности главным образом отдельных мелких колонистов [3]). Но на-ряду с этим происходила и монастырская колонизация севера, особенно Обонежья; на Онежском озере на острове Палье появляется в XII веке Палеостровский монастырь [4]), а затем упоминаются монастыри Шунгский и Муромский в том же Обонежском ряду [5]).

Переходя к колонизации русского северо-востока в XIII и XIV веках, необходимо сделать некоторые предварительные методологические замечания. Для понимания хода колонизации важное значение имеют основание внегородских монастырей, относительное количество пустошей и починков и наличность большого числа сел и деревень без пустошей и починков. Быть может, не все внегородские монастыри возникали непременно в незаселенной местности и служили исходными пунктами дальнейшей колонизации, но это во всяком случае можно и должно сказать о многих из них. А затем несомненно, что даже тогда, когда они возникали не как исходные пункты, а как последствия заселения страны, ближайшие его результаты, — самый процесс колонизации все же имел место, и, следовательно, основание внегородских монастырей было существенным признаком его наличности. Значение относительного числа пустошей и починков для истории колонизации

---

[1]) Кн. Вяземский, Монастыри на Ладожском и Кубенском озерах, „Памятники древней письменности" за 1881 г., I, стр. 18, 19.

[2]) Неволин, О пятинах и погостах новгородских, „Записки Русск. Геогр. Общества", кн. VIII, стр. 45—46; Беляев, Расск. из русск. ист., кн. II, стр. 32.

[3]) Беляев, Рассказы из русской истории, кн. II, М. 1866, стр. 21, 33.

[4]) Зверинский, Материал о монастырях, № 1035, стр. 259.

[5]) Барсов, Палеостров.

также вполне ясно: пустоши—покинутые поселения, указывающие на отлив населения; починки, как новые поселки, свидетельствуют о его приливе. Наконец, большое число сел и деревень без пустошей и починков—признак достижения известной степени плотности населения. На этой методологической основе можно сделать ряд чрезвычайно любопытных наблюдений над ходом колонизации.

Наши источники зарегистрировали в XIII веке последние проявления колонизационного течения с юга России: известно, что именно в этом столетии появились Руза (ныне уездный город Московской губ.), Гороховец, Стародуб и Ярополч [1]) (все три в пределах нынешней Владимирской губ.), наконец, Нижний-Новгород (осн. в 1221 г.) [2]). Быть может, не без влияния этого притока населения с юга возникли также в XIII столетии и два рязанских монастыря—Богословский к северу от Рязани и Ольгов-Богородицкий к юго-востоку от нее [3]). Но если в XIII веке совершенно несомненным было воздействие со стороны на ход колонизационного процесса в северо-восточной Руси, особенно на южных ее окраинах, то уже в XIV веке заселение пустых мест происходило здесь исключительно под влиянием естественного прироста населения. Самая южная из областей северо-восточной Руси—земля Рязанская—отличалась в то время уже значительной населенностью, как видно из того, что в XIV в. здесь был основан только один внегородской монастырь—Солотчинский [4]), и что Ольгов монастырь приобрел во второй половине этого столетия 5 погостов, в которых считалось тогда 1.010 семей, и не было ни починков, ни пустошей [5]).

Нынешняя Московская губерния с северными частями Калужской и Тульской представляла собою в XIII и XIV веках на юге окраинную область, а в северной своей части центральную. Повидимому, в XIV в. эта область не отличалась такою плотностью населения, как Рязанская, и потому здесь население росло ускоренным темпом, может быть приливало

---

[1]) Ключевский, Курс русской истории, ч. I.

[2]) Там же.

[3]) Зверинский, Материал о монастырях, II, № 658, стр. 74, и № 1023, стр. 252.

[4]) Там же, № 1153, стр. 316.

[5]) Акты Исторические, т. I, № 2.

и из соседних областей северо-восточной Руси Самым ярким признаком такого усиленного роста и происходящего отсюда заселения свободных земель является основание целого ряда внегородских монастырей: построенные в XIV веке монастыри, как Высоцкий (около Серпухова), Троицкий-Сергиев, Хотьков, Стромынский (к северу от Богородска), Саввин-Сторожевский (к западу от Звенигорода) и Николо-Угрешский (к юго-востоку от Москвы) [1]), как бы наметили своим положением западные, южные, восточные и северные пределы области.

И в земле Владимирской XIV век как бы намечает пределы будущей колонизации основанием монастырей, как Борисоглебский на Ушне (около Мурома), Киржачский (к северо-западу от Покрова), Успенский-Дубенский (к северо-западу от Александрова), Махрищский-Троицкий (к югу от Александрова) и Васильев-Мячковский (к северо-востоку от Гороховца) [2]). Вполне понятно, почему потомки первых переселенцев, которым стало тесно на новых местах после переселения их отцов с юга, стремились охватить область пошире: их старые хозяйственные привычки к хищнической добывающей промышленности, первобытному скотоводству и подсечному земледелию вынуждали их на это. Схема колонизационного процесса вскрывает таким образом и основную движущую его причину.

Естественно поэтому, что и в третьей центральной области северо-восточной Руси—в Ярославской земле—можно наблюдать появление в XIV веке внегородских монастырей на окраинах: на южной окраине, к северо-западу от Ростова, в 1303 г. основан был Борисоглебский монастырь, а на крайнем северо-востоке области, близ нынешнего Любима, появился Воскресенский-Обнорский монастырь [3]).

Тверская земля уже в XII и XIII веках, как отчасти было уже сказано выше, достигла значительной плотности населения, большей, повидимому, чем Московская в то же время.

Несравненно слабее заселялись северные окраины. В Белозерском крае местные монастыри, появившиеся в XIII и XIV веках, все находились к югу и юго-востоку от Белоозера,

---

[1]) Зверинский, Материал о монастырях, II, №№ 753, 1282, 1343, 1212, 1140, 1007.

[2]) Там же, №№ 676, 864, 1313, 919, 690.

[3]) Там же, №№ 675 и 746.

таковы: Троицкий-Устьшехопский, Кириллов-Белозерский монастыри [1]). Такое расположение их показывает, что население шло сюда из бассейна Волги, — из Тверской и Ярославской земель. Наиболее населенной частью Вологодской земли были берега Кубенского озера, рек, из него вытекающих или в него впадающих, и озер, лежащих недалеко от Кубенского. Древнейшим из монастырей, здесь основанных, был Спасо-Каменный, появившийся на острове Кубенского озера в XIII веке и много способствовавший колонизации всего края. В конце XIV века Александр Куштский основал монастырь на реке Куште, близ Кубенского озера, в месте, где, по словам его жития, были „блата и дебрь непроходимая" [2]). Тем же святым основан Спасо-Евфимиев Сянжемский монастырь в 74 верстах к северо-западу от нынешнего города Кадникова [3]). В 1371 г. в 5 верстах от Вологды построен был Спасо-Прилуцкий монастырь [4]). К числу древних местных монастырей принадлежит далее Песоцкий-Успенский или Антониев-Введенский при впадении р. Кии в Кубенское озеро [5]). В том же XIV веке началось и заселение так-называемого Комельского леса, по соседству с Костромским краем: здесь именно тогда появились монастыри Павлов-Обнорский и Сергиев-Нуромский [6]). Из приведенных фактов, указывающих местоположение древнейших вологодских монастырей, видно, что население приливало в Вологодскую землю, главным образом, из центра, отчасти из Костромского края. Недаром бóльшая часть основателей вологодских монастырей были выходцами из центральных уездов [7]). Костромской край в XIV веке заселялся, повидимому, быстрее Вологодского: в это время здесь возникает не менее семи внегородских монастырей, разбросанных на очень большом пространстве,

---

[1]) Там же, №№ 1332 и 867.

[2]) Синодальная библиотека, № 806, л. 516 об. Ср. Рожков, Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., М. 1899, стр. 324.

[3]) Зверинский, Материал о монастырях, II, № 1159.

[4]) Там же, № 1174.

[5]) Там же, № 1042.

[6]) Синод. библ., № 990, л. 423 и сл.; Библиотека Троицк.-Серг. Лавры № 6736; Румянцевск. Музей, рукописи Ундольского, № 369, л. 112; Рожков Сельск. хоз. М. Руси в XVI в., стр. 325.

[7]) Рожков, Сельск. хоз. Моск. Руси в XVI в., стр. 327.

очерчивающих огромную территорию [1]). То же самое надо, наконец, сказать и о Нижегородском крае.

Мы наблюдали таким образом органическую связь исследованного сейчас процесса колонизации с движением населения в предшествующие периоды русской истории. Затем характерно, что каждая обширная область („земля“ или „великое княжение“ Удельной Руси) определилась в своих будущих пределах именно благодаря процессу колонизации, потому что поселенцы сразу захватывали возможно более обширные районы. Самый ход колонизации находился, очевидно, в сильной зависимости от рек, перерезывавших в разных направлениях страну, а также от лесов, ее покрывавших: поселенцы двигались именно по рекам и обыкновенно замыкались в бассейне той реки, где оседали, будучи изолированы от своих соседей непроходимыми лесами, занимавшими водоразделы между разными бассейнами. Наконец, при изучении колонизации была намечена и основная ее движущая причина в изучаемый период—привычка к старым хозяйственным приемам и к господствовавшим раньше отраслям производства, требовавшим захвата возможно более обширных пространств для хозяйственной эксплоатации Этим определился широкий размах движения в XIII и XIV веках, его экстенсивный характер: намечены были обширные пределы, отнюдь не везде, особенно на севере заполнявшиеся населением.

Все это приводит нас к изучению народного хозяйства в удельной северо-восточной Руси XIII и XIV веков.

Уже из сказанного видно, что добывающая промышленность продолжала играть видную роль в хозяйственной жизни народа. Изучая материал, изданный и еще в большей степени не изданный, хранящийся в архивах и состоящий из разного рода актов или грамот договорных между князьями, духовных, купчих, данных, закладных, жалованных и т. д., мы убеждаемся прежде всего в том, что всюду продолжало сохранять важное значение рыболовство: рыбные ловли, езы (приспособления для зимней рыбной ловли), тони, озера, воды

---

[1]) Таковы монастыри—Троицкий-Сыпанов, Паисиев-Успенский, Авраамиев-Покровский, Авраамиев-Успенский, Бабаевский-Николаевский, Железноборовский-Предтеченский и Ипатьевский; Зверинский, Материал о монастырях, II, №№ 1283, 1034, 597, 598, 630, 796, 834.

попадаются постоянно и на юге, как в Рязанской земле [1]), и на западе—в Тверской [2]), и на востоке—в Нижегородской и Костромской землях и на реке Суре [3]), и на севере—в землях Белозерской и Вологодской [4]), и, наконец, в таких центральных областях, какими являются Московская, Владимирская и Ярославская [5]).

Все это совершенно естественно в виду тех поразительно громадных рыбных богатств, какими изобиловали в то время реки и озера.

Теми же естественными причинами, только в этом случае уже причинами климатическими, объясняется состояние пчеловодства на русском северо-востоке в удельный период. О бортниках и оброке медовом в Московской земле говорит, напр., такой древний документ, как духовная грамота Ивана Калиты, относящаяся к 1328 году [6]). Целый ряд актов XIV века, относящихся к Коломенскому, Можайскому, Рузскому, Звенигородскому, Суздальскому, Владимирскому уездам, упоминает о бортях, бортных соснах и дубах и о бортниках [7]) совершенно согласно с завещанием Калиты, и тем подтверждает, что пчеловодство в центре удельной Руси было, как и раньше, очень важной отраслью хозяйственной деятельности. Рязанские монастыри, как Ольгов и Солотчинский, владели в XIV веке обширными бортными ухожаями на юге [8]), и в то же время пчеловодство встречается на крайнем востоке и северо-востоке—па реке Суре и в Костромском крае [9]). Зато мы тщетно стали бы искать бортей и бортников на севере — в областях Белозерской, Вологодской и Устюжской: суровые климатические условия препятствовали развитию здесь пчеловодства, которое таким образом ограничивалось в своем хозяйственном значении

---

[1]) См., напр., Акты Историч., т. I, №№ 2, 14; Сборник Муханова, № 116.

[2]) Напр., Акты Археогр. Эксп., т. I, № 5.

[3]) Сборник Муханова, №№ 117, 118, 119; Акты Археогр. Эксп., т. I, № 12.

[4]) См., напр., Акты, отн. до юридич. быта, т. II, № 149, IV; Акты Арх. Эксп., т. I, № 95.

[5]) См., напр., Акты, относ. до юридич. быта, т. II, № 147, IV; № 156, VIII, XII; № 173, II, III; Сборник Муханова, № 277; Акты Арх. Эксп., т. I, № 22.

[6]) Собр. Госуд. Грамот и Договоров, т. I, № 21.

[7]) См., напр., Акты, отн. до юр. б., т. II, № 149, IV; № 156, VIII, XII; Сборник Муханова, № 277; Акты Арх. Эксп., т. I, № 22 и др.

[8]) Акты Историч., т. I, №№ 2, 13, 14; Пискарев, Древн. грамоты и акты Ряз. края, № 2.

[9]) Сборник Муханова, №№ 117, 118, 119; А. А. Э., I, № 12.

географически, не влияло на склад народного производства в северных областях. Этого мало: существует еще один признак того, что по крайней мере местами пчеловодство в удельный период стало терять первостепенное значение; таким признаком служит появление специалистов-бортников, отличающихся от остальной массы крестьянства, хотя, конечно, эту специализацию нельзя понимать слишком строго, не следует думать, что бортники только одним пчеловодством и занимались. Однако, тут важно именно то обстоятельство, что, повидимому, значительные круги сельского населения, даже главные его массы, перестали заниматься пчеловодством: иначе не появилась бы группа лиц, которой усвоено было специальное название „бортники" или, как выражается житие одного святого, „древолазцы" [1]). Итак, изучение пчеловодства в бассейне Оки и верхней Волги приводит к заключению, что, хотя оно существовало и играло видную роль, но привлекало уже не всех жителей и даже не большую их часть, не говоря уже о том, что оно было распространено не повсеместно.

Посмотрим теперь, в каком положении находилась в то время охота за зверем и птицей (звероловство и птицеловство). Без сомнения, в изучаемый период были на русском северо-востоке местности, в которых охота во всех ее видах составляла одно из главных занятий жителей. Когда мы читаем, например, летописные известия даже XV века, что в 1417 году устюжане заплатили двинянам 8.080 соболей, а в 1425 году — 50.000 белок и 240 соболей, когда, наконец, узнаем из жития св. Кассиана Учемского, что еще в конце XV и начале XVI века около Углича „бияху звери много, лоси и елени и зубри же и буйволы и лисицы и серны, волцы же и медведи" [2]), то становится ясным, что весь север изучаемого нами пространства был в очень еще значительной мере охотничьей страной даже в конце удельного периода. Картина значительно меняется по мере приближения к югу. Правда, и в центре, и на западе, и на востоке, и на юге охота не в качестве только забавы, но и как серьезное дело, не исчезла из хозяйственного обихода и не потеряла всей важности, но, во-первых, в таких уездах, как Владимирский, Суздальский, Дмитровский, Рязанский, Курмышский (на реке Суре), акты отмечают все время только

---

[1]) Памятники Старин. Рус. Литер., вып. 1, стр. 3, 41.
[2]) Синод. библиотека, Четьи-Минеи Милютина, май, № 805.

бобровые гоны и перевесища, не указывая путиков [1]), а во-вторых, даже и бобровые гоны с перевесищами встречаются реже и реже, при чем птичья охота местами специализируется, как и пчеловодство,—появляются особые сокольники [2]). Все это очень важные наблюдения, убеждающие нас в том, что времена почти безраздельного господства добывающей промышленности безвозвратно миновали, что значение не только пчеловодства, но и охоты сильно уменьшилось.

Этот общий вывод, касающийся положения всей добывающей промышленности, не смягчается даже тем обстоятельством, что, как уже нам известно, в некоторых частях северо-восточной Руси в XIV веке существовало солеварение; соль добывалась во Владимирской земле — в Переяславском и Ростовском озерах, а также в Нерехте и Сольгаличе, лежавших в пределах Костромской земли. В области Устюжны и по среднему течению Шексны добывалось железо. Однако, эти отрасли добывающей промышленности — особенно последняя, т.-е. добывание железа — были так мало развиты, что принимать их в расчет при общем определении относительно значения разных отраслей промышленности почти не приходится.

Оговорившись, что нельзя отрицать важность добывающей промышленности в удельной северо-восточной Руси, если эту промышленность взять самое по себе, заметим, что **первенствующую хозяйственную роль в данное время начинает играть та отрасль промышленности, которая была раньше второстепенной и только начинала выдвигаться на первый план,—именно сельское хозяйство и — что особенно важно — не скотоводство, а земледелие.** Пожни, луга, сенокосы, наволоки (заливные луга), конюшенные и коровьи дворы, стада скота, правда, то и дело попадаются в наших источниках и теперь, но ошибочно было бы на этом основании выдвигать скотоводство на первый план сравнительно с земледелием. Без сомнения, были местности, где самой природой и большей редкостью населения обусловлена была некоторая распространенность скотоводственных занятий, но в то же время ряд наблюдений над источниками убеждает нас в преобладании земледелия, и чем позднее, тем это

---

1) Сборник Муханова, №№ 117, 118 и др.
2) См. духовные грамоты князей.

преобладание становится заметнее. Само собой разумеется, к северной окраине это замечание применимо менее, чем к центру и югу, здесь можно предполагать равновесие между добывающей промышленностью и сельским хозяйством. Но даже на севере важность земледелия не может подлежать сомнению: еще в XIII веке основатель Великоустюжского Архангельского монастыря Киприан был, по местному летописцу, „земледелатель". В источниках XIV века содержится ряд указаний на первенствующее значение земледелия в центральных и южных областях северо-восточной Руси. Об этом прежде всего свидетельствуют жития местных святых: поселявшиеся здесь монахи, в противоположность основателям северных монастырей, не охотились, не ловили рыбы и не варили соли, а возделывали землю, занимались полевым, земледельческим хозяйством. Типическими примерами монахов-хлебопашцев являются такие святые, как Сергий Радонежский, Стефан Махрищский, Пахомий, основатель Сыпанова монастыря,—все жившие в XIV веке [1]). О том же перевесе земледелия над другими отраслями народного труда свидетельствуют многочисленные акты государственные и частные. Так, в 1391 году митрополит Киприан дал уставную грамоту, определяющую повинности крестьян, живших на землях митрополичьих монастырей; характер этих повинностей не оставляет ни малейшего сомнения в преобладающем значении земледелия. В самом деле: что это за повинности? Главные из них заключаются вот в чем: „игумнову долю пашни пахать, сеять и жать, сено косить, рожь молоть, хлебы печь, солод молоть, на семя рожь молотить" [2]).

Известия наших источников об обрабатывающей промышленности в северо-восточной Руси чрезвычайно отрывочны, так что не могут дать полное и точное представление о предмете. Тем не менее, не подлежит сомнению, что и в изучаемый период эта отрасль народного труда имела сравнительно ничтожное значение, попрежнему слабо развивалась, делала лишь робкие шаги вперед. К числу наиболее распространенных ветвей обрабатывающей промышленности принадлежало производство изделий из дерева, что, конечно, и естественно в стране лесной: о плотниках говорится, напр.,

---

[1]) Рожков, Сельск. хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 327.
[2]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 11.

в житии св. Сергия Радонежского [1]). Духовные завещания московских великих князей XIV века отмечают в составе имущества князей много серебряных и золотых вещей: блюд, чаш, кубков, ложек, цепей, шкатулок [2]) и т. д. В 1245 году итальянец Плано-Карпини видел при дворе татарского хана русского золотых дел мастера [3]). Наконец, сельское хозяйство в обеих своих главных отраслях—земледелии и скотоводстве—доставляло значительный материал для текстильного производства, — для суконных, шерстяных и льняных изделий, а также для производства кожевенного. Это видно из таких известий, как, напр., сообщение жития св. Февронии Муромской, что она приготовляла холстину [4]), или летописная заметка 1365 года, что княгиня Василиса жила в монастыре, „тружаяся рукоделием“ [5]); на то же указывает материал обычной тогда русской одежды, — всех этих епанчей, корзн, охабней или однорядок, обыкновенных крестьянских сермяг из овечьей шерсти, шерстяных и валяных шляп; св. Сергий Радонежский, как известно, шил кожаные сапоги на братию [6]), а грамоты удельного периода отмечают неоднократно существование в разных местах кожевников, седельников и овчинников. Но два обстоятельства заставляют нас не преувеличивать значения всех этих, на первый взгляд довольно многочисленных, промыслов: во-первых, каждый раз, как мы видим описание цельного хозяйства, приходится наблюдать, как лица, занимающиеся обрабатывающей промышленностью, тонут в общей массе населения: так, напр., в ряде дошедших до нас описаний митрополичьих имений, даже уже конца XV века, чрезвычайно редко мелькают перед нашими глазами „мастеровые люди“ и всегда в очень небольшом количестве [7]); во-вторых, все лучшие изделия из металлов, сукна, шерсти и даже кожи получались из-за границы.

Переходя к характеристике **торговли**, внутреннего и внешнего обмена, необходимо прежде всего поставить вне

---

1) Великие Минеи Четьи митр. Макария, вып. III, Спб. 1883, столб. 1490.

2) Собр. Госуд. Грам. и Догов., I, №№ 21, 22, 23 и др.

3) Соловьев, История России, т. IV, М. 1871, стр. 252.

4) Памятники Старин. Рус. Литер., изд. гр. Кушелевым-Безбородко под ред. Костомарова, в. I, Спб. 1860.

5) Соловьев, История России, т. IV.

6) Великие Минеи Четьи, вып. III, 1507 и сл.

7) См. Румянц. Музей, собр. актов Беляева.

всяких сомнений тот факт, что хозяйство северо-восточной Руси в удельный период продолжало быть натуральным, рассчитанным не на сбыт, а на собственное потребление производителей хозяйственных благ. В этом убеждает прежде всего натуральный характер владельческих оброков за землю: эти оброки состояли или в уплате хлеба в известном количестве четвертей с прибавкой разного рода других продуктов—мяса, баранины, яиц, льна и пр.,—или в уступке крестьянином землевладельцу доли урожая, обыкновенно половины; половничество особенно часто встречается в это время в северных частях изучаемой территории. Затем так-называемый „корм“, т.-е. вознаграждение, получаемое от жителей областными правителями вместо обычного теперь казенного жалованья, в XIII и XIV веках состоял обыкновенно из натуральных же приношений [1]). Сколько-нибудь заметной была лишь внешняя торговля. Сурож (или Судак в Крыму) был немаловажным рынком для русских купцов, занимавшихся внешней торговлей. Кроме Сурожа, русские купцы посещали с коммерческими целями другой крымский торговый центр—Кафу, ездили также и в Грецию. В Крым, не считая прислуги, иногда отправлялось разом по 120 купцов. При посредстве крымских рынков, Венеция и Генуя еще в XIV веке получали из Руси рыбу и воск, а русские покупали на тех же международных рынках соль, вина и ткани итальянского и восточного производства,—бумажные и шелковые [2]). Армянские и немецкие купцы упоминаются в Москве в XIV в. [3]). По Дону и Воронежу татары доставляли в Московское княжество множество лошадей на продажу [4]). В татарской столице Сарае, по словам Плано-Карпини, русские купцы торговали с востоком, при чем покупали оружие и соль, а сбывали, главным образом, меха [5]). По Рижской долговой книге, в XIII и XIV веках в Суздале постоянно проживали немецкие купцы, каким, напр., был в XIII веке Любберт [6]). Чтобы закончить речь о внешней торговле северо-восточной

---

[1]) См. Румянц. Музей, собрание актов Беляева.
[2]) Соловьев, История России, т. IV, стр. 252, 253.
[3]) Там же, стр. 253.
[4]) Там же.
[5]) Там же, стр. 252.
[6]) Das Rigasche Schullbuch.

Руси, остается указать на коммерческие связи с вольными городами, с одной стороны, и с западной и юго-западной Русью,—с другой. Еще от XIII столетия дошло до нас летописное известие о пребывании новгородских купцов в Переяславле-Залесском [1]). Хлеб, воск, лен, хмель, продукты скотоводства шли в Новгород, главным образом, по Оке или по Москве реке и волоку на Ламу и Шошу, потом по Волге через Тверь и далее на Торжок [2]). О торговле с западной Русью свидетельствует прежде всего летопись, сообщающая о прибытии в Переяславль-Залесский в 1216 году смоленских купцов [3]), затем договор тверского князя Бориса Александровича с Литвой в 1393 году, где сказано, что тверские купцы торговали издавна в Смоленске, Витебске, Киеве, Дорогобуже и Вязьме [4]).

Сводя теперь в одну общую формулу наблюдения над относительным значением разных отраслей промышленности в удельной северо-восточной Руси, мы должны признать, что первенствующее место заняло в это время сельское хозяйство, в частности земледелие; второе место по значению принадлежало добывающей промышленности, все более слабевшей; затем следовала торговля, не успевшая, однако, превратить хозяйство из натурального в денежное; наконец, мало заметную роль играла обрабатывающая промышленность.

Перевес сельского хозяйства и в частности земледелия оказал чрезвычайно сильное влияние на формы землевладения. Земледелие требует уже некоторой, довольно значительной, сравнительно с добывающей промышленностью, затраты капитала: первобытный зверолов, рыболов или пчеловод почти совершенно не нуждается в капитале для своих производительных целей: не трудно и ничего не стоит устроить тенета для зверя, обзавестись рогатиной, сплести сети для рыбы; чтобы собрать воску и меду, стоит только найти в лесу дуплистое дерево и сделать в нем нехитрые приспособления для пчел или даже просто отыскать дерево, где пчелы

---

1) Соловьев, История России, т. II, М. 1869, стр. 342.
2) Ключевский, Курс русской истории, т. I.
3) Соловьев, История России, т. II, стр. 342.
4) Там же.

уже живут. Не то в земледелии: при занятии им в лесной стране необходимо выжечь лес, выкорчевать пни, распахать новь, засеять ее, переборонить поле, сжать и вымолотить хлеб, смолоть зерно. Все эти операции требуют значительной затраты времени, следовательно, предполагают у земледельца наличность известного потребительного запаса, известных средств для пропитания; кроме того, операции эти настолько сложны, что вызывают употребление земледельческих орудий— плуга, сохи, бороны, косы или серпа и т. д.; если к этому прибавить необходимость семян для посева, рабочего скота и хозяйственных построек, то станет понятна настоятельная нужда земледельца в капитале. Эта нужда и была исходным пунктом чрезвычайно важных перемен в формах землевладения.

В начале удельного периода, когда добывающая промышленность и в северо-восточной Руси подавляла собою все другие отрасли производства, здесь господствовало крестьянское, долевое или складническое владение землей, состоявшее в том, что дети наследовали от отца имущество и владели им или нераздельно, делясь лишь доходом, или делились по долям, равным между собою. Путем продажи или залога, сначала с разрешения других совладельцев, доля в доходе или во владении могла переходить к посторонним, чужеродцам. Лучшим доказательством этого служит то обстоятельство, что в тех местах, где и позднее добывающая промышленность продолжала играть первенствующую роль в экономической жизни, сябринное владение сохранилось вполне и притом в виде нераздельного ведения хозяйства, при дележе лишь продукта. Так было, напр., еще в XVI веке в Солигалицком уезде, где основной отраслью народного производства продолжало быть издревле заведенное солеварение. До нас дошел ряд любопытных актов о сябринном, складническом владении варницами и соляными колодезями. Вот любопытный образец, относящийся к 1577 году и взятый наудачу из множества ему подобных: „Я, Иван Петров сын Мичурин, с сыном Федором дали в Троицкий-Сергиев монастырь четверть варницы у Соли-Галицкой на посаде с креном [1]) и со всякой варничной порядою [2]) да рассол в Карабкинском колодезе половину

---

[1]) Црен—сковорода, употреблявшаяся при солеварении

[2]) Т.-е. со всеми принадлежностями для солеварения.

получетверти колодезя [1]). А в шабрах та варница с Осипом Киселовским да с Федором Рыловым, а колодезь в шабрах с Осипом же да с Федором, да с Дурашем Успленским, да с Иваном Семеновым и с иными товарищами" [2]). В числе разных предметов, обозначаемых общим именем „варничной поряды или порядни", значится часто и земля, при чем иногда прямо указывается, что она „с шабры не в делу" [3]). Надо думать, что и в бассейне Оки и верхней Волги, как и на севере и в Новгородско-Псковском крае, совершался процесс разложения складнического землевладения, но течение этого процесса здесь было ускорено торжеством земледелия и проистекшей отсюда нуждой крестьянской массы в капитале. В северо-восточной Руси в удельное время капитал был мало распространен в массе населения. Отдельная крестьянская семья сплошь и рядом не обладала, поэтому, сколько-нибудь достаточными для успешного ведения земледельческого хозяйства средствами, а это заставляло ее нередко отказываться от земли за ссуду инвентарем, получаемую от лиц более состоятельных, или садиться на землю, принадлежащую этим состоятельным лицам. Экономически сильными капиталистами, по крайней мере более, чем крестьяне, обеспеченными материально, были в то время прежде всего князья—великие и удельные, затем архиерейские кафедры, по преимуществу митрополичья, монастыри и, наконец, бояре. В их руках и сосредоточилась постепенно вся масса земельного богатства области между Окой и Волгой, и произошло так-называемое „окняжение" и „обоярение" земли. Стоит только открыть любое из завещаний московских великих князей XIV в., чтобы убедиться в необыкновенной быстроте, с какою расли княжеские „купли", „села купленные" [4]). Даже черная земля, т.-е. собственно крестьянская, стала считаться княжеской. Это была очень важная перемена в землевладельческом праве: сущность ее сводится к тому, что не только боярские, княжеские-дворцовые, монастырские и архиерейские, но и черные земли не могли быть отчуждаемы крестьянами, что

---

[1]) Т.-е. 1/16 колодезя.

[2]) Моск. Архив Мин. Юстиции, грам. колл. экономии, Солигалицк. уезда, № 3376.

[3]) Там же, №№ 3380, 3386, 3391 и др.

[4]) См., напр., Собр. Госуд. Грам. и Дог., т. I, №№ 21, 22, 23 и др.

крестьяне потеряли право свободного распоряжения землей, ее продажи, залога, дарения и завещания, то право, которое составляло такой отличительный признак складнического или сябринного землевладения. Монастыри и архиерейские кафедры приобретали земли не только путем покупки и приема в залог, но и по завещаниям и по дарственным актам или „данным грамотам“, т.-е. путем вклада в церковь со стороны отдельных лиц. Понятны причины, вызывавшие такой вклад: примитивные нравственно-религиозные понятия, унаследованные народной массой, даже всем русским обществом сверху до низу от предшествующего исторического периода, приводили к мысли, что материальное пожертвование в пользу церкви само по себе, независимо от раскаяния и нравственного исправления, приведет к душевному спасению, даст царство небесное; между тем, денежные вклады, сколько-нибудь значительные по размерам, были экономически невозможны вследствие господства натурального хозяйства; земля была почти единственной значительной ценностью, почему ею по преимуществу и можно было делать вклады в монастыри. Влияли тут и соображения вроде того, что богатый монастырь всегда мог и должен был оказывать влиятельную поддержку своим вкладчикам, заступаться и ходатайствовать за них перед органами светской власти.

Но перемены в землевладельческом праве в северо-восточной Руси не ограничились обезземелением крестьян и образованием крупного землевладения князей, церковных учреждений и бояр. Дело в том, что сбыт земледельческих продуктов был чрезвычайно слабо развит, находился в зачаточном состоянии: натуральное хозяйство оставалось еще непоколебленным. Вот почему, несмотря на господство крупного з е м л е в л а д е н и я, нельзя было вести крупное земледельческое х о з я й с т в о, так как для такого хозяйства необходим обширный и свободный рынок, а такого рынка нет и быть не может при системе натурального хозяйства. Притом вотчины были слишком обширны, чтобы можно было за всем уследить самому хозяину. Отсюда возникает потребность в раздаче крупных имений по частям посредникам, третьим лицам, которые занимали бы промежуточное положение между крестьянами, с одной стороны, и крупными землевладельцами—с другой. И вот прежде всего князь удельного периода начинает раздавать свои земли во временное и услов-

ное владение сначала своим несвободным слугам, необходимым ему в его хозяйстве в качестве приказчиков или „тиунов", как тогда выражались. Это удобно и для этих слуг, создавая им в известной степени обеспеченное существование, и для князя, так как дает ему возможность, не затрачивая дорогого и редкого в то время капитала, вознаграждать своих слуг землей, не теряя последней, потому что ее всегда можно взять обратно. Так в сфере княжеского дворцового землевладения и хозяйства зародилась и воплотилась в действительность идея поместья, т.-е. временного владения землей под условием службы и с правом того, кто пожаловал землю, отобрать ее у временного владельца или помещика. Следы поместья на княжеской земле наблюдаются впервые, по нашим источникам, в завещании великого князя Ивана Калиты, составленном в 1328 году. Вот что сказано в этом документе: „а что есмь купил село в Ростове Богородическое, а дал есмь Бориску Воркову, иже иметь сыну моему, которому служити, село будет за ним; не иметь ли служити детем моим, село отнимут" [1]). Мы видим, что это—временное владение под условием службы. Но поместная система настолько органически связана с системой натурального хозяйства, что стала естественно и неудержимо расти и распространяться не на одних несвободных, хозяйственных слуг князя, но также на его свободных, военных, слуг, т.-е. бояр и дворян. Так, напр., Василий Темный в своей духовной грамоте 1462 года говорит о себе, что он „давал своим князем и боярам и детям боярским свои села в жалованье" (=в поместье) [2]). Мало того: и архиереи, и монастыри, и даже отдельные лица служилого класса, обладавшие обширными землями, стали раздавать значительную часть своих владений в поместное владение. Это можно наблюдать в особенности позднее, в XV и XVI веках на землях митрополита московского [3]), у архиепископа рязанского [4]), у Солотчинского и Богословского монастырей [5]) в Рязанской земле, наконец, у бояр и других служилых людей по уцелевшей писцовой книге Тверского уезда

---

1) Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. I, № 22.
2) Там же, №№ 86 и 87.
3) Рожков, Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., М. 1899, стр. 62.
4) Там же, стр. 461.
5) Пискарев, Древние грамоты и акты Рязанского края, №№ 10, 16. 18,

за первую половину XVI века [1]). Уже изложенные сейчас данные источников и основанные на них соображения достаточно показывают, что исторических корней поместного землевладения надо искать в общих экономических условиях эпохи, в относительном значении разных отраслей производства. Это лишний раз подтверждается и исторической аналогией: на западе Европы в начале средних веков под такими же влияниями, как то хорошо доказано в исторической литературе, сложилась форма землевладения, тожественная у нашим поместьем и усвоившая даже название, по смыслу одинаковое с другим отмеченным выше названием поместья: мы видели, что поместье называлось еще *жалованьем*, на западе оно называлось *бенефицием* (beneficium).

Относительное значение разных отраслей производства в хозяйственной жизни страны чрезвычайно сильно отразилось и на *формах хозяйства*. Говоря о формах хозяйства в добывающей промышленности, мы прежде всего встречаемся с явлением, нам уже давно и хорошо знакомым,—с домашней или семейной формой предприятий, когда отдельная семья работает сама, пользуясь трудом своих членов, обыкновенно без примеси наемного элемента. Без сомнения, охота, рыболовство, пчеловодство весьма часто еще отливались в такую примитивную форму в бассейне Оки и верхней Волги в удельный период. Но на-ряду с этим можно наблюдать уже и много нового вследствие перемен, какие совершились в добывающей промышленности. Нам уже известно, к чему сводились эти перемены: появилось солеварение, а значение старых отраслей добывающей промышленности стало постепенно уменьшаться, потому что дары природы, освоение которых составляет предмет этой промышленности, начали оскудевать с ростом населения. Вследствие такого оскудения увеличилась трудность добывания, а это вызвало к жизни новые формы хозяйства: отдельные семьи и лица стали группироваться в более крупные целые, в артели или товарищества: нам известны, напр., еще в XIV веке рыболовные „ватаги“ [2]). С другой стороны, разложение древних кровных союзов, осложнявшихся постоянно примесью чужеродных элементов, задерживалось, как мы имели случай недавно убедиться, под вли-

---

[1]) Лаппо, Тверской уезд в XVI веке.
[2]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 1.

янием добывающей промышленности: солеварение, напр., по самой своей сущности исключало возможность чисто-домашней, семейной формы, так как требовало слишком сложной и относительно дорогой „варничной поряды“ и довольно значительного числа рабочих рук,—и потому там, где оно существовало и тем более преобладало, складническая или сябринная форма хозяйства господствовала почти всецело. Наконец, с образованием крупного княжеского и боярского землевладения появились зародыши предпринимательской, более крупной, в известной степени капиталистической формы добывающей промышленности: лучшим указанием в этом смысле являются данные духовных и иных грамот московских князей о появлении так-называемого „ловчего пути“ [1]), т.-е. особой отрасли княжеского дворцового управления, ведавшей охоту,—под начальством ловчего находились псари и сокольники, или наемные, или большею частью несвободные слуги князя. Переходя от форм добывающей промышленности к изучению форм сельскохозяйственного производства, необходимо, прежде всего, остановиться на вопросе о барской запашке. Пересматривая относящийся сюда материал, нетрудно убедиться, что в XIV веке барская запашка кое-где попадалась и на землях бояр и слуг вольных, и во владениях церковных учреждений и, наконец, в дворцовых имениях князей, но никогда в черных волостях. У митрополита собственная запашка упоминается еще в уставной грамоте 1391 года [2]). На-ряду со всем этим встречаются, однако, неоднократные указания на отсутствие барской запашки в имениях разных владельцев. Вообще можно сказать, что чем раньше, тем реже и меньше размерами была барская запашка, и даже в конце периода она не была распространенным явлением. Это вполне естественно: при господстве натурального хозяйства, при чрезвычайной слабости спроса на хлеб, не было нужды в сколько-нибудь обширной собственной запашке, напротив, она могла при таких условиях только тяготить землевладельцев. По той же причине нельзя предполагать существование обширной холопской пашни в северо-восточной Руси удельного времени: правда, в завещаниях и других документах у служилых землевладельцев нередко встречаются „люди“ и

---

[1]) Собр. Гос. Грамот и Договоров, т. I, № 23 и др.
[2]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 11.

„холопы“, но, во-первых, они не всегда имели свою запашку, а часто или не пахали совсем, не были „холопами-страдниками“, как тогда говорилось, или обрабатывали ту самую барскую пашню, о которой у нас сейчас шла речь; во-вторых, в дворцовых селах, черных волостях, в монастырских и архиерейских имениях холопов на пашне мы обыкновенно совсем не встречаем; в третьих, наконец, и у служилых землевладельцев общее число холопских дворов было невелико. Естественно также, что, при слабой распространенности барской пашни, крестьяне при аренде владельческой земли обязывались в подавляющем большинстве случаев не барщиной, а оброком. Барщина или изделье встречается редко: о ней говорит уставная грамота митрополита Киприана 1391 года [1]). Но мы имеем множество свидетельств, ставящих вне всякого сомнения преобладание оброчной системы над изделием. Чтобы закончить речь о формах сельскохозяйственного производства, остается отметить существование в северо-восточной Руси наемных рабочих, получавших вознаграждение натурой, — подворников, а также половников, состояния переходного от аренды чужой земли к найму на работу. Эти явления, характерные для натурально-хозяйственного периода, попадаются не только в уездах, близких к северу, как Вологодский и Белозерский, но и южнее, напр., в Костромском и Тверском уездах [2]).

Две первоначальные формы обрабатывающей промышленности—домашнее производство для собственного потребления и мелкое кустарное производство на небольшой местный рынок или ремесло, существовавшие еще и раньше, продолжали сохраняться и в изучаемый период. Примеров того и другого можно найти не мало в актах и житиях святых. Когда мы читаем известия о женской домашней работе — о выделке холстов, напр. [3]), — когда видим из жития св. Сергия Радонежского, что он шил кожаные сапоги на братию [4]), то мы имеем перед собою примеры чистейшего домашнего производства. Отмеченные уже в свое время данные об отдельных, разбросанных там и сям среди чисто земледельческого насе-

---

1) Там же.

2) Рожков, Сельск. хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 156.

3) Памятники Старин. Рус. Литературы, в. I.

4) Великие Минеи Четьи митр. Макария, в. III.

ления плотниках, кузнецах, сапожниках, овчинниках, седельниках и т. д. свидетельствуют о существовании ремесленной формы или, что то же, формы мелких кустарных промыслов. На эту же форму указывают и известия о торговле крестьян в соседних городах на базарах, потому что, без сомнения, при этом сбывались не исключительно продукты земледелия и скотоводства, но также и кустарные изделия, хотя бы в небольшом количестве и не везде.

Обращаясь к изучению системы или техники хозяйства в удельной северо-восточной России, мы не будем останавливаться на технике обрабатывающей промышленности и торговли, потому что в этом отношении нельзя прибавить ничего нового к сказанному раньше при изучении соответствующих вопросов. То же почти приходится сказать и о технике скотоводства: перед нами рисуется хорошо знакомая уже картина настоящего экстенсивного скотоводства, когда мы в житии св. Пафнутия Боровского (даже в конце XV века) читаем, что он „имяше супруг волов", которых „в летнее время пометаху в частине леса" [1]), т.-е. оставляли исключительно на одном подножном корме. Затем, попрежнему преобладало бортничество, хищническое лесное пчеловодство, но на-ряду с ним появляются в отдельных случаях и ульи: так, „трои пчелы", т.-е. три улья, упомянуты в завещании некоего Патрикия конца XIV века [2]). Если обратить, наконец, внимание на систему земледелия, то и в этой отрасли производства, особенно в местностях, близких к северу, легко подметить существование подсечной, огневой или лядинной системы полевого хозяйства. По житиям святых, в XIV веке Стефан Махрищский „лес сечаше и нивы насеяваше". На-ряду с такими образцами примитивной земледельческой техники можно наблюдать появление и развитие переложной системы полевого хозяйства.

Мы не обладаем сколько-нибудь достаточным материалом для характеристики распределения народного дохода между отдельными слоями населения. Конкретные иллюстрации здесь подобрать нельзя. Но общий смысл совершавшихся здесь перемен ясен: росла неравномерность распределения.

---

[1]) Синодальн. библиотека, сборник № 927, л. 35 об.—36.
[2]) Акты, отн. до юр. б. др. России.

Это обусловливалось и господством земледелия, и господствовавшими формами землевладения.

Таким образом в удельной Руси XIII и XIV веков, если сравнить ее с Русью X, XI, XII столетий, наблюдается в хозяйственном отношении органическое усвоение и переработка тех новых явлений, которые были введены в жизнь в предыдущую эпоху перелома, в период критический: земледелие окончательно восторжествовало, развилось крупное землевладение, появилось землевладение условное и временное, улучшились технические приемы хозяйства, увеличились экономические различия и противоречия. Можно сказать таким образом, что в России только в XIII и XIV веках наблюдается завершение в экономической области того процесса феодализации, который на западе Европы и во многих других странах закончился несравненно скорее и полнее.

В ближайшей связи с только-что исследованными хозяйственными явлениями находится деление общества на группы по экономическим признакам, или иначе, деление его на классы. Мы видели, что в предшествующий период такое деление едва намечалось, выражалось слабо. Не произошло ли в этом отношении каких-либо изменений в северо-восточной Руси в удельное время? Ответ на этот вопрос в сущности уже известен нам. При изучении хозяйственного быта мы наблюдали постепенный переход массы населения к земледелию и столь же постепенное сосредоточение земли, отчасти также и денежного капитала, в руках меньшинства,—бояр и отчасти купцов, весьма, впрочем, немногочисленных, но всего более в руках князей великих и удельных, а также в обладании церковных учреждений, — монастырей и архиерейских кафедр. Сразу таким образом намечаются два класса, довольно резко различающихся между собою, — класс землевладельцев и класс безземельных земледельцев-арендаторов. При этом масса городского населения почти совсем не отличалась от населения сельского, с XIV века получившего название крестьян: и посажане, т.-е. жители посадов, и крестьяне, т.-е. сельские обыватели, одинаково были по преимуществу землепашцами.

Нельзя отрицать таким образом образования на удельном северо-востоке России несравненно более резкого классового расчленения общества, чем то было в X, XI и XII веках. Это не могло не отразиться и на сословном делении. Вообще

говоря, зародыши такого деления сильно развились в удельный период в бассейне Оки и верхней Волги, хотя, впрочем, это развитие далеко не было полным и законченным, а главное — не было всесторонним. Чтобы убедиться в этом, надо подвергнуть детальному изучению отдельные группы общества того времени, определяя их юридическое положение,—права, которыми они пользовались, и обязанности, каким подвергались.

Первую социальную группу составляли тогда *бояре и слуги вольные*. Из числа слуг вольных, по крайней мерес конца XIII века, выделяются *окольничие*, непосредственно примыкающие к высшему слою—боярам, так что первоначально окольничие также назывались боярами. Более дробного деления всех этих *служилых людей* на чины в изучаемый период не было; даже звание окольничего было сначала не чином, а должностью: оно означало боярина, находившегося постоянно при князе.

Не подлежит, конечно, прежде всего сомнению то обстоятельство, что все служилые люди без различия отдельных групп были лицами свободными и граждански правоспособными. Все их личные права признавались и ограждались обычаем или законом. Лишение жизни, причинение вреда здоровью, оскорбление чести боярина, окольничего, слуги вольного были наказуемыми деяниями, как то показывает, между прочим, такой законодательный памятник, как уставная Двинская грамота [1]). Этого мало: договорные грамоты различных князей между собою торжественно провозглашают еще одно весьма важное право служилых людей, — право отъезда, т.-е. право переходить от одного князя на службу к другому: „а бояром и слугам межи нас вольным воля“ — вот стереотипная фраза, повторяющаяся в княжеских договорах XIV века; это признает, напр., Дмитрий Донской со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем в 1362 году [2]). Чрезвычайно важно, однако, сейчас же отметить, что все перечисленные только что личные права не составляли особенности служилых людей, а были также свойственны и посажанам, и крестьянам: свобода, жизнь, здоровье и честь лиц, принадлежавших к этим двум последним социальным

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 13.
[2]) Собр. Гос. Грам. и Догов., т. I, № 27.

группам, также ограждались юридическим обычаем и писанным законом, поскольку такой закон существовал; и посажане, и крестьяне, как увидим скоро, пользовались также свободой перехода. Следовательно, специальным сословным правом бояр и слуг вольных нельзя признать личную свободу и гражданскую правоспособность. Необходимо, впрочем, несколько оговориться: зародыши некоторых привилегий в данной сфере уже наблюдаются. Именно: уже в Двинской уставной грамоте конца XIV века вознаграждение за бесчестье полагается „по отечеству", т.-е. по степени знатности происхождения [1]). Этим подчеркивается, несомненно, сложившийся уже до известной степени принцип знатности происхождения, „великой породы", как говорили позднее.

Гораздо важнее и обширнее были имущественные права бояр и слуг вольных. Речь идет, конечно, не о правах на вещи движимые, одинаковых для всех общественных групп, а о правах на недвижимость, главным образом на землю. Нам уже известна экономическая сторона истории землевладения на русском северо-востоке в удельное время, известно, как под влиянием торжества земледелия над другими отраслями промышленности произошло „окняжение" и „обоярение" земли. Было указано в свое время также и на то, что дело не сводилось к одному лишь фактическому сосредоточению массы земель в руках князей, бояр, слуг вольных, монастырей и архиереев: крестьяне не только были фактически обезземелены, но и юридически ограничены в своих правах распоряжения остатками так-называемой „черной" земли, не имели права отчуждать ее. Уже в 1388 году запрещалось покупать земли черных людей [2]). Этим проводилась, как сейчас увидим, весьма резкая разграничительная черта между крестьянскими правами на недвижимость и поземельными правами служилых людей. Чтобы определить пространство владельческих прав на землю у служилых людей, необходимо различать два вида их земельного владения, — поместье и вотчину. Вотчина — полная собственность, во многом соответствовавшая по своей юридической природе западно-европейскому аллоду. Вотчиннику принадлежали прежде всего весьма широкие права пользования своей вотчиной: он мог изменять так или иначе вид этой вотчины

---

[1]) Акты Археогр. Эксп, т. I, № 13.
[2]) Собр. Гос. Грам. и. Догов., т. I, № 33.

(напр., обращать ее всю или часть ее под барскую запашку, сдавать на оброк и т. д.), пользоваться ею по своему усмотрению как на поверхности земли, так и в ее недрах, а также лесами и водами в пределах вотчинного имения. Затем вотчинникам принадлежали права распоряжения своими имениями, так что они могли их продавать, закладывать, менять, дарить, отдавать в монастыри на помин души [1]). Важно при этом отметить, что все эти вещные права принадлежали в изучаемый период не семейному союзу, а отдельному лицу. Остатком старины в этом отношении надо признать только обычай выкупа родовых вотчин родственниками продавца или залогодателя [2]). Что касается способов приобретения вотчин, то они были на северо-востоке удельной Руси довольно разнообразны: к старому, наиболее распространенному, если не единственному в киевской Руси, способу — заимке или захвату пустых земель—присоединились теперь пожалование от князей, прием в дар, покупка и мена у других вотчинников, в том числе и у князей и, наконец, давность владения: при Василии Димитриевиче была установлена давность для исков о земле в 15 лет [3]). Все это, несомненно, свидетельствует о небывалом прежде развитии вещного права, совершившемся под непосредственным влиянием торжества земледелия, привязавшего людей к земле, сделавшего последнюю чрезвычайно ценной и превратившего ее в предмет разнообразных юридических сделок. На то же развитие вещных прав указывает и появление поместья, идея которого в чистом своем виде исключала совершенно возможность какого-либо распоряжения землей со стороны помещика, и мы действительно в течение всего удельного периода наблюдаем это отсутствие права отчуждать поместную землю [4]). Но права пользования принадлежали владельцу поместной земли во всей их полноте, не подвергались ограничениям. Источником поместного права в изучаемый период было пожалование от крупного землевладельца, — князя, монастыря, архиерея или даже от простого боярина. Примером княжеского пожалования может служить известный уже нам из духовной Ивана Калиты 1328 года

---

1) Неволин, Собрание сочинений, т. III.
2) Там же.
3) Там же.
4) Там же; ср. Лакиер, О вотчинах и поместьях.

факт получения поместья Борисом Ворковым [1]; позднее в тверской писцовой книге 1548 года встречаем военных „послужильцев“ частных людей — князей Микулинских, Голицына, Мстиславского, Курлятева, Оболенского, Серебряного, Ростовского-Щепина, Лопатина, Борисовых, Морозова, Умного, Пятого-Новошина, Яхонтова, Житого, Заборовского [2]; по Курбскому издавна был такой обычай: „на церковной земле многие мужи благородные светлых родов имения мают, во время мирное епископам служат, а егда брань належит от супостатов окрестных, тогда и в войску христианском бывают“ [3]. Само собою разумеется, что поместное право сложилось лишь в самых общих, главных чертах, юридические же его оттенки, тонкости и подробности — дело более позднего времени. В первоначальной, удельной стадии своего развития поместье, как было уже сказано, тожественно с западно-европейским бенефицием.

Таковы были **гражданские** права служилых вотчинников и помещиков в бассейне Оки и верхней Волги в удельное время. Но содержание вещного права в то время было несравненно шире, чем теперь: оно захватывало и сферу прав, которые теперь носят наименование **политических**: обладание землей — все равно на поместном или на вотчинном праве — обусловливало собою и принадлежность помещику или вотчиннику прав суда над всеми жителями его имения и сбора податей с них. Это засвидетельствовано множеством жалованных грамот — несудимых, тарханных и льготных, которые дошли до нас от удельного периода. Князья московские, рязанские, тверские, можайские, белозерские и т. д. одинаково давали их своим вольным слугам и боярам. В древнейших грамотах судебные и податные льготы отличаются наибольшей широтой: княжеские чиновники не должны въезжать в имение владельца „ни по что“, не судят людей, там живущих, ни в чем, не собирают никаких податей, пошлин, кормов и поборов [4].

---

1) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I., № 21.

2) Лаппо, Тверской уезд в XVI в.

3) Сказания Курбского, в изд. Устрялова; его „История князя великого Московского“.

4) См., напр., Акты Историч., т. I, №№ 3, 15 и др.

Не следует думать, что дача жалованных грамот князьями свидетельствует о происхождении всех этих преимуществ из княжеского пожалования; жалованные грамоты только формулировали давно сложившийся и господствовавший обычай и подтверждали, укрепляли права, подобно тому как теперь всякое вещное право нуждается в нотариальном акте укрепления. Что политические права в удельное время срастались с владельческими, поземельными, — это видно из целого ряда данных. Еще в грамоте князя Мстислава Юрьеву монастырю XII века дань, виры и продажи, т.-е. сбор налогов и суд, слиты с землевладением [1]). То же видим в грамоте XIV века — Ольгову монастырю в Рязанском крае [2]); в одном судном деле XV века кистемские бояре (в Белозерском крае) заявляют: „та деревня из старины тянет судом и данью к нам" [3]): здесь основанием судебных и податных привилегий является не княжеское пожалование — иначе на него сослались бы, — а давность, старина, обычай. В том же XV веке встречаем акты, по которым к деревне „исстари тянут" не только „хлеб земляной" (т.-е. посеянный, но еще не сжатый), но и „душегубство и татьба" [4]); вотчинник того времени ставил рядом в свой доход „татины рубли" и „хлеб земляной" [5]). Наконец, с XIV века в Московском княжестве начинают появляться служебные князья, ростовские, ярославские, белозерские и другие. Эти титулованные служилые люди, прежде самостоятельно правившие своими уделами, сохранили уделы в своих руках в виде вотчин и теперь и вместе с тем удержали и ряд политических прав: они не только судили всех, кто жил в их вотчинах, и собирали с них подати и пошлины, но и выдавали несудимые и тарханные грамоты. Еще в XV веке мелкие служебные князья Вологодской и Белозерской областей, как князья Бохтюжские и Карголомские, раздают грамоты [6]). Привилегии служебных князей утверждались великим князем московским, принимавшим их к себе на службу, но отсюда нельзя выводить происхождение этих привилегий из пожалования великого князя. Не надо только преувеличивать зна-

---

[1]) Владимирский-Буданов, Хрест. по истории русского права.
[2]) Акты Историч., т. I, № 2.
[3]) Федотов-Чеховский, Акты, относ. до гражд. распр., т. I, № 13.
[4]) Дювернуа, Источники права и суд в древней России, стр. 46.
[5]) Там же.
[6]) Павлов-Сильванский, Иммунитет в удел. Руси, стр. 46.

чение и объем податных и судебных привилегий удельного времени, почему и не следует говорить о «феодальных отношениях» в удельной Руси: даже служебные князья не обладали полнотой суверенных, государственных прав: монета чеканилась не ими, а удельными самостоятельными князьями, и, кроме того, у них не было права войны, иностранных сношений, права на непременное участие в законодательных съездах и суда пэров, а между тем все эти права составляют непременную принадлежность феодального порядка в развитом, сложившемся виде. Судебные и податные привилегии можно назвать только иммунитетом, а иммунитет, как и бенефиций, являются лишь одним из зародышей феодализма. Феодальных отношений в удельной Руси и в социальном отношении, как и в экономическом, не было, были налицо только их элементы, не вышедшие из первоначальной стадии развития.

Политические права, свойственные служилым людям удельного периода, не ограничивались, однако, судебными и податными привилегиями, вытекавшими из землевладения. Помимо этих привилегий, тогда начала слагаться наследственность некоторых должностей, — нам известна, по крайней мере, наследственность должности тысяцкого. В Тверском великом княжестве тысяцкими были последовательно внук, правнук и праправнук боярина Бориса Федоровича Полового. В Москве еще при Иване Калите должность тысяцкого занимал Протасий, предок Вельяминовых, а после него тысяцкими были его потомки, пока в 1374 году не умер тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов [1]). Однако, и в этом отношении наблюдается только зарождение известных отношений и порядков, которые без особого труда разрушались враждебными им силами. Лучшим доказательством этого служит история уничтожения наследственности должности тысяцкого в Москве. Когда в 1374 году умер В. В. Вельяминов, то великий князь Дмитрий Донской назначил тысяцким лицо из другой фамилии. Сын покойного Иван Вельяминов, считавший, очевидно, такое назначение нарушением своего неотъемлемого права, бежал в Тверь, а потом в Орду, с целью поднять тверского великого князя и татарского хана на Дмитрия. Но затем он был схвачен и казнен, и хотя народ,

---

[1]) Соловьев, История России, т. III, М. 1870, стр. 331; т. IV, стр. 193.

присутствовавший при казни, плакал „о благородстве и величестве его“, но наследственность должности тысяцкого в Москве была окончательно уничтожена [1]).

Такой же зачаточный характер имело и развитие корпоративных прав служилых людей на удельном северо-востоке. Мы разумеем здесь постепенное образование круга постоянных советников князя в деле управления. Но рассмотрение этого процесса удобнее отложить до изучения политического строя.

Быть может, однако, на-ряду с правами на служилых людях лежали и какие-либо обязанности? Об одной из таких обязанностей мы уже говорили: это была обязанность военной службы. Надо только заметить, что обязанность воевать или „садиться на конь“, как тогда говорили, не была, по общему правилу, принудительной, а, напротив, являлась результатом свободного соглашения, договора с князем: можно было владеть вотчиной в уделе одного князя, а жить в уделе другого и служить этому последнему; можно было, как мы знаем, не лишаясь вотчин, переходить от одного князя на службу к другому: в XIV веке князья обязывались между собою при отъезде боярина в села его не вступаться [2]). Только одна военная обязанность лежала на всех вотчинниках известного княжества, именно повинность „городной осады“, т.-е. обязанность защищать город, в уезде которого лежит вотчина: „а городная осада, где хто живет, тому туто сести“, читаем в княжеских договорах. Впрочем, и здесь допускается исключение: „опроче путных бояр“, прибавляют иногда договоры; путными боярами назывались бояре, ведавшие дворцовые пути, т.-е. отрасли дворцового княжеского хозяйства, — конюший путь, ловчий, сокольничий, чашничий пути. Впрочем, вполне свободные служебные отношения военного слуги к князю были возможны лишь до тех пор, пока не установился обычай раздавать земли таким слугам в поместное владение. Поместье, как известно, давалось под непременным условием службы, и перспектива, лишения поместной земли, конечно, в значительной степени стесняла право отъезда, не уничтожая его, впрочем, принципиально. Как бы то ни было, пока существовало право

---

[1]) Там же, т. III, стр. 354.
[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, №№ 31, 33, 35.

отъезда, обязанность военной службы не могла быть обременительной для бояр и слуг вольных.

Не более обременительной была для них и другая обязанность — платить подати. Княжеские договоры XIV века говорят о праве князей „дань взяти" с бояр и слуг вольных [1]). Но самая форма, в какой выражается это княжеское право, указывает на его непостоянство, на то, что такие сборы были экстренными, исключительными явлениями. Вот что, напр., гласит договор Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем 1388 года: „а коли ми взяти на своих боярех на больших и на путных, тогды ти взяти так же по кормленью и по путем" [2]).

Итак, права служилых людей были несравненно значительнее их обязанностей и не вытекали из последних, имели большею частью самостоятельное происхождение и значение. Они, однако, не сложились в стройную и разработанную систему, находились в периоде образования.

Однако, уже в XIV веке наблюдаются ограничения имущественных прав служилых людей. Тогда именно запрещалось боярам и слугам вольным покупать села и держать холопов и закладней в уделах князей, на службе которых они не состояли [3]). Тогда же запрещено было им покупать земли данные, т.-е. обложенные данью, служни, т.-е. принадлежавшие невольным слугам князей, а также и земли людей черных [4]).

Особое положение занимали в удельной Руси так-называемые „слуги под дворским", т.-е. дворцовые слуги великих и удельных князей, в среде которых очень значительный элемент составляли несвободные люди, холопы. Главная особенность в их положении заключается, как мы имели уже случай убедиться, в невозможности для них отчуждать свои земли в руки бояр и слуг вольных. Повидимому, и первообраз временного и условного владения землей, поместья, сложился именно в пределах княжеского дворцового хозяйства. Наконец, правом отъезда слуги под дворским не пользовались [5]).

Вторую обширную социальную группу составляли люди черные, подразделявшиеся на посадских, или горожан, и

---

[1]) Там же.
[2]) Там же, № 33.
[3]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, №№ 31, 33, 35.
[4]) Там же.
[5]) Ключевский, Курс русской истории, ч. I.

сирот, или крестьян, т.-е. сельских обывателей. Как ни мало было юридических и экономических различий между сельским и городским населением в то время, все-таки необходимо из состава посадских людей выделить небольшой верхний слой богатых купцов — гостей, которые юридически и экономически до некоторой степени приближались к служилым людям. Мы имеем, напр., известие, что в 1371 г. в Нижнем-Новгороде жил богатый гость Тарас Петров, который купил у великого князя вотчину, — 6 сел за рекой Кудьмой [1]). Надо думать, что эта купеческая вотчина в юридическом отношении ничем не отличалась от вотчин бояр и слуг вольных, так что все сказанное о служилых вотчинах применимо и к ней. Однако, такие явления, несомненно, были отдельными исключениями, потому что, при господстве натурального хозяйства, при крайней слабости обмена, внутренней и внешней торговли, количество купцов было невелико, и из них очень немногие наживали сколько-нибудь крупные капиталы и приобретали более или менее значительные земельные владения.

За исключением сейчас отмеченного небольшого верхнего слоя городского населения, вещные права всех черных людей — городских и сельских — были, как нам уже известно, в изучаемый период несравненно более ограниченными, чем владельческие права служилых людей. Черные люди были в сущности только бессрочными арендаторами земли того князя, в уделе которого они жили, и потому правом распоряжения землей они не пользовались, не имели также и иммунитета. Выше было уже указано, что личные гражданские права посадских людей и крестьян были в удельное время в северо-восточной Руси не меньше соответствующих прав бояр и слуг вольных, и что к числу этих прав принадлежало также право свободного перехода от одного землевладельца к другому. Юридическим выражением этого служили договорные отношения крестьян к землевладельцам, формулировавшиеся особой так-называемой „порядной“ грамотой. Право свободного перехода крестьян засвидетельствовано, кроме порядных грамот, и другими актами, напр., духовной грамотой князя Владимира Андреевича в XIV веке [2]).

---

[1]) Соловьев, История России, т. IV, М. 1871, стр. 235.
[2]) Собр. Гос. Грам. и Догов., т. I, № 40.

Говоря о правовом положении крестьянства в XIII и XIV веках, необходимо заметить, что в то время наблюдаются первые слабые признаки будущего крепостничества. Прежде всего мало-по-малу устанавливается мысль, что крестьяне составляют необходимую принадлежность имения. Утверждению такой мысли содействовала главным образом задолженность крестьян. Вследствие их задолженности имения отчуждались вместе с „крестьянским серебром", т.-е. с долгами, лежавшими на крестьянах, а следовательно, и с самими должниками, „со крестьяны", как прямо говорят акты отчуждения земель [1]).

Затем в духовных и договорных грамотах князей XIV века начинают появляться условия, касающиеся людей данных, черных, письменных, численных или числяков и тяглых. Все это—выражения синонимические, имеющие в виду людей одинакового состояния, тех же крестьян. Князья обязываются в древнейших грамотах этих людей „блюсти сообща" [2]), потом „промеже себя не принимать в свои уделы" и „в службу не приимати" [3]). Таким образом письменные или данные люди, приписанные к тяглу, т.-е. платящие подати и отбывающие повинности, не лишаются прямо свободы перехода, но эта свобода стесняется посредством взаимного уговора князей не принимать их в свои уделы из чужих.

Весьма важно появление закладней, людей, „задавшихся" за кого-либо, отдавшихся под чужое покровительство и защиту [4]). Это совершенное подобие западно европейских коммендатов (commendati). Таким образом недоразвившимся формам экономического феодализма в России соответствовали и в области социальных отношений такие же незаконченные феодальные формы. Что касается половников, упоминаемых в некоторых грамотах, то можно считать установленным, что это была форма переходная от натуральной аренды исполу (из половины или вообще какой-либо формы урожая) к наемному земледельческому труду [5]).

---

1) Ср. напр., Рус. Историч. Библиотека, т. II,, № 8.

2) Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. I, №№ 34, 35 и др.

3) Там же.

4) Павлов-Сильванский, Закладничество-патронат, „Зап. Рус. Археол. Общ", т. IX, вып. 1 и 2, стр. 193, 195. См. его же, Феодализм в др. Руси.

5) Дьяконов, Очерки из истории сельского населения в Моск. гос., Спб. 1898, стр. 152; Рожков, Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 162—164.

Остается прибавить несколько замечаний о холопах в удельной северо-восточной Руси. Состояние холопов в это время стало подвергаться заметной дифференциации сравнительно с предшествующим периодом: появились новые группы, по своему значению приближавшиеся к людям полусвободным и даже вполне свободным. Из таких групп особенно важны две—люди кабальные и холопы докладные. Кабальными людьми назывались лица, сделавшие заем и обязавшиеся особым письменным актом—„служилой кабалой"—за проценты по этому займу „служить" кредитору „по вся дни во дворе" его [1]). Докладными холопами назывались холопы, „давшиеся на ключ, а по ключу и в холопи", т.-е. продавшиеся в неволю для службы в ключниках или приказчиках [2]). Юридическая природа обоих этих состояний точнее определилась лишь в последующее время, в период существования Московского государства, почему детальный их анализ будет произведен позднее. Но и в числе холопов полных можно наблюдать в удельной северо-восточной России деление на несколько групп. „Полными" назывались в данное время на северо-востоке такие же вполне несвободные люди, которые раньше назывались холопами „обельными", а в Новгороде носили наименование „одерноватых". Среди них прежде всего выделялись „большие" холопы, т.-е. княжеские и боярские приказные люди,—ключники, посельские, тиуны. Остальная масса рядовых холопов носила название холопов „меньших" [3]). Кроме того, выделялись еще особые группы такназываемых „ордынцев" и „делюев". Ордынцами назывались пленные, выкупленные в Орде великим князем московским и поселенные на княжеских землях [4]). Делюи, по всей вероятности, были предками деловых людей, т.-е. холопами, работавшими на барской пашне или занимавшимися ремеслами, но сначала обыкновенно жившими на господском дворе, а не особо. Источники холопства были: рождение в холопстве, женитьба на рабе или замужество за раба, продажа, обращение

---

[1]) Ключевский, Происхождение креп. права в России, „Рус. Мысль" за 1885 г., № 8, стр. 16—18.

[2]) Ключевский, Подушная подать и отмена холопства в России, „Рус. Мысль" за 1886 г., № 10, стр. 1.

[3]) Там же, № 9, стр. 79.

[4]) Соловьев, История России, т. IV.

в рабство за долги. Что касается юридического положения полных холопов, то оно мало изменилось сравнительно с предыдущим периодом. Личность холопов признавалась весьма слабо: правда, духовенство настаивало на ее признании, и человек, убивший чужого холопа, подвергался ответственности, но убийство собственного раба было попрежнему ненаказуемо: уставная Двинская грамота прямо говорит, что если господин ударит своего холопа так, что он умрет („огрешится, а случится смерть“), то наместники за это не судят и за вину ничего не берут [1]). Но холоп мог владеть имуществом, если господин допускал это: до нас дошла от XV века дарственная запись одного холопа; в одной закладной 1529 года можно наблюдать любопытный факт общего займа господина с рабами; обычай признавал за холопами даже право на земельные участки, данные им господином, и по этим участкам они имели право вступать в обязательства даже со своим собственным господином [2]). Заметим, что в литературе высказано мнение, будто холопы владели землей сообща и переделяли периодически ее между собою, подобно крестьянам при современном мирском или общинном землевладении [3]). Но, подобно тому, как следов мирского землевладения не найдено в удельное время у крестьян, их нечего искать и у холопов. Дело в том, что указанное мнение опирается на текст одного акта XVI века, где сказано, что в имении есть людские, т.-е. холопские, дворы, „а пашня содного“ [4]), т.-е. вместе, не поделена. Но этот текст нельзя объяснить в смысле мирского землевладения у холопов, потому что в одном завещании начала XVI века трое половников оказываются работающими на одной пашне с холопом [5]); половники здесь наемные рабочие, обрабатывающие господскую пашню; там же работал, очевидно, и холоп, почему у них и была „пашня содного“. О барской пашне говорит, очевидно, и текст завещания, на котором пытаются обосновать мнение о форме холопского землевладения, подобной нынешнему мирскому земле-

---

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 13.

[2]) Ключевский, Подушная подать и отмена холопства в России, „Рус. Мысль“ за 1886 г., № 9, стр. 88.

[3]) Там же стр. 80.

[4]) Моск. Архив Мин. Юст., грам. колл. экон., Муромск. у., № 7753.

[5]) Акты Юридич., № 414; ср. Рожков, Сельск. хоз. М. Руси, стр. 155—157.

владению. Наконец, надо заметить, что холопы, будучи об'ектами гражданского права, игнорируемыми правом государственным, не несли в удельное время тягла: княжеские договоры XIV и XV веков прямо говорят: дань „на полных холопех не взяти“ [1]).

До сих пор у нас шла речь о юридическом положении лиц мужского пола, принадлежавших к различным социальным группам. Необходимо теперь сказать несколько слов о юридическом положении женщины. О женщине рабе говорить нечего, потому что она юридически ничем не отличалась от холопа. Свободная женщина имела все гражданские права— личные и имущественные. Ее имущественные права даже расширились сравнительно с киевским периодом: тогда как прежде ее права наследования были в некоторых отношениях ограничены—речь идет о классе смердов,—теперь эти ограничения отпали. Имущество жены считалось отдельным от имущества мужа; допускались даже гражданские сделки по имуществу между мужем и женой [2]). Однако, без согласия мужа жена не имела права продавать свое приданое [3]). Но, вообще говоря, было бы ошибочно считать свободную женщину удельной Руси лицом с ограниченной правоспособностью: ее юридическое положение было почти во всем равно с положением мужчины, а честь ее ограждалась даже сильнее, чем честь мужчины [4]).

Переходя к характеристике политического строя северо-восточной Руси, нельзя прежде всего обойти молчанием одно общее явление, свойственное всей России того времени: политическое единство всей страны, которого раньше фактически достигали отдельные князья, к началу XIII века рушится, исчезает. Россия распадается на ряд отдельных частей, политически независимых, самостоятельных, при чем каждая из них становится владением одной линии княжеского рода. Это раньше всего произошло с землями Полоцкой, Галицкой и Черниговской, потом также со Смоленской и Волынской, одновременно с которыми особо выделилась и северо-восточная Ростовско-Суздальская земля, ставшая достоянием потомков

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., I, №№ 33, 35 и др.
[2]) Неволин, История росс. гражд. законов.
[3]) Там же.
[4]) Там же.

Всеволода III, прозванного за многосемейность „Большое Гнездо“ [1]). Этот крупный общерусский факт служит одним из важных оснований для наименования всего периода вотчинным или удельным и дает—на ряду с другими явлениями, о которых ниже, повод сближать удельный порядок с феодализмом, характеризуемым, между прочим, именно распадом власти и территории на обособленные части, на независимые единицы. В частности, следует подчеркнуть и почти полную самостоятельность Новгорода. Правда, князья с Андрея Боголюбского, Всеволода III, Ярослава Всеволодовича изъявляли притязание считать Новгород привеском к великому княжению Владимирскому, необходимою составною частью последнего [2]), но то были притязания, не всегда оправдывавшиеся на деле и не признававшиеся, как увидим в свое время, новгородской вольной общиной [3]).

Затем, изучая порядок княжеского владения специально в северо-восточной Руси в потомстве Всеволода III с начала XIII до конца первой четверти XIV века, надо обратить внимание на преемство великокняжеского владимирского стола.

Следует признать, что здесь в общем и целом господствовало в это время начало старшинства: кто был старшим во всем роде Всеволодовичей, тот и получал великое княжение владимирское. Были отступления, но их было немного, и они оказывались непрочными: скоро торжествовала общая норма. Сам Всеволод III нарушил было старшинство, передав Владимир и великое княжение не старшему своему сыну Константину, а второму—Юрию, но после сражения при Липице в 1216 году Константин восстановил свои права, и только после его смерти великим князем владимирским сделался Юрий. Юрию Всеволодовичу, погибшему в битве с татарами на реке Сити, наследовал во Владимире по старшинству следующий брат, Ярослав, преемником которого был в свою очередь последний сын Всеволода Святослав. Внуки и правнуки Всеволода III также соблюдали старшинство. Правда, по смерти Ярослава Всеволодовича в 1249 г. татарский хан отдал старшему его сыну Александру Киев, а второму—Андрею—

---

[1]) Ср. Пресняков, Образование Великорусского государства, Петрогр. 1918, стр. 47.

[2]) Там же, стр. 40 и др.

[3]) Там же, стр. 50, 70—72, 111 и др.

Владимирский стол, так что старшинство было нарушено, но опять-таки ненадолго: уже в 1252 году великое княжение Владимирское было передано Александру Ярославичу Невскому, восстановившему таким образом принцип старшинства, который сохранялся и после него: преемником Александра Невского был брат его Ярослав Тверской, потом следующий брат Василий Костромской, далее старший из правнуков Всеволода III Дмитрий Александрович. Дмитрию пришлось, правда, бороться с младшим братом Андреем, причем оба опять искали опоры у хана, но Андрей стал великим князем только уже по его смерти. После Андрея в 1304 г. великое княжение получил по старшинству Михаил Ярославич Тверской, с которым вступил в борьбу Юрий Данилович Московский и был утвержден на великокняжеском столе с нарушением старшинства, что дает повод некоторым исследователям утверждать, что потомки Александра Невского старались опереть свои притязания на великокняжеское положение на вотчинный принцип, рассматривали великокняжеский стол, как наследственное достояние Александровичей [1]). Однако, Юрий недолго удержался: хан заменил его Дмитрием Михайловичем Тверским, а по насильственной смерти обоих соперников в Орде великое княжение досталось по старшинству Александру Михайловичу Тверскому.

Но великий князь владимирский не был единственным великим князем на русском удельном северо-востоке. Кроме него были еще другие великие князья и много князей удельных. Оставляя пока в стороне вопрос о взаимоотношениях их по власти, установим те начала, какими определялся порядок княжеского владения.

В этом отношении уже в XIII веке, как и позднее, наблюдается торжество начала отчины или вотчины, т.-е. наследования волости от отца сыновьями [2]). Так, напр., вотчиной потомства старшего из Всеволодовичей Константина сделалось Ростовское княжество: после смерти Константина здесь княжил его старший сын Василько, которому в свою очередь наследовал его сын Борис [3]). Или вот порядок наследования рязанского стола в XIII и XIV веках: в начале

---

[1]) Пресняков, Образование Великорус. государства, стр. 116.
[2]) Соловьев, История России; Ключевский, Курс русской истории.
[3]) Корсаков, Меря и Ростовское княжество.

XIII в. здесь княжил Ингварь Игоревич, потом Олег Ингваревич, далее Роман Ольгович, а затем Федор Романович, у которого не осталось потомства, почему в Рязани стал княжить его двоюродный брат Константин Романович; Константину наследовал его сын Василий, умерший бездетным, так что рязанский стол достался его двоюродному брату Ивану Ярославичу; последний передал этот стол своему сыну Ивану Ивановичу Короткому, преемником которого был в свою очередь сын его Олег Иванович, современник Дмитрия Донского [1]). Количество примеров можно было бы увеличить при желании до каких угодно пределов. Факты постоянно говорят нам о господстве вотчинного начала в наследовании княжеских столов, так что надо без колебания признать это начало утвердившимся прочно. Так как княжеские владения получили в XIV веке название уделов, то и весь порядок княжеского владения в XIII и XIV веках на северо-востоке России принято именовать удельным.

В последнее время сделана попытка сблизить удельное или вотчинное владение княжествами с крестьянским долевым землевладением, о котором у нас шла речь выше. Черты сходства указываются следующие: во-первых, духовная отца, которою передавалась вотчина, была не завещанием в смысле римского права, т.-е. не личным распоряжением отца по его усмотрению, а разделом семейного имущества между готовыми, законными наследниками, семейным договором, „рядом"; во-вторых, выморочный удел бездетного князя возвращался в семейное владение для раздела между братьями; в-третьих, допускался частичный передел для сохранения пропорционального соотношения размеров долей; в-четвертых, были и случаи совладения, нераздельного владения вотчиной всеми князьями-братьями [2]).

Из этих сближений наиболее слабо обоснованным является последнее: „поряд" Юрия и Константина Всеволодовичей [3])— не совладение, а специальное соглашение, не всегда и действовавшее, как видно из того, что Юрий иногда распоряжался один [4]); Дмитрий и Константин Борисовичи в Ростове

---

[1]) Иловайский, История Рязанского княжества.
[2]) Пресняков, Образование Великорусского государства.
[3]) Там же, стр. 39.
[4]) Там же.

в 1278 г. просто поссорились при делении, и позднейшее их будто бы совместное княжение там—голое, ни на чем не основанное предположение[1]); то же надо сказать о мнимом совладении пятерых Даниловичей в Московском княжестве[2]); наконец, не доказывают нераздельного владения и две грамоты тверских князей, сыновей Александра Михайловича, Тверскому Отрочу монастырю[3]): князья просто дали вместе общую жалованную грамоту монастырю для подтверждения его прав на землю во всех отдельных княжествах, между ними поделенных; относительно второй грамоты это не вызывает уже ни малейших сомнений, так как в пору ее издания выдел княжеских вотчин уже несомненно совершился[4]).

Итак, факт совместного, нераздельного, семейного владения вотчиной исключается: его не было. Уже это кладет резкую раздельную грань между княжеской вотчиной и крестьянским долевым владением[5]): княжеская вотчина уже по этой причине является более личной, чем семейной собственностью.

Придавать княжеской духовной значение „ряда“ Русской Правды можно и должно. Но отсюда еще далеко до порядков долевого наследования, где братья получали ведь р а в н ы е доли[6]), тогда как здесь, как и в Русской Правде, определение долей каждого сына—и в их размере и в конкретных составных частях—зависело от личной воли отца-завещателя. Очевидно, и „ряд“ Русской Правды и духовные князей все же ближе к римскому завещанию, чем крестьянское обычное право. Исчезает таким образом еще одна столь же важная, как и первая, черта, будто бы сближающая княжеское владение с крестьянским долевым. И это тем более верно, что мы выше, в случае с Всеволодом III, наблюдали прямое нарушение завещателем даже самого принципа старшинства.

Нельзя сказать, чтобы всегда выморочные уделы возвращались в семейное владение: это потом долго проводилось московскими князьями в их завещаниях, но, напр., Иван

---

1) Там же, стр. 96, 97.

2) Там же, стр. 162.

3) Там же, стр. 193.

4) Там же, стр. 193, прим. 2.

5) Ср. Е ф и м е н к о, Исследования народной жизни, т. I: Крестьянское землевладение на крайнем севере, стр. 207, 214 и др.

6) Там же, стр. 217 и др.

Дмитриевич, переяславский князь, умирая бездетным в 1302 г., „благослови в свое место“ князя Даниила московского [1]).

Остается только допущение частичного передела, опирающееся на те же завещания московских князей. Но и тут нет ничего общего с крестьянским долевым владением: там такие переделы не предусматривались в случае утраты части владения, как они, напротив, предусматриваются в княжеских завещаниях.

Наконец, в долевом владении важное значение имели продажа и залог долей чужеродцам с разрешения дольщиков или без разрешения. В княжеском владении об этом нет речи.

Таким образом вотчинный порядок княжеского владения был несравненно ближе к полной частной собственности, чем крестьянское долевое владение. Он уподоблялся не этому последнему, а частной служилой вотчине. И это понятно: здесь именно сказались господство земледелия и развитие вотчинной формы частного землевладения: и то и другое привязывало князей к определенной местности, потому что земледелие заставляло их затрачивать нередко весьма значительные капиталы на ссуды крестьянам и заботиться о населенности и плодородии земли, а принцип частновладельческой вотчины, полной собственности, сопряженной для землевладельца с правами пользования и распоряжения ею по своему личному усмотрению, давал готовую юридическую схему отношений князя к его княжеству. Так порядок княжеского владения отражает хозяйственные условия эпохи.

Чтобы покончить с вопросом о порядке княжеского владения русской землей в удельный период, остается отметить еще одно необходимое последствие этого порядка, логически вытекавшее из самой его природы: так как уделы наследовались, по завещанию отца, всеми сыновьями, то отсюда неизбежно происходила необыкновенная дробность деления на уделы, увеличивавшаяся с каждым поколением. Так, при сыновьях Всеволода III его владения распались на пять уделов: Владимирский, Ростовский, Переяславль-Залесский, Юрьево-Польский, Стародубский, а при его внуках уделов было уже 12: Юрьево-Польский и Стародубский остались неделимыми, а Владимирский разделился на Владимирский, Суздальский, Костромской и Московский; Ростовский—на

---

[1]) Пресняков, Образование Великорусского государства, стр. 89.

собственно Ростовский, Ярославский и Углицкий; наконец, Переяславский распался на собственно Переяславский, Тверской и Дмитрово-Галицкий. Позднее, в XIV и XV веках, дробление продолжалось и нередко доходило до крайностей: напр., Ростовское княжество распалось тогда на Ростовское и Белозерское, а Белозерское в свою очередь разделилось на Кемское, Судское, Сугорское, Ухтомское, Шелешпальское, Андожское, Вадбольское и т. д.; из Ярославского выделились уделы Моложский, Сицкой, Заозерский, Прозоровский, Кубенский, Курбский, Новленский, Юхотский, Бохтюжский, Пошехонский [1]).

Говоря о взаимных отношениях князей в начале удельного периода, до XIV века, необходимо различать факт от права: князья сильные часто фактически распоряжались в чужих княжествах и даже вмешивались в дело замещения княжеских столов, как то делали, напр., Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо, иногда Ярослав Всеволодович и Александр Невский, но юридически положение великого князя владимирского в то время было нисколько не более определенным и регулированным, чем то можно было сказать о князе в древнейшей России. Факты показывают, что в XIII веке князья были независимы друг от друга в деле управления внутреннего и во внешних отношениях, и считались между собой только старшинством происхождения, т.-е. определяли взаимные отношения лишь на основе кровной, не-государственной [2]). Так, когда Андрей Боголюбский, будучи недоволен Ростиславичами, которых он посадил в Киевской земле, пригрозил им изгнанием оттуда, то младший из них Мстислав объявил, что они не „подручники“, т.-е. не подданные, Андрея, а почитают его только как отца [3]). Или: в 1229 г. Юрий Всеволодович, видя, что его брат Ярослав Переяславский и племянники Василько, Всеволод и Владимир Константиновичи собираются начать войну против него, устроил съезд всех этих князей во Владимире и помирился с ними; они назвали его при этом „отцом и господином“, но не государем [4]). Наконец, по летописи, Батый сказал Ярославу

---

[1]) Ключевский, Курс русской истории, ч. I.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же.

Всеволодовичу, занявшему по старшинству Владимирский стол: „будь ты старший между всеми князьями в русском народе"; и здесь под старшинством нельзя разуметь чего-либо отличного от родового старшинства, потому что хан не снабдил Ярослава никакими особенными полномочиями [1]). Лучшим подтверждением юридической самостоятельности князей служит договорный принцип, т.-е. правило, в силу которого междукняжеские отношения регулировались договорами, где князья являлись совершенно равноправными сторонами [2]). Эта-то полная самостоятельность князей и дает больше всего право сближать удельный порядок с феодализмом и мешает причислить XIII и XIV века к предыдущему периоду.

Чтобы изобразить положение князя в удельной северо-восточной России во всей полноте, мы должны были бы теперь остановиться на вопросе о круге деятельности князей. Решение этого вопроса удобнее, однако, отложить до более позднего времени, рассмотрев сначала организацию управления во всех подробностях: только тогда действительная роль князя, как правителя, выступит для нас со всей ясностью. Лучше всего при этом начать снизу, с тех органов управления, которые теперь именуются областными или местными, и затем уже постепенно подниматься вверх, изучая последовательно учреждения, называемые в настоящее время центральными, и, наконец, верховные учреждения. Мы будем пользоваться и источниками XV века, поскольку они отражают более древние порядки и отношения.

Основными единицами областного деления в удельной Руси были уезд, стан и волость. Древнейшее из этих названий, несомненно, последнее. Мы видели, что „волостью" или „землей" еще раньше называлась область, тянувшая в административном отношении к городу. В изучаемое нами теперь время значение термина „волость" сильно сужается: так называется уже не вся область известного города, а обыкновенно лишь часть этой области, более мелкое деление [3]). Область же, тянувшая к городу, получила название

---

[1]) Там же.

[2]) Чичерин, Опыты по истории русского права.

[3]) Соловьев, История России; Градовский, История местного управления в России.

уезда, без сомнения, по той причине, что областные правители, жившие в городах,—древнейшие посадники, называвшиеся в удельное время наместниками, — уезжали в эту область для отправления функций, связанных с их должностью [1]). Станом называлось обыкновенно такое деление, в котором не было постоянного правителя, а наместник или его приказчик (тиун) лишь временно приезжал и останавливался там для исполнения своих обязанностей. Место этой временной остановки, а затем и самая область, к этому месту тянувшая, и стали называться станом [2]). Что касается относительных размеров станов, волостей и уездов, то они были различны: иногда станы приблизительно равнялись волостям, иногда включали в себе несколько волостей, иногда, наоборот, волость была больше стана, бывшего ее частью, более мелким подразделением [3]); уезд обыкновенно был самым крупным областным делением, но иногда и волости носили название уездов [4]): Встречается иногда и деление уездов на половины, происшедшее, повидимому, оттого, что бывали случаи поручения известного города с его областью не одному наместнику, а двоим, которые и делили уезд на половины, а затем это деление по традиции, по рутине, оставалось и позднее. Бывало, что уезды делились на трети и чети или четверти [5]). Наконец, и в удельное время и особенно в следующий период попадаются еще термины „засада“ и „осада“, обозначающие также известное областное деление иногда более мелкое, чем уезд, иногда крупнее последнего и всегда не совпадающее с ним [6]). Можно предполагать, что этими терминами означались округа, в которых „засели“ или „осели“ в древнее время первоначальные поселенцы, что, другими словами, засады или осады имели значение первоначальных колонизационных районов. Незаметно, чтобы эти деления в удельный период были административными, чтобы во главе их стояли какие-либо власти. Повидимому, если так когда-либо раньше и было, то уже утратилось в изучаемое нами время.

Переходя от областных делений к органам областной администрации, необходимо прежде всего остановиться на

[1]) Там же; Дмитриев, История судебных инстанций.
[2]) Градовский, История местного управления в России.
[3]) Там же.
[4]) Дмитриев, История судебных инстанций.
[5]) Там же.
[6]) Такое деление существовало, напр., в Костромском крае.

ведомстве важнейших из них—наместников (в уездах) и волостелей (в волостях). Мы будем иметь в виду при этом сначала только типические, характерные для начала и середины изучаемого периода явления, оставляя пока в стороне те существенные изменения, которые в данном отношении были произведены к концу удельного времени. Обратим прежде всего внимание на финансовую компетенцию наместников и волостелей. В нашей исторической литературе до недавнего времени большой популярностью пользовалось мнение, что наместники удельного периода пользовались в пределах территории, им подчиненной, всею полнотою княжеской власти. Но чем дальше подвигается вперед детальное изучение древне-русского управления, тем более укрепляется убеждение в том, что такой полнотой власти наместники не обладали. Это прежде всего, и, быть может, даже в наибольшей мере, относится к финансовой компетенции наместников. Прежде всего не подлежит сомнению, что, так сказать, нормативно-финансовая деятельность—установление новых налогов и пошлин и дарование податных льгот—выходила уже из круга ведения областной администрации [1]). Далее: еще в конце XI века, т.-е. в предыдущий период, мы наблюдали появление на Руси особых „данников“, собиравших прямые налоги того времени; следовательно, уже исторические предшественники удельных наместников, посадники, были отстранены от одной из важнейших функций финансового управления; это же приходится повторить и о наместниках, так как и в удельный период мы постоянно встречаемся с особыми „данщиками“, тожественными, очевидно, с более древними данниками [2]). Наконец, как увидим в свое время, распределение населения по окладным единицам и раскладка податей производились также еще в начале удельного периода особыми специальными органами управления. Спрашивается: что же остается из всей обширной области государственного хозяйства на долю наместников? Древнейший ответ на этот вопрос дан в духовной грамоте московского великого князя Семена Гордого 1353 года в следующих выражениях: „а хто моих бояр иметь служити у моее княгини, а волости имуть ведати,

---

[1]) Рожков, Происхождение самодержавия в России, М. 1906, стр. 23`
[2]) Неволин, Образование управления в России.

дають княгине моей прибытка половину" [1]). Итак, получение „прибытка" и передача половины этого прибытка князю — вот в чем состояли финансовые функции наместника в XIV веке. Прибыток, как показывают позднейшие уставные грамоты, а также и только что изложенные соображения, слагался, во-первых, из корма наместника, получаемого им прямо от населения, во-вторых, из некоторых торговых пошлин, в-третьих, из пошлин судебных и, наконец, в-четвертых, из свадебных пошлин [2]). За недостатком данных, трудно судить, насколько до конца XV века были точно фиксированы размеры всех этих доходов; вероятнее всего, корм не был точно определен — недаром и позднее при вступлении наместника в должность давали „кто что принесет" [3]), — но судебные, торговые и свадебные пошлины, надо думать, рано получили числовое определение, потому что следы этого можно наблюдать, как нам известно, уже в Русской Правде. Известно также, что в XV и XVI веках кормы наместников собирались не ими непосредственно, а старостами, которые и передавали их по принадлежности [4]). Так как старостам в более древнее время соответствовали сотские, несомненно, как скоро увидим, имевшие отношение к сбору налогов, то следует думать, что это ограничение наместничьей власти не было позднейшим фактом, а относилось и к началу удельного периода.

Таким образом уже в начале удельного периода и тем более в его середине, до XV века, финансовая компетенция наместников не была всеобъемлюща, можно даже сказать, что пределы ее не были особенно широки.

Несравненно обширнее была с у д е б н а я в л а с т ь наместников. Говоря вообще, можно признать эту власть в известной территории совершенно неограниченной: наместник судил в городе и станах, к нему тянувших, по всем делам без исключения, гражданским и уголовным, даже, вероятно, и по тем преступлениям, которые теперь называют государственными. До конца XV века не заметно ограничений судебной власти наместников в этом отношении. Так называемый „доклад" князю, т.-е. перенесение дела по собственной воле наместника

---

[1]) Собр. Гос. Грам. и Дог., т. I, № 24.
[2]) См. все уставные грамоты: напр., А. А. Эксп., т. I, № 123.
[3]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 123 и др.
[4]) Г р а д о в с к и й, История местного управления.

на княжеский суд, был вовсе необязателен, и не был определен сколько-нибудь точно круг дел, подлежавших докладу: все зависело тут от усмотрения самого наместника. Конечно, одна из тяжущихся сторон могла принести по всякому делу жалобу князю на приговор наместника и даже начать всякое дело непосредственно перед князем, минуя наместника, потому что не был установлен порядок инстанций [1]). Чтобы завершить характеристику судебной власти наместников, надо прибавить к сказанному, что в волостях, где управляли волостели, в дворцовых селах, где были свои дворцовые волостели и посельские, в вотчинах привилегированных землевладельцев—духовных и светских—наместникам принадлежал суд обыкновенно только по самым важным, так называемым „губным“, делам (от слова „губить“), именно по делам о душегубстве (убийстве), разбое и татьбе с поличным (т.-е. краже, при которой вор пойман на месте преступления). Иногда здесь юрисдикция наместников была даже уже, касалась только дел о душегубстве. Сами волостели, посельские, землевладельцы и их приказчики были изъяты из подсудности наместников и судились непосредственно у самого князя или у кого он прикажет в каждом данном случае [2]).

Второстепенное значение имеют другие функции наместников. Сюда относятся, во-первых, некоторые дела, получившие впоследствии название „разрядных“, и, во-вторых, немногочисленные и несложные полицейские обязанности. Что касается разрядных дел, то прежде всего надо указать здесь на снаряжение людей на военную службу, а затем на назначение наместниками тиунов, доводчиков, праветчиков, пошлинников и пятенщиков [3]). Все эти лица, значение которых будет скоро выяснено, были „людьми“ наместника, т.-е. назначались им из числа его собственных холопов и действовали по его поручениям. Они служили не государству, а своему господину [4]). Из полицейских обязанностей существовали только такие, которые возникали по специальному каждый раз распоряжению князя; таковы: починка строений на ямах, т.-е. почтовых станциях, отмерка земли к тем же ямам, чистка

---

[1]) Дмитриев, История судебных инстанций.
[2]) Там же; Градовский, История местного управления.
[3]) Дмитриев, История судебных инстанций
[4]) Там же.

дорог и починка и постройка мостов, исполнение судебных решений князя и его ближайших помощников [1]). Ни одного из этих дел наместник не предпринимал по собственной инициативе. Это была самая слабая и наименее развитая, вполне рудиментарная отрасль его деятельности.

Волостель был совершенно подобен наместнику, только его власть распространялась на одну лишь волость, в которой притом, как было сказано выше, губные дела ведал не волостель, а наместник [2]).

Ближайшими помощниками наместников и волостелей были их тиуны, вершившие по их поручению суд и получавшие с населения корм и известную долю в судебных пошлинах [3]).

Судебно-полицейское значение имели доводчики и праветчики или пристава, иногда называвшиеся также подвойскими. Доводчики ставили к суду ответчиков или давали их на поруки, т.-е. обязывали явиться на суд и требовали поручительства нескольких лиц в этой явке. Праветчики пристава или подвойские наблюдали за порядком во время судоговорения и исполняли судебные решения. Они получали поборы, соответствовавшие по значению кормам наместников, волостелей и тиунов, особые пошлины за исполнение своих специальных обязанностей — „хоженое“, если поручение им давалось в городе, и „езд“, если приходилось ехать в уезд, стан или волость, и, наконец, долю в некоторых судебных пошлинах [4]).

Помощниками наместников и волостелей в финансовых делах были назначаемые ими из своих людей пошлинники и пятенщики; первые собирали все вообще пошлины, поступавшие в пользу областной администрации, вторые собирали специальную пошлину, взимавшуюся при продаже лошадей,—так называемое „пятно“, получившее свое название от того, что продававшуюся лошадь „пятнали“, т.-е. налагали на нее клеймо. Кто стремился обойти это правило и уклониться от уплаты пятна, тот подвергался особому штрафу, называвшемуся „пропятенье“ и собиравшемуся также пятенщиком [5]).

---

[1]) Там же.

[2]) Там же; Градовский, История местного управления.

[3]) Там же.

[4]) Там же.

[5]) Там же.

Нам нечего прибавлять к сказанному отчасти теперь, отчасти при изучении предыдущего периода о ведомстве и значении данщиков и мытников: оно оставалось неизменным в удельный период сравнительно с более ранним временем.

Чтобы закончить речь о характерных, типичных чертах, областного управления в удельной северо-восточной Руси остается сказать несколько слов об участии в этом управлении выборных от населения,—старост или сотских, десятских и добрых людей. Сотских, которые хронологически предшествовали старостам, некоторые исследователи склонны выводить из татарского влияния, которому приписывают также при этом и образование волостной тяглой организации—волости или сотни [1]). Едва ли, однако, можно согласиться с таким взглядом, потому что сотские и десятские существовали и в киевской Руси и в Новгороде совершенно независимо от татарского влияния и гораздо раньше татарского ига. Они были представителями верви, волости, мира, общины. Мы видели уже, что сотские или старосты и добрые люли раскладывали и собирали наместничьи, волостелинские и тиуновы кормы, а также поборы праветчиков и доводчиков; они же производили раскладку и сбор других податей. Они несомненно участвовали также в суде наместников и волостелей, были свидетелями всего, здесь происходящего, следили за правильностью процесса и интересами сторон, были носителями юридического обычая. Что так было с начала удельного периода,—это видно из упоминания о них в одном судном деле XIV века [2]). Наконец, сотские или старосты и десятские ведали некоторые полицейские дела: они вывозили крестьян в черные волости с соблюдением установленных условий, оберегали население „от лихих людей, татей и разбойников“ и т. д. [3]).

Таковы были, насколько то позволяют рассмотреть наши источники, средства управления в областях удельной Руси до XV века. Посмотрим теперь, что им в то же время соответствовало в удельных центрах, где сидели сами князья, или, употребляя современное выражение, в центральном управлении.

---

[1]) Милюков, Спорные вопросы финансовой истории Моск. государства стр. 20—21.

[2]) Дмитриев, История судебных инстанций.

[3]) Там же.

Связующим звеном между изложением областного управления и характеристикой управления центрального может служить изображение порядков заведывания делами в стольном городе с ближайшими, тянувшими к нему, станами. К сожалению, мы можем судить об этих порядках только по управлению Москвой и московскими станами в XIV и XV веках.

Все сыновья московского великого князя владели Москвой после смерти отца сообща и держали в ней каждый своего наместника или судью. Фактически судил и управлял великий князь, который только делился доходом от суда с братьями, а когда великого князя в Москве не было, его функции целиком переходили к его наместнику, который, в отличие от судей или наместников удельных князей, назывался „большим наместником“ [1]). Мы видим, что эти порядки указывают на полную в то время неразличимость центрального и местного управления и на совершенную парализованность власти наместника в присутствии князя.

Присмотревшись ближе к составу и характеру ближайших помощников князя в его деятельности, мы поймем без труда причины такой неразличимости двух сфер администрации. В числе ближайших княжеских сотрудников прежде всего бросаются в глаза лица, известные нам уже в киевской Руси: таковы дворский или дворецкий, казначей, печатник, стольник. О характере и значении этих должностных лиц нам уже приходилось говорить при изучении предыдущего периода: то были хозяйственные слуги князя, которым, помимо их непосредственных хозяйственных обязанностей, князь временно поручал то или другое дело, имевшее государственное значение. То же надо сказать и о других, новых сотрудниках удельного князя: ловчий, сокольничий, конюший, чашник [2]) были также органами дворцового хозяйственного управления, для которых главным, основным делом, почти исключительно занимавшим их внимание, было заведывание бобровниками, псарями, сокольниками, лошадьми, конюхами, пчелами, питиями. Временными и случайными поручениями были поэтому те или иные государственные дела, которыми они иногда занимались. Это выражалось и в актах, исходивших от княжеской

---

[1]) Неволин, Образование управления в России.
[2]) Ключевский, Курс русской истории, ч. I.

власти, напр., в жалованных грамотах: даруя землевладельцам право суда в их имениях, князь удельного времени оговаривал обыкновенно, что самого землевладельца или его приказчика судит он сам, князь, или кому он прикажет. Здесь прямо и ясно указывается на полную неопределенность в составе центрального управления и на совершенную неорганизованность его ведомства: если сегодня князь „приказывал" известное дело дворецкому, то завтра он мог его же приказать казначею, ловчему, конюшему и т. д. На это не было никаких правил. Правда, в XV веке вместо выражения „сужу аз, князь, или кому прикажу" встречается обыкновенно другое: „сужу аз, князь, или мой боярин введеный" [1]), но от этого не произошло никакой перемены. В самом деле: что такое боярин введеный? Думали, что это—областные наместники, получавшие свои города с уездами в кормление и называвшиеся так в отличие от бояр путных, ведавших разные отрасли дворцового хозяйства или так называемые „пути" [2]). Но если бы это толкование было верно, то пришлось бы наместников поставить рангом выше, чем дворецкого, казначея и управителей путей, потому что введеные бояре назывались также боярами „большими" [3]). Притом источники показывают, что иногда введеными боярами назывались и начальники „путей". Это последнее наблюдение привело к другому мнению, по которому введеными боярами как раз и назывались начальники путей—сокольничий, ловчий, чашник, стольник, конюший, а также дворецкий и казначей [4]). Но, не отрицая, что все эти лица причислялись к боярам введеным, надо, однако, заметить, что ограничение ими одними состава бояр введеных противоречит источникам: до нас дошла, напр., одна грамота XV века, где боярином введеным назван костромской наместник, не заведывавший никаким путем [5]). Он был, однако, несомненно, большим боярином, потому что принадлежал к знатным литовским выходцам. Кажется, точнее будет сказать, что введеным или большим боярином назывался вообще всякий боярин, который, живя в Москве, принадлежал к кругу обычных советников князя;

---

[1]) См. все жалованные грамоты.
[2]) Соловьев, История России, т. V.
[3]) Ключевский, Боярская дума древней Руси
[4]) Там же.
[5]) Акты Историч., т. I, № 110.

он мог или управлять путем, или служить воеводой во время походов, или быть наместником в Москве или в других городах, или не иметь никакого специального поручения. Он потому и назывался введеным, что был введен в думу или княжеский совет. Если это объяснение верно, то оно как нельзя лучше показывает нам, какая неопределенность царила в XIV и XV веках в центральном управлении: между отдельными боярами введеными, круг которых был довольно широк, не были распределены и разграничены ведомства, все определялось временными и случайными поручениями князя.

В сущности, единственным зародышем центрального учреждения в удельное время была боярская дума. Существует два мнения о значении удельной думы: по одному, дума в то время была учреждением, ограничивавшим княжескую власть, участие в ее заседаниях было правом бояр, вытекавшим из их права свободного перехода от одного князя к другому, соответственно чему и круг ведомства удельной думы распространялся на все предметы управления [1]); согласно другому взгляду, дума не имела в то время ограничивающего княжескую власть характера, члены думы были лишь свидетелями, скреплявшими своим присутствием акты верховной власти, „сведоками", „послухами"; соответственно этому и состав думы определялся не правами известных лиц быть ее членами, а усмотрением князя, и лишь позднее, под влиянием разграничения ведомств дворцового управления, состав думы делается более постоянным, в нее призываются начальники отдельных „путей" на-ряду с дворецким, казначеем и печатником, компетенция думы, простираясь обыкновенно на дела, превышавшие ведомство одной отрасли дворцового управления, часто определялась обстоятельствами и волей князя, который нередко притом решал дело без участия своего совета [2]). Что касается ведомства думы, то наши источники вполне подтверждают изложенное сейчас воззрение, отрицающее строгую определенность его. Ограничимся одним примером: возьмем жалованные грамоты. Перед нами проходит целый ряд их, выданный князьями без всякого участия думы. И на-ряду с этим в отдельных случаях наблюдаются исключения, видно участие думы или в очень незначительном, или в

---

[1]) Загоскин, История права Моск. государства, вып. I,—дума боярская.
[2]) Ключевский, Боярская дума древней Руси.

сравнительно довольно широком по тому времени составе: напр., от самого начала XV в. до нас дошла жалованная грамота рязанского великого князя Олега Ивановича Солотчинскому монастырю, где сказано: „а пожаловал есмь столником своим Александром Глебовичем и чашником своим Григорьем Яковлевичем“ [1]); здесь всего двое думцев были свидетелями княжеского пожалования; а данная тем же князем во второй половине XIV в. Ольгову монастырю жалованная грамота указывает, что князь совершил акт пожалования, „сгадав“ с владыкой (т.-е. епископом) и с девятью боярами, из которых один чашник, а другой—окольничий [2]). Итак, ведомство не было определенным. Но не был определенным, как показывают и эти факты и ряд других, и состав боярского совета в удельной северо-восточной России. Нельзя даже сказать, что обычными советниками князя были начальники путей. С этой оговоркой следует присоединиться таким образом ко второму, изложенному, сейчас, взгляду на удельную думу. Первый взгляд совершенно не выдерживает критики.

Итак, учреждений в собственном смысле слова не было и в удельных центрах. Это выступит для нас с еще большею ясностью, если мы обратим внимание на личную деятельность князя.

Наиболее ясные следы некоторого выделения ведомства или, по крайней мере, обычной деятельности князя из общей сферы действий подчиненных ему органов управления наблюдаются в области финансов. Мы видели, что прежде князь не только устанавливал налоги, но и сам их собирал, отправляясь на полюдье. В удельный период полюдье исчезает, князь передает сбор налогов подчиненным органам и себе оставляет только, так сказать, нормативно-финансовую деятельность, установление податей и повинностей, дарование финансовых льгот и т. п. Это—несомненный признак зарождающегося выделения сферы верховного управления. Не следует, однако, преувеличивать также выделение, нельзя предполагать, что оно было проведено хоть сколько-нибудь систематически, планомерно. Напротив, надо думать, что князь принимал постоянное, ежедневное участие в текущих делах финансового управления, даже самых мелких. Правда, материала у нас

---

[1]) Акты Историч., т. I, № 13.
[2]) Там же, № 2.

мало, но позднейшие факты ставят вне сомнения, что ни один расход не производился без ведома князя, и, вероятно. о всяком поступавшем доходе ему докладывали.

Несравненно ближе к старинным преданиям стояла судебная власть князя. Можно прямо сказать, что не было такого судебного дела, по которому нельзя было бы обратиться непосредственно к князю в первой инстанции. На этот счет не существовало никаких не только законодательных постановлений, но и обычаев: все зависело от удобства и от усмотрения тяжущихся. Приведем несколько примеров для иллюстрации этого положения, причем заметим, что примеры эти относятся даже к концу удельного периода. В 1506 г. углицкий удельный князь Дмитрий Иванович решил поземельный спор Троицкого Сергиева монастыря с Семеном Бородатым: князь сам „обыскал своим обыском“ и „по тому обыску“ монастырского посельского „оправил“, а Бородатого обвинил [1]). Во второй половине XV в. великий князь Иван III сам разбирал дела о крестьянском выходе от одного землевладельца к другому [2]). В 1519 г. поземельную тяжбу Спасо-Евфимиева монастыря с Матвеем Судимантовым разбирали бояре в Москве, „да сказали мне, великому князю, и аз велел боярам старцев Спасского монастыря в тех землях оправити, а Матвея Судимантова велел обвинити да и грамоту правую на Матвея в тех землях велел дати“ [3]). Жалованные грамоты князей различным лицам и церковным учреждениям на земли, которыми они давно уже владели или только что приобрели, имеют такое же юридическое значение, как современные нотариальные акты об укреплении прав на имущество для такого укрепления не было еще специального учреждения, его ведал сам князь. Так, завещание вдовы нижегородского князя княгини Марии, относящееся к первой половине XV в., было утверждено в 1484 г. великим князем Иваном III лично, как видно из приписки, что великий князь утвердил этот документ, „коли был в Суздале“ [4]). Наконец, мы ошиблись бы, если бы предположили, что существовал какой-либо установленный

---

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 145.
[2]) Там же, №№ 73 и 83.
[3]) Акты Историч., т. I, № 126.
[4]) Рожков, Происхождение самодержавия в России, стр. 21, 24

порядок инстанций и определенный круг дел или известные признаки, делавшие необходимым перенесение решения в центр из области Мало того: даже в том случае, когда судья чувствовал себя не в силах решить дело, затруднялся решением, он не знал, к кому собственно он обратится с „докладом" по делу; в этом отношении характерно одно замечание в уцелевшем судном деле XV в.: „судья рекся доложити государя великого князя или человека старейшего" [1]). Лишь в некоторых особых случаях личный суд князя был обязателен, неизбежен и не мог быть заменен судом другого лица. Так, в первой половине XV в. великому князю принадлежал обязательный третейский суд в случае, если его судьи и судьи удельного князя „ся сопрут", т.-е. не сойдутся в решении каких-либо дел и не придут к соглашению о выборе третейского судьи [2]). Мы уже отмечали, что привилегированные землевладельцы и их приказчики были подсудны князю, но не исключительно ему одному: он мог поручить этот суд своему боярину введеному.

Нет, конечно, сомнения, что такие дела, как назначение различных должностных лиц, повышение в должностях, наконец, объявление войны и заключение мира зависели от князя, не обходились без его участия [3]), но и здесь господствовала значительная неопределенность: князь то один решал эти дела, то советовался с боярами. Законодательства в собственном смысле этого слова в XIII, XIV и в течение бóльшей части XV веков не было, а зародыши его, какими в известной степени можно считать жалованные грамоты и указные грамоты князей областным властям, опять-таки слагались не под исключительным влиянием князя, не были всегда актами его единоличной воли [4]).

Изложенные наблюдения и сделанные на основании их общие заключения в достаточной степени характеризуют средства управления в удельный период. Без сомнения, тут было некоторое движение сравнительно с прежним временем. в некоторых отношениях замечаются частичные перемены, но все это было чрезвычайно еще слабо; в общем, надо при-

---

1) Федотов-Чеховский, Акты, относ. до гражд. расправы, т. I, № 20.
2) Акты Арх. Эксп., т. I, № 29.
3) Рожков, Происхождение самодержавия в России, стр. 28, 32.
4) Там же, стр. 24.

знать средства управления неупорядоченными и неорганизованными, учреждений в настоящем смысле этого слова попрежнему не существовало.

Посмотрим теперь, какова была цель государственного союза в удельной северо-восточной России? Ставились ли тогда сознательно и реально, как конечная цель управления, общественные интересы, интересы общего блага, или, напротив, идеи общего блага не было, а господствовало понятие личного интереса, как то было и раньше, в древнейшей России? Эти вопросы заставляют нас войти в более близкое знакомство с самой техникой управления, с его подробностями. Основным понятием, проникавшим всю систему удельного управления сверху до низу, было понятие о кормлении или прибытке. Это давно и хорошо выяснено в нашей исторической литературе и потому не нуждается в особенно подробном развитии и обосновании [1]. Ограничимся поэтому лишь указанием на два особенно-характерных примера: в грамоте костромскому наместнику 1499 года великий князь Иван III, уничтожая должность второго костромского наместника, мотивирует эту меру прямо тем, что двоим наместникам там „сытым быть не с чего“ [2]; в известной уже нам „записи что тянет душегубством к Москве“, относящейся к XV веку, сказано, между прочим, что, когда в Москве судит большой наместник великого князя, то судья князя удельного „за ним придет, своего прибытка смотрит“ [3]. Более ясного выражения личного, материального интереса, как основной цели управления и суда в глазах администраторов и судей того времени, нельзя себе и представить. Вот первое доказательство того, что понятие об общем благе, как цели государственного союза, заслонялось тогда далеко преобладавшим над ним понятием о личном интересе, как основном мотиве правительственных действий.

Гораздо более новых элементов, хотя еще далеко не ясно выраженных, наблюдается в судопроизводстве того времени. Здесь понятие об общем благе, как цели отправления правосудия, стало понемногу расти и выдвигаться вперед. Мы видели, что раньше такого понятия почти совершенно не существо-

---

[1]) См. особенно Чичерин, Опыты по истории русского права и др.

[2]) Акты Историч., т. I, № 110.

[3]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 115.

вало, что поэтому роль органов судебной власти была тогда пассивной, формальной: они присутствовали при тяжбе истца с ответчиком и, не проверяя приводимых доказательств, безусловно им верили, раз соблюдена была известная форма. В изучаемое нами время в северо-восточной Руси судьи начинают постепенно выходить из прежнего пассивного состояния, начинают играть временами, в известные моменты судебного процесса, более деятельную роль. Это будет ясно, если мы познакомимся с подробностями судопроизводства. Необходимо при этом различать, с одной стороны, досудебные действия, с другой—самый суд. И то и другое имело свои особенности в гражданских и уголовных делах. В этом отношении в удельный период наметилось в главных чертах позднейшее различие между „судом", т.-е. обвинительным, гражданским судопроизводством, и „сыском" или „розыском", т.-е. судопроизводством следственным, уголовным [1]).

Досудебные действия в гражданских делах слагались из жалобы, призыва на суд и производства следствия, т.-е. подбора надлежащих доказательств, подыскивания оснований для обвинения. Жалобы приносились, конечно, самим истцом. Но что касается призыва на суд, то в этом отношении наблюдается большая новость: истец потерял право сам доставлять на суд ответчика, самоуправно, без участия властей, ставить его перед судебным трибуналом. В одном судебном деле XV века одна из сторон жалуется на другую, что та отняла предмет спора „без суда и без пристава" [2]). Отсюда видно, что призывать на суд можно было только через приставов. Вот первый случай перехода судьи от чисто пассивной к активной роли. Этим, однако, и ограничивался такой переход в области досудебных действий в гражданском процессе, потому что подбор доказательств тут производился всегда самим истцом, без всякого участия судебной власти.

Несравненно более деятельным является судья в досудебных актах при уголовном процессе. Первым—и притом новым, прежде не существовавшим—актом здесь была явка, т.-е. извещение властей и окольных людей, соседей о случившемся: так по одному делу о грабеже истцу было отка-

---

1) Ср. Владимирский-Буданов, Обзор истории рус. права.

2) Стефановский. Разграничение гражд. и уголовн. судопроизводства в истории русск. права: „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1873 г., июль, стр. 264.

запо на том основании, что он не явил о нем никому [1]); в Белозерской уставной грамоте 1488 года требуется явка при татьбе [2]). Далее: если даже не было истца, власти сами начинали следствие по важнейшим уголовным делам. Само собою разумеется, что и в уголовном судопроизводстве, как и в гражданском, призывать на суд обвиняемого можно было только через посредство пристава. Но, что особенно важно, производство следствия в уголовных делах уже не находилось всецело в руках истца: судья поручал своим людям исследование обстоятельств преступления.

Самый суд — гражданский и уголовный — состоит, как известно, в рассмотрении судебных доказательств и в произнесении приговора. В гражданских делах первым и самым решительным доказательством считалось признание одною из тяжущихся сторон несправедливости своих притязаний [3]). Если такого признания не последовало, судья переходил к рассмотрению документов, причем сразу выступает перед нашими глазами совершенно новый элемент в гражданском судопроизводстве,—элемент активного участия судьи в деле: судья определяет степень достоверности документов, оценивает их с точки зрения подлинности и юридической формы: „воззрив на грамоту, судья ее похвалил“, читаем в одном судебном деле XV в. [4]). Надо при этом заметить, что документы могли оспариваться противной стороной, которая могла оспаривать также и свидетельские показания,—третий вид судебных доказательств в гражданских делах [5]). Все названные три вида доказательств не были таким образом формальными: путем их проверки по существу судья искал материальной истины. Переходом от такого рода доказательств к доказательствам формальным, наличность которых исключала возможность проверки и требовала безусловного доверия, являются так называемые „старожильцы“ или „знахари“, люди, давно живущие в данной местности и знающие местные фактические обстоятельства и отношения; старожильцы или знахари при-

---

1) Дювернуа, Источники права и суд в древней России, стр. 210 и след., 376.

2) Акты Арх. Эксп., т. I № 123.

3) Стефановский, „Ж. М. Н. Пр.“ за 1873 г., июль, стр. 265; Дювернуа, стр. 263.

4) Дювернуа, Источники права, стр. 400 и сл.

5) Стефановский, стр. 265; Дювернуа, стр. 400.

зывались на суд в поземельных тяжбах, для указания границ между спорными владениями, и по своему юридическому значению близко подходили к послухам в уголовном судопроизводстве [1]). Все, что сейчас сказано о суде по гражданским делам, в достаточной мере свидетельствует о существенных переменах в судопроизводстве удельного периода сравнительно с прошлым: элемент общего блага усилился и резче выразился. Но необходимо тотчас же оговориться: он далеко не восторжествовал окончательно, потому что вслед за тем, как исчерпывались все материальные доказательства, в случае, если дело ими не решалось, наступала очередь для древних, формальных доказательств, не подлежавших спору и поверке и ставивших судью в пассивное положение, заставлявших его автоматически склонять весы правосудия в ту сторону, в какую заставит их склониться соблюдение известной формы, отнюдь не гарантирующее достижения материальной истины: если не последовало признания одною из сторон несправедливости своих притязаний, если не было документов или они были недостаточны, если свидетельские показания не решали дела, то присуждалось „поле“ или судебный поединок, вид старинного суда Божия. Чем позднее, тем чаще, особенно в поземельных исках, поле заменялось другим видом суда Божия—присягой [2]).

И на суде по делам уголовным первым и главным доказательством было собственное признание подсудимого [3]). За отсутствием такового, выдвигалось на первый план поличное и следы преступления, установленные следствием и подлежавшие оспариванию и поверке [4]). То же надо сказать о третьем виде доказательств—свидетельских показаниях [5]). Затем наступала очередь смешанных, переходных видов судебных доказательств, сочетавших в себе признаки старые—формальные с новыми, содействующими выяснению существа дела. Таковы—послушество, повальный обыск и пытка [6]). В послушестве, т.-е. в свидетельстве одного или нескольких лиц о хорошем поведении, добросовестности и

[1]) Дювернуа, Источники права и суд, стр. 399.
[2]) Там же, стр. 407.
[3]) Стефановский—в „Журн. М. Нар. Просв.“, 1873 г., июль, стр 228.
[4]) Там же.
[5]) Там же.
[6]) Там же.

честности подсудимого, совершились, однако, существенные перемены, указывающие на упадок этого доказательства: во-первых, ссылка на послухов является уже необязательной; в одном судебном деле читаем: „ведомо то дело людям добрым, волостным, но на них ся не шлем“ [1]); во-вторых, в Судебнике Ивана III послух уже почти то же, что свидетель—очевидец,—он говорит о том, что сам видел, и единственным остатком его прежнего значения является возможность судебного с ним поединка той стороны, против которой он свидетельствует [2]). Историческим преемником послушества был повальный обыск—опрос соседей о добром поведении обвиняемого, заменявшийся пыткой в том случае, когда обвиняемый был „приручный человек с доводом“, т.-е. рецидивист [3]). Наконец, и в уголовном судопроизводстве имело место чисто формальное доказательство—очистительная присяга ответчика, применявшаяся, по Судебнику 1497 года, тогда, когда не было других доказательств [4]).

Итак, второе доказательство того, что в удельной северо-восточной Русии сильно еще было понятие о личном интересе, как цели государственного союза, почерпается из исследования порядков судопроизводства, при чем, однако, здесь заметны уже и зародыши, иногда довольно значительные, идеи об общем благе. Что такие зародыши все-таки имели второстепенное значение, это следует из того факта, что фискальный, денежный интерес оставался весьма важным на суде. Каждое судебное действие было непременно связано с платежем, судья и его помощники ничего не делали даром, из всего извлекали выгоду, получали судебные пошлины. Так, с виноватого ответчика наместник или волостель получал „противень вполы истцова“ (т.-е. половину суммы иска), а с виноватого истца—2 алтына [5]); в случае примирения сторон, они платили судье также или по гривне с каждого рубля суммы, в какую оценен иск, или „противень вполы истцова“ [6]); такой же платеж существовал при судебном поединке [7]); затем установлены

---

1) Дювернуа, Источники права и суд в древней России, стр. 392.
2) Там же, стр. 394.
3) Стефановский — в „Ж. М. Нар. Пр.“ за 1873 г., июль, стр. 232
4) Дювернуа, Источники права и суд, стр. 406.
5) Акты Арх. Эксп., т. I, № 143 и др.
6) Там же.
7) Там же.

были особые пошлины при межевых тяжбах, при самосуде, пошлина в $2^1/_2$ алтына с „правой грамоты от печати“, т.-е. за выдачу выигравшей дело стороне грамоты, дававшей ей право требовать исполнения приговора в свою пользу, и т. д. [1]).

Судебные пошлины вводят нас уже в сферу финансов, изучение организации которых может служить третьим доказательством того, что понятие о государстве, как союзе, имеющем в виду интересы общего блага, было чрезвычайно слабо развито. Само собою разумеется, что никак нельзя предполагать существование сколько-нибудь организованной финансовой системы в удельный период: не существовало ни сметы доходов и расходов, ни стройной системы прямого и косвенного обложения. Первоначально потребности князя, его вольных и невольных слуг удовлетворялись, главным образом, на счет хозяйственных доходов с княжеских земель, т.-е. натуральных, отчасти и денежных, оброков с крестьянского населения этих земель. Но скоро таких оброков стало не хватать для удовлетворения названных потребностей, и потому к ним прибавились другие, специальные сборы: сюда, прежде всего, относятся появившиеся, по крайней мере с конца XIV-го века, казначеевы, дьячьи и подьяческие пошлины, поступавшие в вознаграждение казначеев, дьяков и подьячих, которые заведывали сбором оброков и записывали поступление последних в великокняжескую казну [2]); затем, в награду вольным слугам стали поступать кормы всякого рода. Но, кроме потребностей князя и его слуг, существовали еще другие потребности, не столько личного, сколько уже общественного характера. Первая из таких потребностей—это необходимость внешней защиты княжества. Отсюда вытекали повинность „городового дела“, постройки укреплений, и повинность „посошная“, т.-е. обязанность ставить известное число „воев“ с каждой сохи. Еще раньше князь, как известно, собирал в свою пользу дань. С татарским игом появилась особая татарская дань или „ордынский выход“, сделавшийся дополнительным доходом княжеской казны после свержения владычества татар [3]). В XIV веке наблюдаются

---

[1]) Там же.

[2]) Милюков, Спорные вопросы финансовой истории Моск. государства, Спб. 1892, стр. 11 и сл.

[3]) Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения в Моск. государстве, Спб. 1890, стр. 13 и сл.

первые следы так-называемых „полоняничных денег“ [1]), т.-е. денег, предназначенных для выкупа пленных, попавших к татарам, но сначала это был не налог, а просто проявление личной благотворительности князей и митрополитов, уделявших часть своих средств на освобождение соотечественников из неволи, и даже под конец удельного периода оклад полоняничных денег не подвергся точному определению. Наконец, еще в начале XIII века появилась повинность, носившая название „повоза“ и состоявшая в обязанности поставлять подводы для княжеских гонцов и вообще должностных лиц [2]). Но тут не было никакой организации: подводы не заготовлялись заранее на известных пунктах, а ставились каждый раз тогда, когда к этому настояла нужда. С татарским игом эта подводная повинность осложнилась „ямом“, особым налогом на поддержание почтовых учреждений в Орде, а в XIV веке и князья собирают в свою казну также „ям“, который затем смешивается с подводной повинностью [3]).

Мы видим таким образом, что прямые налоги возникают постепенно, сообразно росту новых отдельных потребностей, что они не составляют стройной системы и не отливаются в определенный оклад. Во всем этом чрезвычайно ясно выступают на первый план личные интересы и потребности, выгоды правителей, за которыми остаются совершенно незаметными интересы общего блага [4]).

Это становится еще более ясным, если обратить внимание на единицу обложения. Древнейшей окладной единицей был, как известно, „дым“ или „дом“, т.-е. отдельное хозяйство, при чем в какой-либо анализ этого хозяйства, в его оценку, разумеется, не входили. Но уже в киевский период на-ряду с „дымом“ или „домом“ выступает еще другая окладная единица—„рало“ или плуг. Последующему времени, когда восторжествовало земледелие, выпало на долю несколько развить и видоизменить именно эту последнюю единицу, совершенно естественную при господстве земледелия. На место плуга становится соха, которая, по всем признакам, на северо-востоке удельной Руси, как и в области вольных городов, является

---

[1]) Там же, стр. 15.

[2]) Там же, стр. 14; **Гурлянд**, Ямская гоньба в Моск. госуд., Яросл. 1900, стр. 25.

[3]) Там же.

[4]) Там же.

единицей рабочей силы, приравнивается известному числу конных земледельческих работников. Только соха здесь гораздо крупнее, чем в вольных городских общинах: она равняется не трем конным работникам, а приблизительно тридцати двум. Это видно из одного документа, в котором „одноколец“, т.-е. владелец одной „колышки“ или телеги, приравнивается $1/32$ сохи [1]). Так как часто вместе с тем встречается соха, состоящая из 32 вытей, то, очевидно, выть равняется однокольцу или одному конному рабочему, как и новгородская обжа. Итак, соха состояла в удельное время из 32 конных работников. Для всякого ясно, насколько несовершенно такое определение окладной единицы, как мало соответствует оно реальной доходности отдельных крестьянских хозяйств. При определении окладной единицы имелись в виду, главным образом, интересы казны и возможная простота обложения, а не благо населения.

Наконец, и в организации косвенного обложения красной нитью проходит одна господствующая мысль: собрать в княжескую казну возможно больше денег, не упустить ни малейшего к тому случая, игнорируя интересы промышленности и торговли. В удельной Руси в буквальном почти смысле нельзя было ступить шагу, не заплатив какой-либо пошлины. У нас уже шла речь о пошлинах судебных. Кроме судебных пошлин, были еще свадебные: „выводная куница“, когда невесту выдавали замуж за пределы известной области, и „свадебное за убрус“ при таком брачном союзе, когда оба брачущиеся жили в пределах данного уезда или волости [2]). Но самыми многочисленными и обременительными были, несомненно, внутренние таможенные пошлины, делившиеся на два разряда—проезжие, собиравшиеся при провозе товаров по дорогам и рекам, и торговые, которые брались при самой торговле и действиях, сопровождавших куплю-продажу. К проезжим пошлинам относились, во-первых, мыто—„сухое“, при провозе товаров сухим путем, и „водяное“—при провозе их водой; мыто сухое называлось также „подужным“ (с возов) и „полозовым“ с саней, а водяное мыто носило еще названия „посаженного“ (с длины судна), „шестового“ или „носового“ и „побережного“; второй проезжей пошлиной была „головщина“ или „костки“ с лиц, сопровождавших товары; при возвращении обратно тем же путем платили

---

[1]) Милюков, Спорные вопросы финанс. истории Моск. госуд., стр. 43.
[2]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 143 и др.

особую пошлину—„задние калачи“; наконец, существовала еще мостовщина, собиравшаяся при переезде через мосты, и перевоз—при переправах через реки [1]). Еще разнообразнее были торговые пошлины: привоз товара на продажу влек за собой уплату замыта, при объявлении товара властям платилась явка, при найме лавок и амбаров на гостином дворе брали гостиное, амбарное и полавочное, при вывозе товаров из гостиного двора поворотную или дворовую пошлину, при складке товаров свальное, при взвешивании—весчее-пудовое, контарное, рукознобную и подъемную пошлины, при мере товара—померное и покоречное, при клеймении продажных лошадей—пятно, при привязывании продажного скота—роговое и привязную пошлину, при отвозе проданного товара — узолки или узольцовое, при самой продаже, наконец, платились тамга, осминичее и порядное [2]). Остается только удивляться, как при таком косвенном обложении могла происходить какая-нибудь, хотя бы самая незначительная, торговля.

Есть, наконец, еще одна отрасль правительственных действий в XIII и XIV веках, которая указывает на столь же слабое понимание цели государственного союза в то время,—это внешние предприятия князей, их войны и договоры. В подавляющем большинстве случаев северо-восточные князья руководились здесь своекорыстными, узкими расчетами, не ставя себе никаких широких общественных и государственных задач. Нечего, конечно, и говорить о княжеских усобицах; в них тщетно было бы искать общих начал и общественных побуждений. Но даже и большая часть внешних войн лишена была всякого общественного элемента. Например, две войны с Литвой при Дмитрии Донском были вызваны чисто личными интересами князей: Ольгерда призывал враг московского великого князя Михаил Александрович тверской, против которого Дмитрий Донской поднимал, в свою очередь, кашинского князя Василия [3]). Некоторое общественное значение имели лишь оборонительные войны,—борьба Александра Невского в Новгороде со шведами (Невская битва 1240 г.) и с ливонскими рыцарями во Пскове (Ледовое побоище 1242 г.), постоян-

---

[1]) Осокин, Внутренние таможенные пошлины в России, Казань 1850, стр. 18—40.

[2]) Там же, стр. 46—86.

[3]) Соловьев, История России.

ная защита восточных пределов страны от мордвы и т. д. [1]). Даже в отношениях к татарам, покорившим Русь в XIII в., долгое время князья пренебрегали общенародными интересами и не гнушались пользоваться татарской силой для борьбы со своими личными соперниками, причем татары, по своему обычаю, разоряли и грабили страну. В отмене татарских баскаков (наместников), достигнутой Иваном Калитой, трудно видеть что-либо, кроме стремления великого князя московского быть свободнее у себя дома. Только идея освобождения от татарского ига была отражением национальных интересов, результатом образования великорусской народности, но первое реальное проявление этой идеи, как известно, относится лишь к концу XIV века, когда в 1380 г. ополчение русских князей разбило татар на Куликовом поле.

После характеристики цели государственного союза в удельный период, поскольку она выражалась в политической действительности, мы должны осветить вопрос о субъекте власти в то время, иначе вопрос о том, было ли государство удельного периода союзом личного или общественного господства, т.-е. был ли князь носителем власти, как отдельное лицо само по себе, или как представитель всего общественного союза? Ответ на этот вопрос, несомненно, может быть дан только в одном смысле: удельный князь владел своим княжеством, как личной собственностью, и вовсе не был в своей деятельности представителем общественного союза, как целого. Это находит себе наиболее ясное выражение в княжеских „духовных грамотах“ и в междукняжеских договорах. Из этих документов видно, что, во-первых, каждое княжество трактуется как „вотчина“, т.-е. наследственная собственность князя, и, во-вторых, обладание княжеством юридически приравнивается к владению всякой другой недвижимостью и даже движимостью. Шапки, шубы, кафтаны, цепи, посуда,—все это завещается и делится князьями удельного периода между их наследниками совершенно на тех же основаниях, как и территория княжества. Эта последняя дробится на части сообразно числу наследников, нередко чересполосные между собою. Самый акт завещания—духовная грамота—есть документ частного, гражданского права, что подтверждается и тем, что на ней под-

---

[1]) Там же.

писывались свидетели, обыкновенно митрополит и бояре [1]). Предшествующее изложение содержит в себе, наконец, совершенно достаточное количество материала, показывающего, что самое управление носило хозяйственный, частновладельческий характер, а это наблюдение также подтверждает общий вывод об удельном княжестве, как союзе личного господства, и о князе, как личном носителе власти, не имевшем совершенно идеи о своих функциях, как общественном служении.

Особому рассмотрению подлежит вопрос о церкви, как учреждении, и духовенстве, как общественном классе. И здесь, как и в вопросе о колонизации, мы должны вернуться несколько назад, в предыдущий период, к первым временам после принятия христианства.

Церковные учреждения были перенесены к нам из Византии, но утвердились на Руси по той причине, что соответствовали потребности в учителях веры и приняли своеобразный вид под влиянием местных условий.

Первый вопрос при изучении организации этих учреждений—это вопрос об отношении русской церкви к византийской и, в частности, к главе последней,—к константинопольскому патриарху. По каноническому праву, каждая частная церковь должна пользоваться самостоятельностью, автокефальностью. Трудно сказать, так ли было сначала с русской церковью. Существует взгляд, что первоначально было так. Он опирается на то наблюдение, что монахи Иаков и Нестор в своих сочинениях о князьях Борисе и Глебе называют русских митрополитов иногда архиепископами, и в одном списке греческого сочинения, написанного первым русским митрополитом Леоном или Львом, значится, что это сочинение—*Λέοντος ἀρχιεπισκόπου*, а архиепископом [2]) у греков назывался с а м о с т о я т е л ь н ы й глава а в т о к е ф а л ь н о й церкви. Как бы то ни было, но эта автокефальность существовала очень недолго: русская церковь скоро подчинилась византийской. Это подчинение выражалось в том, что, во-первых,

---

[1]) Ч и ч е р и н, Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей—в „Опытах по истории русского права", М. 1858, стр. 232—375.

[2]) Г о л у б и н с к и й, История русской церкви, I, 1, стр. 264 и 265; П р и с е л к о в (Очерки по церк.-пол. истории К. Руси, стр. 40 и 45) вводит охридск., болгарск. период рус. церкви и—первым митр. считает Феонемпа, но его предположения слабо обоснованы, как и его предположение, что игумен Печерского монастыря Никон и митрополит Иларион одно лицо.

русский митрополит поставлялся константинопольским патриархом, притом, не по каноническому праву, т.-е. не посредством выбора его русскими епископами, подтверждаемого лишь посвящением от патриарха, а путем непосредственного назначения патриархом; во-вторых, патриарх имел право судить и наказывать русского митрополита; в третьих, он принимал апелляцию на суд митрополита; в четвертых, патриарх мог изъять отдельные русские монастыри и церкви из ведения митрополита и подчинить их непосредственно себе [1]).

По некоторым позднейшим, недостоверным известиям, первым русским митрополитом был Михаил, явившийся в год крещения Руси, т.-е. в 988 г. Но древнейшие и достоверные источники свидетельствуют, что первым митрополитом был Лев или Леон, прибывший из Греции лишь в 991 г. вместе с новгородским епископом Иоакимом, так что до этого времени митрополита и епископов на Руси не было; это подтверждается и прямым известием Начальной летописи, что киевлян в 988 году крестили только одни „попы", а не архиереи [2]). Митрополиты в киевский период обыкновенно ставились из греков, и только два раза встречаем митрополитов из русских: в половине XI века — Илариона, а 100 лет спустя—Клима или Климента; в этом, вероятно, выразилось стремление таких князей, как Ярослав и Изяслав Мстиславичи, сделать русскую церковь автокефальною [3]). В течение первых 50 лет русские митрополиты жили не в Киеве, а в Переяславле, как видно из заглавия греческого сочинения митрополита Леона и из известия летописи под 1089 годом, что „бе преже в Переяславле митрополья"; Ярослав, построив собор св. Софии, перевел и митрополию в Киев [4]).

Епархии и епископы появились на Руси с 991 г., при Владимире Святом их было 8, в XI веке прибавилось еще 2, столько же в XII, так что к концу периода считалось 12 епархий [5]). Епископы не выбирались собором епископов под председательством митрополита, а назначались волею и распоряжением князей, что составляет одну из важных осо-

---

[1]) Голубинский, История р. церкви, I, 1, стр. 271—273.
[2]) Там же, стр. 277 и 282.
[3]) Там же, стр. 297 и 300.
[4]) Там же, стр. 328 и 329.
[5]) Там же, стр. 338.

бенностей древнейшей русской церкви [1]). С 1165 г. епископ новгородский получил от патриарха титул архиепископа, что возвысило его среди других русских архиереев [2]). Тогда как в Византии в то время епископы выбирались безразлично из белого и черного духовенства, — у нас их назначали всегда из монахов, потому что для епископа нужны образование и привычка к административной деятельности, т.-е. принадлежность к высшему общественному слою, а только черное духовенство пополнялось тогда из этого слоя [3]).

Епархиальное управление отличалось многими чертами, общими ему с русским гражданским управлением: как при князьях были советы из бояр, так при епископах были клиры из священников, дававшие им советы по делам епархиального управления; как у князей были посадники и тиуны, приказчики, так и у епископов видим наместников и тиунов, главным образом, для суда и притом часто из светских лиц [4]).

По свидетельствам митрополита Илариона и монаха Иакова, монахи появились на Руси еще при Владимире Святом, но они жили тогда в отдельных кельях около приходских церквей; первый монастырь — Георгиевский в Киеве — был построен Ярославом в 1037 году [5]). Всех вообще монастырей было в киевской Руси до 70, при чем лишь немногие из них, как Киево-Печерский, были результатом религиозного усердия самих монахов, большинство их были монастыри вотчинные, созданные князьями и боярами с целью обеспечить себе особенные молитвы монашествующей братии для достижения царства небесного [6]). Строгий студийский устав, введенный св. Феодосием в Киево-Печерский монастырь с целью установить строгое общежитие и нестяжательность, не исполнялся на деле не только в других монастырях, но и в монастыре самого Феодосия [7]).

Переходя от очерка внешнего устройства церкви, которое, как мы видели, сложилось почти всецело под влиянием организации светского управления, к внутреннему ее строю, мы

---

[1]) Там же, стр. 360.
[2]) Там же, стр. 343—344.
[3]) Там же, стр. 347—349.
[4]) Там же, стр. 376—377.
[5]) Там же, стр. 353.
[6]) Голубинский, История р. церкви, I, 2, стр. 467.
[7]) Там же, стр. 524.

должны остановить свое внимание на вопросах о церковном законодательстве и суде. Основным памятником церковного законодательства был в киевской Руси заимствованный из Греции „Номоканон“ или „Кормчая книга“. „Номоканон“ существовал у греков в двух редакциях, — неполной патриарха Иоанна Схоластика (VI века) и полной — патриарха Фотия (IX века). Обе редакции существовали в древнем славянском переводе и обращались в древней России, но исследователи расходятся в вопросе о том, которая из них находилась в большем употреблении [1]). Нет сомнения, что в известной, по крайней мере, степени „Номоканон“ или „Кормчая книга“ являлась руководством при решении дел на церковном суде. Но степень применения норм византийского канонического права в киевский период русской истории может быть определена только на основании документов чисто-русского происхождения, представляющих собою переработку Кормчей применительно к местным условиям. Такими памятниками многие исследователи признают, прежде всего, дошедшие до нас церковные уставы, приписываемые Владимиру Святому и Ярославу [2]). Но в обоих этих уставах встречаются выражения и постановления, внушающие другим исследователям сомнение и заставляющие их признавать эти уставы позднейшей подделкой. Главнейшие несообразности заключаются в том, что устав Владимира возводится к патриарху Фотию, умершему за 100 лет до крещения Руси; что тяжбы о наследстве поручены в нем ведению церковного суда, что прямо противоречит Русской Правде, а устав Ярослава даже поджог, опять-таки вопреки Русской Правде, подчиняет церковному суду, что, наконец, суд епископов, по обоим уставам, не похож на епископский суд по „Номоканону“, гораздо шире последнего [3]). Эти возражения настолько серьезны, что, действительно, мешают признать уставы Владимира и Ярослава достоверными; необыкновенная обширность церковной юрисдикции по этим уставам дает повод подозревать, что они составлены в позднейшее время с целью оправдать

---

[1]) Павлов считает чаще употреблявшимся Номоканон Фотия, Голубинский—Иоанна Схоластика.

[2]) См., напр., митр. Макарий, История рус. церкви; Соловьев, Ист. России: Ключевский—Курс рус. ист. и др.

[3]) Голубинский, История русской церкви, I, 1, стр. 399—404.

притязания духовенства на расширение своего судебного значения [1]). Правда, сторонники подлинности уставов старались по своему объяснить некоторые из указанных сейчас несообразностей: говорили, напр., что имя патриарха Фотия значится потому, что он был виднейшим из греческих иерархов и при нем крестилась какая то Русь, нападавшая на Константинополь, как крестились тогда же и другие славянские народы; что епископский суд о наследстве по уставу св. Владимира не противоречит княжескому разбору споров из-за наследства по Русской Правде, потому что оба порядка существовали рядом, был период двоеправия [2]). Но первое объяснение—о Фотии —поражает сразу своей искусственностью и натянутостью: проще, дело объясняется невежеством позднейшего составителя. Что же касается двоеправия в тяжбах о наследстве, то поручение разбора таких тяжб высшему духовенству, вышедшему при Владимире из Греции, и, следовательно, чуждому русских юридических понятий, является невозможным по той причине, что, как мы убедились в свое время, наследственное и вообще имущественное право киевского периода отличалось сильным местным колоритом, было не чем иным, как народным юридическим обычаем, применять который могли только те, кто его знал. Предположение о заимствовании наследственного права Русской Правды из византийского законодательства, делаемое некоторыми исследователями, не выдерживает критики при ближайшем рассмотрении: напр., понятие о завещании, как „ряде", т.-е. договоре всех членов семьи, и невыделенность личности, как субъекта имущественных прав, из состава семейного союза— совершенно чужды византийскому или — что почти то же— римскому праву. Таким образом, для того, чтобы судить о пространстве церковного суда в древнейшей России, мы должны обратиться к другим источникам, оставив в стороне недостоверные уставы Владимира и Ярослава. Таких источников два: церковный устав новгородского князя Всеволода Мстиславича 1135 года и грамота князя Ростислава смоленскому епископу, данная в 1150 году. Первый из этих источников — устав Всеволода — важен, главным образом, потому, что указывает на обычные в то время нарушения „Кормчей"

---

[1]) Там же, стр. 420.
[2]) Макарий, История русской церкви.

князьями, на неопределенность и колебания церковной юрисдикции: князь отмечает, что он раньше „сам ведал“ тяжбы детей от разных браков между собою, и только теперь передает „все то епископу управливати“, справившись с греческим „Номоканоном“[1]). Грамота Ростислава точно и ясно намечает пределы юрисдикции епископов: то были по преимуществу преступления брачные или такие, которые требовали суда не по форме, а по совести, и в языческое время преступлениями не считались. Вот их перечень: 1) „роспуст“, 2) двоеженство, 3) кровосмесительные браки, 4) насильственное похищение девушки (собственно тут судили органы светской власти, а епископ получал лишь половину штрафа), 5) волшебство и колдовство и 6) драка между двумя женщинами. Но, кроме того, епископы судили по **всем** преступлениям все духовенство и еще так-называемых **прощеников**, т.-е. лиц, получивших чудесное исцеление от болезни [2]).

Чрезвычайно важное значение имеет определение отношений церкви к государству. Часто князья нарушали права церкви и духовенства, церковь и духовенство находились в сильном подчинении княжеской власти: князья вмешивались в дела, подсудные епископам, смещали, выбирали, даже судили иерархов русской церкви. Мало того, они пользовались видными представителями духовенства для своих чисто политических целей: епископы призывались князьями нередко в боярскую думу для дачи совета по разным государственным делам, — известен, напр., рассказ о совещании Владимира Святого с епископами по поводу наказания разбойников; нередко епископы отправлялись в качестве княжеских послов, так, епископ черниговский Порфирий в 1177 и 1187 годах был послом к Всеволоду III Большое Гнездо и ходатайствовал перед ним за князей рязанских; примирительная миссия вообще нередко выпадала в то время на долю представителей русской церковной иерархии: об этом мы имеем известия, относящиеся, напр., к 1097, 1127 и 1195 годам [3]).

Все эти серьезные политические задачи, решение которых производилось через посредство духовенства, помимо

---

[1]) **Митр. Макарий**, История русской церкви, т II.
[2]) **Голубинский**, История русской церкви, I, 1, стр. 412, 422.
[3]) Там же, стр. 548 и сл.

других соображений, требовали от князей заботы об обеспечении духовенству достаточных средств существования. Одним из источников этих средств служило, как нам уже известно, церковное и монастырское землевладение. Но, помимо этого, Владимир Святой определил на содержание архиереев десятину от всех княжеских доходов, — даней, вир, продаж и оброков. Позднее, как видно из грамоты Ростислава 1150 г., десятина давалась обыкновенно только от одних даней [1]). Третьим источником содержания архиереев и их приближенных, т.-е. лиц епархиальной администрации, была подать с приходского духовенства и особый сбор за поставление в священники [2]). Наконец, существовал и четвертый источник — церковные налоги на население, таковы были, напр., свадебные пошлины [3]). Что касается рядового приходского духовенства, то оно впоследствии получало часть необходимых ему средств существования также от населения, но так как доходы эти в начале, при большой еще силе язычества, не могли быть сколько-нибудь значительны, то княжеская власть и здесь приходила на помощь: по летописному известию, записанному под 1037 годом, Ярослав назначил церквам в городах и селах „от имения своего урок" [4]).

Таково было положение церкви, как учреждения, и духовенства, как общественного класса, в X, XI и XII веках. Нетрудно заметить, что это положение в сильнейшей степени определялось политическими задачами времени: новому, организующемуся государству необходима была морально-воспитывающая, общественно-объединяющая сила церкви. Этим объясняется и организация церковного управления, и возникновение церковного суда, и отношение государства к церкви, и снабжение духовенства средствами содержания. И с точки зрения административной техники церковное управление во многом походило на светское: среди органов его были лица хозяйственно-административные, — тиуны, — ведомство не только подчиненных лиц, но и высших иерархов не отличалось определенностью. В этом сказались те же влияния, ко-

---

[1]) Доп. к Актам Историч., т. I, № 4; Голубинский, I, 1, стр. 514.
[2]) Голубинский, История рус. церкви, I, 1, стр. 526, 528.
[3]) Там же, стр. 529.
[4]) Там же, стр. 507.

торые определили собою в ту пору и природу светского управления.

Этот общий вывод сохраняет свое значение и по отношению к истории церкви и духовенства в удельный период.

Влияние политических условий сказалось прежде всего в отношении русской церкви к константинопольскому патриарху. Патриархи попрежнему поддерживали традицию подчинения им русских митрополитов, и им это в XIII и первой половине XIV века вполне удавалось: митрополиты поставлялись в Константинополе и чаще всего из греков или южных славян [1]). Причина этого ясна, она заключалась в политической слабости северо-восточных русских князей.

Политическими причинами обусловливалось и переселение киевского митрополита на северо-восток. Когда во время нашествия Батыя киевский митрополит Иосиф пропал без вести, то новый митрополит Кирилл III не остался в Киеве, но не имел постоянной резиденции, а переезжал из северного политического центра Владимира на Клязьме в возвысившийся на юго-западе Галич и обратно, большую часть времени проводя, однако, во Владимире. Преемник Кирилла III митрополит Максим сначала также переезжал из города в город, пока, наконец, в 1300 году не поселился окончательно во Владимире, при чем киевская епархия не получила особого архиерея, а управлялась митрополичьим наместником из духовных лиц [2]).

В половине XIII века во всей Русии — южной и северной — было 16 епархий [3]). Двор митрополита и архиереев вообще, а также церковное управление, отражали на себе светские придворные и административные порядки изучаемой эпохи: у митрополита были свои бояре, отроки, конюшие и т. д., свой полк с особым воеводой [4]). Суд по духовным делам принадлежал большею частью духовным лицам — протопопам и архимандритам, но для суда над церковными людьми по делам гражданским у архиереев были светские слуги — десятинники, заведывавшие десятинами, т.-е. округами, состоявшими из нескольких приходов, волостели, управлявшие

---

1) Там же, стр. 283.
2) Знаменский, Руководство к русской церковной истории, стр. 52, 53.
3) Там же, стр. 22.
4) Там же, стр. 114 и след.

отдельными церковными волостями, и посельские, ведавшие села. Десятинники ведали также сбор разных податей с духовенства в пользу архиереев. Соборные протопопы в больших городах (по крайней мере, позднее в Москве) имели некоторую власть над причтами приходских церквей [1]). Но и здесь, как и в управлении государством, было мало порядка, определенности и постоянства: большею частью давались лишь отдельные временные поручения, постоянное же ведомство или компетенция органов церковного управления слагалось чрезвычайно медленно.

Монастыри умножались и развивались, причем в XIII и XIV веках почти всецело господствовал тип общежительных монастырей, в которых предполагались полный отказ монахов от частной собственности и особого хозяйства, совместная жизнь, господство устава, до мелочных подробностей регламентирующего и образ жизни, и исполнение религиозных обязанностей [2]). Но зародился уже и другой тип монашества — скитское пустыножительство, когда каждый монах жил и даже молился особо, за исключением отдельных случаев, и строгой регламентации не существовало [3]). Монастыри второго типа стали появляться на севере, к северу от Волги, почему и обитатели их получили название „заволжских старцев". В основе этого различия двух типов монашества лежали социальные причины: общежительные монастыри были руководимы и строились обычно представителями верхних слоев общества, скиты являлись, главным образом, результатом деятельности отшельников из народных масс. Монастыри были мужские и женские, а иногда и общие—мужские и вместе женские [4]). Церковно-административное положение больших и малых монастырей было неодинаково: малые монастыри находились в подчинении не только местной епархиальной власти, но иногда и большим монастырям [5]).

Основным памятником церковного законодательства считался попрежнему греческий Номоканон или Кормчая книга. Надо, однако, заметить, что и в удельный период нормы

---

1) Голубинский, История рус. церкви.
2) Знаменский, Руководство к русской церковной истории.
3) Там же.
4) Там же.
5) Там же.

византийского канонического права, изложенные в Кормчей, далеко не вполне подходили к русской действительности и потому подвергались в наиболее существенных своих частях дополнениям и изменениям. Изменения и дополнения в XIII и XIV веках находятся в ханских ярлыках и в соборных приговорах или постановлениях духовенства.

Первый из ханских ярлыков (грамот)—это ярлык Менгу Темира, данный, всего вероятнее, в 1279 году. Кроме провозглашения общего принципа веротерпимости, ограждения религии, церкви и ее служителей от всякого рода хулы и оскорблений, ярлык Менгу-Темира заключает в себе податные льготы духовенству: духовенство освобождается от дани, пошлин и повинностей; церковные слуги и холопы свободны также от исполнения повинностей; земли, принадлежащие церковным учреждениям, объявляются неприкосновенными. Другие ханские ярлыки дополнили финансовые льготы льготами судебными, предоставив духовенству право суда над церковными людьми по всем без исключения делам [1].

Не трудно заметить, что ханские ярлыки в сущности не создавали ничего нового, а формулировали письменно те нормы обычного права, которые давно уже существовали и развивались на Руси. Повидимому, однако, духовенство далеко не удовлетворялось этими обычными привилегиями и ставило себе задачей их возможно бóльшее расширение. Выражением таких стремлений явились так-называемые церковные уставы св. Владимира и Ярослава, недостоверность которых, как уставов именно этих князей, была уже выше указана. Таким образом эти уставы ни в каком случае не могут быть причислены к памятникам церковного законодательства, хотя они и включались в Кормчую. Это памятники не законодательства, а церковно-политической, клерикальной идеологии, подобные тем, которые встретятся нам и в Западной Европе в период феодализма: здесь мы имеем перед собой попытки построить идеал церковного строя, как он представлялся крайним сторонникам господствующего положения церкви в человеческом обществе, теократии, церковного феодализма в полном его развитии. Но мы уже видели, что полного развития феодализма в удельной Руси так и не получилось. Поэтому и церковный феодализм в его крайних проявлениях совершенно не подходил

[1]) Приселков, Ханские ярлыки.

к реальным условиям русской общественной и государственной жизни того времени, и клерикальный идеал осуществлен не был.

Из церковных постановлений XIII и XIV веков замечательны „правило" Владимирского собора 1274 года и постановления митрополитов Петра и Фотия о вдовых священниках. Владимирский собор 1274 года имел в виду уничтожить симонию при замещении церковных должностей. Установлена была общая плата епископу в 7 гривен за возведение вместе в диаконы и в священники, а остальные поборы — плата за назначение священников на определенное место и за поставление в игумены („посошное"—от игуменского посоха)—были отменены. Кроме того, запрещено было духовенству заставлять нищих. живших при церквах, работать на причт и епископа [1]). Надо, впрочем, заметить, что бо́льшая часть этих решений так и осталась в области благих пожеланий. Митрополиты Петр и Фотий совершенно запретили вдовым священникам совершать таинства и требовали от них, в случае желания сохранить право священнослужения,—пострижения в монахи [2]).

Духовенство удельной Руси находилось в сильнейшей зависимости от государства и общества. Низшее духовенство, согласно канонам, выбиралось прихожанами, но этот выбор все чаще и чаще становился фикцией, превращаясь в простую санкцию воли местных крупных землевладельцев [3]): феодализация давала себя знать. Эти крупные местные землевладельцы нередко позволяли себе при этом большие злоупотребления: напр., добивались от епископов поставления в священники своих холопов и пользовались этим, чтобы извлекать для себя лишние доходы [4]). Положение митрополитов и епископов по отношению к князьям было подчиненным [5]).

Монастырские, архиерейские и церковные земли составляли, несомненно, главный источник содержания духовенства в удельный период. Но на-ряду с этим существовали, конечно, и другие источники. По мере распространения и утверждения христианства прихожане стали принимать более деятельное участие в содержании духовенства: помимо платы натурой

---

1) Знаменский, Руководство к русской церковной истории.
2) Там же.
3) Там же.
4) Там же, стр. 24.
5) Там же, стр. 59.

за требы, поступавшей от отдельных прихожан, духовенство обыкновенно получало от прихода ругу, т.-е. особый сбор, состоявший также в большинстве случаев из разных деревенских продуктов. В тех случаях, когда церковь устраивалась князем или крупным вотчинником или помещиком и находилась под его покровительством, руга поступала причту от покровителя, — патрона, феодального владыки [1]). Но регулярные отчисления в пользу церкви из княжеских доходов, повидимому, уже не производились. Что касается архиерейских доходов, то о них мы уже говорили отчасти, указывая на доходы от поставления священнослужителей. Но, кроме того, во время архиерейских поездок по епархии духовенство приносило дары и доставляло „подъезд" на содержание архиерея со свитой, а также подводы [2]). За церковный суд духовенством и мирянами платились в пользу архиереев судебные пошлины [3]). Наконец, все церкви епархии вносили епископу особую дань, петровские и рождественские сборы [4]). Основное начало кормления, столь характерное для политического строя удельной эпохи, господствовало, следовательно, и в церковном устройстве.

Чтобы закончить речь о церкви, как учреждении, остается указать в заключение, что христианство, еще раньше, как нам известно, распространившееся между всеми племенами восточных славян, в XIII и XIV веках стало приобретать последователей и среди инородцев. Самым выдающимся деятелем по распространению христианства между инородцами был в конце XIV века св. Стефан Пермский, просветитель зырян [5]).

Переходя к духовной культуре, следует установить, что главная масса русского народа и в это время оставалась психически неорганизованной, что на ней всецело отражались, ею вполне овладевали мимолетные впечатления, которые нередко противоречили одно другому и приводили часто к взаимно-противоположным действиям. Но уже в предшествующий период, как мы видели, началось образование более

---

1) Там же.
2) Там же.
3) Там же.
4) Там же.
5) Соловьев История России, т. IV, стр. 260 и сл.

или менее сложившихся характеров с ясно наметившимся уклоном в сторону эгоизма, в особенности приобретательства, стяжания. Эта тенденция продолжала существовать и развиваться и в России XIII и XIV веков. Примеры тому — два выдающихся князя Андрей Боголюбский и Александр Невский.

У обоих старое мужество древних князей — искателей приключений вроде Святослава — сохранялось в достаточной мере: Андрей в пылу битвы часто увлекался сечей и подвергал себя большим опасностям, пьянел от бурной схватки; Александр лично участвовал в сражениях не только как руководитель но и как боец: припомним „печать", наложенную им лично копьем на лицо шведского ярла Биргера в Невской битве 1240 года. Но они уже не странствовали, не бродили, прикрепились к месту, чувствовали себя удобно лишь на суздальском севере: Андрей ушел с юга, из Вышгорода [1]), на север, а Александр чувствовал живейшие связи, соединявшие его именно с его вотчиной—Переяславлем-Залесским. Они—собственники, вотчинники по духу, не только по форме. И потому они приобретатели и дипломаты, ловкие и осторожные, и „самовластцы" не столько по любви к власти, сколько из материальных выгод, с нею связанных. Оба они простирали свою властную руку над всей русской землей, не ладили с вольным Новгородом, не дружили с югом, не прочь были от насилий со слабейшими, но при неудаче и перед лицом сильнейшего умели сдержаться и смириться: Андрей, потерпев неудачу в прямой осаде Новгорода, стал действовать хитростью; Александр смиренно подчинялся татарскому хану. Приспособляемость, первые признаки которой наблюдались еще у Владимира Мономаха, составляет уже определенно выраженную характерную черту и Андрея Боголюбского, и Александра Невского. Люди эгоистического склада все заметнее выделялись таким образом из духовно-неорганизованной массы.

И понятно, почему это происходило: приобретательство, хозяйственность, осторожность, хитрость диктовались и полным господством земледелия, создававшим трудно-порываемые связи с определенным местом, и социальными условиями, приводившими к более ясным противоположностям, и вотчинными

---

[1]) Под Вышгородом надо разуметь не город Вышгород, а холм в Киеве, по мнению г. Ласкоронского („Киевский Вышгород в удельно-веч. время": „Ж. М. Н. Пр." за 1913 г., апрель и сл.).

порядками в княжеском владении, всеми вообще новыми обстоятельствами, наметившимися и утвердившимися в области материальной культуры.

И старое и новое в психологии общества нашло себе выражение в разных проявлениях духовной культуры.

В нравственной жизни общества и в XIII и в XIV веках и даже позднее было очень много остатков старины, проявлений грубых, элементарных инстинктов и привычек. Симония, т.-е. продажность церковных санов, принуждение епископами нищих, живших при церквах, к работе в архиерейских вотчинах, праздная и роскошная жизнь в монастырях, распущенность в отношениях между полами, времяпровождение, характеризуемое в одной современной проповеди, как „всегда наслаждение и упитание, всегда игры и позорища, всегда бани и лежание, всегда мысли и помыслы нечистые",—все это признаки настоящего полуживотного состояния. Но уже влияла на нравы и все более слагавшаяся психология эгоизма. Это особенно ярко отразилось на положении женщины высшего, отчасти и среднего круга. Пока общество не было психически организовано, супружеская верность ценилась не особенно высоко. Но приобретатель, стяжатель, корыстолюбец, эгоист, у которого так силен инстинкт собственности, причисляет и женщину к предметам своего полного и исключительного обладания и в ревнивой заботе о ее целомудрии запирает ее в терем, создает затворничество женщин. В нашей исторической литературе склонны были приписывать затворничество женщин татарскому влиянию, но стоит только вспомнить, что подобное явление господствовало и в средневековой Европе в рыцарском быту, чтобы понять, что дело тут вовсе не в татарском влиянии, а именно в известной системе чувств и взглядов, созданной реальными условиями времени. Конечно, с нашей точки зрения затворничество женщин и нелепость, и жестокость, и очень плохая гарантия целомудрия. Но психология эгоизма нашла в ней все же яркое свое выражение: инстинкт и развитое сознание собственности были первыми средствами борьбы против половой распущенности.

Историческим прошлым было завещано изучаемому периоду в религиозной жизни двоеверие, беспорядочная смесь язычества с христианством. Такое двоеверие в очень значительной степени сохранилось и теперь и отчасти также переродилось в ряд грубых суеверий. Так, о сильном распространении веры

в колдовство свидетельствуют поучения владимирского епископа XIII века Серапиона.

Мало нового пока проявлялось и в искусстве. Здесь попрежнему преобладали механические заимствования иностранных образцов; только в XIII и XIV веках эти образцы давал теперь главным образом Восток. Характерно, что тут кое-где пробивалось уже и оригинальное творчество на основе восточных мотивов. Это пока проявилось только в орнаменте,—в заставках и заглавных буквах рукописей. По словам одного из глубочайших знатоков древне-русского искусства, в этом орнаменте выразились: „сила фантазии", „стремление создать игривое впечатление": заставки и заглавные буквы представляли собою „затейливое сплетение ремней и веток с разными фантастическими животными, с птицами, у которых иногда человеческие головы, с зверями, хвост которых извивается веткою, оканчивающеюся листком, особенно с драконами и змиями, которые из своей пасти выпускают ветку, а своим хвостом перевивают зверей и других чудовищ, наконец, с человеческими фигурами, руки и ноги которых вплетены в эти перевивы из ремней и змеиных хоботов" [1]).

Гораздо больше самостоятельности и оригинальности в литературе XIII и XIV веков. Это прежде всего надо сказать о церковно-учительной литературе и житиях святых этого времени. Выдающаяся по тому времени образованность отличает Авраамия Смоленского, одно время обвинявшегося даже в ереси, но оправданного [2]). В XIII веке сложилась первая редакция Патерика Печерского — собрания житий святых Киево-Печерской Лавры. В состав первой редакции, существовавшей в таком виде до начала XV столетия, входили сочинения Симона (Печерского монаха, потом игумена Владимирского монастыря Рождества Богородицы, наконец, епископа Владимирского и Суздальского) „Слово о создании церкви Печерской", написанное не ранее 1222 года, его же „Послание к Поликарпу" (в 1225—1226 г.г.), „Послание" Поликарпа к Акиндину и Несторово „Слово о первых черноризцах печерских" [3]). Симон

---

[1]) Слова Буслаева: см. „Критич. Обозр." за 1879 г., № 2; ср. Бутовский, Русское искусство и мнение о нем Виоле-ле-Дюка и Ф. И. Буслаева, М. 1879, стр. 37.

[2]) Келтуяла, Курс истории рус. литературы, I, 1, стр. 709.

[3]) Абрамович, Исследование о Киево-Печерском Патерике, Спб. 1902, стр. XXVIII, 1, стр. 27—28.

обнаруживает значительную начитанность в византийской церковной литературе; он и Поликарп пользовались также и русскими летописями и житиями, отчасти до нас не дошедшими [1]). Патерик Печерский показывает, между прочим, что высших ступеней созерцательного монашества в удельной Руси не было достигнуто, и что недолго существовало и строгое общежитие [2]): монастырская жизнь быстро обмирщалась. Но все же Патерик проникнут свежей, наивной, детской верой, и кроме того у Симона и Поликарпа есть нечто еще новое, незаметное, напр., у Нестора это элемент религиозно-поэтический [3]). Чудеса рассказываются, впрочем, и здесь точно и совершенно по византийскому образцу [4]).

Чрезвычайно характерной в смысле стремления к самостоятельности и оригинальности является проповедническая деятельность епископа владимирского, суздальского и нижегородского Серапиона в XIII веке (ум. в 1275 г.). Темою его первых поучений было разъяснение религиозно-нравственного значения татарского ига, как Божия наказания за грехи. В этих проповедях очень еще много византийских традиций, слепо воспринятых: так, напр., удержана традиционная схема обличаемых проповедником людских пороков, установленная византийской церковно-учительной литературой [5]). Но уже здесь сказывается непосредственное чутье действительности: горечь порабощения изображена яркими красками; здесь слышится настоящий, непритворный крик души. Еще менее следов византийского влияния заметно в позднейших проповедях Серапиона, где разбираются вопросы об испытании ведьм посредством холодной воды и о их сожжении, а также о выкапывании из земли погребенных утопленников и удавленников, которые, по народному поверью, могли вредить урожаю и благоприятной для сельского хозяйства погоде. Самые темы, очевидно, подсказаны проповеднику жизнью. Отношение к ним проповедника также своеобразно: он, напр., признает ведовство за действительный факт, высказывается даже за убиение ведьм и требует только действительных доказательств

---

1) Там же, стр. 175, 182—183.

2) Там же, стр. 192, 193.

3) Келтуяла, Курс истории рус. литер., I, 1, стр. 726.

4) Там же, стр. 727.

5) Пыпин, История рус. литер., т. I, Спб. 1898, стр. 221 и сл. Петухов, Серапион Владимирский, Спб. 1888, стр. 21—29.

их ведовства, не признавая таковым испытания посредством холодной воды. Прибегая ко многим образам в своем изложении, пользуясь то вопросительной, то драматической формой, восклицаниями, сравнениями, противоположениями, Серапион и тут не искусственно подражает чужеземным образцам, а развивает свои мысли необыкновенно просто, без строго обдуманного плана, так, чтобы найти ближайший путь к сердцу и уму слушателя из народа [1]). Характерны у него и обличения недостатков общества, делившегося уже на классы, и проповедь против остатков язычества, по собственному его сознанию, не достигавшая цели [2]).

Весьма любопытен и типичен был еще один вид церковного творчества — духовные стихи, сближаемые теперь с отчасти паломнической, отчасти рыцарской поэзией запада Европы [3]). Это — характерное выражение средневекового, феодально-церковного миросозерцания, цельного, проникнутого духом времени и потому враждебного тому процессу разложения удельного строя, какой начался позднее. Мы будем говорить здесь о духовных стихах в их целом, захватывая и последующее время, чтобы не дробить изложения и не возвращаться к ним позднее.

Калики или паломники — это бо́льшею частью певцы из духовенства, странники по святым местам, монахи прежде всего из дружинников, бояр, потом уже только из низших классов, слуг знатных калик. Исследователи различают ряд ступеней в развитии духовного стиха: первая ступень—воспроизведение паломниками для себя во время путешествия или работы церковных песнопений, чтение нараспев проповедей и житий святых; вторая—на песенный мотив опять-таки для себя поются жития или сказания; третья—проявление большей оригинальности и в форме и в содержании: вырабатывается музыкально-поэтическая форма, в содержание вносятся подробности из других церковных песнопений; наконец, четвертая ступень — переделки духовных стихов на демократический, народный лад. По содержанию различаются стихи о каличестве („40 калик со каликою“, о путешествии в Иерусалим и пр.), о ветхозаветных лицах („Плач Адама“, „Об Иосифе Прекрас-

---

[1]) Петухов, Серапион Владимирский, стр. 39—40, 56, 65—66, 133—134.
[2]) Келтуяла, Курс истории рус. литер., I, 2, стр. 236, 240.
[3]) Аничков, Язычество и древняя Русь, стр. 193 и сл.

ном", „О Голубинной книге"), о лицах новозаветных и о святых. Характерна космогония духовных стихов, основанная на апокрифах, любопытно изображение победы Москвы, как торжества Кривды над Правдой, обращает на себя внимание изображение происхождения сословий в стихе о Голубинной книге: царь произошел от головы Адама, бояре — от мощей его, крестьяне—от колена [1]).

Писанная литература паломничеств постепенно утрачивает церковный характер и превращается в литературу простых путеводителей. Таковы в XIV веке „Хождение" архимандрита Агрефения и „Странствование" Игнатия Смольнянина [2]).

Связующим звеном между церковной и светской литературой являются апокрифы, принадлежавшие к составу „отреченной" или запрещенной церковью литературы, содержащей недостоверные предания и рассказы. Из них особенно известны были „Исповедь Евы"—рассказ о ее грехопадении, сказания об Иуде, „Хождение Богородицы по мукам" и „Видение апостола Павла", трактующие о мучении грешников, аде и рае. Апокрифы были не чем иным, как религиозным эпосом, поэзией религии [3]). Уже в них заметен основной интерес, руководивший в то время читателями произведений, получивших позднее название изящной литературы или беллетристики,— жажда занимательности сюжета, то, что можно назвать простым любопытством.

Старая переводная беллетристика XII века не только была всецело унаследована изучаемым временем, но и подвергалась дополнениям и переделкам, свидетельствующим об интересе к ней читающей публики: к XIV веку, согласно догадкам исследователей, относится ряд переработок „Александрии", из которых потом, в начале XV века, сложилась вторая редакция этой заимствованной из Болгарии повести [4]); в то же время появилась новая редакция „Александрии" — сербская [5]). Все эти переделки отличаются одной общей чертой,— усилением фантастического элемента, придававшего рассказу несравненно более занимательности, чем могли дать первые редакции.

---

[1]) Келтуяла, Курс истории рус. литературы, I, 2, стр. 449—462.
[2]) Пыпин, История русской литературы, I, стр. 383, 387.
[3]) Там же, стр. 417 и след.
[4]) Там же.
[5]) Там же, I, стр. 306.

Особое положение занимает „Слово“ или „Моление Даниила Заточника“. Прежде „Слово“ признавалось произведением XII века, причем некоторые исследователи склонны были считать его сочинением остроумного придворного княжеского шута [1]), но новейшие работы по изучению отдельных редакций „Слова Даниила Заточника“ привели к тому выводу, что оно составлено в 20-х или 30-х годах XIII века и адресовано новгородскому князю Ярославу Всеволодовичу, впоследствии великому князю владимирскому, отцу Александра Невского [2]); наконец, доказано было, что автор вовсе не был заточником, сосланным на Лач-озеро за трусость; место о Лач-озере—позднейшая вставка. Автор был человек образованный, сын зажиточных родителей, принадлежал к числу тех дворовых слуг, которые стали социальным зародышем будущего дворянства; родители не дали ему заняться тем, чем он хотел, и не помогали материально; обеднел, служил у бояр-богачей, но оказалось тяжело; содержание „Моления“ в его первоначальной редакции—просьба к Ярославу Всеволодовичу о принятии на службу—не ратную—автор не храбр,—но в качестве советника, на что автор считает себя достаточно способным, обладающим и знаниями и даром слова. Уже в первоначальной редакции здесь много притчей, сравнений, много проявлений замечательного остроумия [3]). Все это сделало „Слово“ очень популярным в древне-русской литературе и породило множество его переделок, новых редакций, сильно пополнявших и изменявших основной текст [4]).

Из отдельных произведений исторической литературы замечательно прежде всего „Слово о погибели Русской земли“, возникшее в дружинной, боярской среде до 1238 года, вероятно, в Переяславле-Залесском. Многое взято здесь, вероятно, из устного княжеско-дружинного эпоса. Тема—изображение дурного состояния России перед татарским нашествием [5]). Сюда примыкают носящие, впрочем, в значительной степени иной характер сказания, связанные с нашествием татар. Таково сказание о Калкском побоище, объясняющее нашествие карой за грехи князей, предания о рязанской княгине Евпраксии

---

1) Голубинский, История рус. церкви, I, 1, стр. 867.
2) Келтуяла, Курс истории рус. литер., I, 1, стр. 614.
3) Там же, стр. 616, 618.
4) Там же, стр. 614.
5) Там же, стр. 627.

и о Евпатии Коловрате, основанные, повидимому, на дружинных песнях, и повесть об убиении Батыя, имеющая южнославянское происхождение [1]).

Летописи велись на удельном северо-востоке в очень многих городах. Не говоря уже о дошедших до нас в сохранившихся летописных сводах многих отдельных известиях местного происхождения, об этом свидетельствует известие епископа Симона в Печерском Патерике о „Летописце старом Ростовском“ [2]) и уцелевший до нашего времени „Летописец Переяславля Суздальского“, составленный в начале XIII века. Продолжалось также соединение первообразных летописей в летописные своды, при чем здесь уже с начала XIV века наблюдается новая, объединительная тенденция, о которой удобнее говорить уже в связи с разложением удельного строя.

---

[1]) Там же, I, 2, стр. 105, 106, 111.
[2]) Абрамович, Исслед. о Киево-Печерск. Патерике, стр. 182.

II.

Южная Русь XIII и XIV веков.

От северо-востока переходим к другому центру, создавшемуся на юге, около Галицко-Волынского княжества. Правда, судьбы Киевщины и Черниговщины уже в XIV веке отделились, как мы видели [1]), от судеб Галиции, Волыни и Подолии, и мы коснулись их уже отчасти в связи с историей Литвы, но там пришлось говорить о них в связи с феодальной революцией в Литве, которая для русских областей была уже ликвидацией удельных отношений, падением феодализма. Поэтому сейчас придется, говоря о южной Руси, вернуться несколько назад.

Начнем с населения и колонизации. В 50-х годах XII в. Чернигов и семь других северских городов, в том числе Любеч, оказываются пустыми: по словам одного князя, в них жили только псари да половцы [2]). После татарского нашествия Чернигово-Северская область сильно опустела, и значительный прилив населения стал наблюдаться лишь в XIV и XV веках, когда в разных местах Черниговщины начали садиться „люди вольные прихожие“, и землевладельцы, как князья Романовский, Сокира, Шемяка, Можайский, Жеславский, принялись деятельно привлекать крестьян на свои незаселенные владения.

Более шестидесяти лет тому назад в русской исторической литературе был поднят спор по вопросу о запустении Поднепровья, главным образом Киевской области, в XIII ве-

---

[1]) См. том первый, глава четвертая, II.

[2]) Ключевский, Курс русской истории, ч. I.

ке [1]). Спор этот, который возобновился недавно, и в котором на-ряду с историками принимали деятельное участие и лингвисты [2]), обострился, главным образом, по той причине, что с тем или другим его решением связывалось представление о степени этнографической чистоты малорусского племени. Конечно, никак нельзя утверждать, что Киевская земля после нашествия Батыя обратилась в совершенную пустыню; но нет сомнения, что населенность ее уменьшилась еще во второй половине XII века; часть населения ушла отсюда, как мы видели, на северо-восток, часть подвинулась к западу, наглядным выражением чего является возвышение Галича и Волыни. Таким образом татарское нашествие лишь продолжило процесс, начавшийся раньше, и хотя не обратило всей страны в пустыню, но довело количество населения до очень небольших размеров: по словам Плано-Карпини, проезжавшего через южную Россию в 1246 г., народу от Волыни до Киева осталось мало: большинство было перебито или уведено в плен татарами; в Киеве оставалось всего 200 домов [3]). Гораздо менее пострадали от Батыя западные области: в Галиции и на Волыни уцелели города Кременец, Данилов и Холм и сохранилось население Бокоты и Перемышля [4]); степи по южному Бугу до Днепра — так-называемые Болоховская земля и Побожье — также были пощажены татарами, потому что отдались им без сопротивления [5]).

XIII, XIV даже XV столетия не принесли с собой сильного населения Киевской земли: она оставалась населенной довольно слабо, хотя некоторый прилив поселенцев и наблюдался, особенно в XV веке: так, еще до Витовта появились Черкасы [6]), Витовт построил Кременчуг и Мишурин Рог [7]), затем возникли Балаклы, Ходоров, Глинск [8]); киевская люстрация (т.-е. писцовая книга) 1471 года указывает значитель-

---

[1]) См. особенно Яблоновский, Zródla dziejowe; Погодин, „Исслед. замеч. и лекции"; Максимович, Сочинения, т. I.

[2]) Напр., г. Крымский.

[3]) Соловьев, История Росси, т. IV, стр. 252.

[4]) Владимирский-Буданов, Население юго-зап. Руси от полов XIII до полов. XV в., „Архив юго-зап. России", ч. VII, т. I, стр. 16—17.

[5]) Там же, стр. 23.

[6]) Там же, стр. 55.

[7]) Там же, стр. 56.

[8]) Там же, стр. 57, 59.

ное количество сел на реке Роси[1]); Витовт и Свидригайло жалуют пустые земли в Киевской области литовской и русской знати[2]); заселением пустовщин занимались, наконец, и монастыри, как Киево-Печерский и киевский Николаевский-Пустынский[3]). В 1482 г. Киевскую землю постиг снова весьма тяжелый удар, — опустошительное нашествие крымского хана Менгли-Гирея. Результаты его были весьма ощутительны: на окраинах Киевской земли остались лишь укрепленные места и поселения вокруг замков[4]).

В Галиции, на Волыни и в Подолии еще до нашествия Батыя наблюдается быстрый рост населения, выразившийся в основании новых городов, как Данилов, Угореск, Холм, Львов[5]). После татар были быстро восстановлены разоренные ими Галич, Владимир, Луцк и Дорогичин[6]). В XIII и XIV веках увеличивается население в Подолии: появляются Каменец, Браславль и Веница (Винница), Дашин (по среднему Бугу) и, наконец, у берегов Черного моря селения Чичаклей, Боргунь и Тегинка, Очаков и Хаджибей (нынешняя Одесса)[7]).

В связи с переменами в населении стоят новые явления хозяйственной жизни. В Северной земле XV века земледелие уже восторжествовало давно,—пахотные угодья во всех актах стоят на первом плане,—и в то же время совершался процесс быстрого приближения натурального хозяйства к денежному: по приходо-расходным записям великокняжеской казны конца XV века в северских волостях на первом плане стоят дани грошовые или серебряные[8]), т.-е. денежные платежи; то же надо сказать и о поголовщине: она платится деньгами[9]).

Прекрасные естественные условия остальных южно-русских областей, обилие даров природы обеспечивали всем от-

---

1) Там же, стр. 61.
2) Там же, стр. 64.
3) Там же, стр. 69.
4) Там же, стр. 7.
5) Там же, стр. 26.
6) Там же, стр. 26.
7) Там же, стр. 31, 60, 57.
8) Довнар-Запольский, Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонах, Киев. 1900. Его же: Акты Лит.-рус. государства.
9) Там же.

дельным частям этой области возможность занятия добывающей промышленностью. Отсюда, однако, не следует, что везде добывающая промышленность играла одинаково важную роль. Вообще можно сказать, что, в соответствии с изображенным выше распределением населения, по мере приближения к востоку значение добывающей промышленности увеличивалось, тогда как ближе к западу она довольно рано уступила первое место сельскому хозяйству, в частности земледелию, и преобладание последнего становилось с течением времени все сильнее. Так, в Киевской земле — в области городов Киева, Житомира, Овруча (Вручия), Мозыря и т. д.—до самого конца XV века охота, пчеловодство, рыболовство были главными занятиями жителей. По люстрации 1471 г., первостепенное значение здесь имело добывание меда и воска, много указано пасек, и обычным платежем является медовая дань[1]). В то же время весьма видный элемент населения составляют бобровники[2]). Отдельные грамоты Киевского, Житомирского, Овручского, Черкасского поветов в конце XV в. указывают в качестве основной части владельческого оброка дань медовую, куничную и лисичную[3]), а в числе угодий всего чаще встречаются и подавляют пахотную землю и даже отчасти сенокосную пасеки, озера, луга, борти, „подлазные земли", бобровые гоны, езы, перевесы, ловища звериные и пташие[4]). Земледелие, конечно, существовало, но в сравнительно незначительных размерах, и иногда можно наблюдать только возникновение новых „припашей". Характерно, что село Триполь Киевского повета еще в 1500 г. давало к великокняжескому замку только по 2 лисицы и по 5 возов сена в год[5]): тут нет и следа земледелия.

Восточная Подолия недалеко ушла от Киевской земли: все сейчас сказанное о последней применимо, судя по наличному актовому материалу, и к первой. Тем не менее, уже здесь надо несколько смягчить краски. Так, в XV веке в Браславском повете встречаются уже имения, где добывающая про-

---

[1]) Архив юго-западной России, часть VII, том II, № 1.

[2]) Там же.

[3]) Леонтович, Акты Лит. метрики, т. I, вып. 2, №№ 452, 520, 525, 594; Акты Западн. России, т. I, №№ 26, 72, 171 и др.

[4]) Леонтович, Акты Лит. метрики, т. I, вып. 1, № 355; вып. 2, №№ 520, 525; Акты Западн. России, т. I, №№ 158, 171, 178 и др.

[5]) Леонтович, Акты Литовск. метрики, т. I, вып. 2, № 525.

мышленность не играет уже никакой роли, и земледелие со скотоводством являются основным хозяйственным нервом [1]).

Подвигаясь еще далее к западу, мы наблюдаем еще более раннее торжество земледелия. Жители центральной и западной Подолии уже в XIII веке занимались по преимуществу земледельческим производством и давали дань татарам пшеницей и просом [2]). В Галиции и на Волыни княжеское полюдье в том же столетии собиралось не только медом, но и крупным рогатым скотом, овцами и—главное—пшеницей [3]).

Пахотные угодья стоят на первом плане в различных грамотах [4]), а натуральные владельческие поборы состоят главным образом из зернового хлеба [5]). Конечно, попадаются часто даже в XV в. также угодья, дающие возможность заниматься добывающей промышленностью, но из отдельных видов этой последней крупное значение принадлежало только добыванию соли в галицкой Коломые [6]). Часто попадающиеся луга, „сеножати" и „пастовники" (пастбища, выгоны) [7]) указывают на скотоводство.

Та перспектива, в какой располагаются таким образом отдельные части южной Руси с точки зрения взаимных отношений между добывающей промышленностью и сельским хозяйством, должна быть сохранена и при определении относительного значения торговли.

И в этом отношении Киевская земля оказывается наиболее отсталой. Правда, по раскопкам здесь в XIV и XV веках встречается много монет не только местных, но и чешских, литовских, новгородских [8]), затем о торговле Киева свидетельствуют документы XV века. Но при всем том хозяйство даже и в этом последнем столетии продолжало оставаться натуральным, масса населения принимала весьма малое участие в торговом обороте: стация, которая в Киевской земле называлась болкуновщиной, платилась до конца XV века в

---

[1]) Там же, №№ 538, 543.

[2]) Линниченко, Черты из истории сословий в юго-западной Галицкой Руси. М. 1894, стр. 14.

[3]) Там же.

[4]) Леонтович, Акты Лит. метрики, I, 1, №№ 3, 14, 388; I, 2, №№ 474, 503 и др.

[5]) Там же.

[6]) Дашкевич, Княженье Даниила Галицкого, Киев 1873, стр. 80.

[7]) Леонтович, Акты Лит. метр., I, 1, №№ 388; I, 2, № 474, 503 и др

[8]) Грушевский, Очерк истории Киевской земли.

подавляющем большинстве случаев натурой, а не деньгами [1]), доходы землевладельцев все время слагались обыкновенно из натуральных поборов [2]), мыт и торговых центров было мало, Киев и Житомир получили магдебургское право лишь в половине XV века [3]). То же следует повторить и о восточной Подолии, города которой, даже такие, как Браслав и Винница, не имели магдебургского права даже до второй половины XVI в. [4]).

Зато в западной Подолии, на Волыни и в Галиции мы имеем ряд свидетельств наших источников о развитии торговли и о смене натурального хозяйства денежным, товарным. Еще в XIII веке в Галицию и на Волынь ездили купцы из Бреславля, Польши и Австрии [5]). По Днестру в то время ходили ладьи к Олешью (в нижнем течении Днестра) и привозили на обратном пути в Галичь рыбу и вино [6]). Коломыйская соль издавна была видной статьей галицкого экспорта [7]). В первой половине XIII века в Галиции и на Волыни считалось уже до 50-ти городов [8]). В XV столетии на Волыни было множество мыт, при чем луцкое мыто давало крупную сумму в 2100 коп грошей в год [9]). Рано проникло в эти области и магдебургское право, достигшее притом широкого распространения в городах: Санок в Галиции получил его в XIV веке [10]), как и подольский Каменец [11]); Смотричу, Хмельнику и Червонограду оно было дано в 1448 г. [12]); Зинькову в 1458 г., Луцку в 1432 г., Кременцу в 1431 г., Владимиру в конце XV века [13]). В 1407 г. львовские и подольские купцы покупали в Молдавии рыбу, воск, шелк, перец, камку, ладан, лошадей, в Венгрии скот, кожи, овчины,

---

1) Довнар-Запольский, Госуд. хозяйство Лит. Руси.
2) Леонтович, Акты Лит. метр., I, 2, №№ 452, 520; Акты Зап. России, т. I, № 26.
3) Антонович, Монографии по истории западной и юго-зап. Руси.
4) Там же.
5) Дашкевич, Княжение Даниила Галицкого, стр. 79.
6) Там же.
7) Там же, стр. 80.
8) Там же, стр. 81, прим. 5.
9) Довнар-Запольский, Госуд. хозяйство Лит. Руси.
10) Антонович, Монографии.
11) Там же.
12) Там же.
13) Там же.

шерсть, шапки, мечи, серебро, куниц[1]). Наконец, денежные платежи все чаще и полнее заменяют собою всякого рода натуральную дань[2]). При этом указанное выше обилие мыт указывает именно на местные узкие рынки, на то, что денежное хозяйство большею частью не было еще рассчитано на обширный сбыт.

В соответствии с этими торговыми успехами Галиции, Волыни и западной Подолии находился и рост в этих областях обрабатывающей промышленности, городского ремесла и сельских кустарных промыслов. На это указывают и отмеченное выше распространение магдебургского права, и известие летописи XIII века, что к Даниилу Галицкому бежало от татар много мастеров—седельников, лучников, тульников, кузнецов, выделывавших серебряные и железные изделия[3]), что в городе Холме и его окрестностях было множество мастеров[4]), и что некий художник „хитрец Авдий" украсил белым и зеленым тесаным камнем двери холмской церкви св. Ивана[5]).

Таким образом, тогда как в восточной половине южной Руси в течение удельного периода преобладающее значение принадлежало добывающей промышленности, и хозяйство оставалось натуральным, — западная половина скоро превратилась в страну по преимуществу земледельческую с денежным или товарным хозяйством, рассчитанным притом по преимуществу на местный, узкий рынок.

На почве относительного значения разных отраслей хозяйства сложились формы землевладения. В отсталой восточной половине южной Руси, где господствовала, как мы только что видели, добывающая промышленность, до очень позднего времени уцелело даже старое, древнее вольное землепользование. По свидетельству черкасской и каневской люстраций 1552 года, „пашут черкашане на поли, где хто хочет"[6]). В XV веке в Киевской земле, даже у бояр, кроме частного

---

1) Акты Зап. России, т. II, № 21.

2) Леонтович, Акты Лит. метр., I, 2, №№ 474, 503 и др.

3) Дашкевич, Княжение Даниила Галицкого, стр. 93—94.

4) Там же, стр. 94.

5) Там же.

6) Любавский, Начальная история малорусского казачества, „Журн. Мин. Народн. Просв." за 1895 г., июль, стр. 234—235

владения, было еще общее — commune, а иногда бояре поочередно пользовались землями [1]). Если так было в столь поздние времена, то можно себе представить, что было раньше: очевидно, в этих местах застыла форма или бесформенность древних отношений к земле.

В Галиции и на Волыни, напротив, скоро даже и от сябринного или „дворищного" крестьянского землевладения уцелели только остатки. Характерно, что даже в том случае, когда крестьянские земли переходили в руки других классов общества, остатки прошлого сохранились здесь по крайней мере иногда в праве крестьян отчуждать свои участки друг другу, разумеется, с разрешения землевладельца. Мы имеем, например, факт 1421 года: перемышльский епископ разрешил крестьянину Околу продать другому крестьянину Кондрату дворище, находившееся в епископском селе Велч [2]).

Сделанное сейчас замечание о переходе крестьянских земель в руки лиц из других слоев общества указывает на продолжавшийся рост княжеского, боярского, архиерейского и монастырского землевладения. Благодаря заимке свободных земель, покупкам у крестьян и княжеским пожалованиям в Галиции уже в XIII и XIV веках развилось сильно крупное боярское землевладение. Так, в XIV веке там были известны весьма крупные землевладельцы бояре Одрованжи [3]). Кроме киевских—Печерского и Николаевского—Пустынского—монастырей земли приобретались также, напр., волынским монастырями—Спасским-Красносельским [4]), Троицким [5]) и т. д. Есть также указания на временное и условное владение, поместье. Примеры киевский Николаевский-Пустынский монастырь получил от великого князя „до воли" его селище Княжичи [6]), брянский епископ дал село Очкасово боярину своему Григорию Иванову с обязательством служить епископу [7]).

---

[1]) Архив юго-зап. России, часть VII, т. 1, стр. 67.

[2]) Акты Зап. России, т. I, № 29.

[3]) Линниченко, Черты из истории сословий в юго-зап. Галицкой Руси, стр. 48.

[4]) Акты Западн. России, т. II, № 84.

[5]) Там же, № 94.

[6]) Акты Западн. России, т. I, № 93.

[7]) Акты Западн. России, т. II, № 168.

Вследствие роста товарного хозяйства в Галиции, стало выгодно расширение барской запашки и введение барщины. Конечно, так как рынок был не широк, то и другое увеличивалось медленно, и только в XVI в. барщина („панщина") достигла здесь громадных размеров, отнимая у крестьян 2, 3 и даже иногда 5 дней в неделю[1]). Городские ремесла с введением магдебургского права организуются в цехи[2]).

Новые хозяйственные условия на Волыни и в Галиции создали не только класс крупных, феодальных землевладельцев, но и привилегированную феодальную аристократию. Галицкие бояре уже в XIII веке выбирают князей, и важнейшие акты правительственной деятельности совершаются „по совету бояр и знатных людей" („ex consilio baronum ac nobilium")[3]).

Магдебургское право организовало в сословие и другой класс южно-русского общества—городских купцов и ремесленников. За горожанами или мещанами признается право на охрану от произвола путем суда, основанного на законе, им даруется специальная городская юрисдикция, и, наконец, за ними утверждается исключительное право вести торговлю и заниматься ремеслами. Но главное, что получили мещане от магдебургского права, это, конечно, корпоративные права, сводившиеся к устройству городского самоуправления. По магдебургскому праву городом управляли две коллегии: 1) рада, которая, под председательством бурмистра, ведала гражданский суд, полицию, городские имущества и имела надзор за торговлей, 2) лавничий суд, состоявший из 12-ти присяжных под председательством войта, вершивший суд над горожанами по уголовным делам[4]).

Наконец, над южно-русским крестьянством—особенно под влиянием денежного хозяйства, задолженности и барщины—уже в XIV веке стал все туже затягиваться узел крепостной неволи[5]).

Политическое возвышение Галича и Волыни восходит своими основами к концу XII века, к княжениям Ярослава Осмо-

---

[1]) Линниченко, Черты из истории сословий, стр. 203.

[2]) Там же, стр. 214 и след.

[3]) Там же, стр. 13.

[4]) Антонович, Монографии; Владимирский-Буданов, Немецкое право в Польше и Литве.

[5]) Линниченко, Черты история сословий, стр. 123 и след.

мысла и Романа. Но центром южной Руси Галицко-Волынское княжество сделалось лишь при сыне Романа—Данииле. В XIII веке в южной, как и в северной, Руси утвердился удельный или вотчинный порядок княжеского владения со всеми его известными уже нам типическими признаками,—с передачей княжеских столов от отца к детям, с крайним дроблением на уделы, с между-княжескими усобицами, со взглядом на княжество, как на наследственную собственность, „отчину" князя. Удельное княжество Даниила первоначально было очень невелико: он владел только городом Владимиром-Волынским и частью восточной Волыни. Но затем он покорил западную Волынь, приобрел Галич с его волостью, подчинил себе пинских князей, захватил Киев [1]). Даниил не был единодержавным властителем южной Руси: его брат Василько получил от него Владимир-Волынский [2]).

Даниил вынужден был подчиниться татарскому игу. Правда, его зависимость от татар была меньшей, чем зависимость северно-русских князей,—так, он лишь раз ездил на поклон к Батыю и свободно сносился с иностранными государями, получил даже от папы королевский титул,—но все же южное и среднее Поднепровье скоро ушло из его рук [3]).

Тогда Даниил обратил свое внимание на западную Русь и захватил Новгородок-Литовский, Волковыйск и Слоним. Но здесь он столкнулся с Миндовгом литовским и также не имел решительного успеха [4]). Нам уже известно [5]), что в XIV веке вся почти южная Русь вместе с Русью западной была объединена Гедимином и Ольгердом. Только Червонная Русь или Галиция не вошла в состав Литовско-Русского государства: она в 1340 году была покорена польским королем Казимиром Великим.

Такова была внешняя политическая история южной Руси, в частности Галиции и Волыни, в XIII и XIV веках. Внутренняя ее политическая история за то же время была несравненно более феодальной по своему характеру, чем история северо-восточной Руси. При князьях в качестве органов

---

1) Дашкевич, Княжение Даниила Галицкого, стр. 12 и сл.
2) Там же, стр. 77.
3) Там же, стр. 74.
4) Там же, стр. 131—135.
5) См. том I, глава четвертая, отдел II.

центрального управления были дворцовые слуги—дворский, печатник, „слуги дворские“ [1]), а в областях—тысяцкие или воеводы и тиуны [2]). Но тысяцкие или воеводы рано стали самостоятельными феодальными владыками [3]). Князь Даниил упрекал бояр, что они всем распоряжаются совершенно самовольно [4]). При нем боярин Доброслав раздавал волости и, несмотря на приказ князя оставить за ним соляные копи в Коломые, сдал их на откуп двоим боярам [5]). Князь Юрий-Болеслав Тройденович, присланный в Галицию в XIV веке, вздумал было бороться с боярством, но погиб насильственной смертью [6]).

Эта обособленность, самостоятельность местных властей и бояр-землевладельцев — прямое следствие расчленения страны на ряд узких, местных рынков, возникновения той формы денежного хозяйства, о которой у нас шла речь выше.

Эгоистическая, приобретательская складка была главной в психологии верхов этого феодального общества. Сам князь Даниил, как нам уже известно, отличался приобретательством. Но он сложнее и интереснее своих северо-восточных современников. У него сильны еще и индивидуалистическая и этическая струи. Ему были свойственны жажда могущества и власти, стремление к новизне и обилию впечатлений, явившееся источником и основанием кипучей, не ослабевающей энергии: он борется с боярами, с трудом выносит татарское иго, добивается королевского титула; он вечно в трудах: работает даже на Пасхе, не спит три дня и три ночи при бегстве своего противника Александра Бельского, с молодости не знает и не ценит покоя [7]). Но в то же время Даниил горячо любит родину, искренно привязан к матери—плачет в детстве, будучи разлучен с нею [8]), очень любит брата, с которым делит и власть; он, наконец, не хочет несправедли-

---

[1]) Линниченко, Черты из истории сословий в юго-западной Галицкой Руси, стр. 14.

[2]) Там же, стр. 14—16.

[3]) Там же, стр. 14.

[4]) Там же, стр. 58.

[5]) Там же, стр. 58—59.

[6]) Там же, стр. 60—61.

[7]) Дашкевич, Княжение Даниила Галицкого, стр. 148, 149.

[8]) Там же, стр. 148.

вости и обмана: отказывается хитростью и без справедливых оснований захватить Луцк [1]).

Ближе к общему господствующему типу, но уже с примесью индивидуалистической властности, стоит один из главных врагов Даниила, боярин Доброслав. Он не хотел исполнять никаких приказаний князя. Тогда Даниил послал к нему своего стольника Якова с такими словами: „я князь ваш, а вы не исполняете моих приказаний, землю грабите: я не велел тебе, Доброслав, принимать черниговских бояр, а велел раздать волости галицким боярам, а Коломыю оставить мне". Доброслав отвечал Якову, что исполнит волю князя, но сейчас же и обнаружилось, что это одни слова: Яков еще был у Доброслава, когда к последнему пришли два боярина, Лазарь Домажирич и Ивор Молибожич, и поклонились ему до земли; на вопрос Якова, за что они кланяются, Доброслав отвечал: „я отдал им Коломыю". „Как же мог ты без княжеского повеления отдать им Коломыю?" воскликнул Яков: „ведь ее держат князья великие для содержания из ее доходов войска". Доброслав засмеялся и сказал: „что же мне отвечать!" Летопись передает нам также, как ездил Доброслав по улицам Галича: он ездил всегда гордо, несмотря на народ, а галичане шли у его стремени [2]).

В связи с описанными явлениями в области материальной культуры и психологии общества стоят разные проявления культуры духовной. Так, в южной Руси XIII и XIV веков обращает на себя внимание историческая литература, особенно чрезвычайно своеобразная Волынская или, точнее говоря, Галицко-Волынская летопись, входящая в состав так-называемого Ипатьевского списка и сходных с ним.

У ее автора, по крайней мере у того лица, которому принадлежит ее первая, большая часть, приблизительно до смерти Даниила, были своеобразные приемы и особенные воззрения на задачи предпринятой им работы. Первоначально эта летопись писана без годов. Повидимому, годы расставлены позднее,—именно тем лицом, которое соединило в одну рукопись Галицко-Волынскую летопись и южно-русский летописный свод. Это видно из того, что начинается Галицко-Волынская летопись смертью Романа, которая случилась, как известно, в

---

1) Там же, стр. 152.
2) Ипатьевск. лет., стр. 525.

1205 году, но так как южно-русский свод оканчивается 1200-ым годом, то позднейший составитель, желавший соединить оба сочинения в одно целое, отнес события, следовавшие за смертью Романа, не к 1206 году, как следовало бы, а к 1201 году [1]). Затем нередко попадается чрезвычайно неловкая расстановка хронологических дат, отрывающая главное предложение от придаточного и тем изобличающая постороннюю руку. Например: „Данилови же приехавшю в Володимер, в лето 6722 бысть тишина, в лето 6723 Божиим повелением прислаша князи литовскии к великой княгине Романове" [2]). Автор Галицко-Волынской летописи, повидимому, не считал особенно важным хронологический порядок изложения, а стремился к некоторому прагматизму, старался установить связь между событиями, хотя и довольно внешнюю. Он прямо замечает: „хронографу же нужно есть списати все и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же восступати в задняя: чьтый мудрый разумеет" [3]), т.-е. „летопись должна описывать все события, иногда отмечая позднейшее, иногда возвращаясь к более ранним: умный читатель поймет". Такое правило не остается у автора в области одной лишь теории, а действительно нередко применяется им в течение рассказа: передавая, как князь Мстислав приходил к Галичу, чтобы отбить его у венгров, и как ему в этом не посчастливилось, а удалось только побывать на месте, носившем название Галичиной могилы, автор говорит: „и по сем скажем о Галичине могиле и о начатьи Галича, как его начало" [4]). Ясно, что этими словами автор, по его выражению, „восступает в задняя". А вот и пример того, что он „писал в передняя", присоединял к рассказу о каком-либо событии замечание о его последствиях или сходных событиях позднейшего времени: при известии о поставлении нового владимирского епископа в 1223 году приведен список его преемников, занимавших архиерейскую кафедру во Владимире на Волыни при Данииле и Васильке [5]).

---

[1]) Бестужев-Рюмин, О составе русских летописей до конца XIV века

[2]) Полное Собр. Рус. Лет., т. I, стр. 161.

[3]) Там же, стр. 152.

[4]) Там же, стр. 157.

[5]) Там же, стр. 163.

Не менее любопытно и то, что в первой части Галицко-Волынской летописи—до смерти Даниила—заметно большое внимание к событиям, совершавшимся в чужих краях и притом не только в соседних—Польше, Литве, Венгрии, история которых тесно связана с галицко-волынской и потому необходимо должна была занимать летописателя, но и в более отдаленных, как Чехия и Германия. Тут сказалось не только стремление к прагматизму, но и близкое к западу Европы положение Галича, заставлявшее галичан более, чем других русских людей того времени, интересоваться судьбами западно-европейских народов.

Изложение Галицко-Волынской летописи отличается вообще высокими литературными достоинствами—живостью, даже художественностью и поэтическим колоритом, которые обличают выдающийся талант автора, а также и некоторую его образованность, ставящие его нередко наравне с неизвестным певцом „Слова о полку Игореве". Вот, напр., характеристика Романа: „устремил бо ся бяше на поганые, яко и лев, сердит же бысть, яко и рысь, и губяще, яко и коркадил, и прихожаше землю их, яко и орел, храбор бо бе, яко и тур" [1]). В рассказе о том, как к стенам Галича, признавшего власть венгерского короля, явился Даниил и увещевал галичан отказаться от чужеземных владык, встречаемся с таким изображением перехода жителей города на сторону Даниила: „пустишася, яко дети ко отчу, яко пчелы к матце, яко жажущи воды ко источнику" [2]). В другом месте сказано: „щит их, яко заря, бе, шелом же их, яко солнцу восходящу" [3]).

В авторе первой части Галицко-Волынской летописи заметна сильная привязанность к Даниилу, он не любит мятежных галицких бояр, ему не по душе их аристократические замыслы. Поэтому с сочувствием отмечается верность Даниилу его младшей дружины и веча, простого народа [4]). Нельзя предполагать в авторе лицо духовное: делами церкви он почти не интересуется, не приводит текстов из писания и отцов церкви и на первый план выдвигает военные и политические дела. Несомненно, это соратник Даниила и оче

---

[1]) Там же, стр. 155.
[2]) Там же, стр. 175.
[3]) Там же, стр. 151.
[4]) Там же, стр. 170, 171, 175.

видец описываемых событий. В описании одной битвы есть прямое личное указание: „онем же позаровавшим нас“ [1]). Громадная историческая ценность разбираемого рассказа о княжении Даниила Галицкого увеличивается еще тем обстоятельством, что этот рассказ является весьма важным источником для изучения древнейшего быта литовских племен.

Главными героями второй части Галицко-Волынской летописи являются сыновья Василька, племянники Даниила, Владимир и Мстислав. Эта вторая часть существенно отличается от первой. Правда, и она носит на себе печать современности описываемым событиям [2]), но здесь уже нет тех поэтических и художественных красот, которые в изобилии рассыпаны в повествовании о княжении Даниила. Их место заступают цитаты их Священного Писания и похвалы князьям за любовь их к монастырям и монахам [3]): сразу чувствуется, что пишет духовное лицо, монах. Можно даже догадываться, что здесь мы имеем нередко дело с отрывками из оффициальной княжеской летописи: недаром в текст внесены два акта—завещание Владимира и грамота Мстислава, содержащая назначение определенного побора с возмутившихся против него, но усмиренных жителей Берестья; в конце этой грамоты находятся, как известно, знаменитые слова, служащие доказательством ведения оффициальных летописей при княжеских дворах того времени: „а вопсал есмь в летописец коромолу их“ [4]).

Можно считать счастливой случайностью то обстоятельство, что Галицко-Волынская летопись попала в руки такого сводчика, который пощадил ее особенности, не обезличил ее и сохранил для нас это выдающееся произведение, блещущее своеобразной прелестью и представляющее собою исторический источник первостепенной важности.

Отметим в заключение, что и искусство и наука в южной Руси делали уже существенные успехи. Выше было уже упомянуто о „хитреце Авдии“, соорудившем художественные двери в холмской церкви св. Ивана. К сожалению, у нас нет достаточного материала для того, чтобы судить о стиле

---

[1]) Там же, стр. 166.
[2]) Там же, стр. 212.
[3]) Там же, стр. 219, 221.
[4]) Там же, стр. 225.

и характере южно-русской, в частности галицкой, архитектуры и живописи XIII и XIV веков. Что касается науки и знания, то в Галиче еще в эпоху Даниила упоминается „премудрый книжник Тимофей“ [1]), причем книжность его, надо думать, была, если не исключительно, то преимущественно церковная. Автор Галицко-Волынской летописи, несомненно, был по своему времени литературно-образованный человек: он знал Малалу, Евсевия Кесарийского и даже Гомера [2]). Известия о православных церковных школах—„дидаскалиях“, в которых священники обучали грамоте,—в Киеве и на Волыни встречаются в XIII и XIV веках [3]).

---

[1]) Дашкевич, Княжение Даниила Галицкого, стр. 104.

[2]) Там же, стр. 105.

[3]) Харлампович, Западно-русские православные школы XVI и начала XVII в., Казань 1898 г., стр. 192.

III.

Литва и западная Русь XV века.

В собственной Литве и в западной Руси время развитого феодализма, поскольку о нем здесь можно говорить, — это XV столетие. При этом надо, впрочем, заметить, как сейчас увидим и как было уже отчасти указано выше, западно-русские земли, более передовые сравнительно с Литвой, Жмудью и непосредственно тянувшими к ним волостями, переживали уже падение удельного или феодального строя в то время, как он среди литовцев и их князей только что развернулся во всю ширь. Но это же было и причиной краткости удельного периода в Литве, быстроты его течения: русские области своим соединением с Литвой и Жмудью ускоряли процесс.

В Литве и чисто-белорусских областях, с ней непосредственно связанных, — в Подляшье, Черной Руси, Полесье — добывающая промышленность еще и в XV веке продолжала играть важную роль. Рыбные ловли, борти, охотничьи ловы, гораздо реже перевесища, встречаются сплошь и рядом в грамотах XV века вплоть до конца его и в поветах Виленском, и в Троцком, и в области Новгородка-Литовского, и в поветах Слонимском и Слуцком [1]). О „ловах“, ловле рыбы и зверя и об уплате дани куницами говорит жалованная грамота Александра Жмудской земле в 1492 году [2]). „До начала XVI века“, по словам одного исследователя, „кладовые

---

[1]) Леонтович, Акты Лит. метр., I, 1, №№ 40, 71, 84; I, 2, №№ 502 523, 532, 534, 544, 549, 551, 556.

[2]) Акты Зап. России, т. I, № 103.

господарского скарба (т.-е. казны великого князя литовского), были преимущественно наполнены мехами"[1]), т.-е. продуктом охоты.

Однако, земледелие, и раньше, как мы видели, уже преуспевавшее, одержало в XV веке окончательно верх. В актах XV века „земли пашные", „сеножати", луга, выгоны, иногда и „хмелища" стоят на-ряду с ловами, бортными землями, бобровыми гонами и перевесами. Мало того: пашня обыкновенно выдвигается на первый план, и нередки случаи, когда вся хозяйственная ценность имения покоится на пахотных и сенных угодьях. Примеры относятся к Виленскому, Троцкому, Дорогицкому, Минскому и Ковенскому поветам и к Жмудской земле[2]). В „книге данин" великого князя Казимира упоминается между прочим „пшеничная земля"[3]), т.-е. такая, с которой владелец получал от крестьян пшеницу. В 1496 г. в волости Высокий Двор Троцкого повета видим чисто земледельческую организацию работ: „великий князь казал высокодворцам ходити на работу, орати на паренину два дни, а на яр орати два дни, на наренину бороновати день, а на яр бороновати день, жито жати два дни, а яр жати два дни"[4]). В 1497 г. в Лидском повете „дякло", т.-е. дань землевладельцу, платилось почти исключительно хлебом,— житом и овсом[5]). Вообще надо заметить, что в господарских (великокняжеских), а также, повидимому, и в других имениях собственной Литвы и Белоруссии XV века, самою существенною статьею землевладельческого дохода являются дани хлебом и сеном.

Естественно, что и скотоводство, подобно добывающей промышленности, заслонялось земледелием. Наглядная тому иллюстрация—перечень скота в имении Слуцкого Троицкого монастыря 1494 г.: здесь было 7 волов, 10 коров, 10 голов „иной животины", 30 свиней, 4 рабочих лошади и 1 иноходец[6]): хозяйство было, очевидно, не скотоводственным, а по преимуществу земледельческим.

---

1) Довнар-Запольский, Государственное хозяйство литовской Руси.

2) Леонтович, Акты Лит. метр., I, 2, №№ 502, 523, 532, 534, 544, 549, 551, 556 и др.

3) Довнар-Запольский, Госуд. хозяйство Литовск. Руси.

4) Леонтович, Акты Лит. Метр., I, 1, № 276.

5) Там же, № 354.

6) Акты Западн. России, т. II, № 115.

В XV веке мы видим и организованное ремесло, свидетельствующее о росте обрабатывающей промышленности: в 1495 году великий князь Александр дал „лист" (грамоту) на „братство", вольности и права „злотникам", т.-е. золотых дел мастерам, в Вильне [1]).

Быстро развивалась и торговля: Вильне и Трокам магдебургское право было пожаловано в 1387 году, Берестью в 1390 г., Минск получил его в 1499 г., Дорогичин в 1498 г. [2]). Все чаще попадается и достигает все больших размеров денежный владельческий сбор—„дань грошевая" [3]). С конца XIV века собирается денежная государственная подать „серебщина" [4]). В трехлетие с 1489 по 1492 г. мыто в Берестье давало княжеской казне уже 110 коп грошей [5]), в Новгородке 322 копы [6]), в Минске и Ковне по 250 [7]). С конца XIV века стала чеканиться литовскими великими князьями монета [8]), что также указывает на рост торговых сношений. Наконец, в XV веке часто попадаются указания на появление новых торжков и ярмарок, на сбор мыта в разных местах и прямо на торговые сношения—внутренние и внешние. Напр., в 1495 г. великий князь Александр разрешил пану Николаю Сыревичу завести торг в его жмудском имении Жагорах [9]); в конце XV века были торги и ярмарки во дворце Ганушовском Виленского повета [10]) и в Шовкянах в Жмуди [11]); из Данцига ввозилась в Литву соль, а через Ковно вывозили заграницу воск [12]) и т. д.

И в западной Руси, в землях: Полоцкой, Витебской, Смоленской—земледелие также торжествовало полную победу:

---

[1]) Леонтович, Акты Лит. метр., I, 1, № 204.

[2]) Антонович, Монографии по истории зап. и юго-зап. России.

[3]) Леонтович, Акты Лит. метр., I, 2, №№ 523 532, 534, 544, 549, 51, 556.

[4]) Довнар-Запольский, Госуд. хозяйство Лит. Руси.

[5]) Там же.

[6]) Там же.

[7]) Там же.

[8]) Там же.

[9]) Леонтович, Акты Лит. метр., I, 1, № 197.

[10]) Там же, I, 2, № 502.

[11]) Там же, № 508.

[12]) Довнар-Запольский, Госуд. хозяйство Лит. Руси.

пахотные угодья во всех актах XV века стоят на первом плане [1]). Не подлежит сомнению и переход к денежному хозяйству: по приходо-расходным записям великокняжеской казны конца XV века в поднепровских и подвинских волостях на первом плане стоят дани грошевые и серебряные [2]), т.-е. денежные платежи, в смоленских волостях (Буйгородке, Катане и др.) „вроки", „врочные платы" или „позем" (т.-е. оброк) брались тоже деньгами [3]); то же надо сказать о чинше или арендной плате за дворовые места в городах [4]), об установленном по случаю набегов крымских татар новом налоге— „ордынщине" [5]) и о налогах, соответствующих по значению литовской серебщине, каковы в Смоленской земле посощина с крестьян и корабельники с горожан [6]). Но помимо всего этого рост торговли обнаруживается по целому ряду признаков: учащаются мыта, уже в начале XV века появляются таможни в Полоцке, Витебске, Смоленске, Дорогобуже, Вязьме [7]), в 1489—1492 годах смоленское мыто давало великому князю 200 коп грошей [8]); а 1498 г. Полоцк, издавна ведший оживленную внешнюю торговлю с Ригой, ганзейскими городами, Новгородом, Псковом, Тверью, получает магдебургское право [9]).

И в XV веке сохранялись многочисленные следы и остатки крестьянского сябринного, долевого владения землей. Акты различных частей Литвы и западной Руси пестрят соответствующими терминами: постоянно встречаются „сябры", „участники", „вчастники", „братья неделная, которые держат одно имение себреное", „дольники", „вытники", „сумежники", „суместники", „суседи", „товарищи", „потужники", „прыймы", „приймаки" [10]). Так, в одном акте конца XV века, относя-

---

1) Леонтович, Акты Лит. метр., I, 1, №№ 83, 143, 238, 265, 337, 343, 359; I, 2, №№ 481, 505 и др.

2) Довнар-Запольский, Государств. хозяйство литовской Руси.

3) Там же.

4) Там же.

5) Там же.

6) Там же.

7) Там же.

8) Там же.

9) Антонович, Монографии по истории зап. и юго-зап. России.

10) Леонтович, Крест. двор в Лит.-Рус. госуд., „Ж. М. Н. Пр." за 1896 г., июль, стр. 96—107.

щемся к Полоцкому повету, мы находим „людей Тречевичов“ с их „сябры“ [1]). В 1495 г. в Витебской земле трое крестьян—два Ивана и Еска—держали „отчызну“ свою, и к земле этой кроме того имел отношение „сябр Гриц“ [2]). В Новгородском повете в 1475 году наблюдаем раздел сябринной земли: сначала ею владели нераздельно три крестьянина,—„перед тым тая земля одна была, а нине поделена на пять следов („след“—доля дворища): под Андрейком три следы, а под Демяном и под Онципором два следы“ [3]).

Но все же везде—в Подляшье, Литве, Жмуди—сябринное землевладение подвергалось разрушению, и на смену ему окончательно восторжествовало крупное землевладение князей, панов, бояр, земли монастырей и архиереев. О продаже земель крестьянами сохранилось много известий, относящихся, напр., к Смоленской и Полоцкой землям [4]). Взгляд на крестьянскую землю, как собственность государя, нашел себе юридическое выражение в XVI веке, когда великий князь провозгласил: „кмет и вся его маетность наша есть“. В 1528 году составлен был реестр количества ратников, которые должны были выставляться с имений князей, панов, бояр и земян. Просматривая этот реестр и принимая во внимание, что число поставляемых конных ратников соответствует размерам земельного владения, легко убедиться в обширности владений литовско-русской знати и в очень крупных размерах весьма многих земельных имуществ: так, князья Гольшанские ставили со своих имений 154 конных ратника, Радивилы 621, Гаштольды 466, Кезгайлы 768, Сапеги 153, кн. Слуцкий 433, кн. Острожский 426, Сангушки 170 и т. д. Все знатнейшие княжеские и панские фамилии выставляли всего 7.190 конных ратников, а общее число всадников, поставляемых со всех земель княжеских, панских, боярских и земянских в Литовско-Русском государстве, кроме Киевской области, доходило в 1528 г. до 19.526. Наконец, в XV веке продолжалось усиленным темпом увеличение церковных земель.

Растет также условное владение—поместье, данина, держанье, выслуга, жалованье на поживенье и в хлебокормленье.

---

1) Любавский, Областное деление и местное управление в Лит.-Русск. государстве.

2) Там же.

3) Там же.

4) Там же.

Князь Андрей Владимирович, внук Ольгерда, пишет в своей духовной грамоте 1446 г.: „что есмь подавал имение боя-ром своим, а хто въсхочет жене моей и детем моим служити, и они служат с тых имений жене моей и детем моим; а хто не въсхочет жене моей и детем моим служити, и аз тые имениа дал жене своей и детем своим“ [1]). Но этого мало: в XV веке появляется—и здесь нельзя не видеть влияния денежного хозяйства—особый вид поместного владения, слагается более прочное отношение помещика к земле путем установления сроков владения—„до живота“ (т.-е. до смерти помещика), „до двух животов“ (т.-е. до смерти владельца и его сына), „до трех животов“ (до смерти владельца, сына и внука) [2]).

Особым видом владения, приближающимся к вотчине, была выслуга, которая, будучи по происхождению своему временным и условным владением, обыкновенно отчуждалась и передавалась по наследству с согласия великого князя. Другим названием для выслуги были „данина на вечность“ или „вечистая данина“ [3]). Это уже настоящий лен или феод, до которого в законченном его виде не дожила северо-восточная Русь. Происхождение этих форм понятно: чувствовалось влияние денежного хозяйства, всегда неразлучного с определенностью и прочностью юридических отношений лица к земле.

Параллельно всем этим явлениям расли барская запашка и барщина особенно в великокняжеских дворах [4]), а также трехпольная или паровая зерновая система хозяйства с навозным удобрением парового поля: мы уже цитировали выше документ, характеризующий эту систему в смоленской волости Высокий Двор в 1496 г. [5]).

Скудость источников и — главное — слабость их научной обработки не позволяют нам войти в подробности распределения хозяйственных благ. Нет, конечно, сомнения, что де-

---

[1]) Акты зап. России, т. I, № 46.

[2]) Владимирский-Буданов, Поместье в Лит.-Рус. государстве; Любавский, Областное деление и местное управление в Лит.-Рус. госуд.

[3]) Там же. Ср. Любавский, Очерк истории Лит.-Рус. государства, М. 1910, стр. 132—133.

[4]) Любавский, Областное деление и местное управление.

[5]) Леонтович, Акты Литовской метрики, I, 1, № 276.

нежный капитал дешевел, однако, обычный доход на капитал редко был ниже 20%. Не могла быть высока и заработная плата. В виду более быстрого темпа экономического развития, государственные налоги были сложнее и выше, чем в северо-восточной России, но их размеры все таки не были велики. Тяжелее были владельческие поборы. Обыкновенно все же половина, самое меньшее треть, валового дохода уплачивалась крестьянами вместе и государству и землевладельцам. К этим платежам надо еще добавить мелкие натуральные поборы в пользу приказчиков и управляющих, а также барщину, не превышавшую, впрочем, 12-ти дней в год с крестьянской „службы“, как обыкновенно называлась единица обложения в западной Руси, содержавшая в себе различное по местным обстоятельствам число дворов.

XV век — время широкого развития прав и привилегий литовско-русской знати,—князей и панов, сильно приблизившихся по своему значению к западно-европейским баронам первого ранга.

Первое важное личное право, которое приобрели князья и паны, а также бояре-шляхта, заключалось в ограждении личности от произвола сверху и в установлении особой подсудности. Общеземские привилеи великих князей 1413, 1434, 1457 и 1492 годов ясно проводят тот принцип, что господарь имеет право подвергать панов и шляхту личным наказаниям и конфискации имущества не иначе, как по суду и на основании закона [1]). И по уставным земским грамотам, т.-е. привилеям, дававшимся великими князьями отдельным землям, чиновники великого князя судили шляхту и постановляли приговоры только по некоторым делам, как насильственное нападение, насилие над женщиной, поранение шляхтича, разбой; по прочим делам они только производили расследование и предварительный разбор, приговор же постановлялся господарем с его советом или радой [2]).

И общеземские и волостные привилеи утвердили затем право князей, панов и бояр шляхты владеть и распоряжаться их вотчинными имениями [3]).

---

[1]) Беляев, Рассказы из русской истории, кн. IV; Ясинский, Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства.

[2]) Ясинский, Уставные земские грамоты Лит.-Рус. государства.

[3]) Там же; Любавский, Областное деление и местное управление.

Далее: привилеи 1413 и 1457 г.г. формулировали ясно и определенно право служилых людей судить и брать поборы в свою пользу с крестьян и всех вообще лиц, живших на владельческих землях [1]).

Все перечисленные сейчас права имели личный и имущественный характер. Привилеи 1413, 1457, 1492 г.г. обеспечили литовской и западно-русской знати также обширные корпоративные права,—именно права собираться на сеймы, занимать высшие должности или „вряды“ и избирать господаря [2]). По областным привилеям при местных правителях так же собирались боярские „соймы“ или собрания, принимавшие деятельное участие в областных администрации и суде [3]).

На служилом сословии лежали и обязанности несравненно, впрочем, меньшие, чем права. Важнейшая из этих обязанностей—военная служба: каждый служилый человек с данного земельного участка, с которого была установлена одна боярская служба, должен был служить лично и на свой счет, а также ставил известное количество вооруженных слуг. Размер участка, с которого шла одна служба, не был точно определен для всей территории государства, все зависело от условий пожалования земли, от других повинностей, на ней лежавших, от зажиточности владельца и т. д. Больные и престарелые, а также вдовы и сироты выставляли за себя других на службу [4]). Зато областные и общеземские привилеи освобождали все княжеские, панские и шляхетские имения от государственных податей и повинностей, кроме военных податей и доставки стаций и подвод господарю, его послам и гонцам [5]).

В дополнение к сказанному надо прибавить, что объем прав не у всех членов служилого сословия был одинаков: князья и паны пользовались более обширными правами, чем бояре и земяне. Так, участие в сеймах долгое время было аристократической привилегией, превращавшей сеймы в съезды феодальных баронов, а участие в раде оставалось

---

[1]) Ясинский, Уставные земск. грамоты; Любавский, Обл. деление.
[2]) Ясинский, Уставные земские грамоты.
[3]) Там же.
[4]) Там же; Антонович, Монографии; Любавский, Обл. деление.
[5]) Там же.

таковой всегда. Или: крупные землевладельцы сами начальствовали отрядами своих слуг на войне, выводили их под собственною „хоруговью“ (знаменем) [1]). Занятие высших должностей в центральном и областном управлении также составляло привилегию князей и панов. Специальная подсудность также обыкновенно была уделом одной только знати.

Мещанское сословие слагалось постепенно, по мере распространения магдебургского права. Привилеи на магдебургское право, как нам уже известно из истории южной Руси, создали раду и лавничий суд с их особой компетенцией. На деле, однако, ведомства этих учреждений в Литве и западной Руси нередко перепутывались, число выборных в обеих коллегиях постоянно менялось, войт часто председательствовал не только в лавничьем суде, но и в раде, иногда обе коллегии составляли одно общее собрание, бурмистров часто было несколько, и они были рядовыми членами то рады, то лавничьего суда, местами появлялась третья коллегия—совет сорока или тридцати выборных от цехов, контролирующий раду в управлении городскими финансами и благоустройством и даже нередко сам управляющий городским хозяйством; наконец, по старому обычаю, для многих дел собирается иногда „громада“, сходка всех горожан [2]). Словом, на практике магдебургское право вышло совсем не тем, чем оно было в теории, сильно преломилось в литовско-русской действительности. Впрочем, что характерно почти для всех стран,—и в Литовско-Русском государстве XV века перевес имели крупные капиталисты, купцы: фактически они держали в своих руках все мещанство и занимали все влиятельные выборные должности по городскому самоуправлению [3]).

В отношении обязанностей, лежавших на мещанском сословии Литвы и западной Руси, оно, подобно посадским людям северо-востока удельной России, становилось все более сословием тяглым, обязанным не военною службой, а податями и повинностями. Военная служба шла только с мещанского землевладения, которое вообще не было значительным, распространенным. Чем город был богаче, тем более денежных

---

[1]) Там же.

[2]) Антонович, Монографии; Владимирский-Буданов, Немецкое право в Польше и Литве: „Ж. Мин. Нар. Просв.“ за 1868 г., сент., стр. 796 и сл.

[3]) Там же, стр. 796.

податей платили его жители и тем менее натуральных повинностей они отбывали [1]).

Литовско-русские крестьяне и другие сельские тяглые люди XV века дробились на ряд различных групп, главными из которых, если считать снизу вверх, от менее свободных к более свободным, были следующие: 1) челядь невольная (холопы, паробки и рабы); 2) тяглые, пригонные или дякольные люди; 3) промышленники и люди специальных служб; 4) данники; 5) слуги: путники и панцырные бояре [2]).

Значение первой группы понятно: это—совершенно несвободные люди, вполне соответствовавшие древнейшим русским обельным и северо-восточным полным холопам. По хозяйственному положению челядь невольная делилась на две группы: одну составляли дворовые холопы, жившие на дворе землевладельца и содержавшиеся исключительно месячиной, т.-е. натуральным пособием, шедшим от владельца; к другой группе принадлежали паробки и рабы (паробок—холоп мужского пола, раба—женского), имевшие собственные „прировки", т.-е. земельные участки, и свою движимость („бонду") [3]). Ясно, что вторая группа по экономическому положению представляла собою уже переход к крестьянству в собственном смысле, но юридически она ничем не отличалась от дворовой челяди невольной, не имела ни личных, ни имущественных прав.

Тяглыми, пригонными или дякольными людьми назывались крестьяне, обязанные работать на барской пашне или давать оброк—„дякло" [4]). Это — по преимуществу крестьяне-земледельцы. Между ними и третьей группой—промышленниками и людьми специальных служб—не было юридического различия, разница сводилась только к признакам хозяйственным или, точнее, к профессиональным, к занятиям.

В состав третьей группы входили бортники, бобровники, осочники, псарцы, ловцы, сокольники, свинухи, конюхи, кобыльники, ройтиники, леити (четыре последних разряда ведали

---

[1]) Антонович, Монографии; Владимирский-Буданов, Немецкое право; Ясинский, Уставн. земские грамоты; Любавский, Областное деление и местное управление в Лит.-Рус. госуд.

[2]) Любавский, Областное деление и местное управление в Лит.-Рус. госуд.

[3]) Там же.

[4]) Там же.

уход за барскими лошадьми) [1]. Исполняя известные поручения по специальным отраслям барского хозяйства, все эти разряды крестьян в то же время обязаны были отбывать и земледельческую барщину [2]. Крестьянами-земледельцами и вместе пчеловодами и охотниками, только не отбывавшими барщины, а платившими оброк или дань (грошовую, медовую, бобровую и куничную), были данники [3]. Наконец, слуги, т.-е. путные и панцырные бояре, составляли высший слой сельского тяглого населения и, отбывая барщину, вместе с тем несли военную службу и отправлялись с посылками всякого рода,—развозили грамоты, призывали на владельческий суд и т. д. [4]).

Развитие денежного хозяйства увеличило барскую запашку и обострило потребность крестьян в капитале, вследствие чего не только усилилось влияние задолженности крестьян, существовавшей и раньше, но и сказалась нужда в постоянном контингенте рабочих, которые регулярно отправляли бы барщину. Таким образом значительная масса задолжавших и обязанных барщиною крестьян надолго, часто на всю жизнь и даже в нескольких поколениях, связывалась с определенными землевладельцами. Давность этой связи послужила юридическим основанием для первых элементов крепостного права. В XV веке уже очень часто упоминаются „отчичи", „люди засядлые" или „заседелые", „непохожие" [5]. Люди вольные, „похожие" сохранились в большинстве случаев лишь среди данников [6]. Первая форма прикрепления носила условный характер: крестьянин мог уйти, но под условием оставить на свое место другого [7]. Общеземский привилей 1457 года запретил принимать из частновладельческих имений в господарские волости всех людей „данных, извечных, селянитых" [8] и тем впервые провел законодательным путем принцип прикрепления на основе давности. При этом сказывалось в значительной по крайней мере степени влияние

---

1) Там же.
2) Там же.
3) Там же.
4) Там же.
5) Там же.
6) Там же.
7) Там же.
8) Леонтович, Очерк истории лит.-рус. крестьянства; Ясинский, Уставные земские грамоты; Любавский, Обл. деление.

принципа прикрепления крестьян к земле: были нередки случаи прикрепления по крайней мере к определенной обширной волости, представлявшей собою замкнутое хозяйственное целое [1]). Здесь видно влияние денежного хозяйства с небольшим местным рынком. Само собою разумеется, что прикрепление крестьян усилило развитие феодальных прав владельцев: крестьяне вполне подчинились вотчинной юстиции и полиции, почти совершенно заслонившим от них государственную власть.

Крепостное право на крестьян вызвано было к жизни несомненно экономическою потребностью не только землевладельцев, которые нуждались в постоянном рабочем контингенте для обработки расширявшейся под влиянием возникавшего и развивавшегося денежного хозяйства барской запашки, но и нуждами самих крестьян: переход от условий натурального хозяйства к товарно-хозяйственным условиям очень тяжел для маломощного в большинстве случаев крестьянина; без посторонней и притом постоянной материальной поддержки он прямо невозможен; такую поддержку крестьяне и получали от землевладельцев, но получали, конечно, не даром, а дорогой ценой личной свободы. Большинство мирилось с таким положением и приспособлялось к новым условиям, как бы тяжелы они ни были, но меньшинство, более активное и сжившееся со старинной свободой, тяготилось крепостничеством и неудержимо стремилось восстановить прежние хозяйственные и юридические отношения, уходя туда, где это было возможно,—на южную окраину. Отражением этого стремления явилось так-называемое казачество.

Некоторые исследователи склонны возводить начало казачества к XIII и XIV векам. Основаниями для этого служат известия о так-называемых болоховских князьях XIII века, упоминание об атаманах в Подолии XIV века и данные о выборных князьях в южной Руси в эпоху татарского нашествия и позднее [2]). Основания эти, однако, при ближайшем рассмотрении не выдерживают критики. В самом деле: болоховскими князьями назывались князья так-называемой Боло-

---

[1]) Леонтович, Очерк истории Лит.-Рус. крестьянства; Ясинский, Уставные земские грамоты.

[2]) Дашкевич, Болоховская земля и ее значение в русской истории: „Труды 3-го Археологич. съезда в России“, т. II.

ховской земли, расположенной по верхнему течению южного Буга, Случа и Тетерева, т.-е. в юго-западной части Киевской земли, юго-восточной Волыни и северо-восточной Подолии; князей этих считали выборными старшинами, подобными казацким атаманам, на том основании, что в летописи они названы „особнии князи“ [1]). Это выражение, однако, вовсе не оправдывает такого вывода: „особнии“ вовсе не значит „особенные“, а значит „самостоятельные“ [2]). Это—во-первых. А во-вторых, документально, при помощи так-называемого Любецкого синодика, поминальной записи князей, доказано, что болоховские князья были потомками черниговских Ольговичей [3]). Подольские атаманы XIV века вовсе не были казацкими предводителями, а были обыкновенными сельскими старшинами [4]). Наконец, ни в эпоху Батыева нашествия, ни позднее не существовало выборных казацких предводителей из князей: „черкасский воеводка“ Богдан, упоминаемый в 1494 году в качестве предводителя казаков из Черкасского городка, был не выборный атаман, а наместник города Черкас, назначенный великим князем литовским, — князь Богдан Федорович Глинский; Иван Дашкович, о котором говорится в 1500 г., был таким же наместником в Черкасах: это—князь Иван Дашкович Глинский [5]). Без сомнения, слово „казак“ появилось на Руси еще в XIV веке и означало вольного человека, жившего наемной работой на разного рода промыслах. Но казачество, как определенная общественная группа, жившая в южно-русских степях в особых хозяйственных, социальных и политических условиях, возникло не ранее конца XV века.

Южно-русские степи еще и в XVII веке, не говоря уже о более раннем времени, были очень слабо населены. По словам одного из иностранных путешественников Боплана, на всей громадной территории по нижнему течению Буга и Днепра с их притоками не насчитывалось и 80-ти тысяч человек жителей [6]). Понятно,—и об этом нам уже приходи-

---

1) Там же, стр. 101.

2) Любавский, Начальная история малорусского казачества: „Ж. Мин. Нар. Просв.“ за 1895 г., июль, стр. 225.

3) Зотов, О черниговских князьях по Любецкому синодику.

4) Любавский, „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1895 г., июль, стр. 230.

5) Там же, стр. 226, 228.

6) Там же, стр. 238.

лось говорить, — здесь открывался широкий простор для занятия добывающей промышленностью,—охотой, рыболовством и пчеловодством. Недовольные новым положением народа в западной Руси элементы населения легко могли найти здесь себе готовое и привольное убежище. Здесь можно было восстановить хозяйственные, социальные и политические порядки древнейшей, киевской Руси почти во всей их чистоте: угодья для добывающей промышленности имелись в изобилии, землю можно было эксплоатировать путем захвата, открывался простор для полной хозяйственной самостоятельности, для совершенного социального равенства, из нее вытекавшего, наконец, для демократического устройства управления и суда. Все это и было осуществлено казаками.

Уже в 1499 году видим казацкие промышленные артели или ватаги в нижнем течении Днепра [1]). Люстрация Каневского и Черкасского поветов, составленная в 1552 году, указывает на сильное распространение казацких поселений в степи, при чем часть казаков возвращалась на зиму в Черкасы и жила здесь под ведением своего атамана [2]). В конце XV века одною из южных казацких артелей положено было основание Запорожской Сечи [3]).

Первоначально среди казаков вполне господствовали добывающая промышленность, вольное или захватное землевладение, полное социальное равенство с отсутствием классов и сословий и демократическое устройство управления и суда, находившихся в руках атаманов, которые выбирались казацкой сходкой или радой. Запорожский кош и казацкое войско, руководимые кошевым атаманом или гетманом,. делились на курени и полки под предводительством выборных куренных атаманов и полковников, и каждый казак в пределах территории, занятой куренем или полком, свободно эксплоатировал по своему выбору те или другие угодья.

Чтобы закончить характеристику социального строя Литвы и западной Руси, остается рассмотреть организацию еще одной группы населения,—евреев, при чем мы вернемся и несколько назад,—к XIII веку.

---

[1]) Там же, стр. 232.
[2]) Там же, стр. 233.
[3]) Там же, стр. 242.

В истории литовских евреев можно различать два основных момента: первый охватывает XIII, XIV и первые три десятилетия XV века, т.-е. относится к предыдущему периоду истории Литвы; остальное время—до начала XVI века—составляет второй момент. Различия между этими эпохами сводятся к тому, что и в классовом и в сословном отношениях евреи представляли собою сначала группу малоопределенную, не сложившуюся, и только потом их экономическое и юридическое положение определилось точнее и установилось прочнее. Для первой эпохи важными источниками являются привилеи, данные берестейским, троцким и городенским евреям великим князем Витовтом. Занятия евреев, по этим документам, отличались в XIV и первой половине XV века большим разнообразием: евреи занимались и ремеслами, и земледелием. и торговлей; более богатые из них—таких было немного—брали на откуп сбор таможенных пошлин и занимались кредитными операциями, но последнее вообще значительно развито еще не было вследствие господства в то время натурального хозяйства. Привилеи Витовта ограждали личные и имущественные права евреев. Они гарантировали евреям неприкосновенность личности и жилища, строго карая за убийство, поранение и обиду еврея, за нападение па еврейский дом и нарушение праздничного покоя евреев. Затем устанавливалась неприкосновенность иудейской религии: евреи не могли быть принуждаемы являться на суд в еврейские праздники; строго наказывались нарушение еврейского богослужения и разрушение еврейских кладбищ; воспрещались обвинения евреев в ритуальных убийствах [1]). Никаких ограничений в личных и имущественных правах не налагалось на евреев.

Как и по отношению к другим общественным группам, и для евреев в XIV веке стала создаваться специальная подсудность. Был ряд важнейших уголовных преступлений над евреями, которые, кем бы они ни были совершены, подлежали суду великого князя: таковы были дела об убийстве еврея, о насилии над евреем или еврейкой, о нападении на синагогу, о воспрещении евреям покупки или продажи каких-либо предметов. Вторую ступень в подсудности занимала юрисдикция областного старосты: он решал все дела—уголов-

[1]) **Бершадский**, Литовские евреи.

ные и гражданские,—возникавшие между евреями и христианами, судил уголовные преступления евреев против евреев и разбирал гражданские тяжбы между евреями в тех случаях, когда одна из сторон переносила дело на его суд. В противном случае, гражданские тяжбы между евреями разрешались выборными местной еврейской общины. Это вводит уже нас в сферу корпоративных прав евреев. Кроме гражданской юрисдикции, местной еврейской общине принадлежало еще одно право—исключать из своей среды и объявлять вне закона своих сочленов, при чем последние могли обжаловать такое решение старосте [1]).

Развитие денежного хозяйства содействовало бо́льшей классовой организации евреев. Еврейская масса обратилась с этого времени главным образом к занятиям торговлей и мелкими кредитными и посредническими операциями, а богачи превратились в крупных банкиров, купцов и откупщиков. Вся еврейская масса поэтому больше объединилась и приобрела новые юридические отличия, сильно сближавшие евреев с мещанами. Великий князь Казимир в 1441 году дал троцким евреям привилей на магдебургское право. Здесь установлена была исключительная подсудность троцких евреев выбираемому ими из своей среды и утверждаемому великим князем войту, который сам подсуден был лишь самому господарю [2]).

При великом князе Александре литовских евреев постигло большое бедствие: в 1495 г. Александр велел изгнать всех евреев из великого княжества, еврейские земли и дома были конфискованы в казну, долги, сделанные у евреев частными лицами, велено было последним уплачивать также в великокняжескую казну, если эти долги были обеспечены залогом имуществ; в противном случае, долги просто признавались погашенными. Основным мотивом этой меры была экономическая зависимость, в которую попали по отношению к крупным еврейским банкирам сам великий князь, многие князья, паны, бояре и земяне. Господствующее сословие и в Литве, как это бывало и в других странах, не умея распутать затянувшийся узел, разрубило его, разом уничтожило все юридические гарантии, которыми евреи пользовались. Однако, потребность в кредите при развивавшемся денежном хозяйстве была на-

[1]) Там же.
[2]) Там же.

столько настоятельна, что в 1503 году евреи были возвращены. При этом они получили обратно всю недвижимость, а также восстановлено было и право их взыскивать старые долги. Правда, на евреев наложена была особая повинность—ставить на свой счет 100 всадников для военной службы,—но скоро и в отношении обязанностей евреи были вполне уравнены с мещанами, стали нести те же подати и повинности, что и городское население вообще [1]).

Общее явление социальной жизни — перевес феодальной аристократии—давало себя знать и в государственном строе XV века. Это отразилось прежде всего на преемстве великокняжеской власти: когда в 1430 г. умер Витовт, власть силой захватил сын Ольгерда Свидригайло, но спустя два года был свергнут Сигизмундом Кейстутовичем; Сигизмунд был убит в 1440 году литовскими панами, которые возвели на престол младшего сына Ягайла Казимира; наконец, по смерти Казимира в 1492 году паны выбрали великим князем его брата Александра. Таким образом, решающая роль в деле замещения великокняжеского престола перешла в руки высшей аристократии.

Рост удельного веса феодальной знати выразился далее в изменении положения рады. В XV веке началось образование „наивысшей" или „тайной" рады, состоявшей из епископов, высших областных правителей и важнейших государственных сановников, занимавших должности по центральному управлению [2]). Привилей Ягайла и Витовта, данный Литве и западной Руси в Городле в 1413 году, преграждал доступ в раду лицам греческого православного вероисповедания. Но хотя это постановление Городельского привилея неоднократно подтверждалось позднее,—оно оставалось, однако, все время юридической фикцией: богатые и знатные православные вельможи беспрепятственно проникали в господарскую раду.

Рада XV века постоянно участвовала в законодательстве: Судебник Казимира 1468 г. был „уряжен", между прочим, и „с паны—радою" [3]). Многочисленные привилеи на магдебургское право, а также уставные земские грамоты или

---

[1]) Там же.

[2]) Любавский, Литовско-русский сейм, стр. 128 и сл.

[3]) Акты Зап. России, т. I, № 67.

областные привилеи давались также с участием рады [1]). Общеземский привилей Александра 1492 года точно и ясно определил ведомство рады: Александр обязался без рады не посылать послов, не отнимать должностей, не раздавать в держанье пограничных замков, не производить государственных расходов и, наконец, не судить [2]).

На-ряду с радой с начала XV века становятся заметными первые следы нового верховного учреждения — сейма. В вопросе о происхождении литовско-русского сейма между отдельными исследователями существуют большие разногласия: по мнению одних, сеймы были вызваны к жизни условиями внешнего положения государства, напряженной борьбой, какую ему приходилось выдерживать [3]); сущность другого взгляда сводится к тому, что корень происхождения сеймов находится в социальных условиях времени [4]).

Первое мнение совершенно не выдерживает критики по многим соображениям: во-первых, напряженная внешняя борьба вовсе не составляет специфической особенности Литовско-Русского государства: она свойственна была, напр., и государству Московскому, и тем не менее в этом последнем не образовался сейм в том виде, как в Литве и западной Руси; во-вторых, нигде верховные учреждения не слагались под влиянием внешних условий; в третьих, никак нельзя признать, что важнейшей отраслью деятельности сеймов были дела военные,—напротив, как увидим в свое время, невоенные дела играли на сеймах преобладающую роль; в четвертых, областные „соймы", которые, по общему признанию, были историческими предшественниками и прототипами сеймов общих или „вальных", обязаны были своим существованием не военным обстоятельствам, не внешней борьбе и занимались главным образом законодательством, судом и управлением. Таким образом надо признать правильным второе объяснение происхождения сейма: социальный вес литовско-русской знати постепенно увеличивался, и потому интересы ее должны были найти эту новую организованную защиту, которою и

---

[1]) Малиновский, Рада вел. княж. Литовского, ч. II, вып. 1, Томск 1904, стр. 132; Ясинский, Уставн. земск. грамоты.

[2]) Малиновский, Рада вел. княжества Литовского, II, I, стр. 132.

[3]) Максимейко, Сеймы Лит.-Рус. государства до Люблинск. унии. Харьк. 1902, стр. 40.

[4]) Любавский, Литовско-русский сейм, стр. 44.

являлись сначала на местах областные сеймы, — остатки старинного веча в суженном, аристократическом составе,—а затем вальный и великий вальный сейм, который произошел не только потому, что сложилось воедино высшее сословие, но и вследствие того, что в стране стали все более увеличиваться элементы денежного хозяйства, объединявшие все области между собой и делавшие необходимым создание единого высшего учреждения.

Само собою разумеется, и состав и ведомство сейма сложились не сразу и в XV веке не отличались определенностью и законченностью. Это ясно уже из того, что иногда сеймом называлось простое более или менее полное собрание панов-рады: так было, напр., в 1461, 1469, 1496 годах [1]). В других случаях на сеймы собирались не только паны, но и бояре-шляхта, однако, не со всего государства, а только из Литвы, Жмуди и тех русских земель, которые были непосредственно приписаны к Виленскому и Троцкому поветам: так было в 1401, 1413, 1446 (в Берестье), 1456, 1468, 1493 годах; такого рода сеймы назывались, в отличие от вышеуказанных собраний панов-рады, „вальными“, т.-е. общими сеймами [2]). Наконец, бывали и с течением времени учащались сеймы обширного состава,—так-называемые „великие вальные сеймы“, на которых присутствовали князья, паны и шляхта со всего государства; таковы были сеймы 1418, 1446 (в Вильне), 1451, 1453, 1492 и 1499 годов [3]). Надо заметить, что в соответствии с социальными условиями состав сеймов все время и всех родов—даже и великого вального сейма—был аристократическим: князья и паны присутствовали на них все поголовно; что же касается бояр-шляхты, то и здесь не было еще никакого выборного представительства, а призывались более или менее крупные землевладельцы из областей. Это видно, напр., из текста приглашений на сейм 1492 года, разосланных панами-радой: назначая „землям всем съехаться на день святого Ильи“, паны просили приехать на сейм „старших“ из этих земель „десять‘ або двадцать, або колько ся вам увидить“ [4]).

---

[1]) Любавский, Литовско-русский сейм, стр. 123, 125, 133.
[2]) Там же, стр. 30, 33, 35, 115, 123, 125, 133—134.
[3]) Там же, стр. 65, 111, 119, 134, 148.
[4]) Там же, стр. 137. Ср. Максимейко, Сеймы Лит.-Рус. гос., стр. 98.

Ведомство сеймов до конца XV века отличалось неопределенностью и, главное, узостью: лишь немногие важные дела постоянно восходили до сейма. Уже с первого сейма—1401 года—наметился, впрочем, один вопрос, который без сейма не мог быть решаем: это вопрос об избрании нового господаря [1]). Затем, так как в связи с этим избранием стояли отношения к соседней Польше, необходимо было сейму рассматривать и вопросы внешней политики. Подавляющее большинство сеймов XV века и занималось только указанными двумя вопросами—избранием великих князей и внешней политикой, заключением договоров с другими державами и объявлением войн [2]). Однако, быстрый темп экономического и социального развития Литвы и западной Руси отражался на компетенции сеймов в том смысле, что рамки ее расширялись: новые потребности настоятельно требовали удовлетворения, выдвигались на первый план сложные, неведомые прежде задачи законодательства, наконец, необходимо было определить основные черты государственного права, установить права рады и сейма. Все эти задачи первостепенной важности мог разрешить только сейм, как учреждение, явившееся отражением интересов правящего класса, и потому сеймовая компетенция стала расширяться именно в этом направлении. Так, уже в 1468 году великий князь Казимир „урядил" свой Судебник „с князьями и с паны-радою нашею великого князьства Литовского и со всим поспольством согадавши" [3]). При том же Казимире сеймы первого типа, состоявшие исключительно из панов-рады, занимались делами текущего управления и подготовляли доклады по таким делам для вальных и великих вальных сеймов [4]). Наконец, в 1492 году при Александре сейм добился от господаря юридического ограничения господарской власти, изложенного в известном уже нам общеземском привилее этого года [5]).

В XV веке в области управления, в частности управления областного, наблюдается крупная новость: в это время

---

[1]) Любавский, Лит.-рус. сейм, стр. 65, 137, 150; Максимейко, Сеймы, стр. 127 и сл.

[2]) Любавский, Лит.-русский сейм, стр. 28, 35, 111, 115, 119, 120, 123, 132, 133, 134, 142.

[3]) Акты Зап. Росс., т. I, № 67.

[4]) Любавский, Литовско-русский сейм, стр. 130.

[5]) Там же, стр. 137.

возникло наиболее крупное областное деление—воеводство. В 1413 году учреждены были воеводства Виленское и Троцкое [1]), а в начале XVI в. воеводства появились и в землях Киевской, Волынской, Витебской, Полоцкой и Смоленской [2]). Жмудская земля носила название староства, потому что ею правил староста [3]). В то же время поветами и державами стали называться по преимуществу подразделения воеводств, находившиеся в ведении известных уже нам по предыдущему периоду [4]) наместников-державцев.

В исторической литературе долгое время существовало разногласие но вопросу о том, в каких взаимных отношениях находились между собою воеводы и державцы. Долго господствовало мнение, что воеводы по значению были равны державцам, так что последние не зависели от первых [5]), и, следовательно, обширные „земли“ (Виленская, Троцкая, Жмудская, Смоленская, Витебская, Полоцкая, Волынская, Киевская) не представляли собою связных и цельных административных единиц, а являлись простым конгломератом разрозненных поветов и держав. Однако, исследование архивных материалов привело новейших исследователей [6]) к заключению об ошибочности такого мнения: воеводам и старостам несомненно по некоторым делам принадлежала высшая власть над наместниками-державцами.

То были прежде всего дела военные. Каждый повет воеводства, находившийся под управлением наместника-державцы, составлял особый отряд, имевший свое знамя или „хоругвь“ и находившийся под начальством особого хоружего. В то же время крупные княжеские и панские имения выставляли свои военные контингенты, соответствовавшие по своему значению поветовым, имевшие также свои хоругви и предводительствовавшиеся или самими панами или особыми назначаемыми ими панскими и княжескими хоружими. Все эти поветовые и панские отряды подчинялись воеводе или

---

[1]) Любавский, Областное деление и местное управление в Лит.-Русс. государстве.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

[4]) См. том I, глава четвертая, отдел II.

[5]) Антонович, Монографии по истории западн. и юго-зап. России; Бершадский, Литовские евреи.

[6]) Любавский, Областное деление и местное управление; ср. Беляев, Рассказы из рус. истории, кн. 4.

старосте, как местному высшему военному начальнику [1]). В качестве такового, воевода или староста собирал и реестры или „пописы“ с обозначением числа военных слуг, поставляемых каждым поветом и имением, при чем по этим „пописам“ гетман проверял явившихся на службу, а подскарбий земский поступление военной подати—серебщины [2]).

В связи с этим стояло наблюдение за исполнением разнообразных военных повинностей: воеводы и старосты наблюдали за „городовым делом“, т.-е. постройкой и починкой укреплений главного города области, ведали охрану этих укреплений посредством натуральной повинности жителей всех поветов, следили за доставкой хлебных запасов на случай осады, наконец наблюдали за правильной доставкой военных податей всяких названий—серебщины, подымщины, поголовщины, посощины и т. д. [3]).

Но если финансовая компетенция воевод и старост стоит в тесной связи с их функциями военачальников, то юрисдикция их имеет другое происхождение, коренившееся в неорганизованности подсудности: не был установлен точный порядок инстанций; поэтому, с одной стороны, лица, недовольные решениями наместников-державцев, обращались с жалобами на них не только к господарю, но и к воеводам и старостам; с другой стороны, тяжущиеся нередко прибегали к воеводам и старостам для решения дел в первой инстанции, минуя державцев; наконец, в некоторых областях наместники-державцы совершенно не имели права судить бояр-шляхту, которые и были поэтому подсудны воеводе [4]).

Помимо этой высшей власти, централизующей деятельность отдельных державцев той или другой обширной области или „земли“, воеводы имели власть, соответствующую по своему значению и объему компетенции наместников-державцев в небольшой, примыкавшей к резиденции воеводы или старосты, области. Нам уже знакомы функции этого рода по истории Литовско-Русского государства в предыдущий период [5]).

---

[1]) Любавский, Областное деление и местное управление в Лит.-Рус. государстве.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же.
[5]) Там же.

Высокое положение воевод и старост и поддержка, оказываемая им со стороны местной шляхты, были источниками их значительной самостоятельности по отношению к великому князю. Так, полоцкий воевода вел дипломатические сношения с немцами [1]); жмудский нередко становился во главе политической оппозиции мерам центрального правительства [2]). Такое положение воевод и старост обосновывалось в особенности правами местной шляхты влиять на назначение и смену их: в областных привилеях (Витебском, Полоцком, Жмудском) господарь обязуется: „також им нам давати воеводу по старому, по их воли; а который им будет нелюб воевода, а обмовят его перед нами, ино нам воеводу им иного дати, по их воли“ [3]). И вообще власть воевод и старост носила удельный или феодальный характер, сохранявшийся ими, главным образом, благодаря сильным элементам областной обособленности, вполне естественным при образовании местных рынков, не связанных или слабо связанных экономически с другими частями страны.

Воеводы и державцы, конечно, не могли обойтись без довольно многочисленных помощников. Заместителями воевод и державцев и их ближайшими помощниками по всем делам были их наместники, которые не считались чиновниками государства, а были как бы приказчиками областных правителей и назначались не господарем, а самими воеводами и державцами и обыкновенно из своих холопов [4]). Кроме того, по отдельным отраслям своей деятельности областные правители в Литовско-Русском государстве имели особых помощников. Так, в заведывании крепостями, постройке и починке укреплений им помогали городничие [5]). Начальниками поветовых дворянских ополчений были хоружие, которых назначал или сам великий князь, или местный воевода „до воли господарской“, при чем обыкновенно принимались во внимание желания местной шляхты [6]). Для судебно-полицейской деятельности существовали возные, децкие и вижи, соответство-

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Ясинский, Уставные земские грамоты.
[4]) Любавский, Областное деление и местное управление.
[5]) Там же.
[6]) Там же.

вавшие восточно-русским праветчикам и доводчикам, т.-е. ездившие за тяжущимися, наблюдавшие за порядком на суде и исполнявшие приговоры [1]); наконец, в числе судебных чиновников необходимо упомянуть об увязчих, которые производили ввод во владение землей [2]). Наиболее многочисленен был штат помощников воевод и державцев по хозяйственному управлению. Сюда относились тиуны и ключники — управляющие отдельных господарских имений и хранители разных хозяйственных запасов [3]); конюшие, ведавшие скотоводство, бобровничие, ловчие и сокольничие, руководившие разными видами господарской охоты, езовничие и неводничие, державшие в своих руках рыболовство, лесничие и гаевники, на которых лежало лесное хозяйство, и т. д. [4]).

Мы уже упоминали выше о том, что важную роль в областном управлении играли местные „соймы", состоявшие главным образом из военно-служилых землевладельцев-бояр-шляхты—с незначительной по количеству примесью мещан. Так было в Жмуди, Подляшье, в землях Киевской, Волынской, Витебской, Полоцкой и, вероятно, в Смоленской [5]). Соймы имели прежде всего значение судебное—играли роль коллегий судебных заседателей при воеводах во время разбора последними важнейших дел [6]). Затем областные соймы могли жаловаться на воевод великому князю, и вообще великий князь считался с волей соймов в вопросе о назначении воевод, а в Жмуди староста даже прямо выбирался местными панами и боярами-шляхтой [7]). Наконец, сеймы издавали и распоряжения полицейского характера: напр., витебский сейм установил время, когда во всех домах следовало гасить огни и т. д. [8]).

Таким образом XV век, сохранив еще немало остатков старой неоформленности учреждений, все же, в силу новых хозяйственных и общественных условий, придал учреждениям верховным, центральным-исполнительным и областным уже более ясные очертания.

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же.
[5]) Там же.
[6]) Там же; Ясинский, Уставн. земск. грамоты.
[7]) Там же.
[8]) Там же.

Но учреждения оставались феодальными, личная выгода, а не общее благо, давала основное содержание понятию о цели государственного союза. Это видно прежде всего из того, что принцип кормления и в XV веке сохранял свое значение в административной системе. Общеземский привилей Александра 1492 года прямо указывает на раздачу наместничеств разным лицам не по способностям их, а в награду за службу [1]). Иногда наместничества прямо давались на пропитание [2]). Характер кормления выражался также в том, что державцы, с согласия великого князя, иногда передавали держания своим родным [3]). Этим же кормленным характером администрации объясняется и то, что нередко одно лицо получало по несколько держаний в разных частях страны и, конечно, фактически не могло управлять всеми пожалованными областями, а с большей части их получало только доходы [4]). Некоторый прогресс, переход от содержания на счет населения к содержанию на счет, если не государства, то государя, наблюдается лишь в том, что в XV веке натуральные поборы воевод и наместников-державцев с народа стали часто заменяться поступлением в их пользу доли урожая с господарской пашни [5]).

В суде и законодательстве новые понятия заметны в особенности в изменении наказаний: штрафы постепенно начинают заменяться казнью, телесными наказаниями, лишением свободы. Так, в Судебнике Казимира 1468 года за кражу назначается „шибеница", т.-е. виселица [6]). При всей жестокости подобных наказаний ясно, что они вызваны к жизни идеей о том, что преступление является уже не только вредом для личности, подлежащим материальному возмещению, но и нравственным вредом, нарушающим интересы общественные, идущим наперекор общему благу.

Тот же рост идеи общего блага сказывается в финансовой системе. Уже к концу XV века слагается в главных чертах ряд окладов прямых податей, и упрощается до некоторой

---

1) Любавский, Областное деление и местное управление.
2) Там же.
3) Там же.
4) Там же.
5) Там же.
6) Акты зап. России, т. 1, № 67.

степени косвенное обложение: уничтожаются лишние перевозы и мыта, переводятся на деньги серебщина, подымщина, поголовщина, стации и т. д. Об этом у нас уже шла речь при изучении хозяйственного быта.

Переходным моментом от вопроса о цели государственного союза к вопросу о субъекте власти является изучение законодательства, потому что тут должна идти речь не только о том, в чью пользу слагаются законодательные нормы, чьи интересы ими ограждаются,—личные или общественные,—но и о том, кто является субъектом законодательной деятельности, от кого она исходит, кто фигурирует в качестве носителя власти. Несомненно, что последний из земских привилеев удельного периода—привилей Александра 1492 года—установил, что субъектом, носителем власти является не господарь, а шляхетский „народ“, органом которого служит великий вальный сейм [1]). Это—реальное выражение той идеи, что господствующий класс общества, сорганизовавшись и сословно, сделался окончательно субъектом власти. С точки зрения идеи о цели государственного союза появление областных привилеев было крупным успехом, потому что на место идеи личного блага поставило идею о благе территориального целого части населения, живущей в данной области. Другой шаг вперед сделан был с появлением сословных привилеев: группа лиц, в интересах которых они давались, расширялась и распространялась на все государство, выйдя из тесных пределов отдельной области. Этим подготовлялась идея общего законодательства, ограждающего интересы всей страны без различия местностей и сословий, полнее выражающего идею общего блага. Первым примером такого общего законодательства и явился Судебник Казимира 1468 года. Но по своей краткости, по бедности содержания Судебник Казимира может быть признан лишь слабым зародышем настоящего полного законодательного свода.

Таким образом данные по истории законодательства в истории Литовской Руси XV века служат доказательством превращения государства, считавшегося первоначально вотчиной гедиминова рода, его собственностью, в союз общественного господства, понимая, конечно, последнее выражение в узком смысле,—не в смысле господства всего общества, а

---

[1]) Это признано всеми исследователями.

лишь в том смысле, что субъектом, носителем, обладателем власти сделалось шляхетское сословие.

Подтверждением того же общего положения может служить и изучение истории литовско-русской господарской казны или скарба и изменения юридической природы господарских имений. Казна носила сначала название господарского скарба, ясно выражавшее идею, что великому князю, как собственнику, принадлежало все достояние государства, что он имел право лично распоряжаться всеми его доходами по своему усмотрению. Но скарб стал земским, сделался достоянием государства, когда великий князь Александр в привилее 1492 года обязался расходовать казенные деньги на общие земские нужды непременно по совету с радой и без воли рады не брать денег из скарба и не вывозить их из страны [1]. С другой стороны, господарские имения рано стали приобретать значение должностного, а не вотчинного владения: когда установился избирательный порядок замещения великокняжеского престола, обусловленный социальным преобладанием знати, тогда и господарские земли потеряли значение вотчины, потому что перестали наследоваться: они переходили не к лицу, ближайшему по крови к прежнему господарю, а к тому, кто приобретал положение великого князя по избранию.

XV век внес немного нового в устройство западно-русской церкви. В течение первой половины XV века единство митрополии всея Руси было нарушено только один раз, когда в 1432 г. Свидригайло выбрал в митрополиты литовские Герасима [2]. Но с 1458 года почти совершенно без перерывов киевская митрополия, которой подчиняются Литва, западная и южная Русь, остается особой, независимой от митрополии московской [3]. Причина этого лежала в политической разобщенности западной и восточной Руси.

Светская аристократия пользовалась правом патроната над церковными учреждениями—церквами, монастырями и епархиями [4]. Таким правом патроната обладали не только отдельные князья и паны, но и городские общины, особенно

---

[1]) Любавский, Лит.-русский сейм, стр. 130–131.

[2]) Знаменский, Руководство к рус. церковной истории, изд. 5-е стр. 84.

[3]) Там же, стр. 159.

[4]) Там же, стр. 158, 159.

те, которые организовались на основе магдебургского права [1]. Осуществление права патроната над церковью в городах выпадало большею частью на долю братств, древнейшими из которых были два—львовское, появившееся в 1439 г., и виленское, учрежденное в 1459 году [2]).

Православные епископы не были членами рады [3]), чем существенно отличались по своему положению от князей и панов. Католический епископ виленский с самого своего появления в Вильне при Ягайле в 1386 году становится членом господарской рады [4]). Кроме того, вообще католические епископы занимали в отношении к светским панам более независимое положение, чем православные: они прикрывались и защищались авторитетом папы. Присутствие в раде и самостоятельность ставили таким образом высших иерархов католической церкви на равную ногу с знатнейшими литовскими и русскими князьями и панами. Это влиятельное их положение в весьма значительной степени объясняется тем, что политическая необходимость унии с Польшей, к которой склонны были правящие верхи общества в интересах самоохранения, независимости Литовско-Русского государства от опасности, грозившей с востока, была благоприятным для католицизма условием, содействовавшим его укреплению.

Господство эгоистических мотивов в литовско-русском обществе не только в XV веке, но и позднее ясно обнаруживается прежде всего в психологии духовенства. Писатель XVI века Иоанн Вышенский в следующих выражениях характеризует типичное для его времени духовное лицо: „днесь кат (палач), а завтра священник, днесь мучитель, а завтра учитель, днесь корчмар и танцоводец, а заутра богослов и народоводец, днесь убийца, а заутра святитель и епископ“ [5]). В Киево-Печерском монастыре XVI века были архимандриты, которые разоряли монастырь из личных корыстных побуждений и „общинное житие до конца сказили“: таков был, напр., архимандрит Антоний, правивший монасты-

---

[1]) Там же, стр. 159.
[2]) Там же, стр. 85.
[3]) Малиновский, Рада вел. княж. Литовского, II, 1, стр. 123—124.
[4]) Там же.
[5]) Харлампович, Западно-русские правосл. школы XVI и начала XVII в в., стр. 226.

рем в 20-х годах XVI века; один из его преемников, Софроний, был чрезвычайно жесток и корыстолюбив [1]).

Довольно близким к тому же господствовавшему типу был характер одного из виднейших западно-русских вельмож конца XV и начала XVI века,—князя Константина Ивановича Острожского. Он не отличался большими талантами, но умел соблюдать свои материальные интересы, был очень хорошим хозяином. Это в особенности видно из его колонизаторской деятельности: он построил в своих владениях ряд замков, как Ровно, Дубно, Дорогобуж, Острог, Межиречье, Сатыев, Полоный, Романов и т. д., основал в них много торжков [2]). Он покровительствовал православным и снабжал землями и деньгами духовенство и церковные учреждения [3]), но делал это скорее всего отчасти из княжеского гонора, а больше из простой привязанности к религиозной традиции, из боязни порвать с привычными порядками и отношениями. Но уже этот гонор, властность характерны: здесь видна примесь индивидуализма.

В религии очень ясно сказался господствующий психологический склад общества, особенно его верхов. Когда Ягайло, некоторые литовские паны и многие литовцы-язычники приняли католицизм, тогда начались столкновения между католиками и православными, поддерживавшиеся долгое время теми привилегиями, которые составляли исключительный удел католиков. Эти столкновения не достигали особенного обострения при Витовте, который хотя и был католиком, но отличался терпимостью к лицам православного исповедания [4]). При Свидригайле наблюдается вспышка вражды между католиками и православными, при чем на этот раз наступательную тактику усвоили православные, сжигавшие католические церкви и выгонявшие католических священников и монахов [5]). В княжение Сигизмунда Кейстутовича та же наступательная тактика наблюдается с противоположной стороны,—именно со стороны католиков [6]). Наконец, времена великих князей

---

[1]) Ярушевич, Ревнитель православия князь Константин Иванович Острожский, Смоленск 1897, стр. 195—197.

[2]) Там же, стр. 171.

[3]) Там же, стр. 181—185.

[4]) Знаменский, Руководство к русской церковной истории, стр. 84

[5]) Там же.

[6]) Там же.

Казимира и Александра, которыми заканчивается удельный период в истории Литвы и западной Руси, характеризуются ослаблением вспышек резкого антагонизма, никогда, впрочем, и раньше не доходивших до крайности. В то же время делаются попытки компромисса между двумя вероисповеданиями, причем инициатива таких попыток исходит от киевских митрополитов XV века. Так, после флорентийской унии киевский митрополит Григорий хотел достигнуть принятия постановлений этой унии западно-русской православной церковью, но его попытка не имела успеха, и сам он впоследствии вполне присоединился к православию и признал свою зависимость от константинопольского патриарха [1]). В 1476 году митрополит Мисаил пытался было завести сношения с папой [2]). В княжение Александра была произведена третья попытка ввести унию, исходившая от киевского митрополита Иосифа Болгариновича и также кончившаяся неудачей [3]). В общем, надо признать, что до конца XV века религиозные противоречия между католиками и православными не достигали особенного обострения, были не велики и не сильны.

Двоеверие продолжало еще составлять существенный признак и православия и католицизма: языческие предания сильно сказывались. Еще шляхтич XVI века Евлашевский, как видно из его „Записок", верил в чары, пророческие сны и видения [4]).

XV век в западной Руси дал нам два образца местного летописания: это—рукопись Авраамки и Супрасльский список. Авраамка—духовное лицо, списавшее летопись по желанию смоленского епископа Иосифа в 1495 году. Составленная им рукопись—древнейший список так-называемой западно-русской летописи [5]). Супрасльский список писан в 1520 г. по приказанию князя Одынцевича и издан проф. Даниловичем под названием „Русская летопись". По некоторым признакам исследователи заключают, что начало составления этой летописи относится к концу XIV века или к началу XV. Это вполне достоверный и живой рассказ о западно-русской истории [6]).

---

[1]) Там же, стр. 158.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

[4]) Лаппо, Вел. княжество Литовское за время от заключ. Любл. унии до смерти С. Батория, т. I, стр. 515.

[5]) Тихомиров, О составе западно-русских летописей: „Ж. Мин. Нар. Пр." за 1901 г., № 3, стр. 2.

[6]) Там же, стр. 3.

Как значительную новость, нельзя не отметить, наконец, что в XV веке на западе России заметно особенное отношение к св. Писанию: усердные читатели его, число которых все более увеличивалось, старались выставлять на полях церковно-славянских рукописей объяснения некоторых непонятных старославянских выражений, а переписчики вводили, кроме того, множество русских слов в библейский текст. Это, несомненно, указывает на стремление отнестись сознательно к читаемому, осмыслить его. Одушевленный такими именно мыслями странствующий типограф Василий Тяпинский издал в XVI в. Евангелие в русском переводе [1]).

---

[1]) Харлампович, Западно-русские правосл. школы, стр. 227.

IV.

Французский феодализм.

Французский феодализм — наиболее чистая, законченная, классическая форма феодальных отношений. Поэтому, переходя к западно-европейскому их типу, удобнее всего начать исследование именно с него.

Как и всякое другое сложное и большое историческое явление, как и всякий другой процесс исторического развития, и именно потому, что это—процесс, феодализм в развитом состоянии во Франции с трудом можно уложить в строго определенные хронологические рамки. Здесь мешает, с одной стороны, то обстоятельство, что феодальные отношения, достигнув полноты развития, тотчас же стали разлагаться, так что получились два почти параллельных, чуть ли не одновременно протекавших процесса роста и падения; с другой—влияют местные особенности: на севере и востоке Франции—в Бургундии, Шампани, в домэне Капетингов—феодализм развился раньше и сильнее, чем на западе, напр., в Нормандии и Бретани, и на юге—в Лангедоке [1]). При всем том временем расцвета французского феодализма можно считать период с половины IX до конца XII века, в особенности XI и XII столетия.

Несомненно, это было время, когда земледелие являлось основной отраслью хозяйственной деятельности подавляющего большинства населения. Любой документ эпохи — грамота, писцовая книга, летопись—доказывает это каждой своей страницей, чуть не каждой строкой. Приводить в этом отноше-

---

[1]) Henri Sée, Les classes rurales et le régime domanial en Fr nce au moyen âge. Paris 1901, стр. 135 — 137; ср. особенно Guérard, La polytique de l'abbé Yrminon.

нии отдельные конкретные доказательства излишне [1]). Конечно, как и везде, во всех странах, и во Франции сохранялись еще значительные остатки добывающей промышленности—охоты, рыболовства, пчеловодства [2]), — не оспаривавшей уже, однако, преобладания у земледелия.

Господство земледелия—старая черта хозяйственного быта, существовавшая уже в предыдущий период и теперь лишь окончательно определившаяся. Новее были успехи торговли, превратившие хозяйство из натурального в денежное, товарное.

Росла прежде всего торговля внешняя, особенно в XII веке: развилась ввозная и вывозная иностранная торговля Марселя, Монпелье, Нарбонны, Байонны, Бордо, Ларошели [3]). Еще важнее было развитие внутренней торговли; в XI веке торговали уже хлебом, лесом, шерстью, холстом, крашениной [4]). Натуральные оброки уже тогда стали превращаться в денежные платежи [5]), что было бы невозможно, если бы товарный оборот не проник в массы населения. Росли местные рынки [6]) и ярмарки [7]) особенно с XII века. С того же столетия феодальные бароны, в особенности крупные, как, напр., графы шампанские, начали развивать собственную торговлю сельскохозяйственными продуктами [8]).

Превращение натурального хозяйства в денежное, товарное было бы настоящей хозяйственной революцией, если бы не оказалось, что этот процесс совершался постепенно, медленно: новое товарное хозяйство XI и XII веков было хозяйством, рассчитанным на небольшой, узкий, местный рынок, верст на 15—20—30 не более в окружности [9]). В то время

---

[1]) Lamprecht, Beiträge zur Geschichte des französischen Wirtschaftsleben, стр. 4.

[2]) Там же, стр. 7—9, 10, 14.

[3]) Pigeonneau, Histoire du commerce de la France, I partie, P. 1885, стр. 143, 149, 152, 153, 156; Schaube, Handelsgeschichte der Romanischen Völker des Mittelemeergebiets, Münch. und Berl. 1906, стр. 498 и след.

[4]) Pigeonneau, Histoire du commerce de la France, I, стр. 121—122.

[5]) Lamprecht, Beiträge zur Geschichte des französischen Wirtschaftsleben, стр. 54.

[6]) Там же, стр. 125 и след.

[7]) Bourquelot, Etudes sur les foires de Champagne, I, P. 1865, стр. 31.

[8]) Там же, стр. 60.

[9]) Ср. Bücher, Die Entstehung der Volkswirtschaft. Характерно, что и подводная перевозочная повинность — carropera, angaria — рассчитана была в 10—20 километров: Sée, Les classes rurales, стр. 89.

купеческие корпорации каждого города рассматривали территорию его и его округа как свою торговую территорию [1]. Каждый крупный феодал объединял свой лен в торговом отношении [2]. Монета, меры и вес поэтому до конца XII века были особые для каждого торгового округа [3]. Характерно в этом отношении, что еще писатель XIII века Фома Аквийский отстаивал экономическую самоудовлетворяемость каждого города с его областью [4]: действительность наиболее яркой стороной своей отражалась таким образом на идеологии.

Само собою разумеется, рост торговли вызывал и усиливал развитие обрабатывающей промышленности [5], работавшей нередко и на иностранный рынок [6].

Успехи техники производства, сколько-нибудь заметные, наблюдались только в земледелии. Были, конечно, еще и обломки старины, остатки мотыжного и лядинного земледелия [7]; в качестве рабочего скота употреблялись часто еще в XI в. волы, а не лошади [8]. Но все же торжествует уже трехполье с навозным удобрением [9], идет вперед садоводство и огородничество, уменьшается количество лесов [10].

Важнейшей переменой в области землевладения во Франции XI и XII веков было превращение временного и условного владения без права отчуждения—бенефиция—в наследственный и подлежащий рыночному обмену лен или феод. Это превращение—факт, прочно установленный исследователями, совершенно не подлежащий никакому сомнению [11]. Конечно,

---

1) Pigeonneau, Histoire du commerce de la France, I, стр. 112—113.

2) Там же, стр. 92, 120.

3) Там же, стр. 101; Schaube, Handelsgeschichte der Rom. Völker, стр. 763.

4) Maurenbrecher, Thomas von Aquino's Stellung zum Wirtschaftsleben seiner Zeit, I Heft, Leipz. 1881, стр. 41.

5) Ковалевский, Экономич. рост Европы, т. III, М. 1903, стр. 10 и след.

6) Pigeonneau, Hist. du commerce, стр. 143 и след.; Schaube, Handeslgeschichte, стр. 385, 500.

7) Lamprecht, Beitrage zur Gesch. des franz. Wirtschaftsleben, стр. 20, 21.

8) Там же, стр. 20.

9) Там же, стр. 21, 33 и след.; Sée, Les classes rurales et le regime domanial, стр. 542, 543.

10) Lamprecht, Beitrage, стр. 23, 24, 28, 36.

11) Там же, стр. 52; Luchaire, Les premiers Capétiens, стр. 8; Luchaire, Manuel des institutions françaises, P. 1892, стр. 155; Flach, Les origines de l'ancienne France, III, P. 1904, стр. 75, 84.

оно произошло не сразу, постепенно; сначала, в X веке, передача бенефиция наследникам происходила в каждом отдельном случае с особого утверждения короля; но постепенно такое утверждение вошло в обычай, и уже в XI веке феодальное общественное мнение стало отрицать право короля не утверждать передачи по наследству крупных земельных владений: это наблюдается тогда, напр., в Бургундии, Шампани, графстве Блуаском; в XII столетии короли окончательно перестают оспаривать наследственность ленов [1]).

Причина этой важной перемены, в значительной степени обеспечившей законченность феодальных отношений, коренится в тех именно новых хозяйственных условиях, о которых у нас только-что шла речь: товарное хозяйство, хотя и с узким рынком, увеличивает и нужду в деньгах и в связи с этим также потребность в более или менее свободном гражданском обороте важнейшей в то время ценности—земли и в передаче ее наследникам.

Но раздел наследства между сонаследниками стал довольно скоро приводить к измельчанию ленного или феодального землевладения, и процесс этот в некоторых местах, — напр., в Нормандии, Бретани, отчасти на юге,—где к тому же сохранилось немало остатков аллодиальной, полной земельной собственности,—дошел в отдельных случаях до крайности [2]). Такое дробление не обусловливалось хозяйственными обстоятельствами. Напротив, последние, создавая небольшие, замкнутые рынки, диктовали необходимость единства, цельности сколько-нибудь крупных ленов, территории которых должны были находиться в известном соответствии с округом, тяготевшим к данному рынку. Поэтому крупные феодалы, испытывавшие непосредственное влияние новых товарно-хозяйственных отношений, отчасти уже в XI и особенно в XII веке оставили старый обычно правовой институт равного раздела лена между сонаследниками и установили право старшинства в получении лена по наследству [3]). Это понятно: с появлением товарного хозяйства развиваются новые правовые

---

[1]) Luchaire, Histoire des institutions monarchiques de la France, t. II, P. 1883, стр. 3—20.

[2]) Luchaire, Manuel des institutions françaises, стр. 164, 165; Sée, Les classes rurales, стр. 136, 149 и след.

[3]) Luchaire, Manuel des institutions françaises, стр. 161, 162.

понятия, выдвигающие на первый план личную волю завещателя вместо старого семейного наследственного права, когда отец, в согласии с обычаем, разделял землю и имущество между готовыми, законными наследниками, и завещание носило черты семейного договора, „ряда" между членами семьи, как говорили в древней Руси.

Но мелкие лены сильно дробились именно вследствие господства этого семейно-наследственного обычного права [1]), не разрушаемого в них образованием денежного хозяйства, потому что мелкие земельные владения не составляли товарно-хозяйственного целого, не испытывали, следовательно, на себе непосредственно новых экономических влияний в том именно смысле, в каком эти влияния сказывались на более или менее крупных владениях. В одном только отношении денежное хозяйство с узким рынком сильно повлияло на положение мелких ленов и их владельцев: так как эти лены экономически притягивались к ленам крупных феодалов, к барониям, владениям пэров короля, в которых были рынки для всего округа, то этим подготовлено было установление феодальной иерархии. Ведь страна делилась на ряд замкнутых областей, тяготевших каждая к особому местному рынку, а обширного рынка, охватывавшего всю Францию, почти совсем не было. Это заслоняло от короля арьер-вассалов, владельцев мелких ленов, подчинявшихся баронам; создавалось утвердившееся в XII веке правило: „вассал моего вассала—не мой вассал" [2]). Притягивались, наконец, к крупным барониям и аллоды, превращавшиеся в силу хозяйственной зависимости от рыночного центра баронии в лены арьер-вассалов, и торжествовало таким образом другое правило развитого феодализма: „нет земли без сеньера" („nulle terre sans seigneur").

Чтобы закончить речь о феодальном землевладении, остается отметить факт дробления земельной собственности в феодальном праве на собственность непосредственную у вассала (dominium utile) и высшую собственность у сюзерена или сеньера (dominium directum или eminens) [3]). Этим дробле-

---

[1]) Там же, стр. 164, 165.

[2]) Там же, стр. 23, 24 и след.; Flach, Les origines de l'ancienne France, II, P. 1892, стр. 560.

[3]) Luchaire, Manuel des institutions françaises, стр. 172.

нием, остатком старых прекарных или бенефициальных отношений, обусловливались обязанности, лежавшие на ленном землевладении или на владельце лена—вассале—по отношению к сюзерену: то были служба — военная, обыкновенно в течение 40 дней в году, и судебная, — обязанность уплаты пошлин при переходе лена путем продажи, залога, дара, наследования и повинность денежной помощи сюзерену в определенных случаях—при плене, выдаче замуж дочери и т. д. [1]).

Отношение к земле мелких ее держателей нельзя уяснить себе, не установив господствовавших в то время форм хозяйства, к изображению которых мы и должны теперь перейти.

Первое, что здесь обращает на себя внимание, это — деление феодальной вотчины [2]) в хозяйственном отношении на две части — барскую землю (terra indominicata) и держание или участки свободные (mansi ingenuiles) и рабские (mansi serviles). Сеньер признавался высшим собственником всей земли, но в непосредственном его пользовании находилась только барская пашня, обрабатывавшаяся трудом рабов, и еще в большей степени барщинной повинностью держателей отдельных участков. В XI и XII веках барская запашка не была велика [3]): при наличности узкого, местного рынка не было повода расширять ее, увеличивать до больших размеров.

Участки отдельных держателей, отбывавших за пользование ими барщину или плативших оброк (ценз), были расположены черезполосно с барской пашней, разбросанной отдельными кусками, а также черезполосно и между собою. Лесами и выгоном пользовались все сообща, почему они назывались comunia („общая земля“) [4]). Участки фактически отчуждались—продавались, закладывались, дарились—и передавались по наследству с согласия сеньера и с уплатой ему особых пошлин. При этом живы были предания семейного владения и пользования [5]), подобного русскому долевому или сябринному. В XI и XII веках участки или манзы дробились

---

[1]) Там же, стр. 197—204.

[2])Мы предпочитаем называть феодальную собственность вотчиной, а не поместьем, потому что поместье в России было неотчуждаемо и ненаследственно.

[3]) Lamprecht, Beitrage zur franz. Wirtschaftsleben, стр. 50, 51; Sée, Les classes rurales, стр. 141.

[4]) Sée, Les classes rurales, стр. 119; Ковалевский, Экономический строй Европы, т. I, стр. 501.

[5]) Lamprecht, Beitrage, стр. 107; Sée, Les classes rurales, стр. 118; Ковалевский, Экономический строй Европы, т. I, стр. 462.

все больше и больше: вместо полного манза появляются в разных частях страны более мелкие участки—bordaria (обычно половина манза), apendaria, condamina, casale, curtilus (1/6 манза), cabannaria (=curtilus), cartairata или carteria (1/4 манза), sextairata (1/6) и т. д. [1]). В качестве основной причины этого дробления участков, кроме роста населения, дробления при наследовании и отчуждении частей участка вследствие нужды в деньгах, вытекавшей из развития денежного хозяйства, исследователи справедливо указывают на улучшение или интенсификацию хозяйства [2]). Черезполосица или трехполье связаны были с принудительным севооборотом, с пастьбой скота осенью по жниву. Для улучшения хозяйства необходимо было изъять свой участок из принудительного севооборота, что удобнее было сделать с мелким участком. Так, curtilus был мелким участком, специально предназначенным для разведения винограда, виноделия, т.-е. для более интенсивной культуры, не подходившей под общую мерку.

Чтобы закончить чисто-хозяйственную характеристику развитого феодализма во французской деревне XI — XII веков, остается осветить вопрос о распределении хозяйственных благ. Барщина была, как мы уже указывали, обычно трехдневной, т.-е. отнимала в среднем половину рабочего времени у тех несвободных держателей, на которых она лежала. Сборы денежные и натуральные, а также повинности разного рода, вытекавшие как из поземельной связи, так и из личных отношений зависимости, были разнообразны и обременительны. Ниже, когда пойдет речь об отдельных группах и разрядах сельского населения, главные из них будут указаны. Исследователи приходят к заключению, что оброки и поборы сеньера поглощали от 20 до 50% дохода держателя [3]). Положение крестьянина вообще было достаточно тяжелым: крестьянская семья жила в бедной хижине с соломенной крышей, часто без окон, очень редко употребляла в пищу мясо и белый хлеб, рубашка до XIV века была пред-

---

[1]) Lamprecht, Beitrage, стр. 38—41; Sée, Les classes rurales, стр 145, 153—154.

[2]) Lamprecht, Beitrage zur franz. Wirtschaftsleben, стр. 45.

[3]) Там же, стр. 55.

метом роскоши, движимая собственность была ничтожна, часто французскую деревню постигали голодовки [1]).

В XII веке во Франции начинается в высшей степени важное в хозяйственном и социальном отношениях коммунальное—городское и отчасти сельское—движение. По характеру и значению своему это движение, взятое в полном объеме, в целом, во всей его широте, представляет собою, однако, уже процесс, подтачивавший, разрушавший феодализм, хотя и начавшийся в пору расцвета последнего: вот иллюстрация сделанного выше замечания об одновременности, параллелизме процессов развития и разложения. Поэтому мы вернемся к этому процессу, как целому, позднее, в одной из следующих глав. Теперь на нем следует остановиться ненадолго лишь отчасти, чтобы характеризовать типичные для данного периода формы торговли и обрабатывающей промышленности.

XI век почти не знал еще ни купеческих, ни ремесленных корпораций. Были, конечно, отдельные купцы и ремесленники, причем последние работали целыми семьями [2]) и обыкновенно находились под вотчинно-феодальной опекой: они составляли вотчинные „мастерства“ (magisterium) под наблюдением поставленного сеньером „мастера“ (magister, maître) [3]). В XII веке появляются уже настоящие корпорации — торговые и ремесленные, сразу проявившие стремления к торговой и промышленной монополии в своем хозяйственном округе [4]). Надо заметить, что и сеньеры,—напр., короли, устанавливая для опекаемых ими ремесленников таксы [5]), полагали тем самым основание регулированию промышленности и торговли. В XII веке ремесленные корпорации—цехи—проводят собственную монополию производства, так что никто, к цехам не принадлежащий, не мог заниматься ремеслом; устанавливаются также определенное число учеников и наблюдение за техникой работы [6]). Все это проводится под прямым влиянием купеческих гильдий, присяжных товариществ, братств, фактически руко

---

[1]) Sée, Les classes rurales et le régime domanial en France au moyen âge, стр. 543 и след.

[2]) Ковалевский, Экономический строй Европы, т. III, М. 1903, стр. 42.

[3]) Там же, стр. 16 и след.

[4]) Там же, стр. 71, 72; Luchaire, Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs, P. 1911, стр. 31.

[5]) Ковалевский, Экономич. рост Европы, т. III, стр. 21.

[6]) Там же, стр. 71, 150, 162—163.

водящих ремесленными цехами, организующих сплошь и рядом сбыт ремесленных изделий, раздающих материал и задатки в долг, т.-е. вводящих „домашнюю индустрию“ (Hausindustrie)[1]. Такие регламентация и монополия—торговая и промышленная—совершенно естественны в товарном хозяйстве, расчитанном на небольшой местный рынок: малейшее нарушение экономического равновесия, существующего, наладившегося соотношения производительных сил в этом маленьком, замкнутом мирке могло погубить его целиком, разрушить всю организацию до основания; поэтому и требовалась строгая и мелочная регламентация.

Эти формы торговой и промышленной деятельности могут служить уже отчасти удобным переходом к характеристике социальных отношений, устройства общества в эпоху развитого феодализма во Франции.

Феодальное общество в сложившемся, законченном виде представляло собою многоэтажное здание сословного характера, причем подчинение одних сословий другим покоилось уже не на личной, а главным образом, даже почти исключительно, на поземельной связи[2]).

Верхний этаж этого сословного здания составляли высшие сеньеры, королевские пэры, крупнейшие и богатейшие вассалы короля. Они имели огромные права. Внутри своих герцогств и графств они были настоящими независимыми государями[3]), ведали все управление, суд, финансы, чеканили свою монету, вели войны между собою и с королем[4]); по отношению к королю они обязаны были только формальным признанием его главенства—оммажем и придворной и военной службой[5]). Но и эта обязанность превращалась у них в право: без их согласия на торжественном собрании король не мог делать ничего в общегосударственном масштабе[6]), так что торжественные собрания баронов и епископов были настоящими съездами

---

[1]) Там же, стр. 72 и сл. Ср. Bücher, Die Entstehung der Volkswirtschaft, Tübingen 1898, стр. 132 и сл.

[2]) Flach, Les origines de l'ancienne France, II, стр. 551; Sée, Les classes rurales et le régime domanial, стр. 69.

[3]) Luchaire, Manuel des institutions françaises, стр. 236.

[4]) Там же, стр. 236 и сл.; Sée, Les classes rurales, стр. 103, 107, 134

[5]) Luchaire, Hist. des institutions monarchiques, II, стр. 35.

[6]) Там же, I, стр. 242—243.

или конгрессами самостоятельных государей: разобщенность местных рынков здесь сказывалась весьма ясно. Таких независимых бароний первого и второго разрядов было во Франции XI и XII веков до сорока [1]).

Кроме этого высшего слоя — крупнейшей феодальной аристократии—существовало множество королевских вассалов, много малых сеньерий с ограниченными правами, с недоразвитым до конца феодализмом [2]). Ниже их и крупных баронов стояли арьер-вассалы, получавшие лены от своих сюзеренов и подчиненные им феодально.

Такова была светская феодальная лестница. Рядом с нею существовала еще духовно-феодальная лестница из епископов, равных по положению светским баронам, и аббатов больших монастырей, ставших самостоятельными к XI веку [3]). У них были свои арьер-вассалы духовные и светские. Приходское духовенство с конца XI века разделилось на два разряда: в прибавок к женатым священникам (canonici seculares) появились еще священники-монахи (canonici regulares), августинцы [4]), получившие перевес над первыми.

Городское сословие едва начало развиваться в XII веке и, как увидим в свое время, тоже стало организовываться в феодальные формы, с непосредственным подчинением главным образом королю.

Нижний этаж представляло собою деревенское трудящееся население, постепенно сливавшееся в однородную, компактную массу, крепкую уже не личности владельца, а земле, т.-е. не подлежащую отчуждению без земли и имеющую и личные и имущественные права.

Высшую группу среди деревенского населения представляли собою управляющие феодальных имений В XI веке управляющий (villicus, maior) был еще агентом, крепостным сеньера, а в XII он уже превратился в вассала, ленника, при чем его наследственными часто ленами стали и самая должность с получавшейся по ней частью сборов и судебных пошлин с подчиненного населения имения, и земельный участок, дава-

---

1) Luchaire, Manuel des institutions françaises, стр. 236.
2) Там же.
3) Там же, стр. 49 и сл., 73.
4) Там же, стр. 100, 101.

вшийся управляющему сеньером [1]). Таким образом управляющие представляли уже собою мост, переходную ступень от крепостных, незнатных (roturiers), „подлых" людей (vilains) к благородным, к рыцарям. Они не сливались с крепостной крестьянской (вилланской) массой, а отходили, отслаивались от нее.

Личное рабство исчезает [2]). Вместо него сначала господствует серваж, происходящий от рождения в семье серва, от брака с сервом, от проживания на сервильной земле, от несостоятельности при долгах и уплате судебного штрафа, наконец, от добровольного перехода в состояние серва, вызываемого бедностью или поисками покровительства [3]). Серваж имел еще некоторые элементы личной крепости, но у серва были уже права имущественные и право быть свидетелем, даже и стороной на суде [4]). Отличительными признаками серважа были: 1) таллия—произвольный, налагаемый по усмотрению сеньера прямой личный денежный сбор, 2) mainmorte („мертвая рука"), т.-е. отсутствие у серва права распоряжения (отчуждения) его имуществом, 3) formariage—„выводная куница"—пошлина за право выдачи замуж дочери на сторону, в чужое феодальное владение, 4) поголовная подать (chevage) денежная или натуральная [5]).

Опасность побегов сервов, усилившаяся особенно с ростом городов, дававших им защиту и свободу, и еще более того потребность сеньеров в деньгах, обострившаяся вследствие развития денежного хозяйства, заставили сеньеров за выкуп переводить многих сервов в состояние более свободное—вилланов или крестьян, крепких земле [6]). Это освобождение часто в XII в. было частичным: новые вилланы не только, подобно коренным вилланам, платили определенный оброк или отбывали определенную обычаем барщину, но сохраняли и часть повинностей, свойственных серважу: чаще всего сохранялась поголовная подать (chevage), а таллия, „мертвая

---

[1]) Flach, Les origines de l'ancienne France, I, стр. 111; Sée, Les classes rurales, стр. 331, 332, 333.

[2]) Sée, Les classes rurales, стр. 69; Flach, Les origines de l'anc.Fr., II, стр. 551.

[3]) Sée, Les classes rurales, стр. 160; Luchaire, Hist. des institutions monarchiques, II, стр. 116.

[4]) Sée, Les classes rurales, стр. 162—163, 173, 174.

[5]) Там же, стр. 175.

[6]) Luchaire, Hist. des instit. monarchiques, II, стр. 116.

рука“ и выводная куница отменялись, но иногда отменялись и только две из этих повинностей, а изредка даже лишь одна из них—„мертвая рука“ [1]). В XII веке превращение серважа в вилланство зашло уже довольно далеко, а в XIII вилланы уже во всей Франции количественно преобладали над сервами [2]). Крепкими земле были и колоны (coloni, hospites), которые поселялись на вновь расчищаемых от леса колонизуемых участках на вилланском положении [3]).

Таким образом личное прикрепление окончательно сменялось поземельным. Естествен вопрос, почему это произошло. Нетруден и ответ на этот вопрос: здесь повлияла та же экономическая замкнутость отдельных местных феодальных рыночных округов, которая заставляла купцов организоваться в гильдии, а ремесленников смыкаться в цехи и регулировать подробно во всех частностях и торговлю и ремесло; маленький замкнутый товарно-хозяйственный мирок мог бы погибнуть, если бы земледелию в нем не был обеспечен определенный постоянный состав рабочих,—отсюда и вытекало прикрепление к земле, предотвращавшее возможность резких изменений численности рабочего земледельческого населения в зависимости от усмотрения сеньеров или самовольного ухода вилланов.

В среде господствующего сословия феодальной знати существовали резкие противоречия интересов между светскими баронами и епископами, во-первых, и, во-вторых, между аббатами, стоявшими во главе монастырей, возвышавшихся особенно в XI веке, и светскими баронами, а также между теми же аббатами и епископами, из-под власти которых наиболее богатые и могущественные монастыри освобождались, подчиняясь непосредственно папской власти [4]). Клюнийское движение, имевшее своим очагом монастырь Клюни в северо-восточной Франции, в значительной степени освободило духовных сеньеров—епископов и аббатов—от подчинения светским баронам и особенно выдвинуло на первый план монастыри, монашество, дав им в лице аббатов совершенную самостоятельность [5]). Из этих социальных противоречий внутри

---

[1]) Там же, II, стр. 118; Sée, Les classes rurales, стр. 267, 269, 271.

[2]) Sée, Les classes rurales, стр. 162 и сл.

[3]) Там же, стр. 69; Luchaire, Hist. des inst. mon., II, стр 130;. Ковалевский, Экономич. строй Европы, I, стр. 547.

[4]) Luchaire, Manuel des instit. françaises, стр. 73.

[5]) Там же.

господствующего сословия и произошли перемены в государственном строе. При этом соперничество из-за земли и из-за власти заставило сначала епископов поддерживать королевскую власть против светских баронов, а потом возвышение королевской власти стало делом монахов, которые, помимо того же соперничества из-за земли и власти, являлись противниками и баронов и епископов вследствие своего более демократического или, вернее, менее аристократического происхождения: монашество—это то же, что рядовое рыцарство в светской феодальной иерархии, духовное дворянство, только более к тому же образованное, просвещенное, интеллигентное, чем светское рыцарство, и потому, естественно, проявлявшее более живое и настойчивое стремление к самостоятельности. При этом обе главные ветви монашества XI и XII веков—цистерцианцы—пустынножители (орден, особенно развитый Бернардом Клервосским) и клюнийцы—общежительные монахи [1])—деятельно работали над усилением королевской власти, в то же время еще больше трудясь над увеличением власти римского папы.

История самой королевской власти играет, таким образом, первенствующую роль в развитии государственного строя Франции XI—XII веков.

Нам уже известно, что в X веке и особенно в XI сложились все основные элементы феодализма: прочный, постоянный вассалитет, т.-е. крепкая связь феодального подданства, наследственный лен, подлежащий отчуждению и обусловленный лишь оммажем и непродолжительной службой — военной и в совете, при дворе короля, суверенитет, совокупность верховных государственных прав у каждого из сорока крупных сеньеров, ставших таким образом в своих барониях настоящими независимыми государями именно в силу того, что они были владельцами этих бароний, крупнейшими землевладельцами. Их обособленность, самостоятельность имела солидную, прочную экономическую основу—замкнутость отдельных местных рынков, на которые раздробилась страна в хозяйственном отношении. Феодальная политическая дробность была точным, верным отражением экономического раздробления товарного хозяйства, расчитанного на местный рынок.

При таких условиях Франция уже в X веке могла окончательно разделиться на ряд вполне самостоятельных крупных

[1]) Там же, стр. 91.

княжеств, которые не нуждались даже в едином, хотя бы только номинальном, главе [1]): последние Каролинги и на самом деле были совершенно бессильны, были королями лишь по имени, потому что после раздачи их предками массы земли в бенефиции, превратившиеся потом в лены, раздачи, вызванной необходимостью при натуральном хозяйстве платить за службу именно землей, оказались не в состоянии составить себе сколько-нибудь крупное непосредственное владение [2]).

Первое, чего достигло духовенство и прежде всего монашество в своей борьбе со светскими баронами, готовыми после прекращения династии Каролингов в 987 г. совсем уничтожить не только власть, но самый сан, имя короля, было спасение этого королевского имени, сохранение формального государственного единства Франции, необходимого духовенству в его борьбе за землю и независимость от светских феодалов, обладавших правомпатроната над церковью и жадно стремившихся к захватам и земель, и власти, и доходов церковных учреждений, вообще их богатств. Чтобы это имя не исчезло, надо было дать королевский титул человеку, имевшему крупные непосредственные феодальные владения, богатый домэн, которого не доставало последним Каролингам. Таким человеком и оказался выбранный в 987 г. в короли Франции герцог Иль-де-Франса Гуго Канет. Уже это была крупная победа духовного феодализма над светским [3]).

Но этого было мало: духовенству необходимо было сделать это приобретение постоянным, прочным. Для достижения такой цели нужна была наследственность королевского достоинства в роде Капетингов, вовсе не установленная фактом избрания Гуго Капета. Церковь освящала фактическую наследственность королевского титула в династии Капетингов религиозным обрядом коронования наследника-соправителя царствующего короля при жизни последнего: так практиковалось с Гуго Капета до Людовика VII, несмотря на безуспешные попытки светской знати восстановить избирательный порядок [4]). В 1179 г. принцип наследственности королевской власти в

---

[1]) Luchaire, Histoire des institutions monarchiques de la France, I, стр. 29.

[2]) Там же, стр. 27.

[3]) Там же, стр. 29, 30.

[4]) Там же, стр. 58—81.

династии Капетингов восторжествовал окончательно [1]). Вот вторая победа духовных сеньеров над светскими.

Экономическая действительность подсказала и помогла Капетингам осуществить третий шаг в деле укрепления их королевской власти, совершенный также при ближайшем содействии духовных советников королей: то было собирание земли и власти в домэне, в непосредственном феодальном владении, лене Капетингов. Это дело завершил в XII веке Людовик VI Толстый, боровшийся успешно со своими непосредственными вассалами в Иль-де-Франсе — Монморанси, Бомонами, Рошфорами, Помпонами, Креси и проч.—и увеличивший территорию своего домэна [2]). Известно, какую видную роль сыграл здесь представитель клюнийского монашества аббат Сугерий [3]).

Мы сказали сейчас, что эта деятельность в собственном домэне была подсказана Капетингам экономической действительностью. Дело в том, что подобное же собирание крупных ленов, такая же их внутренняя консолидация предприняты были тогда и также успешно и крупнейшими баронами [4]). В основе этого лежало постепенное, медленное, но неуклонное расширение местных рынков, притягивавшее отдельные средние и мелкие феодальные имения к более крупному экономическому, а следовательно и политическому центру,—большой баронии вроде герцогств Иль-де-Франса, Нормандии, Бургундии, графств Фландрии, Шампани, Бретани и т. д. Королю здесь над другими крупными феодалами дали преимущество две силы— аббатства, по всей почти Франции после клюнийской реформы, особенно после папы Григория VII, объявившие себя королевскими [5]), и города, которые, став, как увидим, буржуазно-феодальными сеньериями [6]), тоже искали и большею частью находили непосредственные связи с королем [7]).

В направлении расширения королевской власти вне домэна, в общегосударственном масштабе, первые успешные усилия

---

1) Там же, стр. 82.
2) Там же, II, стр. 241—249.
3) Ср. Грановский, Аббат Сугерий.
4) Luchaire, Les premiers Capetiens, стр. 285 и след.
5) Luchaire, Hist. des instit. monarchiques, II, стр. 85.
6) Luchaire, Les communes françaises, стр. 15.
7) Там же; ср. Смирнов, Коммуна средневековой Францпи.

были сделаны только при Людовике VII опять-таки при ближайшем участии Сугерия [1]).

Но в общем и целом в существе своем королевская власть и в администрации, и в суде, и в финансах до конца XII века строилась почти исключительно на феодальном, частноправовом, вотчинном, владельческом основании.

Из всего государственного механизма наиболее чувствительны к хозяйственным и социальным влияниям органы местного управления и суда. В них и отражались с наибольшею ясностью феодальные, вотчинные порядки и отношения. Королевские местное управление и суд были по существу своему феодальными, и из органов хозяйственно-вотчинных развились зачатки позднейшей государственной организации.

Такими хозяйственными, вотчинными органами на местах при Капетингах были королевские приказчики или прево (prévôt) и королевские воеводы или бальи (bailli). Первые прево появились только в последние годы царствования сына и наследника Гуго Капета Роберта I, т.-е. в 30-х годах XI века [2]). Они были лишь там, где королевский домэн достигал значительных размеров,—главным образом в Иль-де-Франсе, Орлеане и Берри [3]). К концу царствования Людовика VII, т.-е. к последней четверти XII века, количество превотств в королевских владениях доходило до 38 [4]). Прево ведали в своих округах прежде всего финансами, сбором королевских доходов и расходами [5]). Для финансовой отчетности все прево ежегодно съезжались в Париж. И назначались прево первоначально из числа зависимых от короля людей, во всяком случае незнатных [6]). Но так как суд был одной из хозяйственных статей землевладельческого дохода, то и он входил в круг ведения прево: первоначально то был доманиальный, вотчинный суд, но потом скоро он распространился на рыцарей — непосредственных вассалов короля, и, наконец, прево стали вмешиваться в действия сеньериальных и церковных судов: требовали в них устранения непра-

---

[1]) Грановский, Аббат Сугерий; Thierry, Lettres sur l'hist. de France, особ. гл. XV и след.

[2]) Luchaire, Hist. des institutions monarchiques., I, стр. 85.

[3]) Там же, стр. 86.

[4]) Там же, стр. 85.

[5]) Там же, стр. 209.

[6]) Там же, стр. 211.

вильностей, исполнения приговоров, предписывали являться на королевский суд, чем позднее, тем чаще просто нарушали судебный иммунитет [1]). Слабее были развиты полицейские функции прево, потому что полиция вообще такая отрасль управления, которая развивается позднее: прево исполняли судебные решения, чинили дороги, ведали леса и воды [2]). Иногда прево начальствовали и над войском, хотя чаще это поручалось бальи, которые, как и наместники или вигье, тоже существовавшие в некоторых местах [3]), мало чем в сущности отличались от прево [4]). Само разнообразие этих органов местного управления и суда—один из признаков вотчинного, негосударственного их значения.

Такой же частновладельческий характер свойствен был при первых Капетингах и органам центрального управления. При Гуго Капете появился канцлер, ведавший канцелярией, королевской печатью, всей перепиской—сначала чисто-хозяйственной. Обычно канцлером был архиепископ реймский [5]). В 1043 г. появились виночерпий или бутелье (boutelier) и конюший или коннетабль [6]), а в 1047 г. еще спальник или камерарий (chambrier) и сенешал — кравчий [7]). Этим круг пяти важнейших сановников центрального управления был завершен и замкнут окончательно. Но функции их были неопределенны и неправильны, отношения к местным органам не установлены, ранг не регулирован [8]). Только с 1071 г. сенешал становится первым по рангу, а виночерпий в XII в. вторым [9]). Сенешал был не только кравчим, ведавшим королевский стол, но и дворецким, высшим судьей и администратором, которому подчинены были прево, бальи и вигье, и, наконец, верховным военачальником [10]). Сан сенешала в XI веке стал наследствен в роде сеньеров Рошфор, но в начале XII в. вместо Рошфора был назначен Гарланд. Однако, эта должность

---

1) Там же, стр. 221—222, 225.
2) Там же, стр. 222—223.
3) Там же, стр. 212.
4) Там же, стр. 213—214.
5) Там же, стр. 162.
6) Там же, стр. 163.
7) Там же, стр. 163.
8) Там же, стр. 160—161.
9) Там же, стр. 164, 172.
10) Там же, стр. 173—175.

была настолько влиятельна, что в 1127 году Людовик VI должен был употребить значительные усилия, чтобы смирить занимавшего ее Этьена Гарланда, и к половине XII века вся реальная власть, с нею связанная, была уничтожена; сенешальство стало лишь почетным званием, которым жаловали знатного феодала, даже не жившего при дворе, да и это звание не жаловали даже никому долго—с 1191 г. до начала XIV века [1]). И канцлерство архиепископа реймского превратилось в почетное звание. Фактически канцлером был чаще всего королевский капеллан. Вообще в XII в. капелланы и писцы или секретари из незнатных людей приобретают руководящее значение в центральном управлении [2]). Параллельно этому рядом с феодальной курией—советом высших вассалов короля—духовных и светских — выдвигается более тесный королевский совет из названных пяти важных чиновников [3]).

Государственные начала лишь медленно и постепенно, путем отдельных захватов, проникают в вотчинно-феодальные суд и администрацию. Лишь силой, родственными связями, союзами, договорами Капетинги добивались иногда от герцогов и графов большего, чем сюзерен мог требовать от вассала: в 1132 г. при Людовике VI граф фландрский „во имя дружбы и родства“ исполнял поручения короля; то же самое в средней Франции делал при Людовике VII Аршамбо V сир де-Бурбон [4]). Всего важнее здесь, по известным уже нам причинам, была роль духовенства: епископы и аббаты становились часто настоящим органом королевской власти; аббат Сугерий был ближайшим советником при Людовиках VI и VII; при нем на местах оказывали содействие королевской власти архиепископы бордосский и буржский [5]). Всего больше феодального противодействия даже со стороны епископов встречало развитие королевского суда в высшую судебную инстанцию для всей страны: первые признаки этого развития наблюдаются лишь в 30-х годах XII века, но до начала XIII столетия так и не появилось правильно устроенного суда пэров [6]).

---

[1]) Там же, стр. 177—181.
[2]) Там же, стр. 181, 184, 190, 191.
[3]) Там же, стр. 245—246.
[4]) Там же, стр. 202.
[5]) Там же, стр. 203, 205.
[6]) Там же, стр. 285, 292, 305.

Всеми указанными чертами—господством вотчинно-феодальных начал и лишь медленным развитием некоторых государственных примесей на той же феодальной основе—отличалось и устройство королевских финансов. Доходами короля сначала были лишь обычные феодальные поступления с его домэна, как и у всех баронов [1]). С земель королевских вассалов в казну короля не было почти никаких поступлений. Шире были доходы короля с церковных земель: здесь он получал все доходы вакантных епископств и брал таллию со всех незнатных, живших в церковных владениях [2]). Людовик VII в 1146 г. установил новый, действительно государственный налог на расходы по крестовому походу, но он недаром облек это новшество в старые феодальные формы, так и назвав его „феодальным пособием на случай крестового похода“ (l'aide feodale pour le cas de croisade); к тому же и этот налог, повидимому, распространялся только на епископства и аббатства [3]). Понятно, что феодальные доходы давали королю мало средств. Правда, Людовик VII имел дохода, считая на французские деньги нашего времени, 5 милл. 700 тыс. франков в год, а его преемник Филипп II Август уже почти вдвое больше—10 милл. 800 тыс. фр., но этого не хватало, и короли сильно должали [4]). Государственная финансовая реформа все более выдвигалась на очередь. Но, бессильные ее предпринять, короли, как Филипп-Август, прибегали к старому феодальному грабежу: он попросту ограбил, как это делалось и в других странах, своих собственных кредиторов — евреев.

Приведенные факты и наблюдения в достаточной мере характеризуют не только систему управления и слабую организованность учреждений, но и цель государственного союза в то время—личное благо—и субъект власти—личность. Феодальное государство было в сущности частно-правовой организацией личного господства почти без преследования интересов общего блага. Понятно, что законодательство имело сначала лишь частный и личный характер, и только в XII веке стали появляться более общие королевские указы или ордонансы [5]).

---

[1]) Там же, стр. 87 и след.
[2]) Там же, стр. 119.
[3]) Там же, стр. 120.
[4]) Там же, стр. 126, 123.
[5]) Там же, стр. 239, 240.

Мы уже в предыдущий период наблюдали в психологии господствующих слоев общества уклон в сторону активного эгоизма, в чем и находили ключ к пониманию всего склада духовной культуры, главное связующее звено между материальной и духовной жизнью общества. Этот уклон в данный период пришел в среде феодальной знати к своему естественному, логическому завершению, к полной законченности типа. И общая психологическая характеристика соответствующих групп и духовные образы отдельных, конкретных личностей подтверждают это.

Рыцари X и XI веков—„лучшие солдаты и лучшие вассалы, львы и тигры“ [1]). Вместо любви к родине у них любовь к собственным замку и лену [2]). В основе требования, напр., щедрости по отношению к вассалам лежал у них самый грубый, элементарный эгоистический расчет: быть щедрым выгодно, потому что вассал защищает лучше стен и башен [3]). Жадность, алчность, корыстолюбие были основными мотивами действий светской феодальной знати: по словам епископа города Бове Варена, бароны были жадные хищники, грабители друг друга и крестьян—своих и чужих [4]); у вдов и сирот они отнимали их лены без всяких стеснений [5]); монахов они ненавидели по тем же эгоистическим мотивам: слишком они были богаты и толсты [6]). Турниры для многих были обогащающим спортом, средством наживы и спекуляции: победитель отбирал у побежденного его лошадь с роскошной сбруей и оружием и продавал за хорошую цену [7]). Считалось обязательным остерегаться „людей подлого звания“ (les vilains), не делать их своими советниками и друзьями, даже не иметь с ними сношений [8]).

Первые Капетинги во всех отношениях были типичными представителями этой феодальной знати: они ведь сами были не чем иным в сущности, как феодальными баронами. Гуго Капет обладал холодным умом, был умерен, осторожен, хитер,

---

1) Flach, Les origines de l'ancienne France, II, стр. 570, 564, 569.
2) Gautier, La chevalerie, стр. 58.
3) Там же, стр. 83, 85.
4) Luchaire, Les communes françaises, стр. 17.
5) Gautier, La chevalerie, стр. 52.
6) Там же, стр. 50.
7) Там же, стр. 699.
8) Там же, стр. 135.

кривыми путями шел к определенной, точно намеченной им самим, цели; играя по отношению к Каролингам роль верного вассала, на деле подкапывался под них, то обнимался, то на другой же день интриговал, строил ковы и козни [1]). Приобретательство, корысть—главнейшее его побуждение. Недаром Данте поместил его в „Чистилище" там, где находятся „скупцы и корыстолюбцы с заплаканными лицами, опущенными в землю" [2]). Роберт I был лицемер, прикрывавший внешней религиозностью жалкий страх перед загробным возмездием; поэтому он вечно толковал с епископами о догматах, чудесах, пел на клиросе, старался изобразить из себя монаха и в то же время распутничал и был крайне жаден [3]). Филипп I увеличил домэн „примыслами", грабил на больших дорогах, похищал женщин, был груб и ленив и в то же время низко заискивал и робел перед сильными феодалами [4]).

Духовные бароны—епископы были не лучше светской знати. Архиепископ нарбоннский Гифред в XI веке вел себя в своей епархии точно в покоренной стране: продавал светским людям епископские замки, земли, имения, права, евреям продавал богослужебную утварь, обирал духовенство, торговал епископством оптом и в розницу: находя свое ремесло выгодным, он купил епископство и для своего брата; и в то же время имел наглость председательствовать на соборах, созывавшихся для борьбы против симонии [5]). Адальберон епископ ланский в начале XI века в своей поэме идеализировал феодализм, считал совершеннейшим обществом разделенное на три касты, из которых одна молится, другая воюет, а третья работает [6]), и обрушивался со свирепою ненавистью на монахов, которые все почти низкого происхождения, почему возвышение их—гибель для государства, и короли обязаны их удалять от себя, не слушать их советов [7]).

Психология господствующего класса давала основной тон различным, преобладавшим до начала XII века явлениям духовной культуры. В религии феодальной знати, а за нею и

---

1) Luchaire, Hist. des institutions monarchiques, I, стр. 16—17.
2) Данте, Божественная Комедия, ч. II, Чистилище, круг пятый.
3) Luchaire, Hist. des institutions monarchiques, II, стр. 207—214.
4) Там же, стр. 230—233.
5) Luchaire, Les sremierq Capetiens, стр. 111.
6) Luchaire, Les communes francaises, стр. 17 и сл.
7) Saccur, Die Cluniacenser, II B., Halle a. S. 1894, стр. 94—95.

массе народа наиболее доступны и важны были не Бог-Отец, Сын и Дух Святой, а промежуточные более близкие силы—Дева, ангелы, святые; религия феодализировалась: всего более чтились местные святые и мощи; ад и рай рисовались материалистически, в земных красках, при чем ада и страшного суда особенно боялись [1]). Ереси, всякое отступление от буквы догмата или обряда строго, сурово, беспощадно преследовались и карались. Чудеса, пророчества, дьявол и его козни привлекали огромное внимание [2]). Кодекс 10-ти рыцарских правил, составленный в XI и XII веках духовенством, обличает ясно сквозящую тенденцию к защите интересов именно духовенства; смысл его весь, в сущности, выражен в первом правиле: „верь тому, чему учит церковь, и повинуйся ее предписаниям“ [3]). Это—то же, что впоследствии на Руси нашло себе выражение в правиле: „всем страстям мати мнение, мнение—второе падение“.

В литературе X век дал поэму „О Боэции“ и его философии, совершенно невежественную, лишенную всякой искры и поэзии и философии [4]). Латинская литература X—XII веков—комментарии к Библии, проповеди, догматические сочинения, истории монастырей и епископств, писанных Фульбертом шартрским, Одилоном клюнийским, Аббоном флерийским и другими,—представляли собою ряд сухих компиляций; их же латинская духовная поэзия обличает дурной вкус и детскую наивность [5]). Гиберт Ножанский в XII веке дал живой, но проникнутый свирепой ненавистью к городским коммунам и новой буржуазии рассказ об истории города Лана [6]). Переделки переводных с греческого романов об Александре Великом, сделанная в XII веке в Пуату, и о Трое, составленная в 1160 г. Бенуа де сен-Мором, пропитаны феодальным духом: полководцы Александра, эллинские и троянские герои представлены подлинными феодальными баронами [7]). Самым выдающимся литературным явлением эпохи были chansons de

---

1) Luchaire, Les premiers Capétiens, стр. 19.
2) Gautier, La chevalerie, стр. 768—769.
3) Там же, стр. 33—34.
4) Luchaire, Les premiers Capetiens, стр. 182.
5) Там же, стр. 183.
6) Там же, стр. 385.
7) G. Paris, La littérature française au moyen âte, 2-me édit., Paris 1890, стр. 75—77.

geste, древние эпопеи, поэмы, составившиеся в XI веке из предшествовавших им раньше отдельных песен странствующих певцов или жонглеров. Между ними особенно замечательна „Песнь о Роланде". Это—талантливое произведение, полное драматизма, оживленное единой идеей борьбы христианства с сарацинами, но простота и монотонность здесь часто граничат с сухостью [1]). Самое происхождение этой поэмы характерно. Уже прежние исследователи склонны были думать, что автором ее было если не духовное лицо, то во всяком случае лицо, готовившееся к духовному сану [2]). В последнее время высказана и обоснована блестящая и, по всем признакам, во многом верная гипотеза, что „Песнь о Роланде" находится в теснейшей связи с монастырем в Ронсевальском ущелье, где показывали доспехи Роланда и место битвы паломникам, двигавшимся этой дорогой в Испанию на поклонение мощам св. Иакова компостельского; жонглерами были клирики, духовные лица, странствовавшие по монастырям и заимствовавшие материал для своих поэм не из народных песен, а из легенд монастырского происхождения; такой поэмой была и „Песнь о Роланде" [3]). Важно во всяком случае, что если и существовали раньше народные песни, то они, несомненно, прошли через церковную, монашескую среду, чтобы отлиться в форму поэм [4]). Это дает возможность сближать французские эпопеи XI века с известными уже нам русскими духовными стихами [5]).

Образование рыцарей и баронов было чрезвычайно примитивно [6]). Многие не умели читать и писать [7]). Вся философия долго сводилась к компиляциям из Боэция [8]). Исторические познания исчерпывались Троей, Александром Великим и Цезарем; остальное представляло собою темную ночь [9]). В естествознании даже XII века не шли далее разгадки мнимой

---

1) Там же, стр. 59—60.

2) Там же, стр. 58.

3) Bédier, Les legendes épiques, 2 v., P. 1908.

4) Смирнов, Новая теория происхождения французского эпоса: „Записки Нео-Филолог. Общества", вып. IV, стр. 125.

5) Аничков, Язычество и древняя Русь, стр. 258 и сл.

6) Luchaire, Les premiers Capétiens, стр. 188

7) Gautier, La chevalerie, стр. 144.

8) Luchaire, Les premiers Capétiens, стр. 188.

9) Gautier, La chevalerie, стр. 165.

целебной силы и таинственного, колдовского значения разных животных и драгоценных камней. О животных в этом смысле трактовали так-называемые „Бестиарии“, а о камнях — поэма епископа ренского Марбода [1]).

Наконец, первые памятники романского стиля в искусстве отличались тою же сухостью и практицизмом, свойственным преобладавшей в господствовавшем классе общества психологии. В архитектуре это сначала—прозаическое, основанное на сухом хозяйственном расчете приспособление базилики—здания старой римской торговой или судебной палаты, или галлереи, окруженной стенами и имеющей плоский потолок,—для религиозных целей [2]). Из базилик образовались церкви, так как базилики были удобны для собраний общины [3]), и первые церкви романского стиля отличались простотой и сухостью [4]), создающими недаром впечатление скуки, которое напрасно пытаются оспорить некоторые исследователи [5]), оно характерно и показательно не только для современного вкуса, но и для элементарности, почти полного отсутствия эстетики в начатках романского искусства, что психологически вполне понятно, как мы видели.

Но психология и духовная культура французского общества X, XI и XII веков не исчерпывались уже тем, что давала в этом отношении феодальная аристократия—светская и духовная,—как не все было создано этою аристократией и в культуре материальной. Главной новой творческой силой, проявившей себя в области материальной культуры, было монашество. То же самое надо сказать и о духовно-культурной жизни. Мы отчасти уже видели это сейчас на истории развития поэм. Теперь необходимо проследить соответствующий процесс подробнее, полнее и разностороннее.

В монашестве, этом церковном, папском дворянстве, отстаивавшем главенство церкви и папский абсолютизм [6]), прежде всего возникло рационалистическое течение, попытка

---

1) G. Paris, La litterature française au moyen âge, стр. 144, 145.

2) Каррьер, Искусство в связи с общим разв. культуры, стр. 338, 390.

3) Там же.

4) Corroyer, L'architecture gothique, P. 1891, стр. 21, 26 и сл.; Reber, Kunstgeschichte des Mitelalters, Leipz. 1886, стр. 297 и сл.

5) Кон-Винер, История стилей изящных искусств, М. 1916, стр. 95.

6) Schreiber, Kurie und Kloster im XII Jahrhund, Stuttg. 1910, стр. 21.

разумом очистить и возвысить церковь, нравственность духовенства, а через это и общественную мораль. Это повело к появлению таких людей как Герберт, к основанию первых школ, к интеллигентским, монашеским ересям, к первым проявлениям самостоятельного схоластического богословия и к спору номиналистов с реалистами.

Герберт, будущий папа Сильвестр II, был родоначальником нравственно-рационалистической и практически-политической клюнийской реформы X и XI веков. В его учении и жизни не было ни малейшего отступления от католической ортодоксии, никаких элементов ереси. Религиозные догматы он ставил выше человеческого знания, считал тайной, опирающейся исключительно на веру, на безусловный авторитет, не подлежащий никакой поверке. Религия—основа жизни и нравственности. Средство для практического применения религиозных истин к жизни—наука, которая внутренно едина и цельна и в цельности должна быть понята вся. Надо, чтобы вера и знание преобразовали жизнь, сделали ее более нравственной, менее грубой. Вот круг идей, который был свойствен Герберту. Практическая мудрость, реальная политика составляли именно его отличительную черту [1]). Можно сказать, что его эгоизм стал разумным, интеллектуальным, что к эгоизму прибавились уже важные элементы индивидуализма, начал слагаться тип индивидуалистического эгоиста, характерный именно для рыцарства, дворянства и клюнийского рационалистического монашества. Конечно, научные средства, какими пользовался Герберт, были ничтожны, то были Цицерон, Боэций, Иоанн Скот-Эригена; разумеется, он был малооригинален в своем мышлении [2]). Но основу новой психологии нового выдвигавшегося вперед класса он все-таки заложил.

Другими характерными в том же направлении личностями были клюнийские аббаты X века Одон и XI—Одилон, а за ними в XII веке следовал Сугерий, применявший к высшей политике принципы клюнийской школы. Спасение церкви и через нее мира—вот цель Одона клюнийского и его преем-

---

[1]) Reuter, Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter, I, стр. 70—83.

[2]) Luchaire, Les premiers Capétiens, стр. 190—191.

ников [1]). Совершенно в духе времени было моральное требование повиновения, молчания, терпения, обращенное к массам [2]), но в отношении к феодальным баронам и епископам оно звучало уже новостью, как и протест против их насилий и безнравственности, которые Одон, не обинуясь, выводил от дьявола, утверждая, что Бог не создал, не придал зла природе [3]). Одилон также не переносил феодального высокомерия и, насаждая, подобно Одону, благотворительность, помогая бедным, будучи религиозным не менее Одона, в то же сделал монахов влиятельными при дворах, поставил их на ряд государственных должностей [4]). Грубости феодалов клюнийцы противопоставляли евангельскую нравственность [5]).

От Герберта и клюнийцев пошли главные школы, первые сколько-нибудь серьезные образовательные, просветительные учреждения. Таковы школы реймская, шартрская, анжерская, парижская, ланская, особенно клюнийская, ставшая рассадником целого ряда монастырских училищ [6]).

И в искусство и литературу клюнийское движение внесло, несомненно, новую струю. Тот религиозный дух и та энергия и простота стиля, которые свойственны „Песни о Роланде",— отзвук клюнийских влияний. В романской архитектуре новое, что внесло Клюни, это религиозность, начало религиозной символики; отсюда именно вышли пристройка двух боковых кораблей храма к центральному более длинному большому, откуда получилась крестообразная форма романской церкви, и особое возвышение для духовенства, чтобы подчеркнуть его важное значение [7]). Характерно, что эти религиозные символы сочетались и с практичностью: в боковых кораблях нашлось место для баптистерия, крестильни, помещения для крещения, а возвышение для духовенства открыло возможность устройства крипты—новой церкви в нижнем этаже.

---

1) Карсавин, Монашество в средние века, стр. 48.
2) Saccur, Die Cluniacenser, I, стр. 53, 117.
3) Там же, стр. 117.
4) Там же, I, стр. 306; II, стр. 298—299.
5) Там же, II, ст. 464—465.
6) Luchaire, Les premiers Capetiens, стр. 184—186; Saccur, Die Cluniacenser, II, стр. 327 и след.
7) Corroyer, L'architecture gothique, стр. 14 и сл.; Reber, Kunstgeschichte des Mittelaeters, стр. 297 и сл.; Saccur, Die Cluniacenser, II, стр. 327 и сл.; Кон-Винер, История стилей изящных искусств, стр. 95.

Из интеллигентских монашеских ересей, созданных в значительной мере, даже исключительно началом рационалистического отношения к религии, элементами зарождающегося критического отношения к Писанию и преданию, обращает на себя прежде всего внимание ересь Беренгара Турского в XI веке. Он в своей рассудочности по отношению к религии пошел гораздо дальше Герберта и клюпийцев, которые веру и безусловный авторитет церкви ставили выше разума, вне его контроля и критики. Беренгар, исходя из Иоанна Скота-Еригены [1]), критически и рационалистически отнесся к учению о пресуществлении хлеба и вина в тело и кровь Христа: по его толкованию, действительного пресуществления не происходит, а его надо понимать в переносном смысле, символически, „умственным образом" (intellectualiter), как выражался Беренгар [2]). Ересь Беренгара не раз была осуждена на церковных соборах третьей четверти XI века [3]). Вел он себя далеко не геройски, боязливо, не так, как надлежит убежденному человеку: то отрекался от своего учения, то опять высказывался за него, когда находил покровителей, пока, наконец, не отрекся окончательно [4]): эгоистические соображения взяли верх в конце-концов над запросами пробуждавшегося разума.

Самым ярким проявлением интеллигентского рационализма, возвысившегося здесь уже до значительной самостоятельности мысли, был спор номиналистов с реалистами—в частности реалиста Вильгельма из Шампо с номиналистом Росцеллином—и особенно богословская деятельность первого выдающегося схоластика средних веков Абеляра.

Жизнь и личность Абеляра принадлежит к числу замечательных явлений XI и XII веков.

Абеляр происходил из бретонской рыцарской семьи, в которой религиозное настроение было традиционно: недаром его отец и мать на склоне лет ушли в монашество. От родителей, по его собственным словам, он унаследовал „светлую голову, но слабую волю" и полное отсутствие храбрости. Он напоминал святых приветливостью, кротостью обращения и строгостью в отношении к своим обязанностям. Вмешавшись

---

1) Luchaire, Les premiers Capétiens, стр. 195.
2) Там же, стр. 194; Reuter, Gesch. d. religios. Aufklar., I, стр. 94.
3) Luchaire, Les premiers, Capétiens, стр. 194.
4) Там же, стр. 195; Reuter, Gesch. d reliog. Auflar., I, стр. 125.

в ожесточенный спор номиналистов с реалистами, Абеляр, как обыкновенно бывает с мягкими натурами, предложил компромиссное решение, но жестоко пострадал за это от правоверных католиков, руководимых Бернардом Клервосским. Потом Абеляр увлекся, полюбил молодую девушку Элоизу, но едва он успел коснуться края чаши наслаждений жадными губами новичка в этом деле,—он потерпел ужасное несчастье: дядя, быть может отец, Элоизы, каноник Фульбер, ворвался в его дом и насильственно его оскопил. Удивительно ли, что после всего этого Абеляр пришел к заключению, что жить значит страдать, и озаглавил свою автобиографию—„История моих несчастий“, „Historia calamitatum mearum“. Понятно так же и то, что он предался крайностям аскетизма и религиозного экстаза и с беспощадной суровостью стал проповедывать, что недостойные пастыри не могут „вязать и решить“, совершать все таинства. Впрочем, и от этого учения его заставили отречься [1]).

Но еще важнее была самая борьба номиналистов с реалистами и в частности учение Абеляра. Так-называемый „реализм“ Вильгельма из Шампо был учением, характерным для феодальной знати, ее психологии: это—типический фетишизм мышления, обожествление отвлеченных понятий. „Реалисты“ утверждали, что общие понятия, действительно, реально существуют („universalia sunt realia“); номиналисты противопоставили этому положение „общие понятия—слова“ („universalia sunt nomina“). Абеляр пытался примирить тех и других, но важнее исторически была не эта попытка, а общий ход мыслей Абеляра, его миросозерцание в целом. Абеляр питал высокое уважение к нравственности и нравственному учению таких античных философов, как Сократ и Платон, видел в них предшественников христианства и их естественную нравственность, основанную на знании, науке, философии, особенно ценил. Он находил, что и христианское общество должно расширить свой круг чистого знания. С точки зрения этой естественной нравственности и религии, основанной на знании, науке, Абеляр и критиковал Ветхий и Новый Заветы и противопоставлял второй первому, выставлял идеалом нагорную проповедь. Разум для Абеляра,

[1]) Гаусрат, Средневековые реформаторы, т. I, Спб. 1900, стр. 3, 2, 5, 7, 63, 23, 31, 1, 110, 154, 228, 229.

таким образом, выше авторитета, а „Бог—полнота истины“ [1]. Самая половинчатость Абеляра—этого „трубадура между схоластиками и критического диалектика между мистиками“ [2]) характерна для того времени и для того класса общества, к которому он принадлежал; по его мнению, „общее, открываемое нашим мышлением в вещах, не составляет реальности, но обозначает нечто, что представляет в вещах известную реальность“ [3]).

Но рядовое рыцарство и монашествующее духовенство во Франции XII века дало еще другой тип психической организации, в котором не рассудок, а чувство играло главную роль. Этот тип психологии полного личного смирения, безусловного преклонения перед авторитетом веры и церковью, мистицизма, отрицания суетных умствований и научно-философской мудрости, нашел себе наиболее яркое выражение в личности Бернарда Клервосского, виднейшего представителя ордена цистерцианцев.

Психология смирения и мистицизма, пессимистический взгляд на жизнь и мир наблюдаются еще в XI веке в сказании о св. Алексее [4]). Это понятно: притесняемые и угнетаемые находят утешение и поддержку только в смирении, в отрицательном отношении к земному благу и счастью и в чаянии блаженства в будущем мире, в царстве небесном. Только это и дает силы переносить гнет здесь, в этом мире. Это тоже своего рода эгоизм, только не активный, не действенный, а пассивный, эгоизм покорности.

Именно эта психология ведет к религиозному мистицизму и к преклонению перед авторитетом церкви, если мистицизм не переходит пределов ортодоксии, не превращается в своих крайних проявлениях в мистическое сектантство. Таким именно ортодоксально-верующим человеком и был Бернард Клервосский, и потому понятно его отрицательное отношение к Абеляру и борьба с ним: „Абеляр хочет доказать веру,—это значит предполагать ее сомнительной“ [5]), нечего доказывать, надо веровать безусловно, слепо, без доказательств.

---

[1]) Reuter, Geschichte der religiosen Aufklarung, I, стр. 186—229.
[2]) Там же, стр. 258.
[3]) Гаусрат, Средневековые реформаторы, I, стр. 8.
[4]) Gautier, La chevalerie, стр. 89.
[5]) Demogeot, Histoire de la litterature française, II-me ed., P. 1870. стр. 178.

Бернард, происходя из рыцарской семьи, сам сначала отдал дань своему происхождению и классу своим первоначальным образом жизни [1]). Но не пришел еще час торжества рядового дворянства: оно могло властвовать только в монашеской рясе. Бернард пошел в монахи и здесь сначала увлекся диалектикой, схоластикой, но скоро пришел к убеждению в суетности этой религиозной философии и в необходимости абсолютной веры [2]).

По Бернарду, вера — особенность этой, здешней, земной жизни, в которой человек, находясь в низшем порядке вещей, может только предчувствовать высший мир, но не познавать его с совершенною ясностью, так как высший мир может быть познан с совершенною ясностью только сам в себе, где ничто уж от него не отделяет познающего духа. А в этом, здешнем мире возможны лишь отдельные моменты познания при подъеме духа за собственные пределы посредством божественной благодати. Бога можно найти только молитвой, не диспутами [3]).

Отсюда вытекало убеждение в необходимости полной независимости церкви от государства, крайний клерикализм, а классовое положение и происхождение обязывало к защите всех притесняемых, угнетенных [4]). Естественно при таких взглядах и стремление нравственно возвысить духовенство, понятна и борьба против симонии, инвеституры и за целибат—монашескую жизнь духовенства [5]), и, наконец, ожесточенное, упорное, неустанное преследование Бернардом еретиков, сектантов [6]). В этом преследовании сказались, как ниже увидим, бессознательно, быть может, и классовые интересы и побуждения, так как ереси уже стали принимать яркую классовую окраску.

Деятельность Бернарда и тот религиозный дух, которым она была проникнута, были проявлением целого большого течения в духовной культуре XII века; это течение знаменовало собою крупные перемены в литературе и искусстве. В литературе появились новые вдохновенные, проникнутые

---

1) Neander, Der heilige Bernhard und seine Zeitalter, Berl. 1813, стр. 2—3.

2) Там же, стр. 3.

3) Neander, Der heilige Bernhard, стр. 146—147.

4) Там же, стр. 10—11.

5) Там же, стр. 19 и сл.

6) Там же, стр. 161—162, 226 и сл., 242, 265 и сл.

энтузиазмом веры, проповеди самого Бернарда и архиепископа парижского Мориса де-Сюлли [1]), возникла и стала развиваться религиозная драма—мистерии в связи с богослужением [2]) и миракли—из песен в честь святых [3]). Скоро у талантливого поэта Боделя в Аррасе мистерия уже оторвалась от богослужения, вышла на городскую площадь и стала на половину лишь религиозной, на половину превратилась в светскую драму [4]). Бернард Клервосский придал торжественный и мистический характер церковной музыке [5]). Наконец, в романской архитектуре Франции наблюдаются новые явления, заслуживающие особого внимания. Именно цистерцианцы создали внешнее украшение — скульптуру с мистическим смыслом и характером [6]) и положили основание сводам в боковых кораблях, что было уже подготовлением к готике, давало возможность строить церкви выше, придавать им характер и смысл стремления к небу от земли, в высь, в горние страны. Примеры таких церквей в Суассоне, Перигё, Анжу, Мэне [7]). Пример церкви с внешними скульптурными украшениями, полными мистического смысла,—собор в Пуатье [8]). Мы уже говорили в свое время, что Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме был образцом романского стиля конца XII века. Историками искусства в недавнее время хорошо разъяснен символический смысл его скульптурных внешних украшений, изображающих в общем и целом „славу великого, дивного, непостижимого в тайне Божьего мира“ [9]).

Народные массы жили, конечно, по преимуществу в старом состоянии духовной неорганизованности, совершенной

---

[1]) G. Paris, La litterature française au moyen âge, стр. 222--223.

[2]) Там же, стр. 235, 237; Стороженко, Очерк истории зап.-европ. литературы, М. 1900, стр. 21 и сл.

[3]) Paris, La litterature française au moyen âge, стр. 239.

[4]) Там же, стр. 190, 240.

[5]) Науман, Иллюстрир. всеобщая история музыки, т. I, М. 1897, стр. 199.

[6]) Springer, Handbuch der Kunstgeschichte, II, 8-e Aufl., Leipz. 1909, стр. 188.

[7]) Corroyer, L'architecture gothique, стр. 14, 18; Reber, Kunstgeschichte des Mittelalters, стр. 297 и сл.; Кон-Винер, История стилей, стр. 111.

[8]) Springer, Handbuch der Kunstgeschichte, II, стр. 194.

[9]) Кондаков, О научных задачах истории древне-русского искусства, „Памятники древн. письменности и искусства“, CXXXII, стр. 19—21.

темноты, импульсивности. Самое бо́льшее, что здесь было нового сколько-нибудь распространенного, массового — это та психология смирения, пассивного эгоизма, покорности, надежды на награду в будущем мире за неизбывные земные страдания, которую сеяли, растили и развивали в народе церковные проповедники. Но выше было уже сказано, что такая психология создает особое религиозное настроение, господство веры, мистики. Мы уже видели, что так было с Бернардом Клервосским и людьми его типа, вышедшими из рыцарской среды. Рыцарство не было господствующим классом в феодальном обществе в пору его расцвета, полного развития. Передовые его элементы рвались поэтому к выходу из подчиненного положения и находили его в монашестве, которое и стало первостепенной социальной силой и выдвинуло идею папского первенства или примата в церкви и господства церкви над государством. Так и наиболее сильная часть рыцарства в монашестве возвысилась до правящего положения в обществе. Для масс населения, трудящихся, угнетенных, крепостных, это было невозможно, если не считать отдельных редких исключений. Их самостоятельные мысль и действия получали пищу от той же религии—единственного пока источника духовной культуры, им доступного. И вот, исходя из религиозных представлений и их критики, отчасти и не без толчка извне, от иностранных влияний, главным образом, восточных, более талантливые и свободолюбивые люди из народа, испытывавшие потребность в активности, стали в XI и XII веках вырабатывать самостоятельное религиозное миросозерцание. Так как господствующая церковь даже в передовых своих течениях не отрицала феодализма, а сама к нему приобщалась, становилась в лице церковной иерархии—епископов и аббатов—в ряды феодальной аристократии, т.-е. угнетала народ, и в то же время догматикой, обрядами и строем церкви поддерживала и освящала феодальный строй, то передовые, самостоятельно мыслящие элементы народных масс не могли удержаться на стезе католической ортодоксии. Отсюда, из классового положения масс и проистекли ереси XI и XII веков.

Уже в XI веке появились во Франции катары. Они отрицали ряд догматов—о воплощении Христа, о пресуществлении, о почитании Богоматери; отвергали таинства (напр., крещение); не признавали обрядов и церковной иерархии. Всякий верующий мог общаться с Богом непосредственно, и церковь—

свободная, братская община верующих [1]). Что восточное влияние было тут первым толчком,—видно из того особого авторитета, которым пользовался у катаров Ветхий Завет [2]). Но, конечно, общественные условия времени и положение народа в феодальном обществе были основной почвой, на которой взрасли так хорошо семена, занесенные с востока.

Это лучше всего подтверждается тем, что движение катаров не было единственным сектантским движением в массах французского народа в период полного господства феодализма. В XI и XII веках в Шампани, потом в северной Франции и в Лотарингии появилась и привилась особенно в среде рабочих-ткачей апостолическая секта, требовавшая преобразования церкви в духе апостолов: и здесь мы видим отрицание церковной иерархии, таинств, обрядов, святых, проповедь полного имущественного равенства [3]). Подобное же в XII в. проповедывали в Провансе Пьер де-Брюи и Генрих Лозанский, с которыми — с так-называемым петробрусианством — ожесточенно боролся Бернард Клервосский [4]). Продолжала существовать в народе в XII в. и ересь катаров или манихеев: так, в Суассоне в начале XII в. были сожжены за манихейство крестьяне Эрар и Клеман [5]). Народные низы уже пробуждались от спячки и, ища выхода из своего положения, добиваясь его улучшения, вырабатывали религиозно-демократическую идеологию, которая должна была освятить тяготение их к свободе и установлению демократических порядков и отношений. Конечно, то были еще весьма слабые зародыши будущего, и самое движение не отличалось еще широтой.

---

[1]) Luchaire, Les premiers Capetiens, стр. 196—197

[2]) Там же, стр. 196.

[3]) Там же, стр. 359.

[4]) Там же, стр. 356, 361, 362, 364.

[5]) Там же, стр. 356.

V.

Феодализм в Англии.

Феодальная эпоха в собственном смысле в Англии это время с X по XIII век. Три момента можно при этом различать в развитии английского феодализма: во-первых, X и XI столетия до половины 80-х годов последнего—так-называемой „Книги Страшного Суда“ („Думсдейбук“), переписи земель и населения, произведенной при Вильгельме Завоевателе; во-вторых, XII век, включая сюда и эту перепись конца XI столетия; в третьих,—XIII век.

Эта эпоха в начале характеризуется еще в экономическом отношении господством натурального, почти совершенно безобменного хозяйства. Само собою разумеется, это господство, существовавшее в X и XI веках, в первый момент развития феодализма, уменьшается, слабеет с течением времени,—во второй (XII в.) и особенно третий (XIII в.) моменты: растут торговля и денежное обращение.

Это с чрезвычайною ясностью обнаруживается из наблюдений над повинностями, лежавшими в каждый из этих моментов на английских крестьянах.

В X и XI веках господствуют натуральные оброки—хлебом, скотом и проч.,—нередко они даже важнее барщины, развивающейся в Англии вообще рано; денежные оброки в то время—редкое исключение [2]): очевидно, денег было мало, торговли почти не было. В „Книге Страшного Суда“

---

[1]) Там же, стр. 356.

[2]) Виноградов, Исследования по социальной истории Англии в средние века: „Журнал Мин. Нар. Просв.“ за 1887 г., май, стр. 51 и след.

„гафоль"—уже не только натуральный, но и денежный оброк, хотя денежная сумма тут, как и в платежах в государственную казну, еще не велика [1]). Наконец, и в третий момент—в эпоху полного господства феодализма (XIII в.)—существует еще много натуральных поборов—хлебом, скотом, рыбой, пивом, медом, курами, каплунами,—но вместе с тем растут платежи денежные: они сменяют собой чаще всего барщину или отдельные ее виды, но также вводятся и независимо от этой смены—в виде особых экстренных „даров", особых плат за пользование разными угодьями (особенно выгоном, лесом) и т. д. [2]).

Такова одна основная черта хозяйственного быта. Она в сущности старая, унаследованная от дофеодальной эпохи. Ново в ней как раз постепенное разрушение натурально-хозяйственного строя. При этом хотя местные рынки в XII и XIII в.в. были изолированы, но гораздо меньше, чем во Франции: торговля была шире [3]). Вторая черта—еще более старая только вполне упрочившаяся теперь: это—господство земледелия. Надельная система, севообороты, земледельческая техника, особенно же преобладание в барщине земледельческих работ над всеми другими [4])—ясное доказательство этого. Фактов здесь так много, что труден выбор, и можно признать достаточной ссылку на специальные труды, только-что сделанную.

Этим сочетанием роста денежного хозяйства с господством земледелия объясняются и все остальные стороны хозяйственного и социального строя. Обрабатывающая промышленность была слаба и имела характер мелкого кустарничества и крепостного ремесла. Цехи едва зарождались и не имели еще полной замкнутости и строгой организован-

---

[1]) Там же, апрель, стр. 219; Seebohm, The English Village Community, 3 edit., Lond. 1884, стр. 78.

[2]) Виноградов, Исследования: „Ж. М. Н. Пр." за 1886 г., май, стр. 67 и сл.; Виноградов, Средневековое поместье в Англии, стр. 319.

[3]) Cunningham, The Growth of English Industry and Commerce during the early and middle ages, fourth edit., Cambrige 1905, стр. 186; Виноградов, Средневековое поместье в Англии, стр. 304.

[4]) Seebohm, The Engl. Village Community, 78, 91, 103, 141, 142, 410; Виноградов, Исследования: „Ж. М. Н. Пр." за 1886 и 1887 г.г.; Виноградов, Средневековое поместье в Англии, Спб. 1911, стр. 168, 174, 179, 180, 204, 317.

ности [1]). Трехпольный севооборот соединялся с переложной системой [2]). Черезполосица была чрезвычайная, и ей подпадала также барская запашка [3]). Господствовал принудительный севооборот. Существовали надельная система и переделы земли. Здесь интересы барина (лорда) и массы его крепостного и свободного люда совпадали: для лорда важна платежеспособность всех сидящих на его земле держателей.

Отсюда же, из сочетания основных хозяйственных сил, вытекают и такие явления, как коммендация, иммунитет, бенефиций, переродившиеся затем в вассалитет, суверенитет, лен.

Bokland—земля, владение которой основано на грамотах, жаловалась и в предыдущий период, при чем, повидимому, не была точно определена юридическая природа владения ею, хотя, несомненно, ее появление и вероятно поселение на ней владельцами несвободных людей, рабов, способствовали зарождению понятия частной собственности на землю. Теперь, в феодальное время, проводится правило: „nulle terre sans seigneur", и даже 600 высших норманнских баронов—tenentes in capite—рассматриваются „Книгой Страшного Суда" как вассалы короля, условные, а не полные собственники земли. Но они—уже наследственные собственники, имеющие сверх того и право отчуждать землю: их владение—не временный бенефиций, а постоянный лен, и передача его по наследству или продажа, залог, дарение в сущности свободны и обусловливаются только определенным денежным взносом королю, как сюзерену: этот взнос установлен для всех ступеней феодальной лестницы еще при Генрихе I в первой половине XII в. и подтвержден Великой Хартией 1215 г. [4]).

Пожалование землей и землевладение высших баронов, пэров короля,—несомненный результат сочетания потребности государства в службе с натуральным хозяйством. Бенефиций произошел именно отсюда. Но только в этом, очень огра-

---

[1]) Hegel, Stadte und Hilden der germanischen Volker im Mittelalter I B., Leipz. 1891, стр. 112, 114; Бондаренко, Английский город в средн. века, Од. 1904, стр. 77.

[2]) Seebohm, The Engl. Village Comm., стр. 410; Виноградов, Средневек. поместье, стр. 180.

[3]) Виноградов, Средневековое поместье, стр. 299.

[4]) Виноградов. Средневековое поместье в Англии, стр. 249, 277, 286 и след.

ниченном смысле правы те, кто приписывает феодализму поверхностное чисто-государственное происхождение и значение [1]), потому что уже превращение бенефиция в лен объясняется не государственными интересами и потребностями, а преобладанием земледелия и ростом денежного хозяйства: с последним связаны значительные затраты на новые хозяйственные нужды—и не только, даже не столько, на барской пашне, сколько на пашне свободных и несвободных держателей, сидевших в имении (мэноре). Мы ведь уже еще раньше видели, как сильно должали свободные люди под влиянием роста экономического значения земледельческого хозяйства. А эти затраты, эта помощь, этот кредит, вызванный первенствующей ролью земледелия и нуждой в деньгах, связывает крупных землевладельцев с землею и заставляет их добиваться права распоряжаться ею и передавать ее по наследству.

Не менее, даже более, важны экономические интересы в вопросе о происхождении коммендации и вассалитета, иммунитета и суверенитета, крепостного права и общины (теперь мы уже считаем необходимым этот последний термин, так как наступили порядки, характеризующиеся черезполосицей, принудительным севооборотом и переделами).

Мы видели, как еще в дофеодальное время долги, делавшиеся свободными людьми (кёрлями), вследствие необходимости затрат при переходе к земледелию, делали их зависимыми людьми. И вот в X и XI веках эта зависимость, доходящая до того, что кёрль приравнивается к бедняку (liber pauper) и даже виллану (крестьянину) [2]), окончательно определяется как коммендация: еще при Альфреде Великом в конце IX в. измена глафорду признается важным преступлением; при Ательстане (924—940) коммендация становится обязательной для всех свободных, но она еще не переходит в вассалитет, не становится постоянной, неразрывной связью подданства: с согласия патрона можно переходить под покровительство другого патрона, и патрон при наличности достаточных оснований может прогонять клиента [3]). При этом коммендируются не только люди, но и их земли [4]). И отсюда

---

[1]) Петрушевский, Восстание Уота Тайлора, изд. 2, М. 1914, стр. 225.

[2]) Виноградов, Исследования по социал. истории Англии, „Ж. М. Н. Пр.“ за 1887 г., май, стр. 35.

[3]) Там же, стр. 38.

[4]) Там же, стр. 39.

вытекает иммунитет: патрон следит, чтобы на его земле подчиненные ему люди не совершали воровства и других преступлений; патрон получает штрафы и залоги, т.-е. имеет судебную власть, хотя бы он не был графом или шерифом [1]). Так было в первый момент, когда еще только происходила феодализация.

В „Книге Страшного Суда" свободные уже иногда называются вавассорами [2]), вассалами; существуют сокмены,— люди, состоящие под чужой юрисдикцией, подсудные частным лицам: их числится до 23 тысяч семей [3]). Сокмены с комендатами слились воедино, и получились вассалитет и — в известной, какой именно, об этом ниже, мере — суверенитет: крупные землевладельцы приобрели государственные права на своих землях. Феодализм окончательно сложился уже в XII веке и перешел в этом виде в третий момент — XIII столетие.

Чтобы закончить рассмотрение социальных отношений, остается познакомиться с развитием крепостного права и общины.

Уже в XI веке, еще до норманского нашествия кёрль и сокмен приравниваются иногда к виллану [4]); значит крепостное крестьянство или вилланство (villainage) произошло вовсе не от норманского завоевания, а все от той же нужды и задолженности,—часто от закабаления в голодные годы. Уже тогда сложилось крупное поместье с барской землей (inland) и землей, занятой крестьянами и свободными держателями (autland). Свободные держатели—тэны и гениты—не несут земледельческой барщины, но отбывают военную, сторожевую, придворную и перевозочную службу; крестьяне (гебуры) и бобыли (котарии) отбывают барщину: первые тяжелую, вторые легче, соответственно своим наделам — крупным у первых и мелким у вторых [5]). Надельная система, т.-е. распределение земли и повинностей общиной, уже существует: надел— участок, необходимый для прокормления крестьянского се-

---

1) Там же, стр. 40.

2) Там же, апр. 1887 г., стр. 213.

3) Там же, стр. 214; Seebohm, The English Village Community, стр. 87.

4) Seebohm, The English Village Comm., стр. 105 и сл.; Виноградов. Исследование: „Ж. М. Н. Пр." за 1887 г., май, стр. 35.

5) Виноградов, „Ж. М. Н. Пр." за 1887 г., май, стр. 50; Seebohm. The Engl. Vill. Comm., стр. 141 и след.

мейства [1]). Впрочем, пока наделы еще неправильны, не приведены в точное соответствие с составом отдельных семей [2]).

В XII веке количество крепостных сильно увеличивается: рабов, т.-е. дворовых людей, „Книга Страшного Суда“ насчитывает до 25 тыс. семей, а крепостных крестьян—вилланов—до 200 тыс. семей. Положение вилланов становится худшим, чем положение гебуров XI века: правда, наделы их еще довольно крупны, и их показания на суде считаются юридически равноценными показаниям свободных свидетелей, но помещики отнимают у них землю, увеличивают барщину и оброк. Слагается окончательно мэнор или имение, поместье, и фигурирует уже сельская община, имеющая земельное, полицейское и судебное значение [3]). В писцовых книгах XII в. надельная система является уже ясно определившейся [4]).

Во всех подробностях—с черезполосицей, принудительным севооборотом, переделами [5])—она рисуется в писцовых книгах XIII века. При этом характерны в положении крепостного крестьянства противоположность теории и практики: в теории лорд мэнора и его приказчик—все, крепостной—ничто, на практике огромное значение имеет юридический обычай, обычное право мэнора (consuetudo manerii). В теории виллан—раб, он не имеет ни личных, ни имущественных прав, не наследует после отца, не может распоряжаться имуществом; лорд мэнора может отнять у крестьянина участок, обложить его по своему усмотрению барщиной и оброком, увеличить, по произволу, политический прямой денежный побор—таллию и т. д. [6]). Но все это только в теории. На деле, на практике обычное право мэнора вело к тому, что переделы земли и передачи участков производились по постановлению схода (голимота), наследование и распоряжение имуществом утверждались в жизни, и права лорда здесь выродились в денежные поборы, точно определенные обычаем в известной сумме, барщина, оброк, разные повинности также утверждены были обычным правом мэнора, сделались непо-

---

[1]) Виноградов, „Ж. М. Н. Пр.“ за 1887 г., май, стр. 53.
[2]) Там же, стр. 54.
[3]) Там же, апрель 1887 г., стр. 203 и след.
[4]) Там же, стр. 219 и след.
[5]) Там же, сент. 1886 г., стр. 63 и след.
[6]) Seebohm, The Engl. Vill. Comm, стр. 76; Виноградов, Средневек. поместье, стр. 294.

движными [1]). Словом, английское крепостное крестьянство XIII века во многих отношениях оказалось уже правоспособным на деле. Его постепенному сближению с свободными держателями помогало существование промежуточных групп [2]).

Чем же объясняется такое положение? Ранним развитием в Англии элементов денежного, товарного хозяйства: еще в XII веке началась торговля шерстью с Фландрией, открылись рынки в Нормандии и на юге Франции [3]). У крестьян появились деньги, оказалась возможность выкупа из крепостной неволи, и вот в XIII в. договорное, основанное на письменных актах, освобождение вилланов оказывается уже не редким явлением [4]).

В этом раннем зарождении денежного хозяйства следует видеть и основную причину тех оригинальных явлений, которые наблюдаются в политической, государственной истории Англии X—XIII веков.

Англия рано сделалась страной довольно пестрой в экономическом отношении. Восточная ее часть, подвергавшаяся издавна набегам датчан, рано испытала на себе действия разбойничьей торговли, и потому здесь рано была введена денежная подать—„данегельд"—для организации защиты от нападений; эта часть была в средние века хозяйственно-передовой. Зато отсталым был запад—Уэльс, куда с большим трудом проникало земледелие, где долго держалось и господствовало скотоводство. Центр и юг страны представляли собою середину.

Уже эти главные экономические различия—мы минуем различия второстепенные—облегчали внутренний обмен, приближали наступление товарного хозяйства. Но они повлияли еще и в другом отношении: они были причиной того явления первостепенной важности, которое отмечают и подчеркивают все исследователи средневековой истории Англии,—разбросанности земельных владений крупных сеньеров, вассалов

---

1) Seebohm, The English Village Community, стр. 80.

2) Виноградов, Исследования: „Ж. М. Н.-Пр." за 1886 г., авг., стр. 292 и сл.

3) Там же, стр. 289; Cunningham, The Growth of English Industry and Commerce, стр. 187. Ср. Maitland, Domesday Book and Beyond, стр. 57—58

4) Виноградов, Средневековое поместье в Англии, стр. 347 и сл.

короля из норманнов-завоевателей. Этот факт обыкновенно отмечается как исходный в объяснении того, что норманские бароны—пэры короля Англии—не чувствовали особенно большого расстояния между собою и рядовым рыцарством, по крайней мере высшими его слоями и даже богатыми горожанами. Наблюдение верно, но причина разбросанности до сих пор остается необъясненной. Коренится она, несомненно, в указанной сейчас хозяйственной пестроте территории: каждый барон желал получить по куску земли в разных хозяйственных районах.

Для понимания политической истории Англии XI—XIII веков имеет большое значение еще другое обстоятельство: в Англии, как и везде в эпоху развития и расцвета феодализма, сложились две основных социальных силы—светские и духовные вассалы короля. Вторые, духовные—епископы и аббаты,—были социально демократичнее первых,—светских баронов, потому что никогда не выходили из числа старших сыновей знатных фамилий; эти старшие сыновья наследовали светские лены,—да к тому же состав епископов и аббатов пополнялся нередко и из буржуазии и даже низов общества. Кроме того, духовные вассалы короля были и культурно демократичнее светских: они были образованнее, представляли собою феодальную интеллигенцию. Если к этому прибавить конкуррирующие притязания светских и духовных магнатов на землю, то понятной будет постоянная рознь и вражда между ними, тем более, что у монастырей и епископов сосредоточились огромные земельные богатства.

Духовенство и является социальной основой власти таких королей, как еще в X веке Эдред (946—955 г.г.), при котором руководящую роль играл епископ Дёнстан, много способствовавший увеличению земельных богатств церкви, и в XI веке Вильгельм I Завоеватель. При Вильгельме архиепископ Ланфранк продолжал дело Дёнстана: он создал особые церковные суды для дел о нарушении клятвы, колдовства и ереси; при его же содействии установлена была знаменитая сольсберийская присяга 1086 г., усилившая королевскую власть тем, что не только пэры, но все население Англии принесло присягу на верность королю [1]).

---

[1]) Oman, A History of England, 6 edit., Lond. 1895, стр. 72; Петрушевский, Восстание Уота Тайлора, стр. 6.

Относительная слабость светских баронов и поддержка епископов и аббатов создали могущество королевской власти при Вильгельме II Рыжем (1087 — 1100), Генрихе I (1100—1135) и Генрихе II (1154—1189). Это дало возможность Вильгельму II организовать финансы, установив платы в пользу короля при переходе земли по наследству (реинвеститура), продаже земли (laudemium), восстановить данегель и проч., а Генриху I оградить вавассоров, т.-е. вассалов крупных сеньеров, от произвольного возвышения феодальных платежей их сюзереном и ввести объездных судей [1]); Генрих I- сделал еще два шага вперед: он издал в 1181 г. „ассизу о вооружении", по которой всякий, имевший землю в 100 ливров анжуйских, обязан служить королю в полном вооружении; а у кого земли меньше,—в легком; затем он запретил частные войны между сеньерами и установил королевскую администрацию и суд: шерифы не только управляли королевскими имениями (домэнами), но и собирали налоги, начальствовали над войском [2]). Наконец, при Генрихе же II исчезли ордалии, и установился разбор дела не по формальным испытаниям водой, огнем, клятвой и т. д., а через присяжных свидетелей, которые, принадлежа к тому же округу („сотне"), что и обвиняемый, свидетельствовали перед объездным судьей об обстоятельствах преступлений (это зародыш большого джюри' производящего следствие).

Но богатство и могущество епископов и аббатов вызывали естественное противодействие со стороны светских сеньеров. И они делали орудием своего противодействия ту же королевскую власть. Вильгельм Рыжий часто подолгу не замещал епископских мест и брал доходы себе. Против этого восстал Ансельм, архиепископ кентерберийский, который, будучи ярым сторонником папского примата в духе Григория VII, отказывался приносить присягу королю. Светские сеньеры, однако, так дружно поддержали короля в борьбе с архиепископом, что Ансельм вынужден был уехать в Рим и вернулся только при Генрихе I, когда, в 1106 г., спор кончился победой архиепископа: было признано, что архиепископ получает свой духовный сан от папы независимо от

---

[1]) Oman, A History of England, стр. 100 и сл.
[2]) Там же, Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, стр. 7—8

короля, от короля же получает инвеституру только как владелец земельного лена [1]).

Генриху II его меры, направленные к усилению государственной власти, не обошлись даром: светские сеньеры подняли против него восстание его собственных сыновей— Ричарда и Иоанна. С ними он, правда, справился, но известно, какую он потерпел неудачу в борьбе с архиепископом Томасом Бекетом и папой Александром III: кларендонские постановления 1164 г., устанавливавшие местный духовно-светский суд по делам, ведавшимся прежде судом церковным, и апелляцию по всем делам к королю, были после убийства Бекета отменены, и духовенство торжествовало полную победу над королевской властью [2]).

Ричард I Львиное Сердце (1189—1199) был типичным феодальным королем, верным, послушным орудием в руках светских и духовных сеньеров. Исполняя волю духовенства, он ушел в крестовый поход. И светские сеньеры были этим довольны: отсутствие короля развязывало им руки. Королевский авторитет таким образом всепадал [3]). Между тем развившаяся в XII и XIII веках торговля шерстью содействовала социальному сближению феодальной знати с рыцарством (дворянством) и даже богатыми горожанами. Это подготовило великие события и политические перемены XIII века—в царствование Иоанна Безземельного (1199—1216) и Генриха III (1216—1272).

Иоанн Безземельный являл собою пример не часто, но все же встречающегося в истории временами монарха, преследующего цели чистого личного деспотизма, вне какой-либо классовой опоры. И, как всегда в таких случаях бывает, он потерпел полное крушение и сильно поколебал феодальную королевскую власть в Англии. Он конфисковал церковные имущества и вызвал этим интердикт папы Иннокентия III и протест всего английского духовенства во главе со Стефаном Лангтоном. Здесь король позорно сдался, возвратив конфискованные имущества и даже признав себя данником папы. Самовластие короля в отношении к светским баронам и ры-

---

[1]) Oman, A History of England, стр. 102, 103; Smitz, Die politischen Ideen des Thomas Becket, Crefeld 1893, стр. 6—14.

[2]) Oman, A History of England, стр. 103.

[3]) Там же, стр. 105 и сл.

царям вызвало восстание, увенчавшееся полным успехом который был закреплен Великой Хартией Вольностей 1215 года, ясно выразившей достигнутую к тому времени меру социального сближения верхних слоев английского общества: ограждены были и интересы духовенства (избрание епископов духовенством, церковный суд, свобода от налогов), и интересы светских баронов (точное установление пошлины при переходе ленов по наследству и других феодальных королевских поборов, контроль за исполнением Хартии у 25 баронов, участие в установлении налогов), а также рыцарства (отверждение феодальных платежей и с него и участие и его в установлении налогов, суд равных) и даже богатых горожан (ограничение чрезмерных поборов с купечества) [1]).

Но политический феодализм в Англии все-таки был ёще только серьезно ранен, а еще не умер. Феодальная знать при Генрихе III подняла голову, но была разбита Симоном де-Монфором, который, взяв в плен короля, заставил его подтвердить Великую Хартию и расширил социальную базу противников усиления королевской власти привлечением в парламент 1265 года представителей горожан. То был, однако, опасный эксперимент. Феодальная знать вся подняла восстание против этого радикала XIII века под предводительством наследника престола принца Эдуарда. Монфор был побежден и погиб. Победила феодальная реакция [2]). Но то была уже Пиррова победа.

Таков был ход и исход материальной истории Англии в феодальный период. Он отразился и на духовной культуре — прежде всего на литературе.

Феодальная литература в Англии начинается в XII веке и продолжается еще до конца XIV века. При этом все время она существует и на французском языке и на английском: по французски в XII в. писал Вас, в XIV Гоуэр, на английском языке появились романы, переводные с французского, романо датском вторжении „King Horn", поэма „Сэр Гавей и зеленый рыцарь" (1370 года). Гоуэр, впрочем, уже поэт следующего периода — времен падения феодализма, но все остальные перечисленные сейчас произведения — типичнофеодальные.

---

[1]) Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, стр. 9—10.
[2]) Там же; Oman, A History of England.

Два „романа“ (названных так, потому что они писаны на романском наречии) Васа в сущности представляют собою хроники, изображающие деяния бриттов („Gestes des Bretuns“ или „Brut“) и деяния норманнов („Gestes des Normanz“ или „Rou“). В них много старинного, не дошедшего до нас материала. Но этим они только и отличаются от „King Horn“, французских переводных романов и поэмы „Sir Gawain“. По существу же везде тут господствует изображение опасностей от социального одиночества, от разрыва феодальных связей и отношений, уз, связывающих сеньера и вассала, и настойчивая рекомендация феодальной верности, преданности сюзерену [1]). Это — психологические отражения активного, наступательного, боевого эгоизма феодальной знати, в психологии которой чувство страха, сознательного и осмысленного, и стяжательство, корыстолюбие, стремление обзавестись возможно большим числом вассалов и земель составляют преобладающие черты. Феодальный барон — активный эгоист. Этот психический тип господствует в эпоху феодализма.

С этим вполне гармонируют и религиозные представления феодальной знати. Могуч сюзерен на земле. Надежна его защита. Но на небе есть свой сюзерен — Бог: Он страшен и суров, вместе с тем Он — существо таинственное. Он сотворил весь мир, управляет стихиями, распоряжается судьбами всего живущего прямо и непосредственно, жестоко карает за грехи и милует за добродетели. Легенды или жития святых, написанные Васом, хроники монахов Глостера и Маннинга (XIV в.) — живые свидетельства об определяющей силе Провидения, о страшном Его значении [2]). Ярким выражением той идеи, что величайшая добродетель — смирение, повиновение, а величайший грех — самостоятельность мысли, сомнение, является изречение Ансельма кентерберийского: „надо принимать с верой то, что подсказывает сердце, а чего не постигаешь, — не сомневайся, а борись“ [3]).

---

[1]) Taine, Histoire de la littérature anglaise, t. I, P. 1863, стр. 111; Jusserand, Histoire litteraire du peuple anglais, I, P. 1894, стр. 126.

[2]) Taine, Hist. de la litt. anglaise, l, стр. 113; Jusserand, Hist· littéraire du peuple anglais, I, стр. 128; Вейзер, История английской литературы, Спб. 1899, стр. 25.

[3]) Каррьер, Искусство в связи с развитием культуры, т. III, стр. 410

В искусство норманны внесли архитектурный стиль, свойственный феодальной эпохе, — романский. Мы знаем уже, что они собою представляют.

В XI веке, вследствие властных стремлений церкви, базилики несколько осложнились: они приняли форму креста, над порталом появилась башня или две башни над боковыми кораблями, горизонтальный потолок заменен был сводом [1]). В этом виде романский стиль перенесен был из Франции в английскую архитектуру, оригинальной особенностью которой явился чрезвычайно строгий и мрачный характер сооружений [2]), ясно отражавший господствующую психологию. Типичны соборы в Дёргэме, Питерборо, Рочестере, Норвиче, построенные в половине XII века [3]). Все они отражают бедность чувств, эмоциональное убожество, сухость сердца, типичную для активного эгоизма, всю духовную натуру которого порабощают страх и алчность, жадность. Эта сухость, бедность чувств приводили к тому, что слаба была и ассоциация по контрасту, необходимая при высоком эмоциональном развитии: попрежнему важнее всего остается ассоциация по смежности. Ничтожная живопись и грубые изваяния в скульптуре [4]) — тоже яркие доказательства эмоционального убожества.

Конечно, не может быть речи и о сколько-нибудь заметном развитии науки. Хроники — исторические произведения, но они еще больше — произведения религиозные; перст Провидения — вот что в них главное. А типичными образцами феодального естествознания являются бестиарии — описания животных с аллегорическими толкованиями [5]). И тут таким образом господствует страх перед неведомыми, таинственными силами, а также суеверие, отсюда происходящее.

И вот, присматриваясь к представителям феодальной знати, мы во весь рост рисуем перед собой действительно фигуру активного эгоиста. Иоанн Безземельный — наиболее характерная в этом отношении фигура. Он жаден до земли и до денег: с этою приобретательскою целью он делает натиск и на церковь, и на светских сеньеров. Уступите ему, — он

---

1) Кон-Винер, История стилей изящных искусств, стр. 111.

2) Reber, Kunstgeschichte des Mittelalters, стр. 336 и сл., Springer, Handbuch der Kunstgeschichte, II, стр. 173—177.

3) Там же.

4) Reber, Kunstgeschichte des Mittelalters, стр. 426.

5) Jusserand, Hist. litteraire du peuple anglais, I, стр. 128.

будет дерзок, нагл и жесток. Но при каждом сколько-нибудь решительном сопротивлении Иоанн трусит и сдается: так было с Иннокентием III, в борьбе с баронами, в отношениях к Филиппу II Августу французскому. Вероломство, коварство — сила трусов, и это было свойственно Иоанну Безземельному в высшей степени[1]). И подавляющая масса феодальной знати была такова же: это доказывается лучше всего ее предательским поведением по отношению к Симону де-Монфору[2])

Такова была психология господствующей общественной группы. Она, естественно, ярче освещается источниками, чем психология классов подчиненных,—в данном случае рядового рыцарства или дворянства и народной массы.

Но все-таки ясно, что если народная масса оставалась попрежнему в состоянии психической аморфности, хаотического конкретизма, то в рыцарстве феодальной эпохи заметны уже зачатки нового.

Это новое—настроение забитой покорности, почтительного преклонения, смирения перед господами положения или, что то же, состояние пассивного эгоизма, охраны своей жалкой жизни и не менее жалкого благосостояния беспрекословным рабским подчинением грубой силе активного эгоизма. Духовенство было лучшим проводником этих чувств в рыцарскую среду, тем более, что и само оно в массе своей было проникнуто теми же чувствами: отсюда проистекало и восхваление аскетизма («Hali Meidenhad») и монашеской жизни («Ancren Riwle»), и аллегорические поэмы в честь целомудрия и особенно терпения [3]).

Но зарождались и проявляли себя уже и люди нового типа Характерно, однако, что виднейшим их представителем был барон французского происхождения Симон-де-Монфор граф Лейстерский: Франция вообще была в то время передовой страной и оказывала сильное культурное влияние на Англию. Освободительная борьба Симона-де-Монфора и его смелый политический радикализм, решительное новаторство лучше всего свидетельствуют о его индивидуалистических настроениях и чувствах. В его лице эгоистический индивидуа-

---

[1]) Oman, A History of England.

[2]) Там же.

[3]) Jusserand. Histoire littéraire du peuple anglais, I, стр. 128, 210—214.

лизм дворянства обрисовывается ясно. Но полной победы он все же не достиг, погиб в своей борьбе: не пришло еще время для замены феодальной знати дворянством и смены старой господствующей психологии активного эгоизма—новою, смешанной, эгоистически-индивидуалистической. Впрочем, еще и Фома Бекет был представителем той же новой психологии, и характерно, что он вышел именно из рядов английского рыцарства.

VI.

Феодализм в Германии и Италии.

В Германии и Италии эпоха расцвета полного господства феодализма охватывает 3½ века—с половины IX до начала XIII столетия. При этом история обеих стран тесно связана политически с X века, с Оттона I, с образования «Священной Римской империи немецкой нации», и осложняется знаменитой борьбой пап с императорами, почему удобнее рассматривать историю феодализма в Германии и Италии вместе, в одном отделе, чтобы избежать излишних повторений.

Огромное количество всякого рода актов, грамот, писцовые книги, данные о повинностях и сборах не оставляют сомнения в господстве земледелия и в Германии и в Италии за указанное время [1]. Местами—особенно в Италии сюда примешивалось еще разведение винограда и виноделие; кроме того тогда Италия давала много оливкового масла, и кое где—в тосканских мареммах—важно было скотоводство [2]. Основной чертой, однако, везде оставалось преобладание земледелия.

Торговля также делала большие успехи, в особенности в Италии, где она развивалась раньше и больше, чем в Германии [3], вследствие раннего и относительно довольно бы-

---

[1]) Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, I B., 2-e Aufl., Leipz. 1909, стр. 300 и сл., 499, 527, и др.; Виноградов, Происхождение феод. отношений в Лангобардск. Италии: «Журн. Мин. Нар. Пр.» за 1880 г., октябрь, стр. 357 и сл., 364 и др.

[2]) Виноградов: «Ж. М. Н. Пр.» за 1880 г., ноябрь, стр. 14.

[3]) Там же, окт., стр. 357—358; Schaube, Handelsgeschichte der Romanischen Völker, стр. 16 и сл., 26 и сл., 30 и сл., 49 и сл., 69 и сл., 91 и сл. и др.

строго и значительного роста обрабатывающей промышленности—особенно городского ремесла и домашней индустрии [1]). Надо, однако, заметить, что о широкой, тем более внешней торговле можно говорить лишь в немногих городах в Италии, главным образом это можно сказать о Венеции, Амальфи, Генуе, отчасти также Пизе и Флоренции [2]). Мы не будем останавливаться на их торговле сейчас, так как истории Венеции, Генуи, Флоренции—характерных, типичных итальянских городов средневековья—будут посвящены в свое время особые отделы в следующих главах нашего труда. Необходимо здесь только отметить самый факт существования этой обширной торговли особенно в XII веке, но тут же следует подчеркнуть исключительность этого явления: денежное или товарное хозяйство и в Италии и даже—в меньшей несколько степени—в Германии уже возобладало над натуральным: это видно по росту денежных оброков [3]); но то было, как и во Франции, и в несравненно большей степени, чем в Англии, денежное хозяйство с узким, местным, замкнутым рынком, и округ каждого рынка приблизительно совпадал с крупным феодальным имением [4]).

Соотношением отраслей хозяйства определялся переход к более интенсивной земледельческой технике. Пустырей, необработанных земель до конца периода было немало в обеих странах [5]), но количество их в XI и особенно в XII веке все сильнее уменьшалось, и переход к трехполью с навозным удобрением на разных ступенях его развития [6]) почти везде завершился. При чем в Италии еще в X веке начались

---

[1]) Schaube. Handelsgeschichte der Rom. Völker, стр. 61 и др.

[2]) Там же, стр. 16 и сл., 26 и сл. и др.

[3]) Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgesch., I, стр. 46; Виноградов, Происхождение феод. отнош. в Ланг. Италии: „Ж. М. Н. Пр.“ за 1880 г., окт., стр. 537—558. Ср. дв. более раннего времени Dopsch, Die Wirtschaftsentwickelung der Karolingerzeit, I, стр. 297; II, стр. 250 и д.

[4]) Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgesch., I, стр. 599—600, 607; Лампрехт, История герм. народа, II, стр. 24; Виноградов, „Ж. М. Н. Пр.“ за 1880 г., ноябрь, стр. 139, 140.

[5]) Inama-Sternegg, I, стр. 298; Лампрехт, Ист. герм. нар., II, стр. 38; Виноградов: „Ж. М. Н. Пр.“ за 1880 г, сент., стр. 212; ноябрь, стр. 132.

[6]) Inama-Sternegg, I, стр. 543; Hanssen, Agrarhistorische Abhandlungen, Leipz. 1880, стр. 132 и сл., 157 и сл.; Виноградов, „Ж. М. Н. Пр.“ за 1880 г., окт., стр. 363 и др.

местами усиленные заботы об улучшении системы полеводства [1]).

И эта интенсификация и в особенности новое денежное хозяйство, даже при узком рынке, вызывало дробление дворовых участков — гуф [2]) или манзов [3]), их измельчание. Хозяйство мелких земледельцев уменьшалось в размерах, превращалось в дворовое [4]), при чем родственные, кровные связи в пользовании землей и передаче хозяйств играли еще видную, заметную роль [5]). Барская пашня не была, да и не могла быть обширна ни в Италии, ни в Германии [6]), и даже вследствие нужды в деньгах, при росте денежного хозяйства, землевладельцы предпочитали барщине денежный оброк, особенно к концу периода [7]).

Мелкое землевладение, и раньше, как нам известно, уже сильно сокращавшееся, было окончательно поглощено крупным [8]): новые денежно-хозяйственные отношения добили его, подчинили крупному владению, сделали зависимым от последнего в формах или лена или цензивы, т.-е. пользования землею на основе военной службы или барщины и оброка; не было возможно обойтись без экономической поддержки более сильных людей, чем и создавалось главным образом зависимое владение [9]). В то же время бенефиций окончательно и в Германии и в Италии превратился в лен—наследственное владение, подлежащее уже и отчуждению—продаже, залогу, дарению [10]): такой оборот главнейшей ценности того времени—земли—был неизбежной необходимостью в усло-

---

[1]) Виноградов: «Ж. М. Н. Пр.» за 1880 г., окт., стр. 363, 364.

[2]) Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgesch., I, стр. 435.

[3]) Виноградов: «Ж. М. Н. Пр.» за 1880 г., сент., стр. 195 и след.

[4]) Inama-Sternegg, I, стр. 441 и след.

[5]) Виноградов: «Ж. М. Н. Пр.» за 1880 г., сент., стр. 194 и сл.

[6]) Там же, окт., стр. 360, 364; Lamperсht, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, I, 2, Leipz. 1880, стр. 862 и след.

[7]) Lamprecht, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, I, 2, стр. 862.

[8]) Inama-Sternegg, I, стр. 394; Виноградов: «Ж. М. Н. Пр.» за 1880 г., ноябрь, стр. 155 и сл.

[9]) Виноградов, там же, стр. 139.

[10]) Там же, окт., стр. 351; Inama-Sternegg, I, стр. 193.

виях денежного хозяйства и хотя и начальной еще, но все же уже совершавшейся земледельческой интенсификации.

Обычная, средняя, господствовавшая норма распределения дохода—деление его пополам между землевладельцем и земледельцем: так бывало обыкновенно и при барщине и при оброке [1]).

В обеих странах сложилась под влиянием новых хозяйственных условий и сословная система развитого феодализма. В Германии окончательно образовался небольшой верхний сословный слой феодальной землевладельческой аристократии [2]), состоявший из 16 светских князей и 50 епископов, имевших фактически все суверенные права, бывших в своих владениях независимыми, самостоятельными государями [3]). Такое же положение приобрели довольно рано в Италии герцоги, маркграфы, епископы [4]). Создалось и сословие рыцарей, аррьер-вассалов или вавассоров [5]), умножилось и окрепло монашество—в особенности в Италии [6]). Торговое развитие Италии уже в XII веке дало важное значение городскому сословию, в особенности в Ломбардии. Наконец, разные слои деревенского населения слились в крестьянскую массу, в общем и целом крепкую земле [7]). Все это—социальные явления, знакомые нам в особенности по истории Франции, с которой и в экономическом отношении больше всего сходна история феодальных Германии и Италии.

Известны внешние судьбы общегосударственной власти в Германии и Италии IX—XII веков. После Верденского договора 843 г., когда сыновья Людовика Благочестивого поделили между собой монархию деда и отца на три отдельных государства, Германия и Италия имели особых монархов до прекращения династии Каролингов. Потом и здесь и там высшую монархическую власть захватывали местные герцоги—в Италии фриульский, иврейский, в Германии—саксонские

---

[1]) Виноградов: «Ж. М. Н. Пр.» за 1880 г., окт., стр. 364 Inama-Sternegg, I, стр. 499.

[2]) Inama-Sternegg, I, стр. 301, 311 и сл.

[3]) Лампрехт, История герм. народа, II, стр. 70.

[4]) Виноградов: «Ж. М. Н. Пр.» за 1880 г., дек., стр. 343 и сл.

[5]) Там же.

[6]) Там же.

[7]) Виноградов: «Ж. М. Н. Пр.», 1880 г., дек., стр. 373; Inama-Sternegg, I, стр. 303.

потом франконские. В X веке немецкий король Оттон I Великий основал Священную Римскую империю немецкой нации из Германии и части Италии, и с тех пор между этими территориями двух стран существовало все время формальное единство под императорской властью.

Под покровом этих внешних перемен два ряда явлений обращают на сбя особенное внимание: во-первых, феодальный, вотчинный характер монархической власти, была ли она императорской или королевской, только германской или лишь итальянской или объединяющей обе страны,—безразлично [1]); во-вторых, борьба папства и империи. Так как феодальный характер монархической власти в Германии и Италии в своих конкретных проявлениях не отличается ничем новым сравнительно с тем, что наблюдалось уже нами во Франции и Англии, и так как попутно этих проявлений еще придется коснуться в дальнейшем изложении, то на этом вопросе мы останавливаться сейчас особо не будем, а рассмотрим причины, ход и исход борьбы пап с императорами. При этом, однако, следует сильнее и резче, чем это обыкновенно делается, подчеркнуть и выдвинуть на первый план социальную подкладку этой борьбы, то сочетание общественных сил в Германии и Италии, которое в сущности ее вызвало, питало и предопределило ее ход и исход. Ни папство, ни империя—не были самодовлеющими величинами и силами, а созданы были именно борьбой социальных сил и влияний. Мы должны теперь полнее осветить социальный состав и интересы этих сил, а также и их идеологию, которой в предшествующем изложении касались только отчасти, в меру крайней необходимости.

Феодальная эпоха, как нам уже известно, создала могущество монашества. Она снабдила монашество и в Италии [2] и Германии [3]), как и во Франции и Англии, огромными земельными богатствами, сделала монастыри распорядителями и больших по тому времени денежных капиталов, что давало им возможность развивать кредитные, банкирские операции

---

[1]) Inama-Sternegg, I, стр. 478 и сл.; Виноградов: «Ж. М. Н. Пр.» за 1880 г., декабрь, стр. 349 и след.

[2]) Виноградов, Происхождение феод. отнош. в Лангоб. Италии: «Ж. М. Н. Пр» за 1880 г., ноябрь, стр. 148—154.

[3]) Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, I, стр. 399.

наконец, монастыри стали в ряд крупнейших феодальных владык, аббаты стали в монастырских землях настоящими государями. Это влиятельное положение досталось монашеству, чаще всего незнатному по своему происхождению, не сразу и не без борьбы. Против него здесь были, вообще говоря, и светские князья и князья духовные—епископы, в особенности последние, наиболее страдавшие от конкуренции монастырей в деле приобретения земли, власти и влияния, духовного авторитета. Конечно, и светские князья испытывали эту монастырскую конкуренцию, но их ближайшими соперниками были и в Италии и в Германии епископы. Этим и определилось основное соотношение боровшихся между собою господствовавших тогда социальных сил: монашество имело союзников в лице светских князей, а епископы вели ожесточенную борьбу и с монахами и со светскими феодалами. Второстепенное большею частью, но тоже важное участие в борьбе принимали и рыцарство, и горожане.

Каковы были интересы всех этих классов общества? Основной интерес правивших, господствовавших классов нам уже известен и выше отмечен: это—земля, власть и влияние, с землей в феодальном обществе связанные. У светских князей это выражалось и в Италии и в Германии в партикуляризме, в стремлении к полной политической самостоятельности в своих герцогствах и маркграфствах, иначе—в ограничении, в фактическом уничтожении, сведении к нулю императорской власти. Епископы, боясь подавления со стороны светских князей, естественно, напротив, поддерживали, укрепляли императорскую власть и через ее посредство пытались управлять церковью, так как от императора в значительной степени зависело избрание главы церкви—римского папы [1]). Но здесь они сталкивались с монашеством, этим католическим рыцарством или дворянством, которое выдвигало папский абсолютизм, самостоятельность папы, его независимость от светской власти и даже первенство, господство его над нею. Рядовое рыцарство было за императора, как и немецкие слабо развитые города, но богатые итальянские города Ломбардии, боровшиеся с епископами, естественно становились на сторону монашества и папства.

---

[1]) Giesebrecht, Geschichte der deutschen Kaiserzeit, III, 1, Leipz. 1890, стр. 7—8.

Идеология светской и духовной знати—обычная, нам уже известная феодальная идеология, и о ней излишне теперь говорить особо. Но надо проследить идеологию монашества и папской власти.

Исторические корни ее восходят к V веку—к учению блаженного Августина, последнего оригинального представителя падавшей культуры древней Римской империи. Учение Августина должно быть исследовано в свое время, когда речь пойдет об его эпохе. Здесь важно отметить только ту его основную идею, которая была унаследована клюнийским движением,—идею царства Божия. По Августину, земное государство—зло; личное и общественное спасение возможно только в царстве Божьем; церковь должна бороться со злом мира до второго пришествия, когда царство Божие окончательно восторжествует [1]).

Уже из этого видно, что Августин вовсе не был сторонником земной теократии, не отстаивал необходимости того, чтобы первосвященник, римский папа, управлял миром. Его учение послужило только первоначальной основой, которую развили потом клюнийцы, переработав ее оригинально, применительно к условиям времени и к интересам монашества X и XI веков.

Надо было поставить церковь выше государства и главу церкви папу—выше первого светского монарха—императора и королей. Государство—царство людское, земное; церковь—царство Божие, небесное. Во главе церкви—наместник Бога, преемник св. Петра, римский папа. Так как царство небесное бесконечно выше царства земного, то и власть папы бесконечно выше власти светских государей. Папа вовсе не сюзерен светских государей, он для них более, чем сюзерен, он абсолютный, самодержавный государь, «господин господствующих» (dominus dominantium). «Все царства подчинены римской церкви», писал Григорий VII венгерскому королю. Светская власть—это луна, заимствующая свой свет от солнца—церковной власти; у светской власти—светский меч, которым руководит меч духовный, находящийся в руках церковной власти. И законы государства

---

[1]) Кн. Евг. Трубецкой, Религиозно-общественный идеал западного христианства в V в., ч. I, М. 1892, стр. 200, 217, 223, 232, 234, 235, 236.

подчинены законам церкви. Церковной власти за неподчинение ей принадлежит право наказания—интердикт—запрещение служения и отлучение от церкви, отрешение королей от власти, разрешение подданных от присяги [1]). Папа имеет власть над небесными вещами; тот, кто может большее, может и меньшее; значит папа имеет власть и над светскими предметами; давая св. Петру власть вязать и решить, Христос не исключил никого из этой власти, ни даже властителей и государей [2]).

Таковы были воззрения папы Григория VII, представлявшие собою конечные выводы, результаты всего идейного течения в монашестве X и XI веков—клюнийского движения [3]). Но надо было не одного папу, а всю церковь поставить выше светского общества. Отсюда произошли—целибат, т.-е. требование от всего духовенства холостой, монашеской жизни, борьба против симонии—покупки церковных мест и санов—прямой и косвенной, скрытой, и против инвеституры—передачи этих мест и санов как ленов или феодов. И здесь клюнийская теория была завершена и решительно проведена в жизнь Григорием VII.

Основными доводами за целибат были следующие: во-первых, необходимость аскетизма для совершения таинств: по Дамиани и ряду других церковных авторитетов, не может совершать таинства тот, в ком горит адский пламень чувственного желания; во-вторых, от браков священников происходит расхищение церковного имущества: священники передают его своим женам; в третьих, от браков у духовенства возникает стремление сложиться в наследственную касту, передавать детям по наследству свои места. Церковные писатели, отстаивавшие целибат, прямо объявляли, что им известны фактические последствия целибата—разврат, но они находили,

---

1) Martens, Gregor VII, sein Leben und Wirken, II B., Leipz 1894, стр. 5—47.

2) Laurent, Etudes sur l'histoire de l'humanité. La papauté A l'empire, 2-me édit., P. 1865, стр. 109—110.

3) Drosdner, Kultur-und Sittengeschichte der italienischen Geistlichkeit im 10 und 11 Jahrhundert, стр. 21 и сл.; Saccur, Die Cluniacenser, I, стр. 464.

что лучше грешить со многими женщинами тайно, чем с одной явно [1]).

Симония—зло, потому что, как указывал кардинал Гумберт, ею покупаются, отторгаются от церкви и духовный сан и церковные земли; аббатства и епископства, как писали другие богословы XI века, невозможны без земельных владений, как душа невозможна без тела; все земли должны принадлежать церкви в полную и безусловную собственность, а не на ленном праве. Поэтому недопустима и инвеститура, являющаяся рассадником одной из форм той же симонии [2]).

Всей этой теории нельзя отказать в стройности и тонкости: она являлась результатом напряженной работы интеллигентской мысли того времени и свидетельствует сама по себе о сильном движении вперед в области общественной психологии и духовной культуры.

Но прежде, чем перейти к этой последней теме, мы должны в главных чертах характеризировать конкретными фактами ход борьбы общественных сил и ее результаты к началу XIII века: это лучше всего познакомит нас с политическим строем Италии и Германии в период расцвета феодализма, и притом мы будем наблюдать этот строй в состоянии не покоя, а движения, известной эволюции.

До XI века в Италии только вырабатывалась еще постепенно социальная сила, выдвинувшая папство,—сила монашества. Первая попытка кодификации различных монашеских правил и уставов предпринята была Кассианом в V веке в духе восточного пустынножительства, но с сильным смягчением крайностей аскетизма и на основе жизни монахов собственным трудом [3]). В VI веке Бенедикт Нурсийский в монастыре Монте-Кассино переработал устав Кассиана на общежительных началах и принципе полного самодержавия аббата с крайним развитием дисциплины и полного смирения, а также с подробной регламентацией молитвы, поста, всего образа жизни монахов [4]). В VII веке дополнением к бенедиктинскому

[1]) Кн. Евг. Трубецкой, Религиозно-обществ. идеал зап. христианства в XI веке. Идея божеского царства в творениях Григория VII и публицистов его современников, вып. I, Киев 1897, стр. 13—28.

[2]) Там же, стр. 35, 39, 51, 53, 54.

[3]) Zöckler, Askese und Mönchtum, Frankf. a. M. 1897, стр. 337 и сл.

[4]) Там же, стр. 355 и след.

уставу служили поправки, внесенные св. Колумбаном, более всего заботившимся о том, чтобы сделать монастыри рассадниками духовной культуры,—просвещения, литературы, науки [1]). В X веке возникло во Франции и проникло в Италию и Германию клюнийское движение, а в начале XI века строгое пустынножительство насадил и распространил в Италии св. Ромуальд [2]). Монашество созрело для борьбы и создало известную уже нам идеологию.

Папство до тех пор и даже позднее не играло и не могло играть видной роли. Оно, как и монашество до клюнийцев, цистерцианцев и эремитов св. Ромуальда, было втянуто в условия и порядки феодального общества, обмирщилось и феодализировалось. Начало этой феодализации относится еще ко времени Пипина Короткого, который в 754 г., отняв Равеннский экзархат у лангобардов, образовал из него Церковную область, сделал папу землевладельцем, феодальным владыкой. Правда, при папе Николае I (857—867 г.г.) идея папского примата, церковного первенства папы как будто уже торжествует, при чем он и его преемники Адриан II и Иоанн VIII пытаются документально обосновать ее Лжеисидоровыми декреталиями,—собранием подложных папских постановлений, приписывавшимся испанскому епископу VII в. Исидору Севильскому, но это было не более, как еще формой и лишь случайным исключением, отдельным ярким пятном, резко выделявшимся на фоне обмирщения и феодализации папской власти. Став феодальным владыкой, папа в своей области раздавал бенефиции, превратившиеся потом в лены, и, подобно светским сеньерам, попал в зависимость от своих вассалов, от римской феодальной знати. Его зависимость была особенно велика по той причине, что папство было выборным и выборы фактически зависели именно от римской знати [3]).

Этим феодальным положением папы воспользовались еще в X веке немецкие епископы. Они, после прекращения династии Каролингов в Германии, выдвинули на престол сначала Конрада I франконского, а потом саксонскую династию—Генриха Птицелова и троих Оттонов,—Генриха II баварского и,

---

[1]) Там же, стр. 381 и след.

[2]) Dresdner, Kultur-und Sittengeschichte der Italien. Geistlichkeit, стр. 19 и сл.

[3]) Wattenbach, Geschichte der Päpste.

накопец, салических (франконских) императоров в лице Конрада II и Генриха III (ум. в 1056 г.). Почти все эти государи, ставшие со времен Оттона I императорами, творили волю немецких и итальянских епископов и были проводниками их влияния над всей католической церковью и смиряли все противодействовавшие епископам, конкурировавшие с ними светски-феодальные силы, которыми в Германии были светские князья, в Италии—богатые ломбардские города. Вот почему уже Оттон I ставил пап, подчинил себе герцогов, поручал административные функции епископам [1]). В начале XI века Генрих II баварский вынужден, однако, был признать наследственность ленов [2]). И он и Конрад II (1024—1039 г.г.) были верными выразителями интересов епископов, правили по их советам, расширяли их права и привилегии [3]), но, начиная с Оттона III, императоры, а следовательно, и епископы Германии и Италии на время выпустили нить римской политики, не могли успешно бороться с усиливавшимся влиянием римской знати, особенно графов тускуланских на папство [4]). При Конраде II епископы—ближайшим образом его доверенное лицо Бруно епископ аугсбургский—стремились найти себе союзников в рыцарстве: Конрад объявил наследственными ленами бенефиции арьер-вассалов (вальвассаров) в Италии и пытался сделать то же в Германии, где ему в то же время удалось создать класс рыцарей—непосредственных вассалов короля путем раздачи в лен небольших земельных участков в 3 гуфы каждый королевским министериалам, служившим по управлению вотчиной, домэном короля [5]).

В таком положении было дело, когда на престол вступил в 1032 г. Генрих III. Его царствование было временем оригинального, своеобразного сочетания общественных сил в Германии. То обстоятельство, что немецкие епископы вели раньше борьбу на два фронта—и с светскими князьями и с монашеством,—помешало их победе над обоими противни-

---

[1]) Giosebrecht, Geschichte der deutschen Kaiserzeit, II.

[2]) Там же.

[3]) Gerdes, Geschichte der Salischen Kaiser und ihrer Zeit, Leipz. 1898, стр. 53.

[4]) Wattenbach, Geschichte der Päpste.

[5]) Gerdes, Geschichte der Salischen Kaiser, стр. 52, 53.

ками: приходилось уступать аббатам, так как папство ускользало из-под влияния епископов и императоров; в то же время светские князья в 1037 г. добились от Конрада II полного признания наследственности их обширных и богатых ленов [1]). Но и монашество не могло всецело овладеть папством, освободить его от светских влияний и сделать опорой и орудием своей самостоятельности, власти и влияния. Бессильные при взаимной розни, терпя неудачи вследствие этого, обе социальные силы церковного феодализма вступили между собою в союз. Этим, а вовсе не личностью Генриха III, который не в силу своей набожности только подчинялся церковным влияниям, и объясняется, вопреки мнению некоторых исследователей, склонных преувеличивать значение личности императора [2]), вся политика того времени. Правда, и осоюзившись, епископы и монахи не могли, да отчасти не хотели уничтожить самостоятельность светских феодалов—герцоги при Генрихе III были вполне самостоятельны [3]),—но и свою самостоятельность духовные феодалы сохранили: епископы сохранили влияние на папский престол, которым Генрих III распоряжался, ставя пап одного за другим [4]), в то же время монашество проводило в папы через Генриха ревностных клюнийцев, какими были и Лев IX, и Виктор II, и Стефан IX, возведенный в папы Гильдебрандом уже по смерти Генриха III [5]). В то же время, под сенью императорской власти, монахи деятельно и усердно работали над проведением в жизнь церковной реформы, над освобождением церкви от светской власти и светских влияний. Уже Лев IX, принимая назначение в папы от императора, выговорил право получить утверждение от римских вассалов папы, чем некоторая независимость папы от императора была подчеркнута [6]). Кроме того, при Льве IX, под прямым влиянием картинала-субдиакона Гильдебранда, на Латеранском соборе в Риме в 1049 г. вынесены были решения против симонии и за целибат свя-

---

[1]) Там же, стр. 441—442.

[2]) Там же, стр. 122—125; Giesebrecht, Gesch. d. deutsch. Kaiserzeit, III, стр. 9—11.

[3]) Gerdes, Geschichte der Salischen Kaiser, стр. 124.

[4]) Там же, стр. 122; Giesebrecht, III, стр. 17, 18.

[5]) Giesebrecht, Gesch. der deutschen Kaiserzeit, III, стр. 16, 18, 19.

[6]) Wattenbach, Geschichte der Päpste.

щенников [1]). В то же время была образована при папе окончательно коллегия кардиналов из вождей партии церковной реформы в разных странах католической Европы [2]); это было важным залогом папской независимости и от императора и от баронов церковной области. Епископы во Франции, Германии, Италии—особенно епископы-симонисты—уже почувствовали на себе тяжесть папского авторитета при Льве IX [3]). То же продолжалось и при Викторе II [4]), который вместе с тем добился от Генриха III возвращения отнятых раньше у папы земель [5]).

Все это в достаточной мере укрепило силу монашества и папства. Союз монашества и епископов принес пользу первому, а не последним, потому что монашество было сильнее и экономически и морально. В то же время и бароны Церковной области потерпели сильный ущерб, как и император, представитель интересов епископов. Поэтому союз рушился, и монашеству пришлось вести борьбу на два фронта—с епископами немецкими и итальянскими, и с вассалами папской области. Наступил самый решительный момент.

Графы тускуланские и другие бароны Церковной области по смерти папы Стефана IX, получившего папскую тиару благодаря стараниям кардинала Гильдебранда и его друга Ансельма епископа луккского [6]), вздумали фактически защитить свое феодальное право выбирать папу и возвели на престол св. Петра одного из членов фамилии графов тускуланских под именем Бенедикта X [7]). Но сторонники реформы, во главе с Гильдебрандом, провели в папы Николая II. В качестве кардинала-архидиакона Гильдебранд стал полным руководителем папской политики, победил и заставил отречься Бенедикта X, заключив союз с норманнами и отдал в лен от папы герцогу Ричарду Капую, а его брату Роберту Гвискару Апулию, Калабрию и Сицилию; наконец, на Латеранском соборе 1059 г., Гильдебранд провел новый порядок выбора папы—кардиналами-епископами, независимо и от импера-

---

1) Там же.
2) Там же.
3) Там же.
4) Там же.
5) Там же.
6) Там же.
7) Там же; Giesebrecht, III, стр. 23, 24.

тора, и от папских вассалов [1]). В то же время монашество и папство приобрело себе союзника в лице горожан в Ломбардии, вооружившихся против епископов, которые здесь поддерживались местными феодалами—более крупными (капитанами) и мелкими рыцарями (вальвассорами): капитаны и вальвассоры держали на ленном праве церковные земли и потому стояли горой за архиепископа миланского и других епископов—его суффраганов или викариев. Во главе городской демократии, получившей от противников прозвище патариц, т.-е. сволочи, сброда, встали диакон Арияльд и клирик Ландульф, которые подняли народ против симонистов. Папа послал в Милан кардинала Петра Дамиани и епископа луккского Ансельма, и они, собрав собор, отрешили симонистов и заставили архиепископа миланского Видо признать себя вассалом папы [2]).

Все это были блестящие победы монашества в борьбе за власть и влияние. Немецкие и итальянские епископы не могли быть ими довольны. Император тоже. Немецкие князья воспользовались ослаблением императорской власти и готовы были поддержать папу и монашество. То же надо сказать и об итальянских феодалах, подобных Роберту Гвискару, маркграфиням тосканским Адельгейде и Матильде. Наконец, за папу стояла и ломбардская Патария. Известно, к чему повело это сочетание общественных сил: к страшному столкновению между Генрихом IV и Григорием VII, осложненному тем, что папа поднял вопрос об инвеституре и взял на себя роль судьи между императором и герцогами по воле последних [3]). Нет нужды излагать все перипетии этой борьбы Известно, что она закончилась временно компромиссом—Вормсским конкордатом 1122 года между императором Генрихом V и папой Каликстом II: выбор и посвящение епископов должны были быть теперь свободны и носить церковный характер, в знак чего кольцо и посох они получали от папы; затем уже император утверждал за новым епископом землю, как его

---

[1]) Giesebrecht, Gesch. d. deutsch. Kaiserzeit, III, стр. 23, 39, 42, 43.

[2]) Там же, стр. 29—32, 40—42.

[3]) См. цитированные работы Ваттенбаха, Гизебрехта, Гердеса, а также Gfrörer, Pabst Gregorius VII und sein Zeitalter, II; Martens, Gregor VII, sein Leben und Wirken, I, стр. 83 и сл.

лен, вручая епископу скипетр [1]). Важнее подробностей этой борьбы для нас ее социальные и политические последствия, обнаружившиеся в Германии и Италии.

В Германии еще в малолетство Генриха IV епископы достигли полного равенства со светскими князьями [2]). В то же время постепенно расло политическое значение этих последних: они к концу царствования Генриха IV приобрели все верховные права, полный суверенитет в своих владениях [3]). Если еще с Оттона I князья составляли фактически обязательный для императора сейм, то Вормсский конкордат был поставлен под формальную охрану князей, т.-е. сильно ограничил императорскую власть, а годом раньше—в 1121 г.—сейм в Майнце признал за князьями право восстания [4]). А между тем при Генрихе IV и Генрихе V потеряна была главная материальная опора императора—германский королевский домэн: вотчины короля распродавались еще в малолетство Генриха IV под влиянием нужды в деньгах, увеличивавшейся с ростом денежного хозяйства, раздавались потом самим императором, искавшим себе слуг и помощников в небывалой, гигантской борьбе [5]); напрасны были попытки введения имперского налога [6]); наконец, слишком слабы были в Германии новые социальные силы—рыцарство и города [7]).

Совсем другие результаты получились в ходе борьбы в Италии: там возвысились города в Ломбардии и мелкие вассалы, владения которых выделились как самостоятельные в Тоскане [8]). Эти силы, естественно, стали здесь союзниками папы в борьбе с императором, когда она в половине XII века возобновилась с новой силой при первом выдающемся императоре из дома Гогенштауфенов Фридрихе I Барбароссе. Известно, что Фридрих Барбаросса опирался в своих притязаниях на римское право, возрожденное, реципированное юри-

---

[1]) Giesebrecht, Geschichte der deutschen Kaiserzeit, III, стр. 945.

[2]) Gerdes, Gesch. d. Salischen Kaiser, стр. 383.

[3]) Там же, стр. 384.

[4]) Giesebrecht, Gesch. d. deutsch. Kaiserzeit, III, стр. 943; Gerdes, Gesch d. Sal. Kaiser, стр. 388.

[5]) Gerdes, Gesch. d. Sal. Kaiser, стр. 377, 378, 379.

[6]) Там же, стр. 382.

[7]) Там же, стр. 386, 423 и сл.

[8]) Giesebrecht, Gesch. der deutschen Kaiserzeit, IV.

стами-профессорами Болонского университета. Римское государственное право императорского периода обосновывало самодержавную власть императора: «воля государя—закон» («quod principi placuit, legis habet vigorem»), провозгласили болонские юристы. Этим подкреплены были идейно требования императора по отношению к итальянским городам: на основе самодержавия император требовал себе регалий в судебном и фискальном отношениях—права рыночной полиции, права сбора пошлин с купцов, чеканки монеты, суда, администрации императорских чиновников—подеста. Рыцарство, зарождавшееся, делавшее первые шаги вперед дворянство—вот класс, выдвинувший Фридриха Барбароссу. И сначала император имел успех. Но потом союз папы, итальянских—ломбардских и тосканских—городов, итальянских феодалов и помощь им и измена Фридриху крупнейшего немецкого феодала, герцога саксонского и баварского из дома Вельфов Генриха Льва сокрушили императора: он был в 1176 г. разбит при Леньяно, признал самостоятельность городов и восстановил в полном объеме действия Вормсского конкордата [1]).

К началу XIII века, ко временам папы Иннокентия III папство достигло вершины своего могущества, и это служит самым ярким выражением полного торжества феодализма, потому что папа был крупнейшим из всех феодалов. Иннокентий III рассматривал свою власть как евангельскую и историческую, духовную и светскую, считал себя и папой и императором. Все происходящее в мире, по его мнению, должно происходить под наблюдением и контролем папы [2]). Иннокентий III действительно диктовал свою волю в Германии [3]), в Константинополе после 4-го крестового похода и основания Латинской империи [4]), в Испании [5]) и Англии [6]). Характерно для завершения процесса, для законченности феодализма и то, что его виднейший представитель в своей политике уже ни на шаг не двигался вперед, был консерватором, хранителем установившихся традиций, рутинером до

---

[1]) Там же.
[2]) Luchaire, Innocent III, t. I, Paris 1907, стр. 28, 29, 30.
[3]) Там же, III, P. 1906, стр. 261 и след.
[4]) Там же, IV, P. 1907, стр. 77 и сл.
[5]) Там же, V, P. 1908, стр. 51 и сл.
[6]) Там же, V, стр. 181 и сл.

мозга костей [1]). Это ясный признак, что феодализм уже изжил себя, что историческая его миссия в западно-европейской культуре была исполнена. На очередь встала ликвидация феодальных отношений.

Прежде чем перейти в духовной культуре Германии и Италии, которой отчасти пришлось уже, впрочем, коснуться в истории папства и империи, необходимо отметить важнейшее явление в области внешней политики средневекового западно-европейского феодального мира—крестовые походы. Наше внимание здесь привлекает, конечно, лишь общее значение и происхождение крестовых походов. С этой точки зрения их можно назвать, с одной стороны, прямым результатом всей материальной и религиозной культуры средневековья, с другой — переходным моментом к падению феодализма.

Главная, основная причина крестовых походов — это рост денежного, товарного хозяйства. Он вел к расширению торговли, к экономической заинтересованности Западной Европы в торговых сношениях с Левантом — северными берегами Африки и западом Азии. Это выразилось прямо в участии в крестовых походах, особенно в коммерческом содействии им и в торговой эксплоатации их результатов со стороны крупнейших торговых городов Италии—Венеции, Генуи, Пизы [2]). Но рост денежного хозяйства, сказавшийся здесь непосредственно, прямо, влиял и косвенно, посредствующими путями: феодалы духовные и светские чувствовали нужду и в деньгах, и в землях, в новых владениях для себя: Боэмунд нашел их в Антиохии, Бальдуин в Эдессе, Раймунд в Триполи [3]). Даже для низших слоев общества, для угнетенных и обедневших масс, крестовые походы открывают возможность некоторого улучшения их тяжелого материального положения [4]). Рост папской власти и вместе с тем воинствующей пропаганды христианства также повелительно толкал на вооруженные экспедиции в Палестину, Сирию, северную Африку [5]). Если к этому прибавить еще дух авантюры, искание приключений все более развивавшееся неудержимое стремле-

---

[1]) Там же, IV, Р. 1908, стр. 129, 132.
[2]) Stevenson, The crusaders in the east, Cambrige, 1907, стр. 5.
[3]) Там же, стр. 5, 10, 51.
[4]) Там же, стр. 5.
[5]) Там же, стр. 6.

ние к разнообразию и богатству ощущений и впечатлений [1]), то будет ясно, что крестовые походы отразили на себе влияние всей совокупности различных элементов, составлявших жизнь и культуру средневекового феодального мира. Отражая феодализм во всех его проявлениях, крестовые походы вместе с тем, в дополнение к внутренним процессам разложения феодального общества и развития в недрах его новых, разрушающих старые отношения общественных сил, создали внешний толчек, ускоривший эти внутренние процессы: широко-развитая внешняя торговля, восточные материальные и культурные влияния, самая широта передвижения и размаха деятельности и энергии, прежде небывалая, довершали разрушение обветшавших порядков, навыков, преданий, порождали новый дух, ставили новые задачи, будили и развивали новые силы. Конкретные проявления этих влияний мы будем наблюдать в истории падения феодализма.

Люди эпохи развитого феодализма в Германии и Италии так же, как и в Англии и Франции, были, напротив того, насквозь пропитаны и проникнуты феодальными традициями и ясно отражали это в своей психологии. Общий фон психологии правящих кругов феодального общества был грубо-элементарно-эгоистический. Феодальные владыки были типические приобретатели, жадность составляла основной мотив всего их поведения [2]). Мелкие местные интересы, охота и разврат—обычное содержание всей их жизни [3]). В сатирах на духовенство XII века постоянно указывается, что всюду «царит жадность» («regnat avaritia») [4]). Петр Дамиани недаром называл ломбардских каноников «жирными быками» [5]). Переметная сума—обычное явление в епископской среде в эпоху борьбы Григория VII и Генриха IV: кардинал Гуго Кандидус — яркий образец людей такого типа [6]). Адальберт, архиепископ бременский, бессовестно обо-

---

[1]) Там же, стр. 5.

[2]) Gfrorer, Pabst Gregorius VII und sein Zeitalter, Schuffhausen 1859, I B., стр. 333, 515, 516.

[3]) Лампрехт, История германск. народа, II, стр. 147.

[4]) Glaser, Die Franziskanische Bewegung, Stuttg. und Berl. 1903, стр. 27.

[5]) Вязигин, Петр Дамиани, стр. 18.

[6]) Martens, Gregor VII, sein Leben und Wirken, II, стр. 107, 108, 109, 111.

гащался землей, пользуясь своим высоким положением регента в малолетство Генриха IV [1]). Конрад II был практик-хозяин, хорошо управлял домэном и сам входил во все хозяйственные подробности; государственные идеи ему были совершенно чужды [2]). Генрих V был скуп и жаден [3]). Даже Фридрих Барбаросса, который был несравненно выше Конрада II и Генриха V, варварски обращался с жителями итальянских городов, на деньги, вывезенные из Италии, накупил себе имений в юго-западной Германии и ходил в крестовый поход не по религиозным побуждениям, а исключительно для приобретения богатства и власти [4]). В сущности только это индивидуалистическое влечение к власти, как таковой, и составляло черту, отличавшую его от чистых эгоистов. Папа Иннокентий III во многом походил в своем характере на Барбароссу, только не боролся и не терпел неудачи, как последний, а торжествовал, господствовал, владычествовал, осуществлял то, что составляло мечту первого выдающегося императора из династии Гогенштауфенов [5]).

Несомненно, и Генриху IV это властолюбие, привязанность к власти, независимо от материальных выгод, с нею связанных, было свойственно [6]) так же, как потом и Фридриху Барбароссе и Иннокентию III. Но во всем прочем, при всех своих талантах, уме, энергии [7]), Генрих IV ничем не возвышался над уровнем феодалов своего времени: крайняя моральная распущенность, грубый разврат, доходивший до насилий и кровосмешения [8]), доставляли императору одну из главных утех его жизни; из жадности он практиковал симонию так часто, как никто другой [9]); в то же время он был грубо-суеверным, верил в оккультные науки и усердно ими занимался [10]). Если вместе с тем он был щедр к любимцам,

---

[1]) Gfrörer, Pabst Gregorius VII, II, стр. 100, 102,

[2]) Gerdes, Geschichte der Salischen Kaiser, стр. 50.

[3]) Там же, стр. 381.

[4]) Лампрехт, История герм. народа, II, стр. 102, 105, 121.

[5]) Luchaire, Innocent III, I, стр. 28, 30, 33, 44, 70; VI, стр. 129, 133 и др.

[6]) Gfrörer, Pabst Gregorius VII, II, стр. 102, 345.

[7]) Там же, стр. 102.

[8]) Там же, стр. 102; Gerdes, Gesch. d. Sal. Kaiser, стр. 319.

[9]) Gfrörer, Pabst Gregorius VII, II, стр. 156, 311 и др.; Martens, Gregor VII, I, стр. 307.

[10]) Gfrörer, Pabst Gregorius VII, II, стр. 114.

милостив к бедным и нищим [1]), то это не меняет еще общего его душевного облика. Едва ли можно преувеличивать его дипломатический талант, как делают некоторые [2]): справедливо указывается, что его обвинения против Григория VII, преисполненные лжи и клеветы, только повредили политически самому обвинителю [3]).

Новое и в духовной культуре и психологии, как и в культуре материальной, исходило от общественных низов: оттуда именно благодаря полученному образованию в XI веке вышли и выдвинулись две такие яркие и оригинальные, во многом несходные, даже противоположные личности, как Петр Дамиани и Гильдебранд—папа Григорий VII.

Дамиани был натурой, родственной св. Ромуальду и св. Бернарду Клервосскому, вышедшим также из незнатных кругов, — из мелкого рыцарства. По происхождению, Дамиани был сын крестьянина, рано остался сиротой, в полной бедности, и в детстве был свинопасом [4]). Психология смирения, пассивного эгоизма, а затем и религиозной покорности естественно, как мы уже знаем, воспитывалась приниженным, угнетенным общественным положением. Но он сделал шаг вперед от мистической религиозности [5]), — он возвысился до деятельного стремления к осуществлению нравственного идеала: абсолютное нравственное совершенство, чистота мыслей, не только действий [6])—вот его идеал. Науки он называл поэтому не науками (studia), а глупостями (stultitiae) [7]), умел веру и нравственность не только соединить органически, но и украсить и прославить поэтически: написал трогательную жизнь св. Ромуальда, составлял молитвы и песнопения, распространял то почитание Св. Девы [8]), которое потом дало повод к полуироническому замечанию, что в средние века «Бог переменил пол». Понятно, что Петр Дамиани не был

---

[1]) Там же, стр. 315.

[2]) Gerdes, Gesch. d. Sal. Kaiser, стр. 316.

[3]) Martens, Gregor VII, I, стр. 94—96, 212—216.

[4]) Neukirch, Das Leben des Petrus Damiani, Göttingen 1875, тр. 13.

[5]) Там же, стр. 17 Вязигин, Петр Дамиани, Харьк., 1895, стр. 8.

[6]) Martens, Gregor VII, I, стр. 18—19; Neukirch, Das Leben d. Petrus Damiani, стр. 40.

[7]) Neukirch, Das Leben d. P. Damiani, стр. 31.

[8]) Там же, стр. 24; Вязигин, Петр Дамиани, стр. 11.

боевой натурой, политиком, рассматривал папство как силу чисто духовную, ждал одно время спасения церкви от императора Генриха III и, преклоняясь перед Григорием VII, во многом не понимал его: недаром он звал его «святым сатаной» [1]).

Дамиани таким образом был и остался близок к психологии смиренного, угнетенного крестьянина; он только углубил ее эмоционально, глубже и сильнее прочувствовал и украсил цветами поэзии. Григорий VII, тоже крестьянин по происхождению [2]), оказался гораздо более смелым новатором и, сохраняя ту же крестьянскую религиозность, смирение перед Богом и преданность нравственности, долгу, чистоту жизни [3]), которые были свойственны Петру Дамиани, сумел сочетать с ними властность, глубокий практически-политический смысл, необыкновенную энергию действия—словом, элементы психологии развитого индивидуализма. В этой личности, несомненно самой выдающейся, гениальной, вырабатывался тип того индивидуалистического эгоиста, который должен был стать господином положения в период преобладания дворянства. Но при этом Григорий по своему характеру был ближе не к установившемуся уже, восторжествовавшему, достигшему победы дворянину, а к дворянину эпохи дворянских бури и натиска, первых побед и поражений, борьбы, дворянской революции. Поэтому-то религиозные и этические начала в его характере и были выражены очень резко.

Григорий VII со слезами служил обедню [4]), был убежден, что господство церкви—дело божественной справедливости, дело Божье: недаром перед смертью говорил: «я любил справедливость и ненавидел неправду, поэтому и умираю в изгнании» [5]). Вот почему он верил в святость своего сана, пророчествовал и верил своим пророчествам [6]). При-

---

[1]) Martens, Gregor VII, I, стр. 35, 37; II, стр. 3; I, стр. 304; Gfrörer, Pabst Gregorius VII, VI, стр. 601; Martens, II, стр. 207.

[2]) Martens, Gregor VII, I, стр. 6.

[3]) Там же, II, стр. 200, 201; Giesebrecht, Gesch. d. deutsch. Kaiserzeit, III, стр. 583.

[4]) Giesebrecht, Geschichte der deutschen Kaiserzeit, III стр. 583.

[5]) Там же, стр. 573.

[6]) Там же, стр. 583.

говор папы он искренно приравнивал голосу Св. Духа [1]) и горячо отстаивал религиозные цели крестовых походов, необходимость которых неустанно проповедывал [2]).

Григорий был нравственно чистый человек в личной своей жизни [3]), аскет, смиренно преклонявшийся перед божественной волей [4]), умевший благородно молчать в ответ на недостойные клеветнические обвинения в безнравственности [5]). Он с горечью говорил о бесстыдстве епископов [6]), был противником лжи и подделки документов даже и в защиту папской власти и интересов церкви [7]). Страдая от ужасающей моральной грязи того времени, Григорий VII проникался пессимизмом и верил в близость явления Антихриста [8]).

Так оправдывалась первая половина формулы Дамиани— то, что делало Григория VII «святым». Но он был еще «сатана» согласно второй половине той же формулы: властный индивидуалист, трезвый, практический, реальный политик, великий дипломат. Он сумел привлечь к папству ломбардские города [9]) и норманнов [10]), защитил при императорском дворе кандидатуру Стефана IX [11]), исчерпал по отношению к Генриху IV все мягкие средства, прежде чем обрушиться на него со всею строгостью, сокрушить карающей десницей [12]). Григорий VII сохранил и увеличил папские владения и завел военную силу, папское войско для их защиты [13]), умел угадать потребности времени и найти подходящие средства для их удовлетворения [14]). Вспыльчивый, деспотичный, энер-

---

[1]) Martens, Gregor VII, 1, стр. 266.
[2]) Gfrörer, Pabst Gregorius VII, IV, стр. 212 и сл.
[3]) Martens, Gregor VII, т. II, стр. 200.
[4]) Там же, стр. 201.
[5]) Там же, стр. 200.
[6]) Там же, I, стр. 273.
[7]) Там же, II, стр. 139.
[8]) Там же, II, стр. 209, 210; Gfrörer, Pabst Gregorius VII, т. II, стр. 427.
[9]) Gfrörer, Pabst Gregorius VII, т. I, стр. 566.
[10]) Martens, Gregor VII, т. I, стр. 25.
[11]) Там же, стр. 22.
[12]) Там же, стр. 98, 104; Gfrörer, Pabst Gregorius VII, т. II, стр. 432.
[13]) Gfrörer, Pabst Gregorius VII, т. VII, стр. 476, 477.
[14]) Giesebrecht, Gesch. d. deutschen Kaiserzeit, III, стр. 558.

гичный, честолюбивый [1]), Григорий был бестрепетно смел в самых тяжких обстоятельствах: он был бесстрашен при покушении на него Ценция в 1075 г. [2]), смело отправился в пасть льва—в Германию, когда надо было ходатайствовать за утверждение Стефана IX [3]).

Конечно, и Дамиани и Григорий VII были уже не одиноки и в Италии и в Германии: иначе они не имели бы успеха. И это отразилось на духовной культуре XI и XII веков. В разных ее проявлениях заметен этот новый дух—углубленной религиозности, моральной чистоты, начальных, элементарных еще индивидуалистических порывов. Конечно, это было всего более заметно в литературе.

Здесь прежде всего выделяется группа писателей-григорианцев, таковы в особенности: Ансельм епископ луккский, кардинал Дейсдедит в Италии, Манегольд Лаутенбахский и Бернольд в Германии—церковные писатели, преисполненные искренной религиозностью и преданностью делу церковной реформы и Григорию VII; они отличались и значительной по своему времени ученостью [4]). К ним отчасти можно присоединить и немецкого монаха—летописца, автора аннал церковного типа и настроения, Ламберта Герсфельдского, тенденциозного, однако, политически вследствие своих церковных симпатий, настроенного против Генриха IV [5]). Еще раньше, в X веке монахиня Гильдесгеймского монастыря Гросвита в своих драмах, легендах и эпических произведениях восхваляла монашество и целомудрие [6]). На почве той же религиозной психологии сложились лирические религиозные песни в честь Девы Марии [7]). Наконец, следы новой, более, чем прежде, проникнутой моральными элементами психологии, видны в поэме о Гудруне, составленной в XIII веке; в ней мы видим уже определенные характеры, где первоначальная дикость смягчена, заменяется мягкостью: Гален, напр., не

---

[1]) Там же, стр. 581, 583.

[2]) Martens, Gregor VII, т. I, стр. 85.

[3]) Gfrörer, Pabst Gregorius VII, т. I, стр. 572.

[4]) Martens, Gregor VII, т. II, стр. 140, 141, 142.

[5]) Там же, стр. 151—152; Куно-Франке, История немецкой литературы, Спб. 1904, стр. 54, прим.

[6]) Golther, Geschichte der deutschen Litteratur, I, стр. 55—56.

[7]) Там же, стр. 83.

только силен и умен, но и справедлив и добрый отец семейства, Гудруна—нежная, любящая женщина и т. д. [1]).

Но общий колорит литературы IX—XII веков, в особенности в Германии, был характерно-феодальный, носивший на себе черты господствовавшей среди феодальной знати психологии грубого, элементарного эгоизма, душевной, эмоциональной сухости, бедности фантазии, при значительных остатках временами хаотического конкретизма, психологической аморфности, диких инстинктов. Так, IX век дал поэму „Гелианд", написанную одним саксонским священником: Христос здесь изображается как типичный феодальный сеньер, раздающий лены вассалам [2]). В то же почти время Отфрид, монах из Вейссенбурга в Эльзасе, написал „Книгу Евангелий" — для знатных и монахов; по замыслу — это поэма, изображающая новозаветные события, но поэтические достоинства ее ничтожны, язык беден и однообразен [3]). Поэмы XI века — «О Вальтере Аквитанском» и «Руодлиб» лишь немногим выше «Песни о Людвиге», прославлявшей в IX в. французского короля Людовика III [4]). В XII в. священник Лампрехт переработал с французского рассказ об Александре Великом, а священник Конрад из Регенсбурга «Песнь о Роланде» [5]). Это эпическое творчество чисто феодального типа и духа было завершено в начале XIII в. «Песнью о Нибелунгах», скомпонованною довольно неискусно и отражающею дикие, еще не урегулированные характеры [6]).

И ученость была соответствующая, проникнутая суевериями, языческими преданиями, не возвышавшаяся над компиляциями: монах Ноткер перевел на немецкий язык неиз-

---

[1]) Panzer, Hilde-Gudrun, Halle a. S. 1901, стр. 121—122; Fécamp, La poeme de Gudrun, Paris 1892, стр. 230 и след., 233.

[2]) Куно-Франке, История нем. литературы, стр. 42, 43.

[3]) Там же, стр. 45—47; Koegel, Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgange des Mittelalters, I, 2, стр. 4—33.

[4]) Koegel, Gesch. d. deutsch. Lit., I, 2, стр. 86 и сл., 336 и сл., 403 и сл.; Куно-Франке, стр. 56—57; Golther, Gesch. d. deutsch. Lit., I, стр. 57—58.

[5]) Golther, Gesch. d. deutsch. Lit., I, стр. 189—190; Куно-Франке, стр. 60—61.

[6]) Лазурский, Курс истории зап.-европ. литературы, ч. I, Одесса, 1913, стр. 83; Стороженко, Очерк истории зап.-евр. литературы, стр. 49; Golther, Gesch. d. deutsch. Lit., I, стр. 301 и след.

бежного Боэция[1]); в первой половине XI в. появился перевод «Физиолога»[2]), а потом «Луцидариус»[3]).

Что касается психологии низших слоев общества, то для рядового монашества важен в X веке «Выход некоего пленника» («Ecbasis cujusdam captivi»), где изображается, как теленок выбежал из-за загороди загона и побежал искать мать, наслаждаясь свободой; это—монах, тяжело выносящий уединение, дисциплину, жаждущий физического движения и наслаждений[4]). Вот параллель рассказу Патерика о печерских монахах, убегавших в Киев для утоления страстей. Но в угнетенных классах все сильнее сказывались порывы к освобождению, облекавшиеся в искания религиозной правды, в сектантство. Катары—вот главное, что обращает на себя внимание и здесь—особенно в Италии[5]). Самой яркой в общественно-религиозных движениях времени личностью был Арнольд Брешианский, духовный вождь итальянской Патарии, союза мелкого дворянства и буржуазии в XII веке. Арнольд был рыцарского происхождения, отличался суровым аскетизмом, громил погоню за наживой, торговлю, ростовщичество, грабежи, войну, убийство, разврат, высказывался за бессребренничество и бедность по примеру Христа. Проповедуя в Италии, Франции, Швейцарии, Чехии и Моравии, всюду преследуемый и отовсюду изгоняемый, Арнольд в конце-концов был схвачен сторонниками папы Адриана IV и в 1155 г. повешен, тело его сожжено. а пепел брошен в Тибр[6]).

Арнольд Брешианский был агитатором первоначального коммунизма[7]). Первым социальным философом этого типа был Иоахим из Фиоре[8]). Он не отрекался от католицизма и Евангелия Христа, но проповедывал как нечто высшее Вечное Евангелие, непосредственно получаемое от Духа Свя-

---

1) Golther, Gesch. d. deutsch. Lit., I, стр. 60.
2) Там же, стр. 62.
3) Там же, стр. 89.
4) Там же, стр. 52; Куно-Франке, Ист. нем. литературы, стр. 52.
5) Glaser, Die Franziskanische Bewegung, стр. 15.
6) Гаусрат, Средневековые реформаторы, т. I, стр. 251, 248, 259, 263, 292, 298, 316, 329, 368, 375.
7) Glaser, Die Franziskanische Bewegung, стр. 15.
8) Там же, стр. 16.

того путем мистического с ним общения, и предрекал время наступления на земле господства этого Вечного Евангелия и всеобщего полного равенства,— именно 1260 год [1]). И Арнольд и Иоахим—типические представители натур религиозно-этического склада—один практик, другой теоретик:—оба они идеологи и вожди угнетенных масс, а не руководители новых течений церковного, монашеского феодализма, какими раньше были вышедшие тоже из народа Дамиани и Григорий VII. Здесь, на Арнольде и Иоахиме, мы наблюдаем уже второй момент развития психологии интеллигенции, поднявшейся из низов: в XI веке она пошла на службу монашеству в его феодальных притязаниях, в XII она выступила как протестующая против церковного и светского феодализма сил впереди наиболее свободолюбивых и активных элементов народных масс.

В архитектуре Италии и Германии эпохи феодализма господствовал романский стиль со всеми известными уже нам его основными признаками, при чем, конечно, позднее стало сказываться и клюнийское и мистическое влияния [2]). Эти новшества к концу периода особенно заметными становились в Ломбардии и Тоскане [3]). Музыка в общем отличалась еще попрежнему убожеством фантазии, грубостью, элементарностью форм, прозаической сухостью, эмоциональной бедностью. Но и здесь в X—XI веках Гукбальд и Гвидо Аретинский внесли нечто новое: они ввели диатоническую гамму, новый нотный шрифт, положили первые основания диафонии или многоголосию, т.-е. контрапункту (сочетанию самостоятельных, не тянущих в униссон голосов) и гармонии [4]).

---

[1]) Reuter, Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter, II, стр. 192—195; Гаусрат, Средневековые реформаторы, т. II, стр. 221—224. Если даже допустить что Иоахим себя пророком не считал, а был просто ученым, делавшим прогноз (Бицилли, Заметки об Иоахимизме: «Ж. М. Н. Пр.» за 1914 г., окт., стр. 248, 249),—это не меняет его исторического значения.

[2]) Reber, Kunstgeschiche des Mittelalters, стр. 221 и сл., 273 и сл.; Springer, Handbuch der Kunstgesch, II, стр. 135—137; Кон-Винер, История стилей изящ. искусств, стр. 96 и след.

[3]) Enlart, L'art gothique en Italie, стр. 5—8.

[4]) Размадзе, Очерки истории музыки, ч. 2-я, стр. 27—41.

VII.

Испания X—XII веков.

Только одна часть христианской Испании — Каталония, в частности Барселона — играла хоть какую-нибудь роль во внешней торговле, да и то эта роль была ничтожна, ограничивалась сношениями с Генуей, при чем главным предметом каталонского сбыта были пленные сарацины и мавры, продававшиеся в рабство [1]). Существовали лишь местные небольшие внутренние рынки, влияние которых сказывалось и в образовании купеческих братств или гильдий и ремесленных цехов, и в прикреплении крестьян к земле [2]), и, наконец, в образовании целого ряда самостоятельных графств и королевств: таковы были графство Наваррское, уже во второй половине IX в. превратившееся в королевство, графство Кастильское, ставшее королевством в первой половине XI в., графства Арагонское и Барселонское, королевства Астурия, Галисия, Леон, наконец Португалия. Все это были крупные феодальные владения, которые все обособленно, самостоятельно существовали еще в первые десятилетия XIII века, что и служит самым важным признаком полного развития испанского феодализма. Но были и другие признаки этого. Сюда относятся превращение бенефициев в наследственные лены, начавшееся со второй половины IX века и завершившееся полностью к половине XI столетия [3]), а также появление и

---

[1]) Schaube, Handelsgeschichte der Romanischen Völker, стр. 102, 104.

[2]) Пискорский, Крепостное право в Каталонии в средние века, Киев 1901, стр. 27, 30, 38—41.

[3]) Там же, стр. 23, 33 и след.

развитие кортесов—феодальных съездов, состоявших до конца XII века, а большею частью и до XIII века и даже до второй его половины только из двух сословий – светской феодальной знати и духовной аристократии — епископов и аббатов [1]).

Нет феодальной фигуры более характерной, типичной, колоритной, чем Родриго Диас, Сид-Кампеадор, каким он был в действительности, а не в поэтической идеализации. В действительности это был алчный грабитель, разбойник, не задумывавшийся из корыстных соображений иногда сражаться и вместе с арабами-мусульманами против христиан-испанцев; он был часто вероломен и обыкновенно крайне жесток к побежденным [2]).

В литературе феодальной Испании обращают на себя внимание романсы о Сиде—отдельные песни, воспевавшие и идеализировавшие этого героя; из них в конце XII в. сложилась поэма о Сиде [3]). Но были и другие романсы или песни, не имевшие отношения к Сиду; обычно они, как и песни французских жонглеров, пелись или читались нараспев речитативом под аккомпанимент музыкального инструмента—грубой скрипки—и сопровождались танцами [4]). Все это—типическая феодальная поэзия, образцы которой нам уже известны из истории других стран.

В испанской архитектуре феодального времени романский стиль был представлен построенным в XII веке собором в Сант-Яго де Компостелла [5]).

---

[1]) Пискорский, Кастильские кортесы в переходную эпоху, Киев 1897.

[2]) Пискорский, История Испании и Португалии, изд. 2-е, стр. 41—42.

[3]) Тикнор, История испанской литературы, т. I, М.. 1883, стр. 6, 12, 17.

[4]) Лазурский, Курс истории зап.-европ. литературы, ч. I, стр. 99.

[5]) Reber, Kunstgeschichte des Mittelalters, стр. 326 и след.

VIII.

Феодализм в Венгрии.

В Венгрии, повидимому, изолированность местных небольших рынков в XII и XIII веках, т.-е. во времена полного развития венгерского феодализма, не достигла такого развития, как во Франции, Германии, Италии, Испании. Некоторая обособленность заметна только между тремя частями государства—собственно Венгрией, Хорватией и Трансильванией [1]). Вместе с тем внутренняя торговля постепенно все расширялась [2]), так что по типу экономического развития средневековая Венгрия ближе всего подходила к Англии XII и начала XIII века.

Значение мелкого рыцарства—milites jobbagyones castri—сильно упало, на первый план выдвинулась знать светская—comites или jobbagyones regni—и духовная—епископы и аббаты [3]). Однако, как и в Англии, полного подавления мелкого рыцарства и исключительного политического господства высшей феодальной аристократии, подобного наблюдавшемуся во Франции,—в Венгрии не было [4]). Это видно в особенности из конституции или Золотой Буллы 1222 года и из порядков местного управления, утвердившихся в XIII и XIV веках. Конституция 1222 г. содержала в себе следующие важные постановления: 1) ежегодный созыв феодального сейма из

---

[1]) Борецкий-Бергфельд, История Венгрии, стр. 32, 46.

[2]) Там же, стр. 34 (упомянуты coloni liberi denarii—плательщики денежных податей), 36 (ярмарки), 58, 72 (рост городов и торговли); Sayous, Hist. geudes Hongrois, стр. 188.

[3]) Sayous, Histoire générale des Hongrois, стр. 115.

[4]) Там же, стр. 185.

высшей аристократии, 2) арест и наказание могли постигнуть знатного человека и рыцаря только по суду, 3) светская аристократия и духовенство свободны от налогов, 4) феодалы полноправны в распоряжении имуществом: могут передавать его сыновьям по наследству, а в случаях отсутствия сыновей, четверть имущества и имения дочерям, а остальными тремя четвертями можно распорядиться по усмотрению; при полной бездетности наследуют родственники, королю-же переходят только совершенно выморочные имущества, 5) полновластие, судебный иммунитет обеспечивались всем крупным землевладельцам в их владениях, 6) ленники обязаны вооруженной рукой защищать королевство, но поход за пределы страны совершают лишь на счет короля и его казны, 7) палатин или королевский наместник не имеет права без утверждения короля постановить приговор по совершенным знатными лицами преступлениям, влекущим за собою смертную казнь или лишение имущества, 8) рыцари также имущественно и лично полноправны и свободны, 9) в случае нарушения королем конституции признавалось за феодалами право восстания [1]). Здесь характерно именно ограждение прав и рядового рыцарства на-ряду с высшей феодальной аристократией. Дополнением этого, совершенно естественным, явились вскоре затем местные сеймики из знати и рыцарей. Сеймики ведали местное законодательство и местные налоги и с 1235 года поставили от себя в каждой области (комитате) в зависимость наместников или палатинов с их судебной властью [2]), так что вся полнота местной власти и местного управления сосредоточивалась в руках сеймиков. Они же подготовляли и законопроекты для общего сейма и выбирали туда представителей от рыцарства [3]). Понятно, что сеймы утверждали и укрепляли крепостное право [4]). В XIV в., при королях Анжуйской династии, Карле-Роберте и Людовике Великом, все эти черты и особенности венгерского феодализма нашли себе полное, точное, законченное выражение [5]).

---

[1]) Там же, стр. 117—119; Борецкий-Бергфельд, История Венгрии, стр. 43—44.

[2]) Борецкий-Бергфельд, История Венгрии, стр 57; Sayous, Histoire generale des Hongrois, стр. 121.

[3]) Борецкий-Бергфельд, стр. 57.

[4]) Там же, стр. 70.

[5]) Sayous, стр. 185—187

Феодально-типичной в известном уже нам смысле была психология высших слоев венгерского общества. Характерной фигурой XIII века был при короле Андрее II архиепископ Бертольд—олицетворение жадности, алчности: он хотел быть и баном Хорватии и графом Бедрига и воеводой Трансильванским и, пользуясь своим положением, всеми правдами и неправдами накопил огромные богатства [1]). Людовик Великий в XIV веке был мстителен и коварен, жестоко преследовал еретиков [2]), старался заниматься собиранием земель, приобретательством [3]).

Как и в других странах, и в Венгрии существовала, по крайней мере в виде отдельных песен, феодальная поэзия [4]). Были также жития местных святых и типичная для эпохи хроника Анонима (конец XII и начало XIII в. [5]). Образование получалось сначала исключительно в монастырских школах [6]), и только Людовик Великий в 1367 г. учредил университет [7]). Романская архитектура, уже преобразованная в форме переходной к готике, проникла в Венгрию в начале XIII века через посредство французского архитектора Виллара де Гоннекура, строителя собора в Кишау [8]).

---

[1]) Там же, стр. 113.
[2]) Там же, стр. 170—178.
[3]) Борецкий-Бергфельд, История Венгрии, стр. 66.
[4]) Kont, Geschichte der ungarischen Literatur, Leipzig, 1906, стр. 3—4.
[5]) Там же, стр. 4, 6.
[6]) Там же, стр. 5.
[7]) Борецкий-Бергфельд, стр. 74.
[8]) Kont, Gesch. d. ungar. Lit., стр. 5—6.

IX.

Скандинавский и финский феодализм.

Уже обозревая период феодальной революции в Скандинавии и Финляндии, мы убедились, что история этих стран шла с значительным запозданием, если ее сравнивать с историей других государств Западной Европы. Это же приходится повторить и относительно периода развитого феодализма: и в Дании, и в Швеции, и в Норвегии, и в Финляндии он наступил приблизительно в половине XIII века и продолжался до последней четверти XIV столетия. Уже во второй половине XIII века могущество светской и духовной феодальной аристократии в Дании сильно возрастает, и она вступает в прямую войну с королями. В 1286 король Эрик датский был убит баронами, а сын его Кристофор окончательно утвердил наследственность ленов, и полная почти независимость датских феодалов длилась целое столетие, несмотря даже на усилия Вальдемара IV в третьей четверти XIV в. возвысить королевскую власть [1]. В Швеции бароны при короле Магнусе Ладулосе (1275—1290) достигли того, что их собратья в Дании добыли себе при Кристофоре [2]. В Финляндии XIV века, особенно второй половины его, шведские бароны, захватившие здесь крупные земельные владения, также пользовались такими широкими привилегиями, что не-

---

[1]) Allen, Histoire de Danemark, t. I, Copenhague 1879.
[2]) Wittmann, Kurzer Abriss der schwedischen Geschichte.

зависимость их была почти полностью обеспечена [1]). Так, во всех скандинавских странах вполне господствовал развитой феодализм, по всем признакам близкий к французскому типу, вплоть до Кальмарской унии 1375 года, которою началось в них уже падение феодальных отношений. В Швеции много содействовала сохранению феодализма в полной силе еще выборность королевской власти.

Феодальная поэзия скандинавских стран сохранилась в исландских „Эддах"—старшей, составленной в XII веке, и младшей—XIII столетия. Последняя была окончательно редактирована Снорре Стурлусоном [2]). Это—параллель „Песни о Роланде" и родственным ей произведениям феодальной эпохи в других странах, только, соответственно исторической отсталости Скандинавии, гораздо более грубая. Были жития святых обычного средневекового типа. Характерна в этом отношении для Швеции уже конца господства феодализма особенно св. Бригитта. Она родилась в 1300 г., была женой знатного ярла (феодального барона) Ульфа. Образец морально-религиозной натуры, искательница правды, Бригитта позаботилась о переводе на шведский язык св. писания, по смерти мужа основала монастырь, постриглась в монахини, устроила в монастыре школу, сделала из него центр благотворительности и рассадник кустарной промышленности, главным образом плетения кружев. Этот последний факт особенно любопытен в том отношении, что показывает, как в феодальной Швеции, подобно другим странам, развивалась сеньериальная обрабатывающая промышленность раньше, чем возвысилось городское ремесло. Вместе с тем он подтверждает и существование в Скандинавии местных рынков, для сбыта на которых работала эта монастырско-крестьянская крепостная промышленность.

Из других проявлений духовной культуры в Скандинавии феодального времени обращает на себя внимание архитектура романского стиля [3]). Установлено, что первоначально местные церкви строились из дерева, и предания деревячного

---

[1]) Koskinen, Finnische Geschichte, стр. 51 и след

[2]) Лазурский, Курс истории западно-европейской литературы, ч. I, стр. 36 и сл.

[3]) Reber, Kunstgeschichte des Mittelalters, стр. 347.

зодчества отразились, напр., на соборе в Рибе в Дании. Собор в Роскильде и другие романские храмы в Скандинавии более поздней постройки носят на себе несомненные следы французского влияния [1]. Это вполне понятно: поздно развившийся скандинавский феодализм за то развился быстро и сильно и, естественно, взял за образец высшие достижения романского искусства европейского запада.

---

[1] Springer, Handbuch der Kunstgeschichte, II, 8-e Aufl., стр. 167, 168.

X.

Феодализм в Чехии.

Самостоятельная культура балтийских славян погибла при переходе к развитому феодализму, слилась с культурой немецкой, как балтийское славянство этнографически слилось впоследствии с германским племенем, откуда и получилась северо-восточная, заэльбская разновидность последнего, сложившаяся окончательно в XVII веке [1]. Поэтому исследовать развитой феодализм у балтийских славян особо от немецкого феодализма нет нужды; он усвоил тип общегерманский, только сложился в окончательном виде позднее этого последнего, что видно и из сказанного нами о феодальной революции у балтийских славян. Политически гораздо самостоятельнее была Чехия, о которой и приходится поэтому вести речь особо.

При этом, однако, нет необходимости в подробной характеристике чешского феодализма, которая к тому же, при современном состоянии науки, и не могла бы быть сделана с надлежащей полнотой во всех своих частях и подробностях. Достаточно наметить тип этого феодализма.

Чешский феодализм в развитом виде существовал в течение столетия—с половины XIII до половины XIV века, с Пшемысла Оттокара II до вступления на престол Карла IV Люксембургского. Существование в это время в Чехии денежного хозяйства засвидетельствовано и прямыми указа-

---

[1]) Егоров, Колонизация Мекленбурга в XIII веке, т. II, стр. 601.

ниями на рост торговли сельскохозяйственными продуктами и изделиями обрабатывающей промышленности [1]), и тем фактом, что в XIV веке денежные оброки и платежи стали господствовать [2]). Прикрепление крепостных к земле [3]), гильдии и цехи в городах [4]) с регулированием производства и торговли, наконец, тяготение, напр., к Праге в торговом отношении еще в XI веке пяти окрестных волостей [5]) показывают что, как и всегда при развитом феодализме, и в Чехии торговля была рассчитана главным образом на местный рынок. Но последний приведенный сейчас факт—торговый округ в пять волостей—уже убеждает, что местные рынки феодальной Чехии не были особенно узкими. Так как в то же время, по наблюдениям, сейчас нами приведенным, денежный оброк был повсеместным уже в XIII веке, в конце того же столетия и позднее развивалась барщина [6]), и в то же время сильно оживились и укрепились торговые связи с Германией, особенно по дороге из Праги на Лейпциг [7]), то мы вправе характеризовать чешский феодализм по типу как близкий английскому.

Все это подтверждается и фактами, относящимися к социальной и политической стороне феодальных отношений, в особенности ростом чешских городов в XIII и XIV столетиях [8]), причем даже немецкие исследователи признают, что это нельзя объяснять германизацией страны [9]). Дело объясняется именно хозяйственными условиями Чехии того времени. Соответственно этому и феодальный чешский сейм—«великий совет»—по составу своему в XIV веке напоминал английский парламент XIII и XIV веков и венгерский сейм: на нем присутствовали не только светские феодалы, епископы и аббаты, но и дворяне—рядовые рыцари и горо-

---

[1]) Lippert, Social-Geschichte Böhmens, II, стр. 213 и сл.

[2]) Ясинский, Падение земского строя в Чешском государстве, стр. 58, 59; Ясинский, Очерки и исследования по социал. и экон. истории Чехии, т. I, стр. 196 и сл.

[3]) Lippert, Social-Geschichte Böhmens, I, стр. 282.

[4]) Там же, II, стр. 175 и сл.

[5]) Там же, I, стр. 95.

[6]) Ясинский, Очерки и исследования, т. I, стр. 106.

[7]) Lippert, Social-Geschichte Böhmens, I, стр. 69; ср. для торговли с другими странами, стр. 70—78.

[8]) Там же, II, стр. 141, 170 и след.

[9]) Там же. стр. 185.

жане [1]). Очевидно, чешское денежное хозяйство развивалось быстро, замкнутые рынки рано начали превращаться в более обширные, крупнейшие феодалы недолго были полными хозяевами в своих ленах, и феодализм изжит был довольно скоро. Характерно поэтому, что городов больше всего было в королевском домэне [2]), и управляли ими сначала, правда, наследственные, но все же королевские судьи [3]).

---

[1]) Там же, I, стр. 427.
[2]) Там же, II, стр. 151 и сл.
[3]) Там же, II, стр. 173 и сл.

XI.

Польша в XIII и начале XIV века.

Успехи польского земледелия в XIII и XIV веках явствуют из распространения трехполья [1]) и употребления уже не сохи, а железного плуга в качестве земледельческого орудия [2]). Рост торговли [3]), даже переход к денежному хозяйству [4]) засвидетельствован и прямо, непосредственно и такими фактами, как превращение чинша или крестьянского оброка в денежную форму—платилось с малого лана (30 моргов) по 12 грошей, с большого ($43^1/_5$ морга) 16—18 грошей [5]) и уплата порального (poradlne) деньгами [6]). Те данные, какими мы располагаем относительно внешней торговли в Польше XIII века, ставят вне сомнения транзитный характер этой торговли. Через Польшу во Фландрию и Германию доставлялись из Венгрии медь и железо, из итальянских колоний на Черном море хлеб, шелк и пряности с азиатского востока; в свою очередь из Фландрии и Силезии следовали через Польшу же на восток сукна; эта транзитная торговля обогатила Краков и Львов [7]). Но именно транзитный ее характер, отсутствие местных, польских товаров, рассчитанных на вывоз, показывает, что польская торговля не работала на

---

[1]) Кутшеба, Очерк истории общественно-госуд. строя Польши, стр. 29.

[2]) Там же, стр. 29.

[3]) Там же, стр 36; Weissenhorst, Studien in der Geschichte des Polnischen Volkes, II Teil, Zurich, 1855. стр. 221.

[4]) Кутшеба, стр. 33.

[5]) Там же, стр. 30.

[6]) Weissenborst, Studien, II, стр. 157.

[7]) Кутшеба, Очерк истории общ.-гос. строя Польши, стр. 37.

обширный сбыт, что местные рынки были узкими. И мы действительно наблюдаем в XIII и XIV веках умножение городских рынков [1]), появление цехов [2]), прикрепление крестьян к земле и небольшую барщину [3]), т.-е. неширокое развитие барской запашки, фольварочного хозяйства,—все явления, в высшей степени характерные для товарного хозяйства с узким местным рынком.

Социальные и политические явления были естественным отражением описанных хозяйственных условий. Польские уделы, число которых к половине XIII века достигло 30-ти [4]), представляли собою настоящие самостоятельные феодальные владения, в которых с половины XIII века суд и управление сосредоточиваются у сеймов или съездов „можных“ [5]), знатных людей, феодальных сеньеров. На этих съездах нет ни шляхты, рядового рыцарства, дворянства, ни горожан. На местах царит феодальный принцип сословной и местной привилегии. Привилегии получают города, население которых расслаивается на патрициат (богатое купечество), ремесленников и совершенно бесправное в общественных делах, лишь лично свободное, поспольство [6]). Сущность городских привилегий заключается в так-называемом немецком или магдебургском праве: во главе города становится наследственный войт из купечества, председатель лавы—суда из семи лавников, выбираемых ремесленными цехами; скоро появляется и городской совет из патрицианских фамилий [7]). В 1264 году получают первую привилегию на самоуправление евреи [8]), игравшие важную роль в торговле, особенно внешней, транзитной, и в кредите. Королевская администрация отличается обычным феодально-хозяйственным характером: управляют одними лишь королевскими имениями приказчики короля из его дворцовых слуг, дворцовые слуги заведуют хозяйством и в центре; доходы короля—чисто феодальные,

---

[1]) Там же, стр. 33.

[2]) Там же, стр. 36.

[3]) Там же, стр. 31.

[4]) Балабан и Тромпчинский, История Польши, стр. 32.

[5]) Кутшеба, стр. 48.

[6]) Там же, стр. 35.

[7]) Там же, стр. 35; Бальцер, К истории общ.-госуд. строя Польши, стр. 23.

[8]) Кутшеба, Очерк истории общ.-госуд. строя Польши, стр. 37.

частноправовые: это—доходы с имений и соляных копей, причем нет и зародыша мысли о разнице между королевской личной и государственной казной [1]). У короля в идее была общая военная власть, для которой в королевских замках существовали каштеляны, но они фактически имели мало силы, а все—и суд и военное дело—ведали удельные съезды можных во главе с удельными князьями [2]). Король и в центре не мог издать ни одного распоряжения без совета князей и панов, как показывают привилегии 1228 и 1291 годов [3]). Само собою разумеется, что при чисто-феодальном хозяйственном вотчинном управлении не было и сколько-нибудь правильного распределения судебных и административных функций: король постоянно вмешивался в действия и распоряжения своих помощников, господствовали личное управление, случайные и временные поручения [4]).

Литература попрежнему оставалась латинской. Латинские стихи, научные компиляции обычного феодального типа и летописи—вот ее типичные проявления. Из летописей XIII века особенно замечательна после летописи цистерцианца Кадлубка, доведенной до 1205 года, великокняжеская летопись епископа познанского Богухвала, скончавшегося в 1253 г., продолженная священником Башкилом до 1273 года [5]). Это характерная церковно-феодальная летопись, с обычным для тех времен мировоззрением автора.

Польский феодализм XIII и начала XIV века таким образом ближе к французскому типу, чем к английскому: это был феодализм почти столь же законченный, всесторонне развитой, как и в средневековой Франции.

---

[1]) Там же, стр. 45, 50, 51.

[2]) Там же, стр. 51.

[3]) Бальцер, К истории общ.-госуд. строя Польши, стр. 21.

[4]) Там же, стр. 53.

[5]) Балабан и Тромпчинский, История Польши, стр. 35; ср. Пыпин и Спасович, История славянских литератур.

XII.

Феодализм в Византийской империи.

История Византийской империи шла зигзагами или, вернее, ломаной линией—то вверх, то вниз, то в виде поступательного движения, хода вперед, то в виде падения, движения назад. После эпохи Юстиниана и его ближайших преемников, т.-е. после VI и VII веков по Р. Х., с которыми в истории Византии мы в свое время позднее еще встретимся, VIII и IX века были, как нам уже известно, временем движения вспять—феодальной революцией. Но X и XI столетия были опять эпохой некоторого под'ема сравнительно с предыдущим—в это время византийский феодализм достиг полного развития. И XII столетие, мы увидим это впоследствии, было прогрессивным периодом византийской истории: тогда Комнены пытались уничтожить феодализм, намечался дворянский переворот. Он, однако, оказался неудачным, и XIII, XIV и XV века, вплоть до покорения Византии турками в 1453 году, являют собою картину уже полного и окончательного упадка, возврата, полного господства феодализма, Таким образом, говоря о развитом феодализме в Византийской империи, надо иметь в виду две эпохи—X и XI века, с одной стороны, и XIII—XV столетия—с другой. То, что характерно для первой эпохи, в равной почти (за некоторыми исключениями) степени относится и ко второй. Мы поэтому остановимся несколько подробнее на первой эпохе, а о второй сделаем лишь несколько дополнительных замечаний.

Хозяйственные признаки развитого феодализма в Византийской империи X и особенно XI века обозначаются с

полною ясностью. Поземельные переписи, подобные бывшей в 995 году [1]), налоги вроде посошной подати или пастбищной [2]), установление воинской повинности по размерам запашки [3]) свидетельствуют о первостепенном, господствующем значении земледелия. Наличность цехового ремесла и городской торговли [4]), торговая роль монашества и монастырей в тяготевших к ним окрестных землях [5]) подчеркивают достаточно резко изолированность местных рынков. Чрезвычайно характерны формы землевладения. Низшая, крестьянская собственность была и общей или общинной и личной [6]), но над ней возвысился, превратил ее в простое пользование (hominium utile) второй этаж—высшая собственность светских феодалов и церковных учреждений—епископских кафедр и особенно монастырей. X и XI века были временем массовой раздачи, пожалований и прямых захватов земель императорских [7]). Три типичные формы этой высшей собственности—прония, харистикарий и стратиотское имение или стратиотский дом.

Прония (Πρόνοια—„попечение" о земле), первоначальное подобие бенефиция, „пожалование служилым людям земель в награду за услугу под условием службы" [8]), превратилась потом в настоящий наследственный и отчуждаемый лен. Харистикарий—раздача в пользование частным, светским людям под условием службы церковных и монастырских земель—подобие западно-европейского прекария [9]). Стратиотские име-

---

[1]) Скабланович, Византийское государство и церковь в XI в., Спб. 1884, стр. 271.

[2]) Там же, стр. 272—273.

[3]) Там же, стр. 303 и след.

[4]) Там же, стр. 234, 361.

[5]) Там же, стр. 445; ср. Рудаков, Очерки византийской культуры по данным греч. агиографии, М. 1917, стр. 73; области городов на 10—30 километров, вокруг, ср. там же, стр. 154.

[6]) Zacharia von Lingenthal, Geschichichte des griechisch-römischen Rechts, 3-e Aufl., стр. 252; Цахариэ отстаивает теорию славянского происхождения крестьянской общины в Византии; не разделяя этого взгляда, мы обошли эту теорию молчанием в I томе этого труда. Теперь можем подтвердить такой взгляд ссылкой на труды Панченко и Рудакова.

[7]) Скабаланович, стр. 84.

[8]) Успенский—в «Жур. Мин. Нар. Просв.» за 1876 год; Скабаланович, стр. 264.

[9]) Скабаланович, стр. 256.

ния (στρατιωτικὰ κτήματα) — бенефиции, потом лены более мелких вассалов—рядового рыцарства [1]). Характерно при этом, что чем крупнее был лен, тем полноправнее был ленник. Еще в X веке установлено было, что стратиотское имение в 4—5 литр обязывает владельца к конной военной службе—это, выражая в западно европейских терминах, был полный рыцарский лен; а владел стратиотским имением в 2—4 литра, тот обязан был служить во флоте [2]). К половине X века, при Константине Багрянородном, эти рыцарские или стратиотские земельные участки были признаны наследственными, но неотчуждаемыми, не подлежащими продаше, дарению, мене, залогу [3]). При Никифоре Фоке (963—969 гг.) на такое положение переведены были все стратиотские имения в 12 и более литр, а имения более крупные были и наследственны и отчуждаемы [4]). Так было и позднее, а в конце XII и начале XIII в., при династии Ангелов, богатые владельцы проний были почти совершенно независимы от императорской власти [5]). Латинская империя, основанная после 4-го крестового похода, своим законченным феодализмом [6]) только довершила развитие местных византийских порядков и отношений, а вовсе не создала чего-либо совершенно нового, небывалого. XIII, XIV и XV века—эпоха полного раздробления империи на независимые феодальные владения, боровшиеся между собою, призывавшие турок, которые и покорили сначала Малую Азию, потом Галлиполи, Адрианополь и, наконец, самый Константинополь, при чем последние византийские императоры были в сущности простыми вассалами-данниками турецких султанов.

Землевладельческая аристократия, которая была также и аристократией служилой, чиновной или, вернее, сановной, и была главной общественной силой в Византийской империи

---

[1]) Там же, стр. 303; Zachariä von Lingenthal, стр. 371 и след.

[2]) Скабаланович, Виз. государство и церковь в XI в., стр. 303.

[3]) Там же, стр. 306—307.

[4]) Там же.

[5]) Zacharia von Lingenthal, Gesch. d. griech.-röm. Rechts, стр. 276.

[6]) Там же, стр. 277.

X—XI и XIII—XV веков [1]). Городское сословие, торговая и промышленная буржуазия, было малозначительно. Существовали, конечно, промысловые корпорации [2]), цехи, но самый факт их существования и мелочной регламентации или торговли и промышленности служит признаком феодальной слабости, неразлучимой с денежным хозяйством, рассчитанным лишь на местный, узкий рынок. Городское самоуправление было утрачено с тех пор, как Лев VI Мудрый (886—912 гг.) отменил городские выборы и стал сам назначать городские власти; выборы сохранились только в самом Константинополе, но и там они производились не городским населением и даже не богатыми купцами и ремесленниками, а исключительно одной только землевладельческой аристократией [3]). Крестьяне (колоны, πάροικοι) были прикреплены к земле, не к личности землевладельца [4]), что опять-таки объясняется узостью местных рынков.

Государственная система носила на себе печать упадка и расстройства, возвращения к вотчинным порядкам и обычаям. Высшие центральные чины—кесарь, севаст, нивелисим, куропалат, протопроедр, проедр и т. д.—всего 12—потеряли уже всякое реальное политическое значение сами по себе как таковые, сохранив лишь саны, титулы [5]). Единственное их значение сводилось к тому, что они вместе с духовными лицами—протосинкеллом, синкеллом, ипертимом и ректором—составляли сенат [6]), который под председательством императора судил по преступлениям государственным и должностным [7]). Огромное значение в управлении стали приобретать придворные должности—препозит (министр двора) и протовестиарий, разные камердинеры и постельничие [8]).

---

[1]) Скабаланович, Виз. государство и церковь в XI в. стр. 236.

[2]) Там же, стр. 234, 361; Рудаков, Очерки визант. культуры, стр. 120 и сл., 140 и сл.

[3]) Скабаланович, стр. 233, 234

[4]) Там же, стр. 242; Zacharia von Lingenthal, стр. 255, 256, 259, 260, 263.

[5]) Скабаланович, Виз. государство и церковь в XI в., стр. 149—155.

[6]) Там же, стр. 156—157.

[7]) Там же, стр. 348.

[8]) Там же, стр. 170, 171.

Существовали центральные приказы [1]), деятельность которых постепенно сужалась вследствие развития местных судебных и финансовых иммунитетов [2]). То же надо сказать и о местном управлении, об областях—фемах и их подразделениях—турмах [3]). Управление, суд и военное дело были смешаны, соединены в одних руках [4]). Инстанций не существовало, и императору лично подавалась масса прошений [5]). Все явления типичные для феодальных распада и дезорганизации.

Грубая, элементарно-эгоистическая психология отличала и в Византии, как и в других феодальных странах, господствующие классы общества. Лицемерие и жадность монахов, падких до денег и земель, обиравших мирян, их ловкость в торговых делах и торговых обманах [6]) были весьма заметным, характерным явлением времени. Типической для духовных феодалов фигурой был патриарх Михаил Керулларий—практичный, двойственный в своем поведении, высокомерный и суровый [7]), горячий защитник привилегий и богатств церкви [8]). Хищничество [9]) и взяточничество [10]) светской аристократии были не меньшими, чем у монашества. Правда, в этой среде и особенно в рядовом дворянстве зарождались уже новые вкусы и стремления, что мы отчасти уже сейчас будем наблюдать, но общего колорита эти исключения не меняют. Для примера приведем краткую характеристику императора Льва VI Мудрого.

Это был человек трусливый, он страшно боялся отца и, повинуясь ему, женился на нелюбимой женщине, любил сидячую жизнь, не любил путешествий и войны. Надевая на себя личину благочестия и нравственности, порицая незаконное сожительство, второй и третий брак, он имел любовниц и был женат четыре раза, был таким образом типичным трусливым лицемером, только и слушавшим своего духовника,

---

[1]) Там же, стр. 173 и сл.
[2]) Там же, стр. 165 и сл.
[3]) Там же, стр. 188.
[4]) Там же, стр. 361, 352
[5]) Там же, стр. 349.
[6]) Там же, стр. 441—445.
[7]) Там же, стр. 383—385.
[8]) Там же, стр. 85.
[9]) Там же, стр. 84.
[10]) Там же, стр. 166.

умевшего всему найти благочестивое оправдание. Ссылал и подкупал епископов, чтобы добиться церковного оправдания своих браков [1]).

Понятно, что при такой психологии феодальная струя в литературе—сухость, компилятивность, слабость художественной стороны и бедность оригинальными научными выводами и художественными достижениями—была сильно выражена.

Это видно прежде всего в исторической литературе и литературе хроник не только X и XI, но в значительной степени также и XIII, XIV, XV веков. Из историков X века выше всех Лев Диакон с его цветистым стилем изложенными рассказами очевидца и современника [2]). Константин Багрянородный написал не историю, а панегирик своему деду Василию [3]). Іосифу Генесию и Иоанну Комениату одинаково не хватало критики и любви к истине, оба любили повествовать о чудесах и предзнаменованиях [4]). Михаил Атталиат, писавший в XI в., ближе всего подходил к Льву Диакону [5]). В XIII в. у Никиты Акомината немало хронологических и фактических ошибок, хотя есть стремление к беспристрастию [6]), а Георгий Акрополит, при всей его достоверности, сух и пишет чисто канцелярским языком [7]). XIV и XV века хранили некоторые предания возрождения, начавшегося было в XII веке,—мы будем еще о них говорить в свое время,—но было сильно и феодальное, по преимуществу церковно-историческое течение, выдвигавшее на первый план догматические споры и церковные события: сюда принадлежали в XIV в. Георгий Пахимер [8]), Никифор Каллист Ксанфопул [9]). В XV в. характерны Иоанн Канан с его плаксивым и тяжелым рассказом о спасении Константинополя от турок в 1422 г., которое он приписывает св. Дева, [10]) и—уже при турецком владычестве—Критовул, помирившийся с новой властью, при-

---

1) Диль, Византийские портреты, вып. I, стр. 200—227.
2) Крумбахер, Византийские историки и хронисты, стр. 35, 36.
3) Там же, стр. 28.
4) Там же, стр. 33, 34.
5) Там же. стр. 39.
6) Там же, стр. 50.
7) Там же, стр. 53.
8) Там же. стр. 54.
9) Там же, стр. 55.
10) Там же, стр. 62.

способившийся к ней льстец, зародыш позднейших фанариотов, угодничавших туркам и умевших ловко обделывать свои делишки и хорошо блюсти свои интересы [1]). Из хронистов типичны в XI в. тупой и сухой Иоанн Скилица [2]), несамостоятельный, даже предисловие списавший у Скилицы, Георгий Кедрин [3]), Иоанн Ксифилин, попросту сокративший Диона Кассия [4]). Так же несамостоятельны, нехудожественны, лишены стремления к правде и все авторы хроник, жившие в XIII, XIV и XV веках—Уоиль, автор „Синопсиса", Федор епископ кизикийский, Ефрем, Михаил Панарет и другие [5]).

Много покровительствовал энциклопедическим компиляциям, несвязным, несистематичным, представлявшим собою бесформенную, беспорядочную груду разных знаний и фактов, Константин Багрянородный, и сам составивший деловые компилятивные справочники ближайшим образом для своего сына: „Об управлении империей", „О фемах", „О церемониях" византийского двора [6]). И позднее были в Византии энциклопедисты —„полигисторы", важнейшим из которых является живший в XIV в. Георгий Пахимер, не лишенный некоторого остроумия, но совершенно неоригинальный [7]). Западноевропейская схоластика феодального времени имеет себе соответствие в Византии XI в. в трудах Иоанна Итала, Федора Метохита, Никифора Блеммида [8]). Существовали в феодальной Византии и духовные драмы-мистерии (напр. „Страдающий Христос") и моралите в диалогах Игнатия Птохопродрома и Фалеса [9]). Характерно и падение византийской духовной поэзии XI века [10]).

И в области искусства феодализм наложил свою тяжелую руку, свою иссушающую печать. Византийская архитектура так и не пошла вперед, жила всецело преданиями прошлого Что касается миниатюры и живописи, то если миновать не-

---

[1]) Там же, стр. 69, 70.
[2]) Там же, стр. 110.
[3]) Там же, стр. 111.
[4]) Там же, стр. 112.
[5]) Там же, стр. 121, 124, 125, 126—127, 128.
[6]) Там же, стр. 28—32.
[7]) Там же, стр. 54.
[8]) Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur.
[9]) Там же.
[10]) Там же.

которое оживление в XII веке в связи с условиями, о которых придется еще говорить особо, в X—XI веках наблюдаются символизм и аллегория—скучные, сухие и бледные: „символы всего двух-трех типов, с бледными и однообразными вариациями аттрибутов и деталей“, аллегория—„порождение книжника со скучно натянутыми, мертвящими сценами“, господствуют „шаблон, схоластика и риторство“, замечается „глубокое падение мысли и чувства“ [1]). Так в миниатюре. Но то же было и в иконографии. Здесь господствуют догматизм, раз усвоенные, застывшие формы, ремесло вместо искусства, холодные благочестие и благообразие [2]). Устанавливается однообразной, затверженный тип для изображения всех святых: высокий рост, длинные конечности, худоба, но ширококостность и массивность, длинная тонкая шея, маленькая голова, широкий и низкий лоб изувера или педанта, мрачные большие глаза, длинный, тонкий и прямой нос, сухой и маленький рот; в общем создается впечатление черствости [3]), как нельзя лучше соответствующее общей психологической характеристике правящей феодальной знати, особенно монашества.

С XIII века до падения империи—полный, все сильнейший упадок византийского искусства: грубость, варварское уродство форм сочетаются с монашеским направлением, грубым мистицизмом, суеверием; техника ухудшалась неизменно и непрерывно: мутнели краски, уродливо схематизировался рисунок [4]). Типичны миниатюры „Книги Иова“ XIV века: в них „падение мысли и содержания, фаталистическое преклонение перед действительностью, самоотречение, уничтожение личности и воли, искание самозабвения и гробового покоя вместе с аскетическим убеждением в ничтожестве и нищете всего земного“; падение доходит до прямой и грубой „детской мазни“ вместо живописи [5]).

Все описанное—господствующее течение в духовной культуре, плод материальной культуры феодального времени, ее отражения в психологии правящих классов.

---

[1]) Кондаков, История византийского искусства и иконографии, стр. 138, 139.

[2]) Там же, стр. 140, 141.

[3]) Там же, стр. 142, 143.

[4]) Там же, стр. 260, 263, 264.

[5]) Там же, стр. 265, 266.

Но, как мы увидим впоследствии, в XII веке Византией было сделано усилие выбиться из тисков феодализма, преодолеть материальную и духовную связанность феодальных отношений. Конечно, это усилие исходило не от феодальной знати духовной и светской, а от дворянства, соответствовавшего западно-европейскому рядовому рыцарству. И зародыши этого заметны были в дворянской психологии и духовной культуре XI века. Самым ярким, в высшей степени колоритным и любопытным в этом отношении явлением был талантливейший из византийских писателей Михаил Пселл. Но, чтобы понять происхождение его духовного склада, надо познакомиться с еще более типичным для этого класса византийского общества характером его матери Феодоты.

Это было настоящее сочетание практичности со смирением, с покорностью своей судьбе. Эгоизм одинаково и активный и пассивный без извращения и каррикатуры. У Феодоты был здравый смысл, при небольшом домашнем образовании—она училась только грамоте и рукоделию—сознание важности знания и науки, ясный и твердый ум. Она была положительна, практична, приветлива, хорошая семьянинка, порядливая хозяйка с достаточно сильной волей, благочестива, любила монастырскую жизнь, часто посещала монастыри и кончила тем, что перед смертью постриглась в монахини [1]). Здоровый, умеренный эгоизм подсказал ей и верный путь к известности и возвышению ее талантливого сына: она дала Михаилу Пселлу прекрасное по тому времени образование.

Главное положительное, новое свойство Михаила Пселла—это любовь к науке, знанию. Он сумел даже возвыситься над многими предрассудками своего времени: не верил в астрологию и магию [2]). Оригинальный, блестящий, яркий писатель, он был выдающимся философом, мыслителем, умевшим не только накопить, собрать отдельные знания из древнеэллинской литературы, но и создать из них нечто целое, некоторую систему. Он был и по содержанию и по форме своих произведений предшественником византийского возрождения, гуманистического классицизма XII века [3]). При всем том он был сын своего времени и наследник психологии своего класса.

---

[1]) Диль, Византийские портреты, вып. I, отр. 322—344.
[2]) Там же, стр. 345, 328.
[3]) Там же, стр. 272; ср. Krumbacher, Gesch. d. byz. Litteratur.

Умный и ловкий, психологию нового индивидуализма Пселл соединял с грубой практичностью, с беззастенчивым преследованием своих личных интересов, со служением сильным людям, той же феодальной знати, которой он помог сохранить захваченные ею земли, так как пользовался огромным, подкрепляемым тонкой сетью интриг, влиянием при дворе императоров Константина Дуки и Михаила VII [1]). Михаил Пселл был и талантливый мемуарист, памфлетист, оратор, ученый. По остроумию, насмешливости, ядовитости, универсальной любознательности, смелости мысли он напоминает некоторым исследователям истории Византии Вольтера [2]). Но он беззастенчиво искажал факты, когда ему это было нужно и выгодно, сплетничал, интриговал, льстил, угодничал, скандально менял мнения, был до крайности тщеславен,—словом, являлся „совершенным представителем придворного мира растленной Византии" [3]). Тип эгоистического индивидуалиста, характерный именно для преуспевавшего, возвышавшегося, шедшего вперед дворянства, нашел в нем одно из своих наиболее ярких выражений. Отрицательными, теневыми сторонами своей личности Михаил Пселл подходил к общему тону своей эпохи, положительными он выделялся на ее фоне ярким пятном, являясь предшественником недалекого будущего.

В XIV и XV веках в византийской духовной культуре в искусстве и литературе были отголоски подъема XII века. Мы познакомимся с ними в другой связи, когда речь пойдет именно об этом подъеме.

---

[1]) Скабаланович, Виз. государство и церковь в XI в., стр. 86, 90, 93.

[2]) Диль, Византийские портреты, вып. I. стр. 271.

[3]) Там же, стр. 271, 272.

XIII.

Феодализм в Болгарии, Сербии, Румынии и Турции.

Мы должны теперь остановить свое внимание на тех формах феодализма, которые развились отчасти с XI века, а отчасти позднее в государствах Балканского полуострова, существовавших одновременно с Византийской империей или возникших на ее развалинах. Сюда относятся, с одной стороны, Болгария, Сербия и Румыния, с другой—Турция. Мы сейчас увидим, почему удобно и даже необходимо соединить изложение истории феодализма во всех этих странах в одном отделе.

Как ни мало у нас данных для хозяйственной истории Болгарии в XI—XIV веках, как ни слабо разработана эта история, все же есть достаточные основания утверждать, что денежное хозяйство развивалось в Болгарии медленно и постепенно, очень туго; долго держалось хозяйство натуральное. Еще в XII в. господствовали натуральные оброки с крестьян—пшеницей, просом и вином [1]. Только в 30-х годах XIII века восстановитель великой Болгарии Иоанн Асень II дал дубровницким (рагузским) купцам грамоту о свободе их торговли в Болгарии [2]. Правда, еще в X веке русский князь Святослав говорил о дунайской Болгарии, что там „вся благая (т.-е. все богатства) сходятся“ из окрестных стран, но это относилось, повидимому, только к Болгарии придунайской и притом свидетельствовало лишь о значении Дуная как пути для транзитной торговли. Только около половины XIV века

---

[1]) Погодин, История Болгарии, стр. 65.
[2]) Там же, стр. 86.

наблюдается несколько иная картина, свидетельствующая о существовании в известных пределах денежного хозяйства с особыми местными рынками. Иоанн - Александр, владелец крупнейшего из болгарских феодальных княжеств того времени, носивший поэтому и титул царя, имел много денег [1]), В числе податей, при нем сбиравшихся, кроме таких натуральных сборов, как „десяток“, „кошарщина“, „волоберщина“ (обе подати скотом), были, несомненно и денежные платежи, каковы „приплаты“, „дымнина“, „кумера“ (таможенная пошлина), может быть также „глоба“ [2]). Нет прямых указаний, насколько широки были местные рынки, но прикрепление крестьян к земле [3]) и небольшая, сравнительно мало развитая барщина [4]) указывают, повидимому, на узкие рынки. О том же свидетельствует и частая, почти постоянная раздробленность Болгарии в XII—XIV веках. Уже в XII веке появились полунезависимые боярские владения [5]). При владычестве Византии в XI веке появился для земельных феодальных владений и византийский термин прония, при чем владения этого типа существовали в XII—XIV веках и дожили до времен турецкого владычества [6]). Петр и Асень, восставшие против Византии и основавшие второе Болгарское царство в 1185 году, принадлежали именно к числу бояр [7])—наследственных сеньеров их княжеств [8]). Но они не объединили всей Болгарии. И когда после них на престол вступил Иван Асень или Калоян, победивший и взявший в плен императора Латинской империи Балдуина, то и он, несмотря на все свое могущество, не был единым властителем Болгарии: при нем в Македонии был полунезавинимый князь Стрез, а в Филиппополе Иван [9]). Те же многовластие и раздробленность продолжали существовать и при преемнике Калояна Бориле [10]). Только Иоанну Асеню II

---

[1]) Там же, стр. 109.
[2]) Там же, стр. 110.
[3]) Bouspuet, Histoire du peuple Bulgare, стр. 114.
[4]) Там же.
[5]) Погодин, История Болгарии, стр. 62.
[6]) Там же, стр. 62—63.
[7]) Там же, стр. 62
[8]) Bousquet, Histoire du peuple Bulgare, стр. 113.
[9]) Погодин, История Болгарии, стр. 77.
[10]) Там же, стр. 84.

в первой половине XIII века удалось ненадолго восстановить великую Болгарию, но во второй половине XIII века опять наблюдается политическая раздробленность; ряд самостоятельных княжеств был и в XIV веке, даже при Иоанне-Александре [1]). Последний болгарский царь Шишман умер в плену у турок в 1395 году [2]). Таким образом в сущности никакого второго Болгарского царства как единого политического целого не существовало, а были отдельные, наполовину или вполне независимые феодальные наследственные княжества больших бояр.

Медленные, но постоянные, неизменные успехи болгарского феодализма вызывали естественное противодействие закрепощавшихся народных масс. Идеологами их были в Болгарии с половины XI века богомилы или катары. Они отвергли таинства, обряды, иконы и ратовали против духовенства и его безнравственной жизни, стремясь в своей жизни осуществить евангельский идеал простоты и чистоты. Богомильство в Болгарии упорно держалось до XIV века [3]). Но в это время развитой болгарский феодализм подавил его материальной силой, применением которой, разумеется, не гнушалась „эгоистическая" [4]), по выражению одного исследователя, болгарская аристократия, осуждавшая богомильство на церковных соборах [5]) и преследовавшая его; в то же время и духовный, церковный феодализм в Болгарии реформировался в том же смысле и направлении, как это произошло раньше на западе под влиянием клюнийского движения и выразилось там в деятельности Григория VII и его преемников: среди болгарского духовенства возникло мистическое и аскетическое движение, виднейшим представителем которого был Григорий Синаит; это течение, в значительной мере поднявшее нравственный уровень болгарского духовенства, дало церкви возможность победить богомилов посредством морального оружия [6]).

В конце XIV в. виднейшим литературным представителем мистико-аскетического течения в болгарском духовен-

---

[1]) Там же, стр. 85, 98, 99, 101, 102, 113.
[2]) Там же, стр. 124.
[3]) Там же, стр. 51—54, 62.
[4]) Bousquet, Histoire du peuple Bulgare. стр. 110.
[5]) Погодин, История Болгарии, стр. 85, 116.
[6]) Murko, Die Südslavischen Literaturen, стр. 204.

стве был последний тырновский патриарх Ефимий. Он был автором похвальных речей, житий святых, посланий по религиозным вопросам [1]), т.-е. богословских трудов в духе феодальной схоластики. Образцами для него служили, разумеется, византийские писатели, и он усвоил себе все приемы византийской риторики [2]).

История Сербии в XII, XIII и XIV веках представляет собою почти полную параллель болгарской истории того же времени. Правда, Сербия была тогда как будто политически сильнее Болгарии, как раньше, наоборот, Болгария преобладала над Сербией, но эти различия на деле были мало существенны. Несмотря на объединительные стремления и попытки Стефана Немани, Стефана Первовенчанного в XII и XIII веках и Стефана Душана в XIV столетии, сербским князьям и королям („кралям“) так и не удалось объединить всю Сербию: даже в королевство Стефана Душана западно-сербские земли не входили. В то же время огромными правами, почти полной самостоятельностью пользовалась сербская феодальная аристократия — „властели“, имевшие вотчины (баштины) и поместья (пронии) [3]). Они составляли совет при короле, самостоятельно управляли в своих владениях, не подчиняясь наместникам (кефалиям) [4]). Чрезвычайно могущественно было и высшее духовенство, организованное архиепископом Саввой, братом Стефана Первовенчанного, в начале XIII века и получившее при Стефане Душане в 1346 г. самостоятельного патриарха [5]). Развивались барщина и крепостное право: свободные крестьяне — „себры“ — превратились в XIII и XIV веках в крепостных — „меропхов“ [6]). „Законник“ Стефана Душана только утвердил феодализм [7]). После смерти Стефана Душана властели окончательно возобладали [8]), пока, наконец, после Коссовской битвы 1389 г. Сербия не была покорена турками.

---

[1]) Там же, стр. 205.

[2]) Там же.

[3]) Флоринский. Южные славяне и Византии во 2-й четверти XIV в., вып. 2, Спб. 1882, стр. 28.

[4]) Там же, стр. 27; Погодин, История Сербии, стр. 77.

[5]) Погодин, История Сербии, стр. 47, 65.

[6]) Флоринский. Южные славяне и Византия, вып. 2, стр. 29.

[7]) Погодин, История Сербии, стр. 76.

[8]) Флоринский, Юж. славяне и Византия, вып. 2, стр. 61.

Юнацкие песни о Марке кралевиче, сыне Вукашина [1]),— типичная феодальная поэзия. И в Сербии, как и в Болгарии, было движение богомилов [2]). Против него боролось и побороло его сербское духовенство, пользуясь идейной помощью болгарской литературы мистического направления [3]).

Румыния—вернее два особых княжества, Молдавия и Валахия,—образовалась во второй половине XIII века путем выселения молдавской и валашской аристократии—резешей и мошненей из пределов Венгрии из-за соперничества с венгерскими феодалами [4]). Колонизуя новые земли своими слугами, бояре устраивались здесь как настоящие феодальные владыки: они получали от князей права управления, суда, сбора налогов, военного предводительства [5]). Крестьяне были прикреплены к земле [6]), как везде бывало при развитом феодализме и при существовании местных замкнутых рынков. Могущественно и многоземельно было и духовенство, особенно монастыри [7]). Города были организованы на основе немецкого, магдебургского права [8]). Князья Молдавии и Валахии („воеводы“, „господари“) не были обычно самостоятельными: они были вассалами сначала Болгарии, потом Венгрии, одно время Польши, наконец, подчинились Турции [9]).

Турецкий феодализм и есть то последнее проявление развитого феодализма, которое сменило собою феодализм болгар и сербов и подчинило своему верховенству румынский феодализм. Известно, что османские турки, завоевав Балканский полуостров, заменили славян-землевладельцев турками или принявшими мусульманство славянами, сохранив все старые порядки землевладения, хозяйства и управления [10]). Это тем более естественно и понятно, что и у турок еще до того

---

[1]) Погодин, История Сербии, стр. 83.

[2]) Там же, стр. 38.

[3]) Murko, Die Südslavischen Literaturen, стр. 206.

[4]) Xenopole, Histoire des Roumains de la Dacie Trajane, I, P. 1896, стр. 167; Iorga, Geschichte des Roumänischen Volkes, I, B. Gotha, 1905, стр. 269.

[5]) Xenopole, Histoire des Roumains, I, стр. 204, 208.

[6]) Там же, стр. 225, 226.

[7]) Там же, стр. 227.

[8]) Там же, стр. 237; Iorga, Gesch. d. Roum. Volkes, I, стр.. 158 и сл.

[9]) Xenopole, Historie der Roumains, I, стр. 215, 220.

[10]) Погодин, История Болгарии. стр. 111.

сложилась ленная система. Осман, основатель могущества османских турок, издал специальный закон, запрещавший брать лен у его владельца, пока последний в силах, и устанавливавший передачу лена по смерти владельца его сыну [1]). Лены давались лишь военным людям (sipahi) под условием военной службы [2]). Ленная система в Турции, в частности и на Балканском полуострове, существовала в полном развитии своем до начала XVI века [3]).

---

[1]) Tischendorf, Das Lehnswesen in den moslemischen Staaten, стр. 37.

[2]) Там же, стр. 39.

[3]) Там же, стр. 50.

XIV.

Армянский феодализм [1]).

История Армении в период полного развития феодализма—от XI по XV век—многими характерными своими чертами напоминает развитой феодализм балканских стран: столь же медленное развитие, происходившее в то же время непрерывно, постоянная почти вассальная зависимость от иностранцев—то от Византии, то от сельджукских турок, то от монголов, то от персов,—расчленение на два по крайней мере политических тела—Великую и Малую Армению,—наконец, подчинение в начале XVI века туркам, после чего и началось падение армянского феодализма.

Существование и развитие городов с ремесленным и торговым населением указывает на рост торговли, успехи товарного хозяйства. Политическое расчленение Армении, на основании того, что нам теперь уже достаточно известно из истории других стран, изложенной в разных отделах настоящей главы, свидетельствует о существовании местных замкнутых рынков, расширявшихся особенно в XIII и XIV веках, когда во главе Мало-Армянского царства стояли потомки воцарившегося здесь в конце XI века Багратида Рубена.

На этой экономической почве сложились и упрочились две феодальные аристократии—светская и духовная, причем вторая была едва ли не богаче и могущественнее пер-

---

[1]) Этот отдел составлен на основании двух работ: 1) Абаза, История Армении; 2) статей Дживелегова об истории Армении и армянской литературы в III томе „Энциклопедического Словаря“ изд. бр. Гранат.

вой, как показывает известие, относящееся к XI веку и гласящее, что у одного епископа в его имении 800 плугов, в каждый из которых были впряжены 6 быков. Были, впрочем, и могущественные светские аристократические роды, из которых особенно выдавался род Арцруни.

Необходимо, впрочем, сравнивая армянский феодализм с феодализмом балканских народов, отметить, что политические и экономические связи Армении с соседними странами,—в особенности это надо сказать о Малой Армении,— были теснее, чем то наблюдалось на Балканском полуострове, что указывает на довольно рано начавшееся разрушение местных замкнутых рынков.

Этим, вероятно, объясняется сравнительно большая оживленность литературной деятельности в Армении тех времен. Конечно, литература отличалась обычным феодальным характером. Были историки—летописцы или компиляторы, каковы в X веке Моисей Кагганкатуанский, Ухтанес Урхийский, в XI Степан Асоггик, в XII Иоанн Диакон, в XIII Вардан Великий и другие. Видное место занимали богословие в духе средневековой схоластики и духовная поэзия. Из богословов особенно заметными являются Хосров (X в.), Нерсес Благодатный и Нерсес Ламбронский (XII в.). Духовная поэзия была представлена в X в. Григорием Нарекским, в XI католикосом Петром II. Писались жития святых.

Та роль, которую в Сербии и Болгарии играли богомилы,—роль идеологов угнетенных народных масс—выпала в феодальной Армении на долю секты павликиан. Павликиане, как и богомилы (мы это уже указывали в I томе), отрицали обряды, почитание святых, икон, монашество, отстаивали демократическую простоту и евангельскую мораль, словом, были представителями той крестьянской идеологии, которая была протестом против гнета господствующих классов. Несомненно, это была борьба религиозно-этического настроения и направления в передовых слоях крестьянства с господствовавшим при феодализме грубым, элементарным эгоизмом господ положения. Разумеется, павликиане подвергались в Армении величайшим гонениям, не меньшим, если не большим, чем богомилы в Сербии и Болгарии.

XV.

Феодализм в Грузии [1]).

Время полного развития феодализма в Грузии—с XI по XVII век. В конце XI и в течение XII века, при Давиде Возобновителе, Георгии III, наконец, при царице Тамаре (1184—1212) внешне Грузия как будто объединяется и усиливается. Но под покровом блестящей внешности феодальная аристократия окончательно крепнет, при Тамаре удаляет всех неродовитых советников и фактически сильно ограничивает царскую власть. В XIII в. Грузия разделилась на два отдельных политических тела, и целый ряд отдельных местных феодалов стал тянуть врозь, стремиться к полной самостоятельности. В XIV веке Георгий V Блистательный восстановил на время по крайней мере формальное единство, но в XV в. наблюдается полная раздробленность: образуются три царства—Карталинское, Кахетинское и Имеретинское—и пять княжеств—Самцхэ-Саатабаго, Гурия, Мингрелия, Абхазия и Сванетия. В таком раздробленном, чисто феодальном виде—на основе, конечно, и экономической разобщенности—Грузия продолжает существовать и в XVI и в XVII веках, при чем разобщенность, раздельность увеличиваются еще и иностранным владычеством отторгающим отдельные части страны. С XIII века существовало высшее господство монголов, не тронувших, впрочем, здесь, как и почти везде, туземных порядков и отношений. В XVI и XVII веках Карталиния и Кахетия оказываются в вассаль-

---

[1]) См. статью Джавахова в XVII томе «Энциклопедического Словаря», изд. бр. Гранат, и книгу Хаханова, Очерки по истории грузинской литературы, вып. II и III.

ной зависимости от Персии, а западная Грузия подпадает власти Турции.

В феодальной Грузии развивалась летописная литература, главным образом местная: таковы в XVI в. „Хроника Месхийской Псалтыри“, написанная знатным лицом, участником описываемых им событий второй половины века; „Гелатская хроника“, посвященная истории западной Грузии; еще в XIV в. составлена была обширная летопись, заканчивавшаяся изображением царствования Георгия V Блистательного: след временного объединения Грузии при этом царе.

Феодальная поэзия новой Персии в важнейших ее проявлениях распространялась в переводах и в феодальной Грузии. Естественным продолжением этой поэзии с применением к местным, грузинским условиям были поэмы XII и XIII веков, особенно поэзия Шота Руставели: его поэма „Витязь в барсовой шкуре“, написанная на сюжет персидской повести,—характерный образец литературы феодализма.

XVI.

Арабский феодализм.

Нами было уже установлено [1]), что Багдадский халифат, основанный и расширенный Омайядами и первыми Аббасидами, представлял собою параллель империи Карла Великого и Каролингов: оба эти государства знаменовали собою торжество феодализма, феодальную революцию в сущности не у одного какого-либо народа, а у ряда народностей и культур, входивших в состав и Франкской монархии и Арабского халифата. Карл Великий, его ближайшие предшественники и преемники подготовили феодализм в отдельных государствах, к половине IX века обособившихся из их империи. Омайяды и первые Аббасиды сделали то же по отношению к национальным объединениям, которые скоро затем стали слагаться на территории Багдадского халифата. До этих пор аналогия полная или почти полная. Но, далее, в истории эпохи развитого феодализма и времени его падения в Арабском халифате есть важные особенности сравнительно с западно европейскими странами, выделившимися из монархии Каролингов. Главная из этих особенностей—наслоение в Азии и Африке ряда новых племен, вторгавшихся сюда и производивших завоевания. Эти новые племена—сельджукские турки, монголы, османские турки—были сравнительно отсталыми и нередко принижали, возвращали к изжитому уже, казалось, или изживавшемуся феодализму арабов, персов и другие народы, выделившиеся из территории Багдадского халифата.

---

[1]) См. том I, глава четвертая, отдел XVIII

Багдадский халифат начал разлагаться еще в половине VIII века, когда, именно в 755 году, из него выделился в особую политическую единицу Испанский халифат во главе с Абдуррахманом, единственным Омайядом, успевшим бежать от торжествующих Аббасидов. Но это само по себе не было еще торжеством развитого феодализма. Даже и на Пиренейском полуострове арабский или мавританский (мавры — результат этнографического смешения арабов с северо-африканскими берберами) халифат не превратился сразу в государство вполне развитого, законченного феодального типа. До конца IX века здесь в сущности, как и в Багдадском халифате, продолжалась и заканчивалась подготовка феодализма, феодальная революция. При Абдуррахмане I, Хишане I, Абдуррахмане II возвышаются, несмотря на противодействие халифов, светская и духовная аристократия [1]). Первые признаки действительного развития феодализма наблюдаются в конце IX и начале X в. при халифе Абдулле [2]), так что время полного расцвета феодализма — это X, XI и первая половина XII века, до господства в Испании так-называемых альмохадов, начавших уже разрушение феодализма.

Мавританский феодализм отличался прежде всего обычными хозяйственными признаками: ростом промышленности и торговли, при господстве земледелия [3]), и переходом к товарному хозяйству, давшим возможность построить государственное хозяйство уже до некоторой степени на денежных податях: в первой половине X в., при Абдуррахмане III, халиф имел уже ежегодный денежный доход свыше 6 милл. денариев [4]). В то же время развивается и укрепляется икта, превращаясь в наследственный лен [5]). Характерна также державшаяся в XI веке наследственность должности первого министра в семье Ибн-Абу-Амира, занимавшего этот пост при халифе Хишаме II [6]). В половине XI века Кордовский халифат распадается уже на ряд почти совершенно незави-

---

[1]) Мюллер, История Ислама, том IV, стр. 23, 39, 40, 50.

[2]) Там же, стр. 66.

[3]) Там же, стр. 87.

[4]) Мюллер, История Ислама, IV, стр. 86.

[5]) Tischendorf, Des Lehnswesen in den Moslemischen Staaten, стр. 28.

[6]) Мюллер, История Ислама, IV, стр. 151.

симых княжеств [1]). И хотя в конце XI и начале XII в. альморавиды (берберы—мурабиты, т.-е. „отшельники“, „святые“ (так назывался этот строгий толк в мусульманстве) завоевали было и объединили всю мавританскую Испанию, но скоро затем там снова возобновилось феодальное расчленение [2]).

В Багдадском халифате, как и в Кордовском, феодальное раздробление наблюдается во второй половине XI века. Тогда именно, с развитием торговли, ремесл, земледелия [3]), денежного хозяйства с замкнутыми небольшими рынками стал политически сильно дробиться халифат. Потомок Али Хасан еще в первой половине IX в.—в 839 г.—основал особое государство в Табаристане (части Персии, к югу от Каспийского моря); в 905 г. Хамданиды основали в Месопотамии и Сирии два самостоятельных лена, просуществовавшие в полной независимости до 1022 года; в X, XI и XII веках на территории Багдадского халифата образовалось до дюжины третьеразрядных государств и целые сотни совсем мелких самостоятельных феодальных владений; крупнее всех, кроме упомянутых выше ленов Хамданидов в Месопотамии и Сирии, были Тулуниды в Египте и Аглабиды в остальной части северной Африки, при чем в начале X в. часть Сирии, Аравии, Египет и северная Африка до Марокко были временно объединены так-называемыми Фатимидами, ведшими себя от Фатимы, дочери Магомета, жены Али; Персия выделилась в большей своей части из халифата еще в IX веке и образовала сначала два независимых владения Тахиридов и Саманидов, из которых последние с X в. имеют перевес, а потом там образовался Газневидский халифат [4]).

В 40-х годах XI в. пришли сельджукские турки, которые покорили почти весь халифат, султаны их сделались первыми министрами и фактическими правителями (эмирами-аль-умара) у багдадских халифов, на деле давно бессильных, превратившихся в мелких феодальных владетелей [5]). Но и турки-

---

[1]) Там же, стр. 162, 164.

[2]) Там же, стр. 222—224, 235.

[3]) Kremer, Kulturgeschichte des Orients unter den Chalifen, II, стр. 274. 315. 331.

[4]) Мюллер, История Ислама, II, стр. 239 и сл., 301; III, стр. 23 и сл.; IV, стр. 16 и след.

[5]) Там же, III, стр. 81 и след., II, стр. 344.

сельджуки скоро феодализировались, и феодальное ополчение крестоносцев встретилось в их лице с феодальными сеньерами во всем подобными западно-европейским [1]). Так продолжалось до конца XII в., когда Саладин в 1171 г. завладел фатимидским халифатом [2]), а потом стал первым решительным борцом за уничтожение феодализма, так что его деятельность относится уже ко второй половине феодального периода, к эпохе падения феодальных отношений.

В связи со всеми этими типично-феодальными явлениями материальной культуры мы должны теперь проследить развитие культуры духовной в период полного расцвета арабского феодализма.

Основное течение духовной культуры арабского феодализма выражало собою психологию господствующего класса общества феодальной аристократии—духовной и светской. В области религии это было мусульманское правоверие, имевшее и свою схоластику, и свою инквизицию, жестоко преследовавшую еретиков [3]),—точь в точь как средневековый западно-европейский католицизм.

Виднейшим представителем мусульманской схоластики в X веке был Ашарий (Абуль-Хасан-аль-Ашарий). Представитель современной ему интеллигенции, он начал с рационализма мутазилитов—этого интеллигентского течения в исламе, нам уже известного. Мутазилитская выучка ему понадобилась тогда, когда он встал на почву правоверия, усвоил общую точку зрения Ханбала и стал обосновывать ее схоластически, опираясь на авторитет Аристотеля. Он принял не в буквальном смысле, а с схоластическими оговорками, основную идею Ханбала об антропоморфичности Бога. В естествознании, в жизни природы, не говоря уже о жизни общества, Ашарий и его школа отрицали определяющее значение принципа причинности: они заменяли его идеей предустановленной свыше целесообразности, учили, что все исходит от Бога и определяется его намерениями [4]). Эта схоластика дала мусульманскому правоверию могучую опору: здесь мутазилит-

---

[1]) Tischendorf, Das Lehnswesen in den Moslemischen Staaten, стр. 36.

[2]) Мюллер, История Ислама, стр. 344.

[3]) Гольдцигер, Ислам, стр. 23, 24, 25.

[4]) Гольдцигер, Лекции об Исламе, стр. 110; Мюллер, История Ислама, II, стр. 219.

ский рационализм был побит собственным оружием, и это сильно укрепило правоверный ислам [1]).

Но кроме интеллигентского рационализма у мусульманского правоверия был другой враг, еще более опасный, — демократический мистицизм. В конце XI в. в идейный бой с этим врагом вступил другой правоверный мусульманский богослов Аль-Газзалий. Он начал, подобно Ашарию, также с интеллигентского мировоззрения, но потом превратился в отшельника, аскета, полумистика, не сходившего, однако, с суннитской почвы, а только углубившего богословие правоверного ислама. Газзалий в своем сочинении „Возрождение науки о религии" высказался против тонкостей догматической диалектики, за развитие религиозной интуиции, за любовь к Богу, как главное в религии, но против пантеизма и мистицизма, экстаза как средства непосредственного общения с Богом для обоснования религии: основой религии должен оставаться Коран [2]). Подобные же явления наблюдались и в религиозной жизни Кордовского халифата, где со второй половины X в. жестоко преследовались евреи [3]).

Религиозное правоверие создавало для эгоистической аристократии возможность пользоваться безмятежно благами, вытекавшими из ее господствующего положения. Конечно, эти блага, в соответствии с общим складом ее психологии, понимались грубо, элементарно: женщина и вино—вот главные источники наслаждений, которые в поэзии воспевал в конце IX и начале X в., как было указано нами уже в I томе этой работы, Абу-Нувас. Характерно при этом, что под старость тот же поэт отдался религиозной поэзии—об отречении от мира [4]). Последователей у Абу-Нуваса было много. Из них виднейшими в X в. являлись Мослим-ибн-Валид и сын халифа ибн-Мутазза с его аффектированной, легкой эротической поэзией, описаниями цветов, роскошной обстановки, посуды, красоты служанок [5]).

Множество придворных поэтов курили фимиам феодальным

---

[1]) Мюллер, История Ислама, II, стр. 220.

[2]) Гольдцигер, Лекции об Исламе, стр. 162—165; Гольдцигер, Ислам, стр. 28 и след.

[3]) Мюллер, История Ислама, IV, стр. 114.

[4]) Huart, Litterature arabe, стр. 70—71; Kremer, Kulturgesch. d. Orients, II, стр. 369, 372.

[5]) Kremer, Kulturgeschichte des Orients, II, стр. 377—379.

князьям. Из них особенно типичным и талантливым был Мутенебби, автор остроумных эпиграмм, игравший словами, выдумывавший неологизмы, но и с безвкусными преувеличениями восхвалявший господ положения [1]). Абу-Фирас сам был феодалом и создал поэзию, представившую собою дневник его жизни, сплетавшейся из войн и битв [2]). Даже Фирдуси, поэт—перс из мелких землевладельцев, никогда не льстивший грубо сильным мира сего, в своей поэме „Шахнамэ" („Книга царей") дал в сущности на основе старых преданий опоэтизирование того же феодального порядка [3]).

Арабские наука и философия X--XII веков в основных своих мотивах и направлениях отличались также феодальным характером. Мы уже видели применение философии Аристотеля к религиозной схоластике, к богословию. Аристотель явился отправной точкой и светской арабской философии, виднейшим представителем которой был в X в. аль-Фарби, которому обязан был пониманием великого греческого философа живший на 150 лет позднее Авиценна, в сущности лишенный оригинальности популяризатор [4]). Из историков слуг феодализма, представителей местных феодальных интересов, самым видным был Табарий [5]).

То схоластическое углубление ислама, которое проявилось в деятельности Ашария и особенно Газзалия, дало некоторые новые мотивы арабскому искусству— архитектуре и скульптуре (орнаменту). Громадные мечети—особенно в Египте, у Фатимидов, стали украшаться орнаментом растительным, эпиграфическим (изречениями из Корана) и геометрическим, причем наблюдался в их построении и украшении подъем религиозного духа [6]), как и в видоизмененном во Франции романском стиле. Здесь наблюдается параллель между художественными влияниями Газзалия и Бернарда Клервосского, тогда как Ашарий в данном отношении может быть уподоблен клюнийцам.

Но развитой феодализм и у арабов породил выделение рядового рыцарства, купечества и горожан и, наконец, угне-

---

1) Там же, стр. 381.
2) Там же, стр. 382—383.
3) Мюллер, История Ислама, III, стр. 68, 69.
4) Там же, II, стр. 276, 277.
5) Там же, II, стр. 275.
6) Gayet, L'art arabe, стр. 48, 51, 67.

тение народных масс. Это не замедлило отразиться на психологии этих общественных классов и создать новые явления в духовной культуре. Религия, наука, поэзия—вот те области духовной жизни, где эти новые явления обнаружились.

Нам уже известно, что шиитство было более демократическим течением в мусульманской елигии, чем суннитство. Из зерна шиитства и выросли под влиянием социальных нужд и интересов различные секты в исламе.

Основная черта шиитства—учение об имамах, духовных учителях, наследниках пророка. Было 11 имамов, 12-й—махди—живет невидимо и явится спасти мир и уничтожить все несправедливости [1]). Этот шиитский махдизм носил на себе печать социального протеста общественных низов, народных масс. Несравненно сложнее социальный состав других сект, вышедших из шиитства,—измаилитов или карматов, их ветви ассасинов и суфиев. Правда, во всех этих сектантских течениях большое значение имели народные массы, сказывался их протест против крепостничества и угнетения [2]). Но в них видно также влияние неоплатонизма и буддизма [3]), заметно, следовательно, интеллигентское течение, сильно их преобразовавшее, давшее им мистически-философскую основу и в организацию их внесшее некоторые принципы тайных интеллигентских кружков и обществ, религиозных орденов с разными степенями посвящения.

Измаилиты заканчивают ряд имамов не двенадцатым, а седьмым, Измаилом, скончавшимся в 762 году. По их учению, мировой разум (здесь влияние неоплатонизма) находил высшие свои проявления в Адаме, Аврааме, Иисусе, Магомете и т. д. до Измаила во все большем совершенстве, и махди будет совершенством высшим; Коран понимается аллегорически; исполняется обряд посвящения в таинство, и устанавливается постепенность введения в ступени познания [4]).

От измаилитов произошли ассасины (собственно „гашашии“—приготовители гашиша). Основатель ассасинства Хасан в конце XI в., зная действие опия и гашиша, пользовался ими,

---

[1]) Гольдцигер, Лекции об Исламе, стр. 192, 200.
[2]) Там же, стр. 182; Мюллер, История Ислама, II, стр. 329 и др.
[3]) Гольдцигер, Лекции об Исламе, стр. 220 и сл., Мюллер, История Ислама, II, стр. 289.
[4]) Гольдцигер, Лекции об Исламе, стр. 220—223.

усыплял своих последователей и истолковывал фантастические их видения во время навеянного гашишем сна как предвкушение райского блаженства. Порабощая этим волю своих последователей, Хасан внушал им убийства. Сельджукские султаны XII в. не раз пользовались ассасинами для истребления своих политических противников [1]).

Суфизм был менее активным, скорее пассивным выражением протеста, проявлением психологии смирения, покорности, пассивного эгоизма. Он был связан с аскетизмом, нестяжательством, квиетизмом, смиренным упованием на Бога. Суфии одевались в грубую шерстяную одежду, умерщвляли плоть, ждали экстаза, вдохновения, непосредственного слияния с Божеством. Интеллигентские элементы привнесли и в суфизм идеи неоплатоников о том, что мир—излучение божественной силы, и все реально лишь постольку, поскольку отражает в себе божественную сущность, почему для погружения в последнюю и надо избавиться от материальных оболочек;. Из буддизма суфийская интеллигенция заимствовала понятие об атмане [2]).

Все эти социально-психические переживания и настроения нашли себе яркое выражение и в поэзии. Поэт X в. Абуль-Атахийя отражал в своих произведениях пессимизм, безнадежный взгляд на жизнь [3]). Это настроение сильно углубил и придал ему политическую окраску в XI в. Абуль-Али-аль-Мааррий: он лишь разум считает божественным, властелинов порицает за насилие, испытывает религиозные сомнения [4]).

Интеллигенция все более культивировала науку. Правда, расцвет арабской науки был еще впереди. Но уже в это время сделаны были некоторые преобретения. В X в. выделяются особенно два купца—географа Масуди и Истархи [5]), в X Ибн-Сина или Авиценна—автор популярных сочинений по медицине, математике, физике, алхимии, этике, риторике, музыке [6]). В Кордовском халифате уже в X в. была переведена фармакология грека Диоскарида [7]), а в XI в. там вы

[1]) Мюллер, История Ислама, III, стр. 111—120.

[2]) Гольдцигер, Лекции об Исламе, стр. 141—142.

[3]) Kremer, Kulturgeschichte des Orients, II, стр. 372, 377.

[4]) Там же, стр. 386; Мюллер, История Ислама, II, стр. 276.

[5]) Мюллер, История Ислама, II, стр. 275; Huart, Litterature arabe, стр. 29 и сл.

[6]) Мюллер, История Ислама, III, стр. 73.

[7]) Там же, IV, стр. 115.

двинулись особенно врач-хирург Абуль-али ибн-Зухр, которого на западе Европы звали Альбуказис, и философ ибн-Баджи, имя которого католические схоластики переделали в Авенпаце [1]. Ко всему этому необходимо прибавить, что Багдадская академия и Кордовский университет были уже с XI в. рассадниками арабского просвещения.

Психологическая почва духовной культуры арабского феодализма таким образом определяется совершенно отчетливо и ясно: у феодальной знати это грубый, активный эгоизм, использующий и религиозное настроение, у народных масс пассивный эгоизм смирения при остатках и старого хаотического конкретизма, у средних слоев общества, особенноу интеллегенции, тоже отчасти преобладание пассивного эгоизма, отчасти проявления эгоистической активности на службе господам положения, наконец, в некоторой мере также примесь индивидуалистических любознательности, скептицизма и протеста против гнета и насилия.

---

[1]) Там же, IV, стр. 188.

XVII.

Феодализм в Индии.

Огромная масса разноплеменных наслоений, передвижений, завоеваний, вторжений повела к крайней медленности в развитии феодальной Индии. Период развитого в большей или меньшей мере феодализма (вполне развит он был с VIII века) длился здесь с III или IV по крайней мере до начала XV века, т.-е. по меньшей мере тысячу лет. При этом есть признаки неравномерности развития отдельных частей страны, так что дальнейшее исследование, надо думать, приведет даже к выделению истории отдельных культур на территории Индии. Пока, однако, это в достаточной мере не сделано, приходится говорить об индусском феодализме в целом, не вдаваясь в характеристику местных особенностей.

Хозяйственные основы феодализма в Индии—обычные, нам уже хорошо известные—установлены научной исторической работой. Земледелие при помощи труда крепостных крестьян, организованных в особую касту, на крупных земельных владениях, унаследованных от предыдущего периода [1]), купечество и ремесленники, торговля и ремесло, организованные в гильдии и цехи [2]), местные городские рынки [3])—вот эти основы. Кастовый строй, строгое юридическое разграничение сословий [4]), освящаемое и религией и подкрепляемое также тем, что национальная группировка

---

[1]) De la Mazelière, Essai sur l'évolution de la civilisation indienne, I, стр. 53, 54, 55.

[2]) Там же, стр. 47, 53.

[3]) Там же, стр. 47.

[4]) Там же, стр. 53.

шла по линии кастового разделения, так как кастовый строй выражал и социальное торжество одной национальности над другой,—являлись естественным отражением хозяйственных условий. Политически те же экономические основы создавали уже по смерти царя Асоки разделение его монархии, никогда не объединявшей всего Индостана [1]), а к VIII веку наблюдается уже полный политический распад [2]). В XI веке феодальная иерархия и ленное землевладение достигли полного и окончательного развития и господства [3]). И когда в XIII и XIV веках начались завоевания мусульман, то и мусульманские княжества сложились все по тому же феодальному шаблону [4]): так устойчивы были хозяйственные основы материальной культуры Индии.

Конечно, это не замедлило сказаться и в культуре духовной и прежде всего выразилось в религии тем, что она приняла местный, феодальный характер и отразила на себе и обособившиеся интересы отдельных феодальных владетелей, и противоречия кастовые, сводившиеся в конце-концов к классовым, экономическим.

Буддизм сыграл свою историческую роль временного объединителя и духовного,—морального и идейного,—организатора будущего феодального общества. В качестве такового он не остался без влияния на новую религию господствующих каст, на образование новой индусской религии из старого ведаизма. Но он сам уже не мог быть религией феодализма и даже сам испытал на себе феодальные влияния и существенно изменился. Уже через 100 лет после Будды появилось в Индии буддитское сектантство [5]). Потом в течение 250 лет образовалось до 17-ти буддийских сект, представлявших Будду сверхестественным существом и идеалом выставлявших бодисатвство, цепь воплощений Будды [6]). Все это повело к признанию и богов индуизма бодисатвами, воплощениями Будды [7]), т.-е. к частичному сближению буддизма с индуиз-

---

[1]) Там же, стр. 50.
[2]) Там же, стр. 131.
[3]) Там же, стр. 144.
[4]) Tischendorf, Das Lehuswesen in don Moslemischen Staaten, стр. 31.
[5]) Рис-Девидс, Буддизм, стр. 102.
[6]) Там же, стр. 103, 106, 108.
[7]) Там же, стр. 111.

мом. В V веке буддизм в разных частях Индии в отдельных разветвлениях был еще силен, в VII он уже в упадке, в XII, XIII и XIV веках все меньшая часть страны оставалась верною буддизму [1]). Джаинизм, основанный Джиной, был в сущности лишь одной из сект буддизма, господствовавшей в VII веке в Декане [2]).

Параллельно падению буддизма рос и развивался индуизм, но и он не был единой религией, а дробился на ряд сект. Господствующим, главным течением индуизма было феодальное правоверие, считавшее необходимым связать старый ведаизм с новым индуизмом. Здесь была кроме того попытка объединить отдельные секты, на которые дробился индуизм. Поэтому, признавая в значительной степени формально мораль буддизма, с которой трудно было бороться открыто и удобнее было принять, чтобы приспособить к интересам господ положения, правоверный индуизм почитал троицу, как тройное олицетворение высшего Брахмана или Атмана—Брахму (прошлое, творца), Вишну (настоящее, охранителя) и Шиву (будущее—разрушителя и обновителя) [3]). Признавалось 10 аватар или воплощений Вишну, из которых главными были Кришна и Рама, а Шива почитался в трех видах—как бог всего, как божество разрушения (Рудра „Вед") и как личный бог—покровитель аскетов и брахманов [4]). Все это учение связано было с суевериями и мифами [5]). Ближе всего стояли к нему в отдельных частях Индии разного рода вишнуитские секты, служившие вообще религиозной опорой феодальной знати—светской и духовной (брахманской) против народа [6]).

Особую группу составляли шиваитские секты, которые служили религиозной идеологией подчиненных или совершенно угнетенных каст—кшатриев (дворянства, рыцарства) и особенно суда—народных масс [7]).

Феодализация религии таким образом не подлежит сомне-

---

[1]) Барт, Религии Индии, стр. 147.

[2]) Там же, стр. 167, 169; ср. Bühler, Die indische Secte der Jaina.

[3]) De la Mazelière, Essai sur l'évolution de la civilisation indienne, I, стр. 72; Барт, Религии Индии, стр. 203, 204.

[4]) De la Mazelière, стр. 73, 74, 75.

[5]) Там же, стр. 75.

[6]) Барт, Религии Индии, стр. 173, 174.

[7]) Там же, стр. 180, 181.

нию и даже обрисовывается очень ярко. Не менее характерна в феодальном смысле и индуистская схоластика, являвшаяся одновременно и богословием и философией и совершенно уподоблявшаяся христианской, в частности и римско-католической и византийской схоластике. Сознательною целью здесь, как и там, был личный монотеизм, единобожие [1]), и соединение на этой почве в единое целое всего миросозерцания—и теологии и космологии (учения о мире) и, наконец, богословия. Учение это носит название Веданты („Конца Вед") и обосновано было и развито индусскими схоластиками Бадарайаной и Шанкарой, из которых последний жил около 700 или 800 года после Р. Х. [2]).

Как и всегда в схоластике, в Веданте различалось два учения—экзотерическое, т.-е. общедоступное, предназначенное для всех, для толпы, для „черни непросвещенной", и эсотерическое—для посвященных, избранных. Рассматриваемое экзотерически, учение Веданты—теизм, почитание личного Божества,—Господа, Духа, Мудреца; эсотерически Бог—нечто безличное, Абсолют [3]). Содержанием схоластического богословия и служило учение о сущности этого Абсолюта и о средствах его познания. Брахма или Атман—всезнающая и всемогущая причина происхождения, существования и уничтожения мира [4]). Его можно познать, но не обычным эмпирическим знанием, не путем опыта и наблюдения, а посредством постижения, невозможного без особой благодати, сообщаемой учителем, брахманом [5]). В сущности это не познание, а внутреннее созерцание [6]). Индусские схоластики придумали целый ряд ступеней, через которые можно дойти до познания конечного, высшего Атмана, начала всех начал, а в обыденном сознании каждая из этих ступеней превратилась в особого идола [7]). Атман—всеединое: в нем и физическая сущность, и индивидуальная, личная душа, и высшая душа [8])

---

[1]) Там же, стр. 203.

[2]) Deussen, Das System des Vedanta, 2-te Aufl., стр. 3, 4.

[3]) Там же, стр. 127, 128.

[4]) Там же, стр. 133.

[5]) Deussen, Allgemeine Geschichte der Philosophie, I, 2, стр. 68, 72.

[6]) Там же, стр. 77.

[7]) Там же, стр. 85, 86.

[8]) Там же, стр. 86.

Поэтому и мир тоже Атман и в каждом отдельном живом существе, даже в растении, весь Атман [1]). Смерть отдельного человека и уничтожение мира—возвращение их в Брахму или Атмана [2]). И душа человека—Атман, тожественна с ним, почему в сущности нет переселения душ, и только для понимания толпы, в экзотерическом учении о нем говорится; по существу можно говорить лишь о временно связанной и освобожденной душе [3]). Самое освобождение достигается не добрыми делами и не нравственным совершенствованием, а мистическим знанием, постижением Атмана [4]). Отсюда аскеза, отречение, отшельничество, погружение в собственный дух, слияние собственного Атмана с высшим Атманом [5]). На этом божественном пути к Брахме или Атману индусские схоластики различали 14 станций [6]).

Понятно, что и наука и литература были большею частью служанками религии и богословия и насквозь были пропитаны тем же феодальным духом. Литература периода индусского феодализма написана на санскритском языке, который к тому времени образовался из отдельных племенных наречий [7]). Еще в III в. до Р. Х., может быть, впрочем, и позднее, появилась грамматика Панини, положившая основы литературному языку [8]). Другим древним санскритским памятником были законы Ману [9]). Затем стали слагаться отдельные эпические песни обычного феодального характера, и, наконец, появились две поэмы „Махабгарата“ и „Рамаяна“ В основе „Махабгараты“, первоначальный текст которой сложился во второй половине I века по Р. Х., лежит изображение борьбы арийских племен в Индостане уже после его покорения. Окончательная редакция поэмы—дело более позднего времени, несколько столетий спустя после Р. Х.: в ней прибавлены ряд легенд и дидактическая часть—защита феодально-

---

1) Там же, стр. 177, 178.
2) Там же, стр. 199, 201.
3) Deussen, Das System des Vedanta, стр. 386.
4) Там же, стр. 434—440, 468.
5) Deussen, Allgemeine Geschichte der Philosophie, I, 2, стр. 56, 61 сл.
6) Deussen, Das System des Vedanta, стр. 476.
7) Weber, The History of Indian Literature, стр. 175—176
8) Там же, стр. 176, 216—218.
9) Там же, стр. 183.

военной касты и ее религии [1]). Автором „Рамаяны", был Вальмики. Она появилась в I в. после Р. Х, и по языку близка к древнейшей части „Махабгараты", но в ритме и метре есть следы более позднего времени. Более позднее происхождение „Рамаяны" видно и в ее аллегорическом характере [2]).

Виднейшим представителем более поздней поэзии был Калидаса—не только эпический, но также и драматический поэт, сделавший индусскую драму светской, тогда как начатки ее, как и в Западной Европе, были религиозными [3]). Наконец, существовала и лирика—религиозная и эротическая, в которой Калидаса играл также видную роль [4]).

Очень важным памятником санскритской литературы V—VI веков после Р. Х. является „Панчатантра" (Пятикнижие), собрание басен, назидательных рассказов и поучений,—источник феодальной дидактической и романической повествовательной литературы не одной Индии, но и стран запада и даже России [5]).

Уже старые Пураны, предшественницы больших эпических поэм, содержали в себе исторические сведения—перечни династий и царей. Отсюда развились местные летописи и вообще историческая литература, главным представителем которой в XII в. по Р. Х. был Кальхана, автор „Истории Кашмира" [6]).

В XI в. развитие достигли метрика, поэтика и риторика [7]). В VI веке после Р. Х. появились в Индии самостоятельные зачатки математики. Индусские математики разрабатывали основы тригонометрии, теорию чисел до решения квадратных и неопределенных уравнений, изобрели десятичную систему счисления [8]).

Буддийскую архитектуру и ее стиль, топы или ступы,

---

[1]) Там же, стр. 136—188.

[2]) Там же, стр. 191—192.

[3]) Там же, стр. 195—196, 200.

[4]) Там же, стр. 208, 209.

[5]) Там же, стр. 212; De la Mazeliere, Essai sur l'evolution de la civilsation indienne, I, стр. 94.

[6]) Weber, The History of Indian Literature, стр. 213, 214.

[7]) Там же, стр. 231 и сл.

[8]) Лоренц, Элементы высшей математики: вступительный очерк истории математики, составленный Шереметевским.

пещерные храмы—исследователи индийского искусства правильно сближают с христианской базиликой, предшественницей романского искусства [1]). Больше изящества, легкости, а с XI в. и монументальности в джаинитской архитектуре [2]). Тип индуистской храмовой архитеатуры—святилище, окруженное внутренним двором, прямоугольный план святилища и пирамидальная башня в несколько этажей. Сооружения—массивны, огромны, величественны [3]). Смысл этих перемен, преемственно связанных с буддийским искусством, тот же, что и смысл улучшенной, французской романской архитектуры: рост религиозного чувства. Любопытны и местные архитектурные различия и особенности, соответствующие феодальной раздробленности: здесь важно не только различие по религиям и сектам—буддийская, джаинистская, индуистская архитектура, но и различия в стилях индуистского искусства—дравидский стиль (пагоды), индо-арийский и проч. [4]).

Общая психическая физиономия правящих феодальных верхов индусского общества достаточно ярко характеризуется конкретными данными, касающимися духовной культуры того времени. Понятно, что как только исследователи пытаются характеризовать ее, сделать общие выводы, они не находят для этого других способов, как указания на то, что, при всей своей роскоши и рафинированности, верхи общества отличались жадностью, скупостью, жестокостью, развратом [5]),—всеми свойствами, обычными и характерными, типичными для психологии активного эгоизма. Массам естественно прививались при этом навыки покорности, смирения, пассивного эгоизма, в лучшем случае перерождавшиеся в религиозно-этическое настроение, господствовавшее в разных шиваитских сектах.

---

[1]) Maindon, L'art indien., P. 1898, стр. 16, 24, 26.

[2]) Там же, стр. 39, 40.

[3]) Там же, стр. 52, 54, 57.

[4]) Там же, стр. 51.

[5]) De la Mazeliere, Essai sur l'évolution de la civilisation indienne, I, стр. 115, 120.

XVIII.

Феодальный Египет.

В хозяйстве Египта—именно Древнего царства—по мере приближения ко второй половине третьего тысячелетия до Р. Х. наблюдается рост торговли [1]). Косвенными указаниями в том же направлении перехода к зачаточному денежному хозяйству надо признать и факты продажи и покупки земли [2]), и появление городского ремесла [3]), конкурренцию которому составляли кустари в имениях крупных землевладельцев: у одного из них Ти, жившего при пятой династии, были столяры, каменщики, кузнецы и пр. [4]). Повидимому, местные узкие, замкнутые рынки преобладали, как показывает существование и городских ремесл и вотчинных, сеньериальных кустарей. Общественный и государственный строй Египта был и после третьей династии, т.-е. первой, которая правила Древним царством, в общем и целом таковы же, как раньше: основы феодализма ведь уже тогда были заложены. Но должность дворецкого уже при четвертой династии становится наследственной, а при пятой и шестой династиях наследственными оказываются и областные правители [5]). Духовная и светская знать сосредоточивает в своих руках огромные земельные богатства. И, наконец, с шестой по десятую династию (2400—2150 г. до Р. Х.) феодализм достигает полного развития: обладатели наслед-

---

[1]) Meyer, Gesch. des Altertums, I, 2, стр. 181; Брэстед, История Египта, I, стр. 99; Тураев, История древнего востока, I, стр. 210—213.

[2]) Meyer. Gesch. des Altertums, I, 2, стр. 182.

[3]) Там же, стр. 183; Брэстед, История Египта, I, стр. 98.

[4]) Meyer, Gesch des Altertums, I, 2, стр. 183.

[5]) Там же, стр. 174—177; Брэстед, История Египта. I, стр. 77—84.

ственных членов становятся настоящими государями. Между ними выделяются особенно крупные феодалы—в Гераклеополе Сиуте, Фивах [1]).

Конечно, прежняя психическая аморфность разве еще только с прибавкой рабской приниженности, смирения, пассивного эгоизма господствовали в массах населения в Египте, как и везде: униженные позы крепостных, их каторжный труд, телесные наказания на картинах эпохи Древнего царства—лучшие, наглядные тому свидетельства.

В этих картинах видна и основная психическая складка подчиненных классов—страх перед социальным одиночеством и сознание, что спастись от общественных опасностей можно только отдавшись под покровительство сильных. И на-ряду с этим ярко рисуется алчность господ положения, жадный захват ими всяких хозяйственных благ, добываемых трудом крепостных [2]).

Искусство в это время стоит невысоко в эстетическом отношении: активный эгоист не имеет развитого эстетического вкуса, потому что вся его эмоциональная жизнь отличается большой бедностью, крайним убожеством содержания. Типичны в этом отношении пирамиды. Характерна в них прежде всего форма. Ступенчатая пирамида Зосера имитировала старые плотины из высушенного ила. Потом плотины стали строиться прочнее, с прибавкой камня,—и получилась новая имитация—скошенная пирамида Снофру из трех этажей, из которых каждый подымается под своим особым косым углом. Наконец, пирамиды Хуфу (Хеопса), Хафре (Хефрена) и Менкуре (Микерина) и другие состоят из сплошных плоскостей, наклонных к основанию — точь в точь, как быки при постройке мостов, для прочности при наводнениях. Хозяйственный расчет, а не эстетика—вот психологическая основа такого искусства [3]).

Кроме того, здесь, конечно, влияют еще религиозные пред-

---

[1]) Meyer, Gesch. d. Altertums, I, 2, стр. 209, 220; Тураев, История древ. востока, I, стр. 209, 217; Виппер, Древний восток и Эгейская культура, стр. 51.

[2]) Тураев, История древ. востока, I, стр. 209; Виппер, Древний восток и Эгейская культура, стр. 47.

[3]) Meyer, Gesch. d. Altertums, I, 2, стр. 163; Брэстед, История Египта, I, стр. 116; и сл.; Виппер, Древний восток и Эгейская культура, стр. 43.

ставления, прежде всего страх смерти: бессмертие зависит от прочности и величины гробницы; чем знатнее, сильнее и богаче человек, тем больше и прочнее он может выстроить себе гробницу. И вот каждый год царь пристраивает себе ее побольше. Чем дольше длится царствование, тем выше пирамида [1]). Прав выдающийся французский египтолог, говорящий: „драгоценное украшение, по своему назначению, прежде всего фетиш и амулет; роль его, как украшения, второстепенна; тем более храм, статуя, декоративная орнаментика, одним словом, всякое произведение искусства есть выполнение культа, религиозный акт“ [2]).

Страх смерти создал и идею искупления и придал ей с течением времени новый смысл и новые формы. Страсти Озириса становятся искуплением богов и людей [3]). Первым важным шагом здесь является отношение Озириса к жертве, приносимой при праздновании его страстей: жертва эта—бык, сообщник злого Сета; и вот этот самый бык несет на своей спине Озириса на небо и отдает свою кожу, чтобы из нее сделан был парус для божественной лодки, в которой переправляются в рай [4]); здесь искупитель увлекает и врага на путь спасения [5]). Затем второй шаг: все подношения Озирису, хлеб, мясо, плоды, вино, молочные продукты, считаются плотью и кровью его и вкушаются жрецами и верующими, приобщающимися таким образом к искупительной жертве [6]).

Пока еще все здесь довольно грубо, материально, все продиктовано страхом смерти. Но душа—по крайней мере со времен пятой династии—уже не считается только материальным, хотя и невидимым двойником тела: рядом с телесной душой („ка“) появляется душа—дух („ба“), улетающая на небо [7]). Ей уготован рай, правда, еще не вполне духовный: там есть и поля Ялу с жатвой в семь локтей, и поля приношений, где луга уставлены хлебом, пивом и плодами, но также есть и

---

[1]) Виппер, Древний восток и Эгейская культура, стр. 43.
[2]) Морэ, Цари и боги Египта.
[3]) Там же, стр. 103.
[4]) Там же, стр. 110—111.
[5]) Там же, стр. 111.
[6]) Там же, стр. 111—112.
[7]) Там же, стр. 133; Erman, Aegypten und aegyptishes Leben im Altertum, II, стр. 415 и сл.

Дуаит, где душа живет вместе с богами [1]). Конечно, „народ довольствуется материальным раем, где боги почти не существуют и призываются в молитвах только для того, чтобы уступить людям часть своих приношений“ [2]).

Наконец, возникает идея загробного суда за грехи. И ее первое проявление чрезвычайно характерно для господствующего при активном эгоизме чувства страха; особенно важны здесь средства, какими можно достигнуть рая, даже будучи грешным: верховный судья Озирис, остальные судьи—42 божества; сердце умершего кладется на одну чашку весов, а на другую—статуэтка богини Маит (справедливость) или ее гиероглиф—перо; при равновесии—рай, в противном случае—ад; но суд Озириса, как и земной суд феодального общества, в то время был еще доступен запугиванию, подаркам и даже подлогу [3]).

Страсти Озириса послужили основанием для мистерии,—зародыша драматической поэзии в феодальном Египте [4]). Содержание этих мистерий слагалось именно из драматического изображения этих страстей. Были сухие летописи-перечень событий [5])—и феодально-религиозные поэмы.

В религиозной истории Древнего царства был момент, когда цари и руководившее ими духовенство пытались ввести монотеизм—поклонение гелиопольскому богу солнца Ра. Это было при пятой династии, которая строила храмы этому богу, долженствовавшему религиозно объединить весь Египет, как цари пытались объединить его политически [6]). Но эта попытка религиозного объединения так и не удалась, как не удалась и попытка объединения политического: хозяйственные условия сделали ее напрасной, продиктовав Египту феодализм.

---

[1]) Морэ, Цари и боги Египта, стр. 135.

[2]) Там же, стр. 134.

[3]) Там же, стр. 138—139; Meyer, Gesch. d. Altertums, I, 2, стр. 223.

[4]) Морэ, Цари и боги Египта, стр. 106.

[5]) Брэстед, История Египта, стр. 113.

[6]) Meyer, Geschichte des Altertums, I, 2, стр. 224 и след.

XIX.

Сумеро-аккадо-вавилонский феодализм.

За 2400 лет до Р. Х. область Ширпурла получала от города Аккада зерновой хлеб и материал и поставляла туда скот и молочные продукты [1]). Вот наглядная иллюстрация торговли, расчитанной на местный замкнутый рынок. Видная роль купцов и ремесленников в Месопотамии между 2400 и 1950 годами, индустрия во многих городах, высота обычного процента в 20%, употребление серебряной монеты (талант =60 мин или фунтов; мина=60 секелей или лотов), уплата деньгами налогов [2])—таковы доказательства существования в то время денежного хозяйства с узким рынком в сумеро-аккадо-вавилонском царстве. К этому надо еще прибавить кредитные операции храмов, принимавших в залог земли [3]). Существование, господство и рост земледелия [4]) также не подлежат сомнению. Цари Урской династии—Уренгур и Дунги деятельно проводили каналы, главным образом, очевидно, с целью расширить земледельческую площадь путем искусственного орошения безводных пространств [5]). Обширное феодальное землевладение—светское и храмовое—имелось тогда на лицо в Месопотамии [6]). Конечно, были и внешние торговые сношения: лагашский князь (патеси) Гудеа закупал строительный материал для построенного им в Лагаше храма местного

---

1) Тураев, История древнего востока, I, стр. 93.
2) Meyer, Geschichte des Altertums, I, 2, стр. 517.
3) Там же, стр. 516.
4) Там же, стр. 517.
5) Там же, стр. 495.
6) Там же, стр. 515.

бога Нингирсу в Сирии (кедры) и Аравии (камень) [1]). Но, разумеется, то была редкая караванная торговля и простиралась она скорее на предметы роскоши, чем первой необходимости.

Страна раздробилась на ряд самостоятельных, независимых феодальных владений, самым ярким примером которых является для нас теперь владение Гудеа в Лагаше [2]). Царствовавшая более ста лет династия города Ур, виднейшими представителями которой были Уренгур и Дунги, пыталась с юга — из Сумера объединить и весь север—Аккад [3]), по полноты объединения не достигла [4]). При позднейшей же династии города Исина развал, феодальное расчленение страны вернулось полностью [5]). С Исином даже на юге соперничала Ларса [6]), а затем образовалось, небольшое сначала, но тоже самостоятельное, Вавилонское царство, признававшее одно время верховенство царей Ларсы [7]).

В феодальном обществе господствовала и феодальная религия с местными богами: Нингирсу в Лагаше, Еа в Ериду, Енлиль в Нипуре, Син в Уре, Мардук в Вавилоне и т. д. [8]). По существу и значению все это земледельческие, главным образом солнечные божества [9]). В пантеоне Гудеа, претендовавшего на могущество и распространение своей власти, заметно стремление к систематизации народных верований в троицу Ану (небо), Бэл (земля) и Еа (вода) [10]. Вообще местные божества выдвигались на первый план с приобретением той или другой местностью особого политического веса и влияния [11]). Разумеется, обрядовый и жертвенный форма-

---

[1]) Виппер, Древний восток и Эгейская культура, стр. 61.

[2]) Там же, стр. 60; Meyer, Gesch. d. Altert., I, 2, стр. 487—492; Тураев, История древнего востока, I, стр. 94.

[3]) Meyer, Geschichte des Altertums, I, 2, стр. 94.

[4]) Тураев, История древнего востока, I, стр. 96.

[5]) Там же, стр. 97; Meyer, I, 2, стр. 500; Виппер, стр. 62.

[6]) Meyer, Gesch. d. Altert., I, 2, стр. 500; Виппер, Древний восток, стр. 63.

[7]) Виппер, Древний восток и Эгейская культура, стр. 64; Meyer, I, 2, стр. 546.

[8]) Meyer, Gesch. d. Altert., I, 2, стр. 519; Morris Jastrow, The Religion of Babylonia and Assyria, стр. 56 и сл.

[9]) Там же.

[10]) Morris Jastrow, The Religion of Babylonia and Assyria, стр. 107.

[11]) Там же, стр. 113.

лизм, магия, колдовство, гадание играли виднейшую роль в религии [1]). Медицина представляла собою смесь эмпирических наблюдений с магией и колдовством [2]). Были некоторые зародыши грамматики, местные хроники, перечни названий народов, богов и пр. [3]). В искусстве не было сделано особых успехов, как и везде в эпоху полного развития феодализма: так, статуи в Лагаше времен Гудеа отличалось только попытками более тонкой обработки голов, но скульпторы не справлялись с пропорциями [4]).

Нет возможности проследить даже с той степенью достоверности, как в феодальном Египте, психологию масс населения. Известно только, что крепостничество и рабство в Месопотамии между 2400 и 1950 годами были сильно развиты [5]), и, следовательно, угнетение трудящихся масс было большое. Можно предполагать, что это должно было развивать в их среде покорность и смирение, несколько систематизировавшие, приводившие в порядок, организовавшие психические приобретения прошлого, уменьшавшие хаотический конкретизм, духовную аморфность.

---

[1]) Meyer, Geschichte des Altertums, I, 2, стр. 523.

[2]) Там же, стр. 524.

[3]) Там же, стр. 533.

[4]) Там же, стр. 490; Тураев, История древнего востока, I, стр. 94.

[5]) Meyer, Gesch. d. Altert., I, 2, стр. 514, 515.

XX.

Феодализм ассириян и халдеев.

В XI и X веках до Р. Х., после Тиглат-Палассара, Ассирия становится не более, как небольшим феодальным владением, замкнутым в себе [1]). То было вообще время, когда в Передней Азии не существовало крупной державы [2]). Маленькая область, естественно, не имела обширного пантеона [3]). Оригинальным богом был Ассур—бог солнца и бог войны [4]). Он и ассирийская Иштар были, несомненно, местными феодальными божествами, при чем для феодального распада характерно полное равенство между Иштар и Ассуром [5]). Косвенным указанием на феодально-хозяйственную замкнутость Ассирии является тот факт, что феодальная Ассирия должна была отказаться от обладания всей торговой дорогой, проходившей вдоль Евфрата между Персидским заливом и Средиземным морем [6]). Таким образом, как ни скудны имеющиеся в нашем распоряжении данные об ассирийском феодализме, то немногое, что имеется, чрезвычайно характерно и, на основании данных сравнительно-исторического изучения, заставляет предполагать наличность целого ряда явлений, дополняющих общую картину.

---

[1]) Тураев, История древнего востока, I, стр. 5; Виппер Древний восток и Эгейская культура, стр. 114.

[2]) Там же.

[3]) Morris Jastrow, The Religion of Assyria and Babylonia, стр. 189.

[4]) Там же, стр. 189, 195, 196.

[5]) Там же, стр. 192, 205, 206.

[6]) Виппер, Древний восток и Эгейская культура, стр. 110.

Халдея с XII по VII век разделилась также на ряд мелких феодальных княжеств [1]. Халдейские феодалы во время возвышения Ассирии находились в подчинении у ассирийских царей [2]. Повидимому, в VII в. территория Халдео-Вавилонии уже экономически консолидировалась, представляла собою хозяйственное целое. Это видно из того, что там тогда были не отдельные местные феодальные князья, а брат ассирийского царя Ассурбанипала Шамашшумукин [3], бывший, следовательно, как бы „собирателем" Халдео-Вавилонии, ее объединителем, руководителем и участником процесса падения халдейского феодализма.

---

[1] Там же, стр. 113.
[2] Тураев, История древнего востока, II, стр. 75—76.
[3] Там же.

XXI.

Эгейская культура в эпоху феодализма

Эпоха феодализма на Крите, островах Эгейского моря и материке Греции в доэллинское время, во время существования Минойской или Эгейской культуры не во всех частях обозначенной сейчас территории длилась одновременно. В общем она совпадает со второй половиной средне-минойской эпохи и первой половиной поздне-минойской—приблизительно от 1700 до 1400 г. до Р. Х. [1]).

Здесь мы обладаем весьма недостаточным материалом для сколько-нибудь полной и разносторонней характеристики. Материал—исключительно археологический. Однако, и он указывает на существование уже в то время крепостного, а может быть и не только крепостного ремесла, связанного, очевидно, с местной торговлей и с феодальным землевладением, и, главное, на политическую раздробленность, феодальную обособленность отдельных частей территории, занимаемой Эгейскою культурой [2]). Существование эгейского феодализма ставится таким образом вне всяких сомнений: его подтверждает факт существования таких местных центров, как Кносс, Фест и Хагиа-Триада на Крите, Микены и Тиринф в Арголиде, Орхомен в Беотии и пр. [3]).

Всего лучше мы можем судить об эгейском, критском или минойском искусстве того времени. Дворцы и постройки в Кноссе, Фесте, Хагиа-Триаде, Микенах, Тиринфе, Орхомене

---

[1]) Fimmer, Zeit und Dauer der kretisch-mykenischen Kultur.

[2]) Dussaud, Les civilisations prècelleniques dans le bassin de la mer Egee, стр. 36 и сл., 97, 128 и др.

[3]) Виппер, Древний восток и Эгейская культура, стр. 90 -91.

не поражают ни красотой, ни высотой [1]). Феодальный дух эгоистичной практичности, вот что наложило свою печать на искусство того времени: хозяйственность, удобство феодального владыки, обеспечение его и его двора всем необходимым—вот цель строителей [2]). Керамика оригинальнее и изящнее, но в то время и она еще не достигла той высоты, которая отличала ее позднее [3]). Более оригинально было искусство в главном центре—на самом Крите, но уже о микенском и тиринфском, тем более о кипрском искусстве этого сказать нельзя [4]). Развивалась письменность [5]).

---

[1]) Там же, стр. 86; Meyer, Gesch. d. Altertums, I, 2, стр. 705 и сл.
[2]) Там же.
[3]) Dussaud, Les civilisations prehellenqiues, стр. 63.
[4]) Там же, стр. 121—122, 183.
[5]) Там же, стр. 294; Meyer, Gesch. d. Altert., I, 2, стр. 713.

XXII

Хетиты после XIV века до Р. Х.

Суббилулиума и его ближайшие преемники подготовили, как нам уже известно [1]), феодализм у хетитов. Сам Суббилулиума большею частью оставлял покоренным народам—и не только родственным хетитам, каково было царство Митанни, но и другим,—их царей и князей, делая их только своими вассалами [2]). Такой же в сущности феодальной монархией была, как мы видели [3]), и Персия после завоеваний первых Ахеменидов и реформ Дария, почему мы о ней в этой главе нашей работы и не будем говорить особо.

Но и эта, в сущности феодальная, не объединенная внутренно, Хетитская монархия не существовала долго в своем формальном единстве: не создалось еще тогда хозяйственной почвы для этого, слишком слабы были экономические связи между отдельными частями державы, образованной завоеваниями Суббилулиумы. Империю хетитов постигают и внешние удары, которые окончательно помогают ее раздроблению на отдельные независимые, а потому подчиняющиеся иностранцам феодальные княжества. Уже в XIII в. до Р. Х. при Кадеше хетиты были разбиты египетским фараоном Рамзесом II, которому, впрочем, не удалось упрочить победу [4]). В XII столетии хетиты испытывают новые сокрушительные удары [5]), и в XI, X веках и позднее находятся в состоянии полного феодального распада. Наконец, в исходе VIII века ассирийский

---

[1]) См. том I, главу четвертую, отдел XXIV.
[2]) Виппер, Древний восток и Эгейская культура, стр. 98.
[3]) См. том I, главу четвертую, отдел XXV.
[4]) Garstang, The land of the Hittites, стр. 343.
[5]) Тураев, История древнего востока, I, стр. 339.

царь Саргон II после сражения при Кархемише окончательно уничтожил последний остаток хетитского царства [1]), погибшего таким образом в стадии развитого феодализма.

Духовная культура хетитов в эпоху феодализма, как можно судить по некоторым признакам, отличалась обычными феодальными чертами: было много местных богов у отдельных княжеств [2]), буква, обряд, религиозная форма подавляли моральную сторону религиозного учения [3]).

---

[1]) Там же, II, стр. 67.
[2]) Wright, The empire of the Hittites, стр. 77.
[3]) Там же, стр. 75.

XXIII.

Феодализм у древних евреев.

С половины X в. до половины VII древние евреи переживали период феодализма вполне развитого, законченного. Имелись налицо в то время прежде всего хозяйственные признаки феодализма—рост и развитие земледелия, ремесл, торговли, денежного хозяйства, обслуживающего небольшой замкнутый рынок. Появились торговые и ремесленные поселения около крепостей, древних городов—убежищ [1]). Земледелие и виноградарство шло вперед [2]). Масса земли окончательно сосредоточилась в руках светской феодальной аристократии и у храмов [3]). Сложилась вполне ленная система [4]). Крестьяне были закрепощены и обязаны барщиной и оброком [5]).

Соответственно этому и в общественном и в государственном строе господство приобрели князья и жрецы, во всем равные по значению и власти князьям [6]). Единство царской власти у евреев не сохранилось: после Соломона появилось два царства—Израильское на севере со столицей в Бэт-эле или Самарии и Иудейское на юге со столицей в Иерусалиме [7]). Они были независимы одно от другого, и потому цари их соперничали и боролись между собою. Но и власть царей была ничтожна: они ничего не могли сделать

---

1) Никольский, Древний Израиль, стр. 120.
2) Там же, стр. 120.
3) Там же, стр. 120, 143.
4) Wellhausen, Israelitische und judische Geschichte, стр. 86.
5) Никольский, Древний Израиль, стр. 120.
6) Там же, стр. 117, 157.
7) Там же, стр. 117

без князей, „доблестных рыцарей“, как они звались в то время [1]). Иногда князья возводили на престол не законных его наследников, а тех, кого хотели, а израильские князья возвели даже новую династию—Омри [2]). Суд был всецело в руках князей и жрецов и вершился по народным обычаям, которые записаны не были и потому нисколько не стесняли произвола судей [3]).

Во второй половине VIII века начались нападения ассириян, а в 735 г. ассирийский царь Тиглат—Паласар II окончательно покорил северное, Израильское царство, а когда началось новое восстание, Салманассар увел в плен еврейскую феодальную аристократию и поставил на ее место ассирийскую знать, так что положение масс населения осталось прежним, изменилась только национальность лиц, составлявших господствующий класс [4]).

Феодализировалась и духовная культура, прежде всего религия. Ягве оставался попрежнему одним из богов, далеко не единственным; рядом с ним почитались многие местные боги [5]). Религия отличалась по преимуществу земледельческим характером, почему земледельческими были и главные праздники—Пасха, приношение богам первых, наскоро изготовленных из только-что сжатого зерна хлебов—опресноков, Пятидесятница—после окончания жатвы, через семь недель после Пасхи, и праздник Кущей по окончании сбора плодов и винограда [6]).

Гнет, нужда, притеснения, испытываемые народом, вызывали в нем большое недовольство. Феодальная религия не утешала и не помогала в беде. Этим было вызвано религиозное движение в народных массах, в передовых их слоях,—пророчество, бывшее по отношению к господствующей религии не чем иным, как ересью, сектантством. Началось пророческое движение за 800 лет до Р. Х [7]). Уже первые пророки, Илия и Елисей, проповедывали единобожие, поклонение одному только

---

[1]) Там же, стр. 117; Wellhausen. Isr. und jud. Gesch., стр. 91.
[2]) Никольский, Древний Израиль, стр. 117.
[3]) Там же, стр. 120.
[4]) Там же, стр. 145—146.
[5]) Там же, стр. 123.
[6]) Там же, стр. 126—128.
[7]) Там же, стр. 132; Wellhausen, Israel. und jud. Gesch., стр. 125 и сл.

Ягве и отказ от почитания всех других богов [1]), и с тех пор такое единобожие стало основным положением всего пророческого движения. Около 760 г. простой пастух Амос тоже выступил как пророк, преемник Илии и Елисея. Он обличал царей, жрецов и князей, обличал их неправедный суд, грабежи и насилия и грозил им гневом Ягве и гибелью царства. Амос высмеивал местные феодальные религии и многочисленных местных богов и проповедывал нравственность и добро [2]). Понятно, это вызывало противодействие и возмущение в среде господ положения, феодалов духовных и светских, но в то же время привлекало и увлекало народ. „Правды нет у сильных мира сего; правда одна —у единого Бога"—вот основное положение всего пророческого движения [3]).

Иудейской пророк, проповедывавший в Иерусалиме, Исаия внес важную новость в пророческое движение: он также обличал князей и жрецов, именовал их мошенниками и ворами, подкупными и неправосудными [4]), он предвидел бедствия и гибель [5]), но предрекал и новое спасение, веру в грядущего царя—мессию, помазанника, который положит конец злу и неправде на земле [6]).

---

[1]) Wellhausen, Israelitische und judische Geschichte, стр. 133; Никольский, Древний Израиль, стр. 136.

[2]) Никольский, Древний Израиль, стр. 136—138

[3]) Там, же стр. 139.

[4]) Там же, стр. 147.

[5]) Там же, стр. 148 и след.

[6]) Там же, стр. 151.

XXIV.

Китайский феодализм.

Полное развитие китайского феодализма наблюдается в течение времени с конца VIII до половины IV века до Р. Х. Как ни мало исследована и разработана экономическая история Китая вообще и за эти века в частности,—все же можно считать вполне установленным, что тогда развивались земледелие, ремесла и мелкая местная торговля [1]), так что характерная хозяйственная основа феодализма имелась налицо,

Господство знати и политическая раздробленность Китая на множество удельных княжеств или феодальных владений, ленов [2]) характеризуют социальные отношения и политический строй. Многочисленность и разнообразие местных правовых обычаев [3]) находятся в полном согласии с господством феодализма. Эта картина дополняется различными местными культами и сепаратизмом письма в феодальном Китае, особого опять-таки для каждого отдельного крупного лена [4]). Можно даже проследить факт существования настоящей феодальной иерархии: бывало то 12, то 14, то 21 крупных княжеств, в состав которых входило до 60 и более—даже до 124—мел-

---

[1]) Schüler, Abriss der neueren Geschichte Chinas, Berl. 1912, стр. 16; Plath, Confucius uud seine Schuler, Leben und Lehren Abhandlungen der bayerischen Akademie der Wissenschaften, XI, I, стр. 444.

[2]) Георгиевский, Первый период китайской истории, стр. 84 и сл.; Hirth, The ancient history of China, стр. 143 и сл.

[3]) Георгиевский, Первый период китайской истории, стр. 275.

[4]) Там же, стр. 295, 297.

ких ленов [1]), принадлежавших, следовательно, выражаясь европейским феодальным языком, аррьер-вассалам.

Кроме религии, и другие проявления духовной культуры отмечены были печатью феодального влияния. Так, летописи велись во многих уделах, и Конфуций вел летопись удела Лу типично - феодальную, тенденциозную, составленную в интересах именно данного княжества [2]). Существовала, по-видимому, и феодальная поэзия обычного типа [3]).

VI век и начало V века до Р. Х. замечательны появлением двух религиозно-филисофских учений в Китае—даосизма Лао-цзы и конфуцианства Даосизм Лао-цзы был схоластикой феодального типа, имевшею целью внушить идею смирения, покорности, самоотречения. Эти добродетели, вытекающие из понятия о суете мирской, возвращают человека, по Лао-цзы, к Дао,—Безымянному, Абсолюту, началу всех начал, всеобщему порядку и вместе высшему нравственному принципу [4]).

Учению Конфуция была почти совершенно чужда метафизика, и в сущности очень мало было в нем и богословия. Признавались все существующие верования: Небо считалось всевидящим и всезнающим создателем, от которого происходят правители, почему обязательно полное им повиновение. Между Небом и людьми есть посредники—духи и демоны, т.-е. святые. Природе свойственна гармония, в ней все гармонично, стройно, целесообразно. Человек рождается поэтому добрым, и чтобы таким остаться, должен только познать окружающее и самого себя: добродетель—знание. Главные добродетели—умеренность, почтительность, преданность, верность. Женщина обязана быть рабски покорной мужчине, для которого развод—дело очень легкое, совершенно доступное [5]).

---

[1]) Schuler. Abriss der neueren. Gesch. Chinas, стр. 8; Георгиевский, стр. 86; Plath, стр. 400—401.

[2]) Legge, The Chinese Classics, м. V, ч. I, стр. 8, 9, 3, 4; Георгиевский, стр. 213.

[3]) Георгиевский, Первый период китайск. истории, стр. 219.

[4]) Боттани и Дуглас, Великие религии востока, II, стр. 90, 109, 111, 112; Георгиевский, Первый период кит. истории, стр. 299, 300, 303.

[5]) Беттани и Дуглас, Великие религии востока, II, стр. 42, 47, 57—58, 61, 73, 74; Георгиевский, стр. 313, 316; Plath: «Abhandlungen», XIII, 2, стр. 137, 171, 177; Gabelentz, Confucius und seine Lehre, Leipz., 1888, стр. 24, 43, 49.

И даосизм и конфуцианство созданы мыслителями, вышедшими из среды рядового дворянства, мелкого служилого люда. Они—интеллигентские попытки того времени осмыслить жизнь и мир. Непосредственного успеха и приложения к жизни они тогда не имели. В этом отношении они все были в будущем. Но для феодальной эпохи оба учения все-таки важны, как показатель психологии средних слоев общества и вообще всех не правивших тогда, подчиненных классов: активный эгоизм господ положения до такой степени пригнетал, преследования так приучали гнуть спину [1]), что угнетаемые оказывались способными только на смирение и покорность и религиозно-филисофское их оправдание.

---

[1]) Беттани и Дуглас, II, стр. 28.

XXV.

Феодализм в Японии.

Расцвет феодализма в Японии продолжался с X в. по Р. X. до половины XVI. Земледелие в то время господствовало: это видно из того, что уже в XIII в. неурожай имел огромное значение для народного хозяйства и приобретал значение всенародного бедствия [1]). К культуре риса в начале XV в. присоединились посадки чайного дерева, вывезенного из Китая [2]). Существовала торговля, были богатые купцы, особенно в Киото [3]), при чем внутренние таможенные заставы феодальных владетелей [4]) разбивали страну на ряд мелких местных рынков. Аррьер-вассалы, которых было много, напр., у феодальных фамилий Тайра и Мина-мото [5]), доказывают фактом своего существования образование феодальной иерархии. Известен целый ряд феодально - аристократических фамилий в Японии X —XVI веков. Сюда относятся фамилии Фуцзы-вара, Абе, Мина-мото, Кио-вара, Тайра, Ито, Хо-цзё, Аси-кага и пр. Многие из них владели обширными ленами. Так, у рода Тайра во второй половине XII в. было до 500 имений в 30-ти разных провинциях [6]). Особенно обширны были и совершенно почти независимы феодальные владения на севере Японии и на острове Киу-Сиу [7]).

---

[1]) Костылев, Очерки истории Японии, стр. 135.
[2]) Там же, стр. 191.
[3]) Там же, стр. 203.
[4]) Там же, стр. 242.
[5]) Там же, стр. 87.
[6]) Там же, стр. 96, 111.
[7]) Там же, стр. 86, 119, 165, 188.

Как и везде, между светскими князьями и духовными феодалами—бонзами, монахами существовали рознь, соперничество, борьба. Бонзы, повидимому, старались усилить императорскую власть, опереться на нее, напр., при императоре Сира-кава во второй половине XI в. [1]). В XII в. они боролись против фамилии Тайра [2]), которая фактически правила государством, оттеснив от власти род Фуцзи - вара. Но светская аристократия в конце XII в. основала шогунат с целью самозащиты: шогун—начальник войска—был назначен из фамилии Мина-мото и должен был отстранить императора от всякой власти [3]). В XIII веке фактически правит государством фамилия Хо-цзё, которая руководит победоносной борьбой шогуната с императорской властью [4]). И хотя дом Хо - цзё погиб в этой борьбе жертвой ненависти со стороны других „даймиосов" (феодальных князей), но шогунат остался в полной силе и в XIV и XV веках и даже в первой половине XVI, когда шогунами были наследственно члены дома Асикага [5]).

Хо-цзё в XIII в. старались слить воедино шинтоизм—древнюю японскую фетишистскую и родовую религию—то с буддизмом, то с конфуцианством [6]). Впрочем, хотя еще в IX в. жрец Ку-кай или Кабо-дайши объявил шинтоистские божества воплощениями Будды [7]), но шинтоистская религия попрежнему оставалась господствующей все время в феодальной Японии.

---

[1]) Там же, стр. 86.
[2]) Там же, стр. 97, 105.
[3]) Там же, стр. 118 - 121.
[4]) Там же, стр. 125, 133.
[5]) Там же, стр. 156, 160 и след.
[6]) Там же, стр. 135, 137.
[7]) Беттани и Дуглас, Великие религии востока, I, 225.

XXVI.

Общая характеристика развитого феодализма.

Когда исследовались первобытное человечество и быт дикарей, не могло быть речи об изучении местных различий, особенностей и отклонений. Уже недостаток материала, потеря многих фактов и данных делали это невозможным. Хорошо и то, если по отношению к столь отдаленным временам удается схватить целое, общее, основное. К тому же едва ли и можно предполагать сколько-нибудь значительные расхождения и отклонения от общего хода развития на первоначальных его ступенях: слишком еще слабы и потому однообразны, однотонны условия общежития, зародыши общественных связей и отношений.

Это в полной мере подтверждается изучением развития родового и племенного общества, быта варваров: тут уже материал более обилен, и, однако, однотипность, единообразие, полное сходство в развитии варварских обществ устанавливаются твердо, с полной уверенностью в достоверности этого.

Но уже в эпоху феодальной революции дело обстоит не так: уже тогда нами наблюдались некоторые местные отличия и отклонения. Разнообразие стало проявляться, при всем общем сходстве, и требовало объяснений.

Еще в большей степени это справедливо по отношению к периоду развитого феодализма. Окидывая общим взглядом историю отдельных феодальных культур, вкратце изложенную на предшествующих страницах, мы можем различить три типа феодализма—французский, английский и русский.

Чистый, классический, законченный и вместе с тем наиболее распространенный тип развитого феодализма—это тип

французский. В хозяйственном отношении он характеризуется переходом к элементарному денежному или товарному хозяйству с резким разделением страны на местные, узкие, замкнутые рынки при продолжающемся или, вернее, завершающемся господстве земледелия. В землевладении торжествует наследственный и доступный для отчуждения лен или феод. Устанавливается феодальная иерархия: мелкие лены и ленники экономически и политически тяготеют к крупным феодальным владениям, барониям, и их собственникам высшим баронам, королевским пэрам. Эти последние обладают полнотою суверенных прав, тогда как более мелкие королевские вассалы и аррьер-вассалы баронов обладают лишь иммунитетом, урезанными государственными правами. Так как небольшой местный рынок требует для своего сохранения организации, точной и мелочной регламентации, чтобы этот хозяйственно-самодовлеющий мирок не распался и не погиб, то отсюда проистекает прикрепление крестьян к земле, т.-е. исчезновение или по крайней мере сильное уменьшение личного рабства, серважа, гильдейская регламентация торговли и цеховое устройство ремесла. Монашество, защищая свои интересы, создает для себя центральный объединяющий орган—папскую власть, через посредство которой оно правит церковью и сильно влияет на светскую власть, и в то же время сохраняет королевскую власть, помогает ей утвердить принцип монархической наследственности, отражающей в себе и наследственность ленов, и содействует консолидации, объединению королевского домэна, параллельно которому консолидируются и домэны баронов. Все управление проникнуто вотчинными началами. Цель государственного союза в это время—личное господство, субъектом власти является личность. В психологии правящих классов окончательно слагается, как господствующая черта, активный эгоизм, которым определяется характер и феодальной религии, и поэзии, и искусства—в романском стиле начальной ступени его развития, вообще всей духовной культуры феодальной знати. В психологии и духовной культуре средних слоев общества, лучше всего представляемых монашеством, наблюдаются новшества: во-первых, рационалистическое течение, психология разумного, культурного эгоизма, проводящего в жизнь некоторые моральные начала и вносящего в искусство и литературу религиозность и религиозный символизм, во-вторых—мистическое

течение, наложившее свою печать на архитектуру (позднейшие перемены в романском стиле), музыку и проповедь. В то же время и в интеллигенции и в народных массах зарождаются и делают первые шаги вперед протестующие против феодального строя еретические учения, в интеллигенции эти ереси окрашены рационализмом, в народных массах отчасти психологией смирения и покорности, отчасти порывами мистического и эсхатологического характера, исканиями царства справедливости и равенства.

Английский тип феодализма во всем сходен с французским, за исключением следующих его отличий от него: узкий местный рынок держится недолго и скоро сменяется более или менее обширным рынком; вследствие этого крепостничество слабо и сближается со свободным держанием, социальный и политический феодализм не силен, и преодоление его оказывается сравнительно скорым и легким, откуда происходит ограничение королевской власти совокупным действием феодальной знати, рыцарства и горожан. Обычные черты феодальной психологии и духовной культуры осложняются некоторой примесью индивидуалистических стремлений и порывов. Таким образом английский тип феодализма оказывается более передовым, быстрее развивающимся, чем французский. Причина ясна: она заключается в экономических особенностях феодальной Англии.

Другими, прямо противоположными английским, были экономические особенности феодальной России. Если английский тип феодализма был экономически-передовым, то северо-восточная приволжская и приокская Русь оказывается хозяйственно-отсталой не только по отношению к Англии, но даже и по сравнению с Францией: хозяйство осталось натуральным; условное земельное владение не превратилось в наследственное и отчуждаемое; иммунитеты не превратились в полный суверенитет, за исключением непродолжительного момента в XIII веке для отдельных великих княжеств; не создалось ни прочного прикрепления крестьян—были только его зародыши,— ни развитой организации торговли и ремесла. Во всем прочем существовало большое сходство с другими странами.

Русский тип остался почти без повторений: он в высшей степени своеобразен. И объясняется это главным образом колонизацией, передвижениями населения, сохранявшими надолго старые, традиционные хозяйственные отношения, сдер-

живавшими их изменения, делавшими эти изменения весьма медленными: населению не под силу было преодолеть огромную, непомерно большую территорию.

Даже южная и западная Русь и Литва, особенно в передовых своих частях, ушли далеко вперед от северо-восточной Руси и приближались по типу феодального развития к Франции. Такое же промежуточное положение занимали грузинский, армянский, турецкий, отчасти также отличавшиеся замедленным темпом развития скандинавский, сербский, болгарский, румынский феодализмы.

Напротив, английский тип феодализма имеет себе исторические параллели, объясняемые сходными экономическими условиями, в Чехии и Венгрии.

Что касается всех остальных стран, то феодализм в них приближался, если не считать совершенно второстепенных, маловажных подробностей и мелочей, к французскому типу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Муниципальный феодализм.

I.

Русские вольные города XII и XIII веков.

По отношению к русским вольным городам—Новгороду и Пскову—деятельность Владимира Святого и Владимира Мономаха имела то же организующее, объединяющее и полагающее основу более важной роли земледелия и крупного землевладения значение, какое она имела для всей России X, XI и XII веков: то была первая стадия подготовки феодализма, сильно, однако, отставшая, как мы видели, от соответствующих, но дальше развивающихся явлений в других странах и у других народов. Мы увидим ниже, как дело пошло позднее в северо-восточной Руси. Но теперь мы должны познакомиться с явлениями особого типа, бывшими в русских вольных городах признаками перехода к феодализму не обычного вида, а к муниципальному феодализму. Эти явления в вольных городских общинах своеобразно продолжали и вместе видоизменяли процесс, совершавшийся в России X, XI и XII столетий.

Корень этого своеобразия и здесь был в хозяйстве области вольных городов XII и XIII веков. Уже в Обонежской пятине Великого Новгорода, занимавшей часть нынешней Новгородской губернии, почти всю Олонецкую и часть Архангельской близ устья реки Онеги, довольно рано наблюдались значительные успехи земледелия. Об этом свидетельствует яркая, колоритная, характерная картина северной

пахоты, набросанная в былине о Микуле Селяниновиче, наглядно изображающей именно победу земледелия: „омешки по камешкам почеркивают, то коренья, каменья вывертывает, да великий он каменья вси в борозду валит“: каменья—валуны, обычное явление на полях нынешней Олонецкой губернии [1]). Разумеется, в остальных четырех пятинах Новгородской области—Вотской, Шелонской, Деревской и Бежецкой с некоторыми пограничными внепятинными округами и в области Псковской земледелие еще более выдвигалось на первый план. Но все-таки характерной чертой здесь является то, что сплошь и рядом не хватало своего хлеба, и всегда чувствовалась поэтому нужда в привозном зерне. Это лучше всего подтверждается тем обстоятельством, что суздальские князья XII и XIII веков, при каждой ссоре с Новгородом, подвергали новгородцев всем бедствиям голода, прекращая доставку хлеба из области Волги и Оки. Так, под рядом годов в летописях встречаем известия о голоде [2]). Цены на хлеб при этом достигали нередко громадной высоты, что в стране земледельческой по преимуществу было бы в такой мере невозможно.

Гораздо важнее земледелия, из продуктов которого высоко ценились на внешнем рынке лишь лен и конопля, было скотоводство. От XIII века до нас дошла любопытная духовная грамота новгородца Климента. Если мы раскроем ее, то увидим, что скот—лошади, свиньи и овцы—составлял одно из главных богатств завещателя [3]). Далее, во всех почти договорах Новгорода с князьями находим условия, определявшие права князя относительно пользования „пожнями“ [4]) или сенокосами; это условие не вносилось бы в договоры, если бы скотоводство не было значительным.

В то же время в области Новгорода и Пскова продолжала сохранять важное значение добывающая промышленность. Одним из главных и притом серьезных занятий новгородцев

---

[1]) В. Миллер, Очерки русской народной словесности, М. 1897, стр. 168.

[2]) См. Новг. 1 и 4 летописи под 6678, 6722, 6723, 6736, 6738 годами.

[3]) Владимирский-Буданов, Хрестоматия по истории русского права, вып. I, изд. 2, стр. 117, 118.

[4]) Собр. Гос. Грам. и Догов., т. I, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15. Акты Арх. Эксп., т. I, № 57.

и псковичей XII и XIII веков была охота. В 1270 г. был изгнан из Новгорода князь Ярослав Ярославич Тверской, при чем новгородцы „исписаша на грамоту всю вину его“ В чем же состояла эта вина? Вот в чем главным образом: „чему еси отъял Волхов гоголными ловци, а поле отъял еси заячими ловци?“ [1]). Таким образом злоупотребление гагачьей и звериной охотой считалось достаточным основанием для изгнания князя: очевидно, охоте придавали весьма большое значение. Это легко усмотреть и из договоров Новгорода с князьями: князья обязуются на охоту ездить в Русу только осенью, а в Ладогу летом, при чем обыкновенно не каждый год, а раз в три года; князь имел право бить диких свиней за 60 верст от Новгорода, не дальше [2]). Имело значение и рыболовство: новгородские князья, по договорам, имели право „в Ладогу слать осетрьника“ [3]). Много занимались также новгородцы и псковичи пчеловодством: борти—одно из видных угодий в имении Климента, по его завещанию [4]); новгородские князья посылали своего медовара в Ладогу [5]). К XIII столетию относятся первые известия о солеварении в Русе.

Но важнее всего в хозяйстве—сильный рост внешней торговли. В качестве свидетельств об этом росте прежде всего обращают на себя внимание договоры Новгорода с немцами,—с островом Готландом и с ганзейскими городами. Таковы договоры 1195 г. [6]), конца 50-х годов XIII века [7]), 1270 г. [8]). Все это договоры по существу своему чисто торговые: в них определяется порядок торговых сношений, устанавливается торговый и общий суд между иностранцами и новгородцами, нормы права, по которым должны вершиться судебные дела и т. д. Данные, доставляемые нам торговыми договорами, пополняются донесениями и грамотами немецкого

---

[1]) Новг. 1, 3 и 4 лет. под 6778 г.

[2]) Собр. Гос. Грам. и Догов., т. I, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15; А. А. Э., т. I, № 57.

[3]) Там же.

[4]) Владимирский-Буданов, Хрестоматия, I, стр. 117, 118.

[5]) С. Г. Гр. и Дог., т. I, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15; А. А. Э., т. I, № 57.

[6]) Владимирский-Буданов, Хрестоматия, I, стр. 89—92.

[7]) Никитский, История экономического быта Великого Новгорода.

[8]) Там же.

купечества и администрации немецких торговых городов [1]); любопытный материал, содержащийся в этой переписке, указывает, что новгородские купцы ездили торговать в Нарву, Ревель, Дерпт, Ригу, Данциг, на о. Готланд, в Любек, в Або, Выборг и Стокгольм, что немцы ввозили в Новгород иногда хлеб и всегда соль, железо, медь, золото, серебро, олово, свинец, краски, сукна (английские, фландрские и немецкие), полотна, металлические изделия, вина, фрукты, конфекты, а вывозили оттуда главным образом меха—собольи, бобровые, куньи, лисьи, хорьковые, горностаевые, медвежьи, волчьи, заячьи, беличьи,—воск и мед, ворвань, свиное сало, лен и коноплю, что, наконец, внешняя торговля нередко сопровождалась кредитными сделками. О развитии кредита свидетельствует также и особый источник, весьма ценный во многих отношениях: это так называемая „Рижская долговая книга" [2]). Далее, на первостепенное значение внешней торговли в хозяйственной жизни Новгорода указывают договоры Новгорода с князьями, в которых содержатся условия, что князь должен торговать на Немецком дворе непременно через новгородца и не имеет права приставлять приставов к этому двору или затворять его, и что в Суздальской земле нельзя брать пошлины с товаров выше определенной нормы [3]). В новгородских летописях, начиная с 1188 года, постоянно встречаются известия о торговле с немцами [4]). Только-что приведенное условие договоров Новгорода с князьями о пошлинах в Суздальской земле указывает на торговые сношения Новгорода с бассейном Оки и верхней Волги. Сношения эти с XIII века сильно оживились, в чем убеждает целый ряд наблюдений: по летописям и договорам с князьями новгороское купечество посещало Суздаль, Переяславль-Залесский, Кострому, Тверь, весь так-называемый Низовский край: в 1273 г., вследствие ссоры новгородцев с низовцами, „у гостинников по Низовской земли товар отъимаша" [5]); особенно

---

[1]) Bunge, Urkundenbuch.

[2]) Das Rigasche Schuldbuch, herausg. von d-r Hildebrand. St.-Ptb. 1872.

[3]) Собр. Гос. Гр. и Дог., I, №№ 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15; А. А. Э., I: № 57.

[4]) Новг. 1 лет. под 6698 г.; Новг. 1 и 4 лет. под 6725 г., Новг 2 и Новг. 3 лет. под 6738 г.; Новг. 4 лет. под 6895 г.

[5]) Новг. лет. под 6781 г.

красноречиво свидетельствуют о сильном развитии торговли Новгорода с бассейном Оки и верхней Волги два летописные известия: одно, относящееся к 1216 г., сообщает, что в Переяславль-Залесский приехали новгородские и смоленские купцы, при чем последних, т.-е. смоленских, было всего 15, тогда как число приехавших из Новгорода доходило до 150 [1]); по другому известию, в 1214 г. один новгородский князь, поссорившись с вечем, захотел перерезать пути новгородской торговли с Низовской землей и, заняв Торжок, „гостей боле дву тысяч изыма“ [2]). Продолжалось, наконец, и торговое движение на юг России, в бассейн Днепра: в 1225 г. князь Михаил Всеволодович, уходя из Новгорода княжить в Чернигов, сказал новгородцам: „гость ко мне пускайте“ [3]).

Но внутренняя торговля была в XII и XIII в. очень слаба, хозяйство массы населения оставалось натуральным. Недаром чеканная новгородская и псковская монета появилась только в XV в.

Итак, в массах населения земледелие и вообще сельское хозяйство достигло уже равновесия с добывающей промышленностью при сохранении натурального хозяйства; высшие и отчасти средние слои населения развили до весьма значительных размеров внешнюю торговлю.

Соответственно сохранению большого значения добывающей промышленности в XII и XIII веках, если не большая часть земли в новгородских и псковских владениях, то во всяком случае много ее сосредоточивалось в руках простых черных, свободных людей. Это видно по сохранившимся новгородским купчим, закладным данным и духовным грамотам [4]), типическим примером которых может служить хотя бы известное нам завещание Климента.

Но на-ряду с этим в Новгородско-Псковском крае можно наблюдать постепенный и последовательный, довольно сильный рост монастырского землевладения. Этот рост совершался очень часто путем вклада или завещания, типическими примерами чего являются вкладная грамота Варлаама Хутын-

---

[1]) Лаврент. лет. под 6724 г.
[2]) Новг. 2 лет. под 6722 г.
[3]) Новг. 1 и 4 лет. под 6733 г.
[4]) Акты Юридические, №№ 71, 110.

ского [1]) и духовная грамота Антония Римлянина [2]), отдавших свои земли в основанные ими монастыри. Такое дарение или завещание земельных владений в монастыри вполне понятно в обществе, живущем в натурально-хозяйственных условиях: земля оставалась наиболее значительной и самой распространенной ценностью, так что естественно и являлась удобным средством стяжать себе молитвы монашествующей братии для достижения царства небесного. Но уже от XIII в. до нас дошли закладные и купчие, показывающие, что монастыри приобретали земли и путем приема в залог и покупки [3]). Здесь мы встречаемся уже с силой капитала, который, не превратив еще хозяйства страны из натурального в денежное, явился, однако, весьма значительной примесью к натурально-хозяйственной системе, создал спрос на землю, повысил цену последней и тем вызвал обезземеление массы смердов, прельстившихся заманчивой надеждой разом получить в руки некоторую сумму денег.

Наконец, в XIII веке в летописях встречаются неоднократно указания на боярские села [4]). Очевидно, и высший слой новгородского общества, бояре, прилагал свои громадные капиталы к приобретению земель. Недаром договорные грамоты Новгорода с князьями включают в себе условие, обязывавшее князей и их бояр не покупать земель в Новгородской области [5]): очевидно, покупка сел была обычным в то время явлением. Наконец, существовал еще способ приобретения земли, несомненно применявшийся в некоторых по крайней мере случаях новгородскими боярами: это—прием свободных людей, владевших землею, в закладни. Вот почему в тех же договорных грамотах Новгорода с князьями, с целью преградить князьям возможность обогатиться землею в Новгородском крае, постоянно запрещается князьям держать где бы то ни было закладней [6]). Закладни—это то же, что коммендаты в странах Западной Европы в средние века: это лица, отдавшиеся под покровительство какого-либо силь-

---

[1]) Дополнения к Актам Историческим, т. I, № 5.
[2]) Акты Историч., т. I, № 6.
[3]) Акты Юрид., № 71, XX, XXX, XXXI, XXXVII, № 409, III, VIII.
[4]) Новг. 1 лет. под 6717 г.
[5]) Собр. Гос. Грам. и Догов., I, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15; А. А. Э., I, № 57.
[6]) Там же.

ного человека, подчинившиеся ему со своими землями в податном и судебном отношении, „задавшиеся“ люди [1]). Конечно, новые формы землевладения—монастырская и боярская частная собственность на землю—обязаны своим существованием больше всего успехам земледелия, отчасти также внешней торговле, служившей источником скопления материальных ценностей в общественных верхах.

В формах хозяйства было мало нового. Заслуживают особого упоминания только формы торгового товарищества, неразлучные с развитием внешней торговли. Мы встречаем в Новгороде еще в XII веке товарищество купцов—торговцев воском, организовавшееся около церкви св. Ивана на Опоках или на Петрятине дворище; это было товарищество на вере или коммандитное, т.-е. такое, в котором материальная ответственность участников простиралась не на все их имущество, как то бывает в полных товариществах, а лишь на сумму, внесенную в общую кассу: эта сумма равнялась здесь 50-ти гривнам, взнос которых давал звание „пошлого“, т.-е. настоящего, полноправного купца [2]). Но существовали и полные товарищества, члены которых несли материальную ответственность всем своим имуществом. До нас дошло не мало известий о новгородских и псковских купеческих компаниях [3]). В летописях встречаются указания на компанию заморских купцов, т.-е. ездивших торговать за море, за границу [4]), и на товарищество купцов-прасолов, торговцев скотом и продуктами скотоводства. По „Рижской долговой книге“, в Новгороде были купеческие товарищества побережское, лубяницкое, даславское, чудинцевское [5]). Нужды внешней торговли, главным образом перевозка немецких товаров, создали и артели лоцманов, сопровождавших суда в волховских порогах, и лодочников, разгружавших корабли и перевозивших товары в город [6]).

Конечно, и техника новгородской торговли не была уже

---

[1] Павлов-Сильванский, Феодализм в древней Руси.

[2]) Доп. к Актам Историч., т. I, № 3.

[3]) Новг. 1 и 2 лет. под 6715 г.

[4]) Новг. 1 лет. под 6911 г.

[5]) Hildebrand, Das Rigasche Schuldbuch; Лаппо-Данилевский, рецензия на книгу Никитского «История эк. быта В. Новг.»: «Жур. М. Н. Пр.» за 1895 г., дек., стр. 394.

[6]) Никитский, История экономич. быта Великого Новгорода.

прежней: внешняя торговля вольных городов становится уже большею частью не разбойничьей. Прежде всего она опиралась не на местное производство, а на богатства других областей. Другими словами, она была передаточной, транзитной: закупая в центральной России разные сырые продукты, новгородцы променивали их на заграничные товары. Затем в вольных городах для ведения торговых операций необходимы уже были предпринимательские труды, известная коммерческая техника и значительный капитал, так как не дань уже, не даром достающиеся продукты служили главной составной частью товаров, предназначенных для заграничного вывоза: эти товары необходимо было купить, добыть путем торговой эксплоатации их производителей. Вот почему торговля и денежный капитал, несмотря на сохранение натурального хозяйства, имели такое большое значение в жизни вольных городов. Не следует, впрочем, преувеличивать значение этих перемен, как ни были они важны: торговля отличалась в общем старым ярмарочно - караванным характером, лишь несколько смягченным, и сопровождалась постоянными, самыми беззастенчивыми обманами: известны жалобы немецких купцов, что новгородцы подмешивали в воск сало, смолу, песок и даже камни, продавали поддельные меха, обрезывали шкурки, красили меха и пр [1]).

Распределение народного дохода, несомненно, стало менее равномерным, чем прежде. Высшие слои населения сильно обагатились денежным капиталом. Лучшим доказательством этого служит сильное понижение процента на капитал: сохранилось предание о новгородском посаднике Щиле, который отдавал деньги в рост всего за $^1/_2$% в год [2]). Вероятно здесь процент не в меру преуменьшен, но характерен самый факт возникновения подобного предания. Наконец, появилась и стала расти земельная рента, на что указывает появление гражданского оборота—покупка, залог земли,—повышение ее ценности. Во всех этих явлениях в области распределения хозяйственных благ определяющим было влияние развития земледелия и внешней торговли, а вместе с тем и роста частной земельной собственности.

---

[1]) Там же.
[2]) Ключевский, Боярская Дума древней Руси, изд. I, стр. 249.

Переходя от хозяйства к устройству общества, мы видим, что высший слой общества в Новгороде и Пскове называется, как и в других областях древней Руси, боярами. В других местах этим термином обозначались, как известно, „княжие мужи“, военные слуги князя, его дружина. Существует мнение, что в Новгороде и Пскове боярство произошло вне связи с княжеской властью, совершенно независимо от нее, было остатком существовавших еще до князей земских бояр [1]). Не говоря уже о некоторых неясностях этого мнения,—о том, напр., что совершенно непонятно, кто такие были эти земские бояре,—существуют очень серьезные основания сомневаться в его справедливости. Основания эти формулированы в ученой литературе следующим образом: 1) о земских боярах не говорит ни один источник до второй половины XVI века; земские бояре были только позднее, у Ивана Грозного, после учреждения им опричнины, да еще в договорах Новгорода и Пскова с Ливонским орденом в XV веке этим выражением переводится немецкий термин Landesherren; 2) псковский летописец XV века, которому, конечно, хорошо известно было боярство вольных городов, однако, плохо понимает выражение «земский боярин»; следовательно, земских бояр в Пскове не было; 3) указывают, что ростовские бояре, боровшиеся с братьями Андрея Боголюбского после его смерти, были земскими боярами; но, во-первых, летописец говорит о борьбе не «ростовских бояр», а «ростовцев и бояр», считая бояр членами княжеской дружины, а, во-вторых, некоторые из этих бояр были не только княжескими дружинниками, но даже и происходили из южной Руси, не были местными боярами: таков был, напр., Борис Жидиславич, внук Славяты, бывшего на юге в Переяславле дружинником Владимира Мономаха. Итак, и в Новгороде и Пскове термин «бояре» был применен к высшему слою населения только в силу того, что этот слой вошел в состав княжеских мужей, княжеской дружины [2]). Этот вывод можно подтвердить и еще одним наблюдением: высший слой новгородского общества на первых страницах новгородских летописей, до 1118 года, ни разу не называется боярами, обычными же терминами, служащими

---

[1]) Костомаров, Северно-русские народоправства, I, стр. 21 и сл.; Беляев, Рассказы из русской истории, книга II, стр. 48.

[2]) Ключевский, Боярская Дума, 2-е изд., стр. 182—184

для его обозначения, являются выражения «нарочитые», «лучшие», «вячшие мужи», «огнищане» [1]). Таким образом, выражение «земские бояре» есть не более, как неосновательная выдумка.

Но перед нами все-таки стоит тот несомненный факт, что наступил момент, когда «нарочитые», «лучшие,» «вячшие мужи» или «огнищане» стали называться боярами. Причина этого заключается в том, что тогда как в других древне-русских городах высший слой городского населения был мало-по-малу оттеснен от политических дел княжеской дружиной, в Новгороде он уцелел, сохранил влияние, не дал оттеснить себя дружине [2]). Это произошло под влиянием следующих обстоятельств: во-первых, новгородская колонизация отличалась всенародным характером, производилась самим обществом, вне всякого влияния княжеской власти, и таким образом не давала материала для усиления князя и его дружинников; в числе других слоев общества колонизовали страну и огнищане, которые занимали довольно много земель, чем и закреплялось их самостоятельное положение; во-вторых, развитию княжеского и дружинного землевладения препятствовало еще то, что, как нам уже известно, видную роль в хозяйстве Новгородской области играла добывающая промышленность, а не одно земледелие. Такое самостоятельное экономическое положение огнищан на-ряду с невозможностью для княжеской дружины прочнее утвердиться в Новгородской области путем земельных приобретений и повело к тому, что князья стали назначать на разные правительственные должности не своих дружинников, а новгородцев из высшего слоя местного общества, а такие назначения давали им значение служилых людей и содействовали применению к ним термина «бояре», которым обозначались именно только служилые княжеские люди: так, в рассказе о вызове Мономахом в 1118 году в Киев всех новгородских нарочитых мужей новгородская летопись уже прямо называет их боярами [3]); в церковном уставе новгородского князя Всеволода Мстиславича 1135 года в числе советников князя упомянуты сотские—выборные

---

[1]) См. Новг. 1, 2, 3 и 4 лет.

[2]) Ключевский, Боярская Дума, 2-е изд., стр. 185.

[3]) Там же, стр. 186.

новгородские начальники из нарочитых мужей,—и князь называет их при этом своими мужами [1]).

Итак, в течение всего времени до XIII века древние новгородские нарочитые, лучшие, вячшие мужи или огнищане мало-по-малу обращались в бояр, участников в управления городом и его областью по назначению князя, приобретали право на занятие высших государственных должностей,—вот первый важный вывод, который можно сделать из наблюдений за социальным значением этого слоя новгородского общества. Несомненно, это было уже зародышем известного специального, сословного политического права.

В то же время вырабатывалось другое право новгородского боярства—право участия в правительственном совете. И в других городах древнейшей Руси после призвания князей выборная городовая старшина участвовала в княжеской думе, на-ряду с дружинниками князя,—то же было и в Новгороде, и все различие между последним и другими древне-русскими городскими общинами сводилось в этом отношении к тому, что тогда, как в других местах, выборные городские начальники исчезли из думы, в Новгороде они удержались в ней и приобрели господствующее значение; это приобретение так же упрочилось за новгородским боярством к началу XIII века,—мы встретимся еще с ним и познакомимся подробнее при изучении истории правительственного совета.

Итак, до XIII мы можем наблюдать только постепенную выработку двух специальных прав новгородского боярства: права исключительного занятия высших государственных должностей и права исключительного участия в правительственном совете. Следовательно, в это время еще не может быть речи о боярстве как сословии; как сословие, новгородское боярство только еще слагается.

Спрашивается теперь, были ли новгородские бояре до XIII века определенным экономическим классом? И в этом отношении можно наблюдать значительную неопределенность, брожение элементов. Большинство исследователей склонны считать важнейшим экономическим признаком боярства уже тогда землевладение. Нет, конечно, сомнения, что землевладельцы-огнищане, на-ряду с другими слоями населения,

---

[1]) Там же.

колонизовали страну и захватывали землю, но все-таки предполагать особенную концентрацию земельной собственности в руках боярства до XIII века мы не имеем никакого права. Есть признаки, которые указывают, что, на-ряду с землевладением, были и другие хозяйственные источники из которых новгородские бояре почерпали материальные средства: это была торговля, хотя она и не была еще тогда обширна, или точнее, именно потому, что она была еще не обширна и не требовала специализации, не захватывала еще всего человека, давала ему возможность посвящать свои силы и другим занятиям. Что бояре действительно торговали,—об это свидетельствует одна новгородская былина, рассказывающая о добром молодце, задавшемся «к купцу—купцу богатому, ко боярину» [1]): купец и боярин здесь отожествляются. Таким образом, и как класс, боярство не отличалось определенностью; хозяйственные, классовые его особенности еще не сложились.

С XIII века картина совершенно меняется и в политическом, и в экономическом отношениях. Земельные богатства бояр, в силу сцепления неотвратимых условий, сильно возрасли. Продукты, получаемые с этих обширных владений в виде натурального оброка, служили боярам для их домашнего обихода, а избытки их сбывались купцам. Этот сбыт давал возможность составлять денежный капитал, но для образования последнего послужили и другие источники, не менее обильные,—именно доходы с занимаемых боярами должностей и особенно проценты с денежных сумм, ссужаемых боярами купцам и другим лицам. Банкирская деятельность бояр развилась, по всем признакам, уже в XIII веке: в 1209 году народ подвергнул конфискации («разграблению») дом посадника Дмитра Мирошкинича и нашел у него множество долговых «досок», домашних расписок с обозначением должных ему разными лицами сумм [2]); нам уже известно сказание о богатом посаднике Щиле, дававшем деньги в рост за небольшие проценты.

Сделавшись в экономическом отношении крупными землевладельцами и банкирами-капиталистами, новгородские бояре перестали заниматься торговлей, требовавшей уже специализации вследствие своего развития,—специализации, не-

---

[1]) Ключевский, Боярская Дума, 1-е изд., стр. 238.
[2]) Новг. 1 и 4 лет. под 6717 г.

возможной для бояр, так как они были заняты в это время усиленной политической деятельностью. Как политическое сословие, боярство XIII века является также законченным, совершенно сложившимся целым: за ним, во-первых, окончательно утвердилось исключительное право на занятие высших должностей,—посадника, тысяцкого, сотских, старост, пригородных посадников, во-вторых, боярство вытесняет из правительственного совета еще в XIII веке княжеских дружинников, а затем той же участи подвергаются и купеческие старосты, до тех пор сидевшие в совете на правах равноправных членов [1]). Так образовались два основных специальных права боярского сословия в Великом Новгороде. Оба явились естественным последствием экономического господства боярства, как класса: в качестве крупных землевладельцев, бояре держали в своих руках живших на их земле смердов; как капиталисты-банкиры, они подчиняли себе купцов; и то и другое стало основой политических привилегий боярства, как сословия.

Новгородские и псковские бояре, имели, конечно, право участвовать в вечевой сходке; но это политическое право было достоянием всех свободных людей и не принадлежало, следовательно, к сословным преимуществам. То же надо сказать и о всех гражданских—личных и имущественных—правах, которыми обладали, вместе с другими свободными людьми, и бояре. Поэтому о гражданских правах речь пойдет у нас тогда, когда мы будем характеризовать юридическое положение черных людей.

Второй социальный строй составляли в Новгороде так называемые житьи люди. Исследователи весьма существенным образом расходятся между собою в понимании этого термина: по мнению одних [2]), это—лица, имевшие оседлость и дворы в городе, ремесленники-домовладельцы; другие [3]) считают житьих людей богатыми купцами. Верно именно это второе объяснение: житьи люди—это древнейшие купцы вячшие. В таком понимании термина убеждает целый ряд наблюдений над нашими источниками: во-первых, в летописях, когда идет речь о всех новгородских гражданах в совокупности, часто о

---

[1]) Ключевский, Боярская Дума, 1-е изд., стр. 259.
[2]) Костомаров, Северно-русские народоправства, I, стр. 28, 29.
[3]) Беляев, Рассказы из русской истории, II, стр. 74.

житьих людях упоминается, а о купцах при этом не говорится: очевидно, между терминами существенного различия по смыслу не было; в 1385 г. на вече присутствовали посадник, тысяцкий, все бояре и дети боярские, житьи и черные люди,—все пять концов [1]), в 1398 г.—бояре и дети боярские, и житьи люди и купецкие дети [2]); подобное же явление наблюдается и в договоре Новгорода с князем Михаилом Ярославовичем Тверским 1317 г. [3]); во-вторых, если бы житьи люди были простыми ремесленниками, то они занимали бы в новгородском обществе низшее место, чем купцы; между тем во всех новгородских грамотах они ставятся выше купцов [4]); в третьих,—и это самое важное—по грамоте князя Всеволода Мстиславича 1135 г. церкви св. Ивана на Опоках в товариществе купцов-торговцев воском выбиралось трое старост от житьих людей на-ряду с двоими старостами от купцов; и все они, и житьи люди и купцы, называются купечеством Иванским [5]). Нельзя при этом думать, что житьи люди были боярами или огнищанами, потому что в той же грамоте содержится такая оговорка: «а Мирославу посаднику в то не вступаться и иным посадникам в Иванское ни во что же, ни боярам-новгородским». Итак, житьи люди—богатые купцы. Значит, отделять их от купцов вообще нельзя, почему мы и будем теперь говорить о тех и других вместе.

Оставляя рассмотрение гражданских прав купечества до изучения положения простых свободных людей в вольных городах удельного периода, потому что в этом отношении все в Новгороде и Пскове были равны между собою, мы обратим теперь внимание на политические права купцов—личные и корпоративные в связи с экономическим их положением.

Нам уже известно, что до XIII века купцы не сосредоточивали в своих руках всей торговли, что тогда торговали также и бояре; да и землями купцы владели: еще в Новгородской судной грамоте говорится о землях житьих людей и купцов [6]); купеческие имения попадаются и в писцовых книгах конца

---

1) Новг. 4 лет. под 6893 г.
2) Новг. 1 и 4 лет. под 6906 г.
3) Собр. Гос. гр. и Догов., I, № 13.
4) См., напр., Акты Арх. Эксп., №№ 32, 92 и др.
5) Доп. к А. И., т. I, № 37.
6) А. А. Э., т. I., № 92.

XV века [1]). Понятно, что и в качестве политического сословия житьи люди и купцы были в то время слабо выделены из новгородского общества: как и все, купцы участвовали в вече; их старосты принимали участие в правительственном совете вместе с боярами [2]). Зато в XIII веке наблюдается экономическая специализация: число купцов растет; бояре покидают торговлю, купцы всю ее захватывают в свои руки. Соответственно этому купечество организуется и как сословие. Оно отвлекается от политической деятельности и утрачивает право участия в правительственном совете. Впрочем, за ним сохраняется и теперь право участия в посольствах и переговорах: в 1215 году для призыва князя, кроме посадника и тысяцкого, были посланы 10 старейших купцов [3]), в 1391 г. купцы вместе с боярами заключили договор с немцами в Изборске [4]), в 1446 г. на съезд с ливонским магистром посланы были бояре и купцы [5]). Но главной основой специальных политических прав купечества была его корпоративная связь. У нас уже была речь о купеческих товариществах в Новгороде, был указан их общий характер и перечислены главные из них. Теперь остается добавить несколько подробностей, характерных именно с социальной точки зрения. Известно, например, что псковское товарищество купцов, организовавшееся около храма св. Софии в Пскове, выбирало двух старост [6]). Основные черты внутреннего устройства Иванского товарищества сводились к следующему: взнос 50 гривен серебра в товарищество и 25 гривен в пользу церкви давал звание «пошлого» купца, полноправного члена товарищества; во главе компании стояли 5 старост: 3 от житьих людей и 2 от купцов [7]). Такая корпоративная связь купечества послужила основой для образования его специальных сословных прав: прежде всего в 1135 году иванское купечество получило право торгового суда в Новгороде. Эта же корпорация ведала еще орудия меры – вес (вощаные скалвы,

---

[1]) См. Новг. писц. книги, изд. Археогр. Ком.

[2]) Ключевский, Боярск. Дума.

[3]) Новг. 1 лет. под 6723 г.

[4]) Новг. 1 и 4 лет. под 6899 г.

[5]) Новг. 1 лет., под 6954 г.

[6]) Никитский, Очерк внутренней истории Пскова, Спб. 1873, стр. 171—172.

[7]) Доп. к Актам Историч., I, № 3.

медовые пуды или безмены, гривенку рублевую для взвешиванья благородных металлов) и меры длины (иванский локоть) [1]). По договору с немцами 1270 года, суд по всем уголовным и гражданским делам между новгородцами и немцами был сосредоточен в руках коллегии из новгородских купеческих старост и немецких альдерменов под председательством тысяцкого [2]). Эти специальные политические права новгородского купечества чрезвычайно характерны для всего новгородского социального строя: они указывают на крайний сословный эгоизм, на узость и исключительность классовых интересов: купцы дорожили не общими политическими правами, а специальными торгово-политическими привилегиями.

Вопреки мнению некоторых исследователей, в купеческих корпорациях вольных городов незаметно никаких родовых элементов. Некоторые приписывают им также еще финансовое и судебное значение на таких основаниях: на купцов, по договорам Новгорода с князьями, не падали ни чрезвычайные налоги, выпадавшие на долю местности, где они временно пребывали (напр., черный бор), ни обыкновенные повинности (повозная, т.-е. поставка подвод для должностных лиц); затем, по тем же документам, проезжий княжеский суд на них не распространялся; наконец, в Новгородской судной грамоте содержится постановление о так-называемых «ятцах», поручителях от «сотен», являвшихся на суд в знак того, что со стороны сотен не будет совершено насилия, незаконного противодействия суду или судебному решению [3]). Все эти основания не выдерживают критики: свобода от податей и проезжего суда—следствие не принадлежности к купеческой корпорации, а отчасти сословного положения, главным же образом того, что купцы были временными посетителями, а не постоянными жителями известной местности; «ятцы»—учреждение, относящееся к территориальным, всесословным сотням, на которые делился Новгород, а вовсе не к купеческим корпорациям; это всего лучше видно из того, что ятцами могли быть и боярин, и житий, и молодший человек: если бы дело шло о чисто сословном купеческом учреждении, кроме

---

[1]) Там же.

[2]) Никитский, История экономич. быта Великого Новгорода, стр. 21.

[3]) Беляев, Рассказы из русской истории, II, стр. 70 и след.

житьих людей и купцов никто не мог бы в нем участвовать. Итак, предполагать какое-либо судебное и финансовое значение купеческих корпораций, какую-либо их автономию в этих отношениях никак нельзя.

Чтобы закончить обзор свободных общественных состояний в вольных городских общинах удельной Руси, нам остается еще рассмотреть положение черных людей. Под это общее название подходило много разрядов населения: сюда относились прежде всего так-называемые городчане, городские жители, занимавшиеся ремеслами и мелкой торговлей, затем своеземцы или земцы—черные люди, обладавшие землей в уездах на праве полной собственности; смерды, сироты, крестьяне; изорники, огородники, котечники—арендаторы чужой земли; половники—нечто среднее между арендаторами и наемными рабочими; поземщики—непашенные люди, рыболовы и сельские ремесленники [1]). Из этого перечня видно, как пестр был состав черных людей в экономическом отношении: здесь совершенно не было цельности и единства, отдельные элементы изучаемого социального слоя играли различную роль в производстве и обмене хозяйственных благ. Итак, это не был единый экономический класс. Отсутствию экономического единства соответствовала и другая черта—материальная слабость черных людей, выясненная нами раньше, при изучении вопроса о распределении хозяйственных благ. Понятно, что результатом всего этого была сравнительная слабость политических прав черных людей. В сущности единственным их политическим правом было право участия в вече, засвидетельствованное летописями и актами для всего изучаемого периода [2]). О корпоративных связях едва ли можно говорить, как о чем-либо влиятельном в политическом отношении; в сущности, городская сотня и деревенский погост, ведь, и не были организациями одних черных людей: это были территориальные деления, охватывавшие все слои общества сверху до низу, так что о них удобнее говорить при изучении областного деления и управления. Но, характеризуя политическое положение черных людей, нельзя ограничиваться указаниями на их права,—необходимо отметить еще, сверх того, и обязанности. Новгородская финансовая система была,

---

[1]) См. исследования Костомарова, Беляева, Никитского и др.
[2]) См., напр., А. А. Э., I, № 92 и новг. летописи.

вообще говоря, развита довольно слабо: большинство полноправных новгородских граждан не несло постоянных прямых податей, а облагало себя в случае нужды экстренными сборами сообразно имущественной состоятельности; для примера можно указать на складчину новгородцев в XI веке для доставки помощи Ярославу [1]). Единственным общим прямым налогом, падавшим на все население, была введенная около половины XIII века татарская дань. При этом, по словам летописи, «вятшие творили себе добро, а меньшим зло» [2]), т.-е. облагали данью простых черных людей гораздо сильнее, чем себя. Это и был единственный налог, платимый боярами. На купцах лежали, конечно, торговые и проезжие пошлины: гостиное, подъездное, побережное, померное и проч. [3]). Но целый ряд других прямых налогов и повинностей лежал на черных людях: во-первых, они платили «черный бор», поступавший с известных волостей новгородскому князю; от XV века до нас дошла очень любопытная грамота Новгорода на черный бор великому князю Василию Васильевичу: размер черного бора определен здесь по 1 гривне с сохи, и указано, что этому налогу не подлежат заезжие новгородцы-купцы, боярские дворы и одерноватые или полные холопы, получающие месячину [4]); во-вторых, черные люди вносили «поралье посадниче и тысяцкого»—особый налог в пользу новгородской выборной администрации [5]); в третьих, они обязаны были повозной повинностью, т.-е. доставкой кормов и подвод ездившим по области должностным лицам; в четвертых, наконец, на них лежало городовое дело—постройка и починка укреплений; так, под 1430 годом читаем в летописи: «пригон был христианом к Новугороду город ставити, а покручал четвертый пятого», т.-е. повинности подлежал из каждых 5-ти домохозяев один [6]). Итак, главная тяжесть повинностей и налогов лежала на населении наименее обеспеченном материальными средствами. Политическая и экономическая приниженность черных людей идут рука об руку и выступают очень ясно на вид.

[1]) Начал. летопись под 6526 г.
[2]) Новг. 1 и 4 лет. под 6767 г.
[3]) Никитский, История экон. быта В. Новгорода.
[4]) Акты Арх. Эксп., I, № 32.
[5]) Акты Историч., т. I, № 17.
[6]) Новг. 1 и 4 лет. под 6938 г.

Зато в отношении гражданских прав свободное черное население ничем не уступало боярам, житьим людям и купцам. Мы и должны теперь характеризовать гражданско-правовое положение свободных членов новгородского и псковского общества. Наши источники даже более позднего времени не оставляют прежде всего сомнения, что личные гражданские права всех новгородских и псковских граждан—их жизнь, здоровье, свобода и честь—ограждались одинаково, без всяких различий и привилегий. Псковская и Новгородская грамоты, назначая наказание за убийство («головшину», «душегубство») или за «бой» (побои, вообще причинение вреда здоровью), подвергают совершенно одинаковой каре всех виновных, не обращая внимания, к какому сословию принадлежал потерпевший [1]). Свобода сильно ограждалась псковским народным обычаем или, как тогда говорили, «пошлиной»: когда в 1477 году Иван III, по рассказу летописи, потребовал от Пскова выдачи ему головой тех людей, которых великокняжеские наместники «бессудно поковали, а Псков расковал», то псковичи отвечали, что не могут их выдать «по пошлине и старине с нашими прежними осподари, то люди правии» [2]); ясно, что псковская пошлина и старина заключалась в том, чтобы никого не лишать свободы без суда. Наймит дворный и наемный плотник могли оставить хозяина даже до срока, по псковской судной грамоте [3]). По тому же источнику, изорник, котечник и огородник могли «отречися», уйти от землевладельца [4]). Новгородская судная грамота повелевает истцу при иске о холопстве, т.-е. при объявлении кого-либо своим рабом, «до суда над ним (ответчиком) силы не деять, а кто силу доспееть, ино тым его и обинить» [5]). Честь всякого псковича и новгородца ограждалась одинаково: по псковской судной грамоте, кому бы ни вырвана была борода или на кого бы ни сделали «наход», кара не менялась [6]). Новгородская судная грамота, определяя наказание за «наезд», не обращает внимания на сословное

---

[1]) А. А. Э., т. I, № 92; Пск. суд. грам.
[2]) Дювернуа, Источники права и суд. стр. 256.
[3]) Иск. суд. грам.
[4]) Там же.
[5]) А. А. Э., I, № 92.
[6]) Псковск. суд. грам. в изд. Мурзакевича.

положение потерпевшего, а ставит размер пени в зависимость от социального положения виновного: боярин платит 50 руб., житий 20 р., молодший 10 р. [1]), тут не только нет привилегий, но лица, принадлежащие к высшему социальному слою, наказываются сильнее, чем те, кто стоит на общественной лестнице ниже: очевидно, принимается во внимание степень состоятельности лица. Но и имущественные, вещные права всех новгородцев и псковичей, без различия сословий, были вполне равны и, что не менее важно, подверглись весьма значительной эволюции сравнительно с тем, что нам известно о киевской Руси: не только сгладилась социальная разница в этом отношении, но точнее и подробнее определились оттенки права, гораздо более обеспечены стали в своей прочности и бесспорности гражданские отношения по имуществу, и, наконец, выделилась из-под гнета семейного, кровного союза личность. На этих трех новых чертах гражданского права вольных городов удельной Руси мы и должны теперь остановить ненадолго свое внимание. Выяснение оттенков и подробностей вещных прав выразилось в целом ряде новых юридических понятий, совершенно чуждых предшествующему периоду: прежде всего псковская судная грамота отличает от полной и наследственной собственности—«чиста», «чисто отморшины», «чисто рощеного», «своего рощеного»—временное пользование, юридически обоснованное,—так-называемую «кормлю» [2]); соответственно этому новгородская судная грамота защищает не только собственность, но и владение, хотя бы юридическая обоснованность последнего и подвергалась спору: мы встречаем в грамоте постановление, по которому запрещается наезд на оспариваемую землю до судебного решения спора [3]); далее, псковская грамота устанавливает 4-х или 5 летнюю давность владения, обращающую последнее в собственность [4]); там же встречаем довольно тонкое различие между правами наследников по закону: наследники по завещанию отвечают только по тем обязательствам наследодателя, которые основаны на формальном акте («записи») или обеспечены закладом; наследники по закону отвечают и

[1]) А. А. Э., I, № 92.
[2]) Пск. суд. грам.
[3]) А. А. Э., т. I, № 92.
[4]) Пск. суд. гр.

при исках, не основанных на записи и не обеспеченных закладом [1]); уяснены впервые точно и определенно вещные права государства и их отношение к вещным правам отдельных лиц: именно, вещное право государя Великого Новгорода исключало права частных лиц, не признававших власти городской общины, что выразилось в постановлениях договоров Новгорода с князьями, по которым не новгородские граждане не могли владеть землей в новгородских владениях, и лица, оставившие новгородское подданство, лишались земли [2]); наконец, возникли и новые понятия об обязательствах, возникавших из договоров; так, понятия займа, поклажи и найма существовали и раньше, но теперь они расчленились и определились точнее: заем мог быть или устной сделкой—при мелком займе до рубля, или, если он был выше рубля, должен был сопровождаться составлением записи или обеспечивался закладом; при поклаже также иногда уже требовалась запись; различались два понятия о найме: наем на известную одну определенную работу, соответствовавший римскому locatio-conductio operis, и наем не для целого дела, а для многих, разнообразных работ—то же, что римское locatio-conductio operarum [3]). Большая прочность вещных прав также видна по целому ряду признаков: имущество уже не делалось выморочным так скоро, как в киевской Руси: по закону, наследовали не только ближние, но и дальние родственники умершего [4]); установлены были точные формы актов гражданского права, обеспечивавшие их бесспорность: появилось письменное завещание, «рукописание»; определена форма предсмертного дарения: личная передача вещи в присутствии священника и сторонних людей, различены неформальные («доски») и формальные договоры («записи»); наконец, введено укрепление гражданских актов посредством сохранения копий в архиве,—так-называемом «ларе св. Троицы» в

---

[1]) Там же. Ср. Энгельман, Гражд. законы Пск. суд. грам. Владимирский-Буданов, Обзор истории рус. права.

[2]) Собр. Гр. и Дог., I, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15; А. А. Э., I, № 57; Владимирский-Буданов, Обзор истории русского права, изд. 3, стр. 526—527.

[3]) Дювернуа, Источники права и суд в древней Руси, стр. 300, 301.

[4]) Энгельман, Гражд. законы псковск. судной грамоты, стр. 85.

Пскове [1]). Что личность выделилась уже в очень значительной мере из семейного союза в отношении вещных прав,—это явствует прежде всего из того, что наследование по закону имеет место лишь тогда, когда нет завещания, при чем завещание не является уже «рядом», договором членов семьи между собою, как то было в киевский период, а служит выражением личной воли наследодателя; эта воля не ограничивается законом: завещатель вовсе не распределяет только имущество между готовыми, законными наследниками, как прежде, а волен передать его кому угодно, помимо близких родственников, дальним и даже посторонним; допускается выдел сына при жизни отца, при чем такой отделившийся сын уже не наследует отцу после смерти последнего,—разумеется, если отец ему ничего не завещает [2]).

Чтобы закончить характеристику гражданских прав новгородских граждан, остается отметить еще полноправность женщин, их полное равенство в гражданско-правовом отношении с мужчинами: женщина может вести процесс, даже участвовать в судебном поединке против женщины, выставляя против мужчины наймита [3]); она имеет все права по обязательствам, напр., заключает от своего имени заем [4]); имущество супругов признавалось псковской судной грамотой их общим достоянием, но если кто-либо из них умирал без завещания, то оставшийся в живых, - безразлично, был ли то муж или жена,—пользовался пожизненно имуществом умершего до вступления во второй брак; жена при жизни мужа могла даже завещать свое имущество стороннему лицу [5]).

Из полусвободных состояний в Новгороде и Пскове обращают на себя внимание два—«закупни» и «закладни». Первые не что иное, как остатки закупов киевского периода; так как нам уже известно их юридическое и хозяйственное положение из истории киевской Руси, то остается характеризовать закладней, с которым и нам не раз еще придется встретиться и позднее, почему мы теперь же воспользуемся для их

---

[1]) Там же, стр. 14, 15, 16; Владимирский-Буданов, Обзор, стр. 491 и др.

[2]) Владимирский-Буданов, Обзор, стр. 494, 495; Энгельман, стр. 90 и др.

[3]) Владимирский-Буданов, Обзор ист. рус. права, стр. 367.

[4]) Там же, стр. 367.

[5]) Там же.

характеристики и поздним материалом. Слово «закладень» или «закладчик» происходит от глагола «заложиться», что значит «задаться», «отдаться под покровительство», а вовсе не «отдаться в залог». Люди, отдавшиеся в залог, назывались в изучаемое время в Новгороде и Пскове закупнями, а позднее, в XVII веке, были известны под именем «закладных людей» [1]). Таким образом закладень или закладник—то же, что commendatus раннего средневековья на западе Европы. Сходство увеличивается еще, во-первых, тем, что и заклади, и коммендаты, «жили во льготе», т.-е. не платили государству налогов—за них платили патроны их, и подчинялась по суду не государственной власти, а своим патронам, и, во-вторых, тем, что у нас, как и в Западной Европе, возможна была и существовала в действительности и земельная коммендация, отдача себя под покровительство сильного человека вместе с землей. Не трудно понять, какими тесными, неразрывными узами связано было закладничество с той стадией развития натурального хозяйства, когда земледелие начало постепенно возвышаться: нужда в капитале для земледельческого производства и в помощи на суде и в уплате податей заставляли свободных людей искать себе покровителей, которые оказывали материальную поддержку не в виде займа, а в виде безвозвратного пособия, которое могло даваться и не раз, если того требовали обстоятельства.

Последний, низший слой общества вольных городов составляли холопы, прежде называвшиеся обельными, а теперь усвоившие наименование «одерноватых», от акта передачи дерна, сопровождавшего и символизировавшего обращение свободного человека в рабство. Акты гражданского права показывают, что одерноватые холопы отчуждались, как всякая движимость: продавались, закладывались, дарились, передавались по завещанию [2]). Естественно, что ни о каких политических правах холопов речи быть не может. Не было у них и прав вещных, почему они и не несли податей, напр., не подлежали «черному бору» [3]). Но мы видели, при изучении холопства в киевской Руси, что уже тогда слабо мелькал зародыш признания личности несвободного человека. Это же и даже в несколько большей степени наблюдается и в изу-

[1]) Павлов-Сильванский, Феодализм в древней Руси.
[2]) См. Акты Юридич., № 71, 110 и др.
[3]) А. А. Э. I, № 32.

чаемое время в Новгороде и Пскове: правда, новгородская судная грамота [1]) и договоры Новгорода с князьями [2]) не признают за холопом права выступать свидетелем на суде: «почнет холоп вадити на госпôду, веры ему не яти»; но свидетельства холопа против холопа же имеет значения, по той же новгородской судной грамоте [3]); затем холоп был подсуден государственному суду: подлежал проезжему суду князя его людей или лиц, откупивших княжеский суд, и его можно было судить только в присутствии господина [4]).

Сводя теперь в одно целое все сказанное о социальном строе Новгорода и Пскова в удельное время, мы получаем следующие общие выводы: первой отличительной чертой устройства новгородского и псковского общества является его сословность, сильное юридическое расчленение общества; эта сословность сопровождается—далее—преобладанием высших сословий, купечества и особенно боярства, которое можно назвать в полном смысле слова привилегированным социальным слоем; иными словами, общество отличается аристократическим характером; при всем том, однако,—и это составляет третий главный вывод—общество построено было не на принципе обязанности, а на начале права: сословия были не крепостными, а свободными.

Главной политической силой,—по крайней мере юридически, по закону или обычаю,—было в вольных городских общинах удельного периода вече. Говоря о составе веча, приходится в общем повторить то же, что нам известно уже из истории киевской Руси; вече было собранием всех свободных граждан без различая сословий—бояр, житьих людей, купцов, черных людей, при чем право решающего голоса принадлежало лишь тем, кто занимал самостоятельное семейное положение, был главой семьи. Что не одни жители главного города, но и жители его волости могли присутствовать на вече и решать дела, как то было и в киевский период,—это всего лучше видно из участия в вечевых сходках пригорожан: так, в 1136 г. псковичи и ладожане вместе с новго-

---

[1]) А. А. Э., I, № 92.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., I, №№ 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15; А. А. Э., I, № 57.

[3]) А. А. Э., I, № 92.

[4]) С. Гос. Гр. и Дог., I, №№ 6, 7, 8, 9, 10.

родцами изгнали на вече князя Всеволода [1]; в 1270 г. в Новгород на вече собрались ладожане, корела, ижера, псковичи [2], в 1343 году в псковском вече принимали участие жители Изборска [3], в 1384 году новгородские пригорожане, недовольные князем Патрикием собрались в Новгород и подняли на этого князя пол города [4]. Неосновательным, совершенно не имеющим опоры в источниках и прямо невероятным, надо признать предположение одного исследователя [5], что на вече присутствовали выборные от горожан: принцип представительства был совершенно чужд вечевому строю. Неверно также мнение [6], что духовенство не участвовало в вече. Это опровергается целым рядом фактов: в 1186 г. новгородцы на вече выбрали архиепископа Гаврилу «и с игумены и с попы сдумавше» [7]. в 1193 г. новгородцы с князем «с игумены и с софияны и с попы сдумавше изволиша Богом избрана Мартурия» [8], в 1308 г. новгородцы все «с игумены и со всем иерейским чином» выбрали Давыда [9], в 1324 г. «сдумавше новгородцы и игумены и попове и черньцы и весь Новгород, возлюбиша вси Богом назнаменана Моисия» [10]; тоже «игумени и попове» встречаются и на вече 1330 года при избрании владыки Василия [11]. Псковская судная грамота «выписана» «по благословению отец своих попов всех пяти соборов, и священнопоков, и диаконов, и священников и всего Божия священства всем Псковом на вечи» [12].

Внешняя обстановка и порядок созыва и действия вечевых сходок в Новгороде и Пскове отличаются теми же чертами, какие нам знакомы по изучению организации веча в киевский период. В Новгороде вече собиралось или на Ярославовом дворе на Торговой стороне, или на площади у собора св.

---

1) Новг. 1 лет. под 6644 г.
2) Новг. 1, 3 и 4 лет. под 6778 г.
3) Псковск. 1 лет. под 6851 г.
4) Новг. 1 и 4 под 6892 г.
5) Беляев, Рассказы из рус. истории II, стр. 153.
6) Там же, стр. 150.
7) Новг. 1 лет. под. 6694 г.
8) Там же, под 6701 г.
9) Новг. 1 и 4 лет. под 6816 г.
10) Новг. 1 и 2 лет. под 6332 г.; Новг. 4 лет. под 6831 г.
11) Новг. 1 и 3 лет. под 6838 г.
12) Пск. суд. грамота.

Софии—на Софийской стороне [1]); псковское вече сходилось в местности, находившейся между кромом (кремлем) и самым городом, огражденной со стороны города так-называемой Донмонтовой стеной [2]). Обыкновенно сбор на вечевую сходку производился посредством звона в колокол, называвшийся в Пскове «большим вечником»; но иногда власти собирали вече, рассылая биричей и подвойских кликать на улицах и площадях [3]). Существовала на месте, предназначенном для сходки, степень – помост, на котором заседали власти, и с которого говорили ораторы [4]). Рядом со степенью находилась канцелярия веча или вечевая изба, помещавшиеся в Новгороде в особой башне, а в Пскове в сенях собора св. Троицы. Для письмоводства существовал в Новгороде „вечный", т.-е. вечевой, дьяк, называвшийся в Пскове городским дьяком [5]). В Пскове в сенях св. Троицы находился еще государственный архив или ларь, которым заведывал особый чиновник—ларник [6]). Решение постановлялось единогласно, почему при разногласии происходили усобицы, нередко кончавшиеся кровопролитием. В Новгороде иногда собиралось два веча—одно на Ярославовом дворе, другое у св. Софии, которые принимали разные решения и вступали между собой в борьбу на «великом мосту» через Волхов [7]). Таким образом, в отношении состава веча и способа решения на нем дел перемен не наблюдается или наблюдается очень мало, так что с этой точки зрения вече было далеко от идеала правильно устроенного учреждения.

Зато ведомство веча было гораздо определеннее, чем прежде. Прежде всего вече признавалось единственным и неограниченным носителем законодательной власти. Так, новгородскую судную грамоту составили «бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди, весь государь Великий Новгород на вече на Ярославле дворе» [8]). Псковская судная

---

[1]) Костомаров, Северно-русские народоправства, II, 40.
[2]) Никитский, Очерк внутр. истории Пскова, стр. 123.
[3]) Там же; ср. Беляев, Расск. из рус ист., II, стр. 149.
[4]) Никитский, Очерк внутр ист. Пскова, стр. 133.
[5]) Там же, стр. 134; Беляев, II, стр. 152.
[6]) Никитский, Очерк внутр. ист. Пскова, стр. 133.
[7]) Костомаров, II, стр. 44.
[8]) А. А. Э., I, № 92.

грамота составлена «всем Псковом на вече» [1]). В этом памятнике права прямо сказано: «а которой строки пошлинной грамоты нет, и посадником доложити господина Пскова на вече да тая строка написать. А которая строка в сей грамоте нелюба будет господину Пскову, ино та строка вольно выписать вон из грамоты» [2]). В 1469 г., по летописи, псковское вече утвердило церковные законы,—выписки из «Номоканона» [3]). К числу неотъемлемых прав веча вольных городов принадлежало далее руководство финансами. Сюда принадлежало прежде всего установление налогов: новгородцы на вече дали великому князю Василию Васильевичу «черный бор» [4]); здесь же происходили назначение и раскладка экстренных прямых сборов. Затем на вече происходило определение монеты: введение чеканной монеты в Новгороде и Пскове XV века произошло путем вечевого решения; в 1447 году «посадник и тысяцкий и весь Новгород уставиша 5 денежников и начаша переливати старые деньги, а новые ковати» [5]). Далее объявление войны и заключение мира и вообще договоров с иностранными державами входило также в ведомство веча: так, уже договор с немцами 1195 г. заключен князем и «всеми новгородцы» [6]); то же надо сказать о договоре с Казимиром IV, относящемся к 1440 году [7]). Мы не будем теперь говорить подробно о праве веча избирать и сменять должностных лиц,—князя, посадника, тысяцкого, сотских, старост, владыки и пр., потому что об этом пойдет речь при изучении правительственного значения этих лиц; теперь достаточно констатировать наличность этого права. Наконец, суд по политическим и должностным преступлениям также входил в сферу компетенции веча: в 1209 г. новгородское вече судило посадника Дмитра Мирошкинича [8]), в 1218 году князя Святослава с Твердиславом [9]), в 1228 г. Судомира [10]), в 1230 году Степана

[1]) Пск. суд. грам.
[2]) Там же.
[3]) Пск. 1 лет. под 6977 г.
[4]) А. А. Э., I, № 32.
[5]) Новг. 4 лет. под 6955 г.
[6]) Владимирский-Буданов, Хрестоматия по ист. русского права, стр. 89.
[7]) А. А. Э., I, № 87
[8]) Новг. 1 и 4 лет. под 6717 г.
[9]) Там же, под 6726 г.
[10]) Новг. 1 лет. под 6736 г.

Твердиславича [1]), в 1318 г. Игната Беска [2]), 1384 году князя Патрикия [3]), в 1484 г. в Пскове вече судило посадников, которые «грамоту новую списали и в ларь (т.-е. в архив) вложили на сенех с князем Ярославом, а Псков того не ведает» [4]). В Пскове на вече иногда судились и важнейшие уголовные преступления: измена, подлог, кража в крому, конокрадство и волхвование [5]). Не следует, впрочем, думать, что вече узурпировало себе всю верховную судебную власть; напротив,—и это заслуживает особого внимания—и в Новгороде, и в Пскове верховный суд принадлежал не вечу, а особому учреждению: в Пскове «господе»—из князя, посадника и сотских, а в Новгороде, по новгородской судной грамоте, установлено было «докладу быти во владычне комнате, а у докладу быти из конца по боярину да по житьему, да кои люди в суде сидели, да и приставом, а иному никому у докладу не быть» [6]).

Вообще, таким образом, вечевое собрание в вольных городских общинах удельной Руси юридически являлось носителем верховной власти. Верховные права веча не подвергались сомнению и были основным положением новгородского и псковского государственного права. О двоевластии веча с князем можно говорить только для времени до XIII века; но потом у князя совершенно не остается элементов верховной власти.

Но если таково было юридическое положение новгородского и псковского веча, то остается еще решить вопрос о фактическом, действительном значении этого учреждения. Мы не можем игнорировать действительное положение дел, должны за отвлеченными юридическими схемами рассмотреть конкретную, действительную жизнь во всей ее сложности и разнообразии. Для выяснения этой стороны дела необходимо обратиться к изучению правительственного совета и княжеской власти: и тот и другая могли, ведь, и юридически, и фактически делить власть с вечем и даже совершенно подавлять последнее.

Новгородский правительственный совет первоначально был

---

[1]) Новг. 1 и 4 лет. под 6738 г.
[2]) Там же, под 6824 г.
[3]) Там же, под 6892 г.
[4]) Никитский, Очерк внутр. истории Пскова, стр. 137.
[5]) Там же, стр. 138.
[6]) Там же, стр. 122; А. А. Э., I, № 92.

совещательным учреждением при князе с неопределенным, непостоянным составом и неясным, случайным ведомством. Чаще всего в этот совет князь призывал, как то нам известно из истории киевской Руси, княжих мужей и старцев градских: так было в Новгороде XII века; напр., по церковному уставу Всеволода Мстиславича 1135 года [1]).

Но с XIII века наблюдаются весьма важные перемены в составе новгородского правительственного совета. Прежде всего исчезает прежнее непостоянство, колебание в составе; появляется определенный, неизменный круг лиц, заседающих в совете. Затем этот круг значительно отличается от того, который привлекался в боярскую думу киевского периода. Совет XIII века и позднее состоял прежде всего из степенных посадника тысяцкого и сотских [2]). Затем сюда же входили кончанские старосты, т.-е. старосты городских концов; это доказывается целым рядом соображений и наблюдений: во-первых, в совете были сотские, а они—ниже кончанских старост; во-вторых, по немецким донесениям, в начале XV века немецкое посольство обращалось не только к архиепископу, посаднику, тысяцким, но и к пяти старостам от пяти концов; в третьих, на грамоте Соловецкому монастырю от Новгорода в половине XV в. было 8 печатей: владыки, посадника, тысяцкого и 5 печатей от пяти концов по печати; в четвертых, наконец, в 1478 г., по воле Ивана III, к присяжной записи ему на подданство были приложены печати от пяти концов [3]). Далее, в качестве совершенно нового элемента, в совете появились старые, т.-е. отбывшие уже службу, посадники и тысяцкие; ближайшим поводом к появлению этого элемента послужил обычай оканчивать после оставления посадничьей должности разбор судебных дел, начатый посадником во время посадничества [4]); впрочем, тут сказались и влияние бывших посадников в своем конце и необходимость привлечь к практической политической деятельности возможно большее число лиц, умудренных в этом отношении опытом. В 1476 году в Новгороде было 20 старых посадников и 5 старых тысяцких [5]), значит, старые посадники и тысяцкие

---

[1]) Ключевский, Боярская Дума, изд. 2, стр. 188.
[2]) Там же, изд. 1, стр. 258.
[3]) Там же, стр. 254, 255.
[4]) Там же, стр. 256, 257.
[5]) Там же, стр. 257.

были очень видным элементом в составе новгородского правительственного совета. Наконец, в совете присутствовали также биричи [1]). Сравнивая этот совет с боярской думой XII века, мы наблюдаем исчезновение двух весьма важных элементов этой последней: нет, во-первых, княжеского боярства, во-вторых, исчезли купеческие старосты; последние, может быть, еще были в совете XIII столетия, но к XIV веку были оттуда вытеснены: недаром в 1412 г. купеческие старосты жаловались, что совет скрыл от них жалобы немецких купцов [2]).

Правительственный совет вольных городов удельной Руси представлял собою учреждение очень внушительное по числу членов: в половине XV века в нем заседало до 50-ти человек; в 1478 году новгородцы выдали московским боярам грамоту, в которой обязались между собою раньше всем городом стоять против великого князя: на этой грамоте было 58 печатей членов совета [3]). Иногда в особых и торжественных случаях в совет вводились еще бояре от концов: так было, напр., при закладках укреплений, при встрече и проводах владыки или князя, при дипломатических переговорах и проч. [4]).

Ведомство правительственного совета всего лучше видно из отношения его к другим органам управления. Что касается отношений к князю, то с XIII века совет оказывается совершенно независимым от него: князь был только председателем совета, и совет собирался у него на Городище, в загородном дворце [5]); насколько бессилен был князь перед советом, это всего лучше видно из одного факта конца XIII века: новгородские сановники отняли у немцев их товары, и князь не мог им помочь, несмотря на все желание: он советовал им употребить силу [6]). Отношения совета к владыке или архиепископу новгородскому во многом напоминают описанные сейчас отношения к князю: владыка, при отсутствии князя, является первенствующим членом совета, почему совет в таком случае собирается у владыки в палате: по

---

[1]) Там же, стр. 254.
[2]) Там же, стр. 259.
[3]) Там же, стр. 260.
[4]) Там же, стр. 260.
[5]) Там же, стр. 261, 263.
[6]) Там же, стр. 262.

житию св. Зосимы, святой жаловался владыке на обиды основанному им монастырю, и владыка собрал «бояр, содержащих град», которые и дали монастырю грамоту [1]); в XIV веке немецкое посольство жаловалось на обиды владыке, тот отослал немцев с приставом к посаднику, а этот последний созвал «господ» [2]). Посадник и тысяцкий были в своей деятельности подчинены совету, потому что совету принадлежало общее руководство администрацией, да и по сложности своих обязанностей посадник часто нуждался в помощниках, которые назначались членами совета из своей среды: так, в 1441 г. в Пскове совет послал старого посадника Тимофея ставить город Опочку,—степенным было другое лицо, Иван Сидорович [3]). Иногда совет прямо вмешивался в деятельность посадника и делал ему предписания: в 1331 году совет запретил посаднику брать деньги от немцев [4]). Немцы в некоторых случаях апеллировали на решение суда, находившегося под председательством тысяцкого, к совету, иногда тысяцкие сами запрашивали совет [5]). Совет подчинял себе и другие органы управления и действовал через них: так, в XV веке св. Савве Вишерскому старые посадники и тысяцкие, т.-е. правительственный совет, пожаловали землю; по смерти Саввы, совет предоставил практическое осуществление своего решения вечу Славянского конца и старым посадникам этого конца [6]). Остается решить самый важный вапрос—об отношениях боярского совета к вечу. Нет сомнения, что юридически совет всецело подчинялся вечу, зависел от него: во-первых, все члены совета попадали в совет только в силу избрания вечем—в посадники, тысяцкие, кончанские старосты, сотские, биричи; во-вторых, совету принадлежало лишь право предварительного рассмотрения вопросов, которые, для окончательного решения, передавались, по общему правилу, на вече: напр., при переговорах с Иваном III в 1478 году владыка с властями, выслушав требования великого князя, отвечал: «скажем то, господине, Новугороду»; обсудив заявление иностранного посла,

---

1) Там же, стр. 263.
2) Там же, стр. 263.
3) Пск. 1 лет. под 6949 г.
4) Никитский, Очерки из жизни В. Новгорода: «Ж. Мин. Нар. Пр.» за 1869 г., окт., стр. 306.
5) Там же, стр. 308.
6) Ключевский, Боярская Дума, изд. I, стр. 266.

совет обыкновенно объявлял, что обратится к Новгороду [1]); в третьих, члены совета судились и наказывались вечем и ему были обязаны отчетом.

Итак, юридически совет был совершенно подчинен вечу, вполне самостоятелен по отношению к князю и владыке, хотя и не подчинял их себе, и держал в повиновении себе посадника, тысяцкого и органы кончанского управления.

Носителем верховной власти совет не был,—она по праву принадлежала вечу. На долю совета выпадала лишь совещательная роль при носителе верховной власти. Но фактически вече подпадало весьма сильному влиянию правительственного совета.

Прежде всего право предварительного рассмотрения всех важнейших государственных дел до внесения в вечевую сходку давало совету важное преимущество: совет состоял из лиц политически опытных, связанных к тому же общими сословными и хозяйственными интересами, согласных между собою: умелость и единство взглядов давали возможность членам совета подсказывать вечу его решения. Как мало значило решение веча после советского постановления, видно из того, что совет, повидимому, иногда решал даже дело, не доводя его до веча: в начале XV века купцы жаловались, что совет не все доводил до сведения народа: в 1478 году Иван III заставил совет без веча утвердить запись, по которой Новгород должен был целовать ему крест [2]). Как много значил голос членов совета на вече—видно из того, что в 1331 году совет был посредником между вечем и немцами в их ссоре [3]). Причина такого фактического господства совета над вечем, при юридическом, фиктивном подчинении совета вечу, коренится в известных уже нам явлениях социально-экономической жизни Великого Новгорода и Пскова: боярство, сословным учреждением которого является совет, сосредоточивало в своих руках и земельный, и денежный капитал; как землевладельцы, бояре подчиняли себе черных людей, живших в большинстве на их землях; как капиталисты-банкиры, они держали в повиновении купцов, нуждавшихся в кредите вследствие широких оборотов внешней торговли. Не надо забывать,

---

1) Там же, стр. 264.
2) Там же, стр. 265.
3) Там же, стр. 267.

что административный навык и политическая традиция были также исключительным достоянием новгородского правящего класса, и это давало ему тоже немаловажное преимущество перед другими общественными слоями, а следовательно перевес и в управлении. Наконец, правительственный совет, с точки зрения административно-технической, имел важные преимущества перед вечем: он был стройным учреждением, с постоянным составом, определенным ведомством и самостоятельностью в круге дел, ему предоставленных.

Положение княжеской власти в Великом Новгороде и Пскове заслуживает большого внимания: с одной стороны, ни одно учреждение этих вольных городских общин не пережило ряда таких изменений, как эта власть, с другой—положение князя в Новгороде и Пскове было совершенно исключительным, не имело ничего общего с тем, что можно наблюдать в других областях древней Руси; более того, княжеская власть здесь развивалась в направлении, прямо противоположном развитию власти великаго князя московского. Новгородский князь первоначально был тем же, чем были князья в других областях киевской Руси: верховным судьей и военачальником; удовлетворяя двум основным потребностям того времени — потребности во внешней защите и во внутренней справедливости,—князь получал за это дань и судебные пошлины от граждан, кормился на счет своей волости. Он, несомненно, являлся в то время органом верховной власти, делил эту власть с вечем. К этому именно времени и относится то понятие о двоевластии, которое некоторые исследователи [1]) ошибочно считают своеобразной чертой государственного строя древнего Новгорода за все время его самостоятельного существования. Вече до конца XII века, действительно, не могло обходиться без князя или его наместника, функции верховной власти парализовались за отсутствием этого важного колеса в этой первобытной, плохо устроенной государственной машине. Вот почему, когда Святослав, уходя из Киева во второй раз в Болгарию, делил Русскую землю между своими сыновьями, и сначала не находилось князя для Новгорода, то новгородцы сами потребовали себе князя и получили Владимира, которым за его малолетством должен был руководить его дядя Добрыня. Важное экономическое значение Новгорода,

---

[1]) Таково мнение Никитского.

находившегося в начале великого водного пути из варяг в греки, обусловливало особое положение Новгорода по отношению к киевскому князю: киевские князья старались удержать за собой Новгород, посылая туда обыкновенно или старшего своего сына, или своего посадника из бояр. Так, Ярослав посадил в Новгороде старшего сына своего Владимира. По смерти последнего, в Новгороде княжил, оставшийся старшим, Изяслав Ярославич. Когда этот князь сел на киевском столе после смерти отца,—он отправил в Новгород своим наместником (посадником) известного Остромира, для которого в 1073 г. было написано знаменитое Евангелие, оставшееся до сих пор древнейшим, дошедшим до нас в подлиннике, памятником русской письменности. Далее, когда в Киеве утвердился Святослав Ярославич, прогнавший брата Изяслава, то в Новгороде посадник Изяслава заменен был Святославовым сыном Глебом. Когда, по смерти Святослава, а потом Изяслава, на киевском столе сел Всеволод, то старший в роде после него, наследник киевского стола, Святополк Изяславич стал княжить в Новгороде. Наконец, во время княжения в Киеве Владимира Мономаха Новгородом правил его старший сын Мстислав [1]). Этот ряд фактов убедительно доказывает подчинение Новгорода киевскому князю в XI и начале XII века, и попытки некоторых исследователей [2]) истолковать эти факты в смысле противоположном, в смысле самостоятельности Новгорода, остаются неудачными.

Первое ограничение княжеской власти в Новгороде, по мнению большинства исследователей [3]), было самоограничением Ярослава, благодарного новгородцам за услуги, ему оказанные с их стороны: он, по словам летописи, дал новгородцам «грамоту и устав», сказав им: «по сей грамоте ходите и держите, яко же писах вам». Эти «грамоты Ярославли», на которых потом должны были целовать Новгороду крест все князья, к сожалению, до нас не дошли, и даже в самой летописи, из которой взяты только что приведенные слова Ярослава, вслед за ними помещены не эти грамоты, а про-

---

[1]) См. обо всем этом Начальную летопись. Ср. Соловьев, История России, т. т. I и III.

[2]) Костомаров, Северно-русские народоправства, I, стр. 49—52.

[3]) Там же, I, стр. 46; Беляев, Рассказы из рус. истории, II, стр. 186 и след.

странная редакция «Русской Правды», текст которой, несомненно, позднейшего происхождения. *Содержание Ярославовых грамот остается таким образом загадкой, которую исследователи истории Новгорода и пытались разгадать на основании косвенных данных. Одни*[1]) *полагали*, что Ярославовы грамоты обеспечивали Новгороду самостоятельность, именно, во-первых, право самоуправления и самосуда, во-вторых, свободу от дани киевскому князю, платившейся раньше, по летописи, в размере 2.000 гривен в год. Это мнение опирается на мало-подходящее к данному случаю основание,—на те черты позднейших договоров Новгорода с князьями, которые являются общими всем этим договорам: основное ядро договорных грамот Новгорода с князьями будто бы и служило содержанием Ярославовых грамот. Самоуправление и самосуд—это, очевидно, право новгородцев выбирать посадника и предоставление последнему власти, самостоятельной по отношению к князю. Но справедливо замечено [2]), что никакой перемены в пользу таких порядков мы не наблюдаем в Новгороде ни при Ярославе, ни после него в XI и начале XII века. Поэтому, чтобы составить надлежащее понятие о содержании Ярославовых грамот, разбирают все отдельные случаи, когда они упоминается в летописях. В 1228 г. новгородцы поссорились с князем своим Ярославом Всеволодовичем из-за того, что он поступил не по грамотам Ярославовым. В чем же заключалось нарушение грамот князем? В том, как свидетельствует летопись, что он наложил новую пошлину и посылал судей по волостям[3]). На следующий год в Новгород прибыл новый князь и целовал крест на всех грамотах Ярославовых; первым его распоряжением была финансовая мера: он дал смердам свободу от дани на 5 лет [4]). В 1339 г. великий князь московский Иван Данилович Калита прислал требовать от новгородцев «ханского запроса», т.-е. татарской дани; новгородцы отвечали: «того у нас не бывало от начала мира, и ты, князь, целовал крест Новгороду по старой пошлине (т.-е. обычаю) и по Ярославовым грамотам» [5]). Из всего этого видно, что Ярославовы грамоты

---

[1]) Там же.
[2]) Соловьев, История России, III, стр. 30.
[3]) Там же, 32.
[4]) Там же, 32.
[5]) Там же, 32, 33.

имели чисто финансовое содержание, давали новгородцам льготы в платежах, не то что ограничивали, а регулировали княжеские поборы и отменили разве только киевскую дань. Придавать им большее значение мы не имеем права. Да и было бы вообще странно рисовать себе картину происхождения самостоятельных политических прав новгородцев, ограничивавших власть князя на фоне сентиментальной благодарности Ярослава, добровольно отказавшегося будто бы от верховных прав. Несомненно, и финансовые уступки были следствием договора Ярослава с новгородцами, договора, на который Ярослав был вынужден согласиться вследствие своего трудного положения во время борьбы со старшим братом и отказаться от которого впоследствии этот князь, не даром прозванный Мудрым, не считал благоразумным.

Исследователи [1]) обыкновенно думают, что в 1126 г. введено было серьезное ограничение княжеской власти: посадник, до тех пор всегда назначавшийся князем, стал выбираться на вече. Но летопись говорит о выборе Мирослава 1126 г., не придавая этому особого значения, как о явлении обычном [2]); притом же есть следы существования еще во втором десятилетии XII века в Новгороде одновременно двух посадников: один, несомненно, назначался князем, другой уж тогда мог быть выборным [3]). Как бы то ни было, когда бы посадник ни стал выборным, понятно само собой, что этот его выборный характер сделал его независимым от князя и тем ограничил княжескую власть.

Дальнейшие шаги в том же направлении сделаны были в княжение Всеволода Мстиславича, приблизительно в 1135 г. Прежде всего Всеволод отказался от права торгового суда, который сосредоточился теперь в руках пяти старост иванского купечества,—трех от житьих людей и двух от купцов,—под председательством тысяцкого; князь удовольствовался получением определенной денежной суммы, 25-ти гривен серебра. До нас, как известно, дошел и текст документа, внесшего такое важное ограничение княжеской власти: это уже упоми-

---

[1]) Таково мнение всех исследователей—Соловьева, Ключевского, Никитского, Костомарова, Беляева и т. д.

[2]) Новг. лет. под 6634 г.

[3]) Рожков, Политич. партии в В. Новгороде XII—XV веков: «Историч. и социологические очерки», ч. II, М., 1906, стр. 30—31.

навшаяся нами неоднократно уставная грамота церкви св. Ивана на Опоках [1]). Но еще важнее другой новый факт, случившийся также в княжение Всеволода: этот князь был изгнан новгородцами [2]), и факт изгнания создал прецедент, окончательно лишивший новгородского князя верховной власти. Этим фактом вече было поставлено выше князя, вечу стало потом принадлежать право выбора и изгнания князей, оно сделалось таким образом постепенно единственным носителем суверенитета.

Тем не менее за князем в течение всего XII века оставались еще важные права: право проезжего суда, т.-е. решения всех судебных дел при объезде волости, помимо всех областных судей и без всяких ограничений—на основании презумпции, что князь—единственный самостоятельный орган судебной власти; затем обширные финансовые права: право совершать два раза в год—весной и осенью—поездки в Новгородскую область на полюдье, сбирать дары на себя, и право получать определенную денежную сумму с иностранных купеческих караванов, прибывших в Новгород [3]).

В таком положении перешла власть новгородского князя в XIII век. Но процесс ее ограничения, раз начавшись, уже не мог остановиться: в XIII век князь теряет право и проезжего суда, и полюдья, и сборов с иностранных купцов. Постепенно входит в обычай, чтобы князь отдавал на откуп свои сборы и свой суд, т.-е. за определенную сумму отказывался от того и другого в пользу Новгорода, а Новгород уже от себя отдавал на откуп эти статьи дохода кому-либо из желавших их эксплоатировать в свою пользу. Там, где право полюдья сохранилось,—именно в Заволочье или Двинской земле,—оно было обставлено теперь особыми условиями: было определено количество лиц, сопровождавших князя, а также характер и направление пути: князь должен был ездить лишь на двух насадах (лодках) и в обе стороны через Новгород [4]). Наконец, в 1218 г. встречаем летописное известие, что новгородские князья присягали не лишать должности выборных новгород-

---

1) Доп. к Актам Ист., т. I, № 3.

2) Новг. 1 лет. под 6641 г.

3) Рожков, Полит. партии в В. Новг. «Ист. и социолог. очерки», II, стр. 44—45.

4) Там же, стр. 47.

ских сановников без суда и вины. В этом году князь заявил, что он без вины сменяет посадника Твердислава. Вече на это ответило: «княже, оже нету вины его, ты нам крест целовал без вины мужа не лишити; а тебе ся кланяем, а се наш посадник, ав то ся не вдадим» [1]).

Из всего сказанного о переменах, пережитых княжескою властью в Новгороде в течение XII и XIII веков, можно сделать тот важный вывод, что ограничения княжеской власти произошли постепенно, главным образом путем прецедентов и отдельных уступок. Не одна какая-нибудь резкая катастрофа, а длинный ряд мелких изменений и частных отступлений создал положение князя в более позднее время, во второй половине XIII и в XIV веке. Это положение характеризуется началом д о г о в о р а. До нас дошел целый ряд договоров Новгорода с князьями конца XIII, XIV и XV веков. Руководясь ими, можно составить себе ясную и полную картину отношений между князем и другими органами управления в Великом Новгороде. К изображению этих отношений мы теперь и переходим.

Изучая договоры XIII и XIV веков, не трудно придти к заключению о той неподвижности, какой достигла в это время княжеская власть в Новгороде, и которую она сохраняла за весь этот период. Очевидно, власть князя вошла в рамки новгородского строя, приспособилась к нему, и дальше идти по пути приспособления было некуда. Это одинаково ясно, будем ли мы обращать внимание на административное, судебное или финансовое ведомство князя.

В административном отношении князь прежде всего обязывался держать новгородские волости не своими, а новгородскими мужами [2]). Единственным исключением из этого правила является право князя назначать своего тиуна в одной половине Торжка и Волока Ламского. Это условие часто специализируется в договорах по отношению к отдельным новгородским областям; напр.: «а за Волок (т.-е. в Заволочье, Двинскую землю) ти, княже, своего мужа не слати, слати новгородца» [3]), при чем иногда прибавляется: «а тобе серебро емати» [4]); или:

---

[1]) Новг. 1 и 4 лет. под 6726 г.

[2]) Собр. Госуд. Гр. и Догов., I, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15; А. А. Э., I, № 57.

[3]) Собр. Гос. Гр. и Дог., I, №№ 2, 9, 10.

[4]) Там же, № 9.

«в Вологде тиуна не держати» [1]). Иногда то же обязательство держать новгородские области новгородскими мужами осложняется еще оговоркой: «продаяти ти дань своя новгородцу» [2]). Очень часто встречаем важную прибавку: «как пошло по новгородской пошлине» [3]), т.-е. по обычаю. Второе условие, ограничивавшее административную власть князя, состояло в том, что он обязывался без вины мужа волости не лишать [4]). Это условие еще больше связывало князя, чем первое: понятие вины—относительно, и каждый может толковать его по своему; но не князю принадлежало право судить о том, была ли вина у того или иного должностного лица: это было делом веча, как о том убедительно свидетельствует известная уже нам история несогласий князя Святослава с посадником Твердиславом в 1218 г. Но князь XIII и XIV веков не только обязан был раздавать волости в управление новгородцам и не мог сменять должностных лиц без признания вины их вечем,—он был стеснен в выборе и из числа новгородцев, не мог единоличной своей властью назначить того, кого хотел: во все договоры внесено условие—«без посадника тебе, князь, волостей не раздавать и грамот не давать» [5]). Здесь посадник поставлен на одну ступень с князем: оба—выборные органы веча, не более, не могут друг другу ничего предписывать, а должны действовать по обоюдному согласию, уравновешивать друг друга. Наконец, четвертое условие, относящееся к действиями князя в порядке управления, формулировалось так: «без новгородского слова войны не замышляти» [6]), только вече могло объявить войну, князь является лишь его послушным орудием. Из всего этого видно, что самостоятельная административная деятельность князя была парализована, элементов верховной власти у него в этом отношении уже не оставалось, он был исполнительным, подчиненным органом и притом с довольно узкой компетенцией и с равноправным конкуррентом в лице посадника.

К тому же результату приводят наблюдения над с у д е б н о й властью князя: основное условие здесь—«без посадника

---

[1]) Там же, № 10.
[2]) Там же, №№ 2 и 10.
[3]) Там же, № 15.
[4]) Там же, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 9, 10, 15; А. А. Э., I, № 57.
[5]) Там же.
[6]) Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 8.

суда не судить» [1]); участие посадника было непременным условием законности княжеского суда. Конечно, оно стесняло судейское усмотрение князя, обеспечивало и на суде сохранение новгородской «пошлины», тех юридических обычаев, которые впоследствии нашли себе выражение в таких памятниках, как новгородская и псковская судные грамоты. Отсюда же, из необходимости участия посадника в княжеском суде, вытекало и другое условие, вносившееся в договоры Новгорода с «низовскими» или северо-восточными князьми областей бассейна Волги и Оки с их притоками, когда эти князья признавались новгородскими князьями: «а на Низу, княже, новгородца не судити, ни даней ти раздавати, ни приставов в Новгородскую землю с Низу не всылати» [2]). Далее, если суд совершался при соблюдении этих основных законных условий, т.-е. в Новгороде и с участием посадника, то князь должен был уважать chose jugée, не мог отменить прежний приговор: «а грамот ти, княже, не посуживати» [3]). У князя оставалось еще иногда право чинить проезжий суд, т.-е. судить областных жителей, объезжая волости или посылая своих судей. Но и в этом отношении судебная власть князя, по договорам, подверглась крайнему стеснению: во-первых, точно определен был один срок в году для такого суда: «а куда пошло судии твоему ездити по волости, ехати им межень по Петрове дни» [4]); или: «а судье слати на Петров день, тако пошло» [5]); во-вторых, подобно тому, как сам князь в Новгороде не мог судить без посадника, так и его судьи в новгородской области не могли судить без землевладельцев: старосты, холопа, рабы, половника «без господаря твоим судиям не судити» [6]). Опять-таки в глазах новгородцев такое присутствие на суде господаря, землевладельца обеспечивало беспристастие судей и юридическую обоснованность судебного решения. Наконец, в третьих, и тут выговаривалось следующее требование: «а за рубеж из Новгородской волости твоим дворяном суда не водити, ни

---

[1]) Там же, №№ 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15; А. А. Э., I, № 57.
[2]) Там же.
[3]) Собр. Гос. Гр. и Дог., I, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15; А. А. Э., I, № 57.
[4]) Собр. Гос. Гр. и Дог., I. № 2.
[5]) Там же, №№ 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15; А. А. Э., I, № 57.
[6]) Собр. Гос. Гр. и Дог., I, №№ 6, 7, 8, 9, 10.

судити [1]); вне» Новгородской области княжеские судьи не могли судить никого, так как этим нарушилось бы основное правило о присутствии на суде господаря подсудимого, и уничтожалось бы самое понятие о новгородской автономии. Потом проезжий суд и совсем стал отдаваться на откуп.

Всего больше князья должны были дорожить, разумеется, своими финансовыми правами, доходами, которые они получали с Новгорода и его владений. Новгородцы, конечно, не могли отказать князю в доходах, так как не могли обойтись без князя. Но они постарались возможно более ограничить и здесь княжескую власть. Князь сохранил право получать дар с новгородских волостей [2]). Он сохранял также и право охоты в Русе и на 60 верст вокруг Новгорода, но не далее [3]). В Ладогу князь посылал своих осетрника и медовара [4]), имея право там ловить на себя рыбу и варить мед. Затем он мог торговать с иноземными купцами, однако, не иначе, как через посредство новгородских купцов [5]), желавших, очевидно, монополизировать всю торговлю в своих руках. Княжеские дворяне и тиуны имели право брать во время проезда по Новгородской земле «погон» и «повозы» только в размерах, установленных обычаем [6]). К условиям, ограничивающим финансовые права князя и его слуг, следует еще причислить обязательство князя и бояр и дворян не приобретать сел, слобод, холопов и закладней в Новгородской земле [7]). Если бы это условие не вносилось в договоры с князьями, то князь, особенно, если он был богат, легко мог бы сделаться крупным новгородским землевладельцем, путем имущественных, владельческих отношений привязать к себе значительную часть населения своих вотчин и таким образом усилить свою власть. Совершенно естественно поэтому стремление новгородцев связать князя и в этом отношении. Новгород предоставлял князю пользоваться только так-называемыми «княжчинами» [8]), т.-е. имениями, специально назначенными в пользование князю.

---

1) Там же, №№ 6, 7, 8, 9.
2) Там же, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15; А. А. Э., I, № 57.
3) Там же.
4) Там жо,
5) С. Г. Гр. и Дог., I, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 16; А. А. Э., I, № 57.
6) С. Г. Гр. и Дог., I, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15; А. А. Э., I, № 57.
7) Там же.
8) См. Новг. летописи во многих местах.

Представленный очерк административных, судебных и финансовых прав новгородского князя в XIII и XIV веках, по договорам князей с Новгородом, свидетельствует, что во всех отношениях князь утратил те прерогативы, которые давали ему прежде право на участие в верховной власти. Из обладателя этой власти, только делившего ее с вечем, князь сделался простым наемным новгородским слугой. Он необходим был в Новгороде лишь в качестве военачальника, защитника от внешних врагов. Право предводительствовать над новгородским войском—вот что сохранил князь неприкосновенным из старины, да и тут его нередко сопровождал посадник. Притом же это право было скорее обязанностью, видом службы князя Новгороду, его повинностью, за исполнение которой Новгород и поступался в пользу князя некоторыми доходами.

Таково же было положение и псковского князя. Князь в Пскове был простой слуга веча, судил лишь с участием господы, получал довольно ограниченные доходы, слагавшиеся из дани со смердов и судебных пошлин, назначался вечем в посольства для переговоров с иностранными державами и, наконец, обязан был начальствовать над войском и руководить военными операциями [1]). Псковский летописец XV века очень удачно называет его «воеводою, князем кормленым, о котором было псковичам стояти и боронитися».

Уяснив себе значение и взаимные отношения трех основных политических сил, существовавших в вольных городских общинах удельной Руси,—веча, правительственного совета и князя,—мы должны теперь перейти к органам выборной администрации. Важнейшим из этих органов был посадник,—один в Новгороде и два в Пскове, по крайней мере в позднейшее время. Посадники выбирались вечем непременно из бояр и притом на неопределенный срок,—до тех пор, пока не нарушалось доверие к ним веча [2]). Это делало, конечно, посадничью должность очень чуткой к перипетиям политической борьбы, производило весьма частую смену посадников. Такая частая смена, вероятно, и ввела француза Ляннуа, бывшего в Новгороде в XV веке, в ошибку: он уверяет, что новгородский посадник выбирался на год. По летописям видно, что посадники оставались в должности и по несколько месяцев,

---

[1]) Никитский. Очерк внутр. истории Пскова.

[2]) Это признается всеми исследователями.

и по году, и по два, и даже иногда очень долго: так, Мирошка Нездинич был посадником с 1189 по 1203 г. [1]), а Степан Твердиславич в половине XIII века посадничал 13 лет [2]). Но причина замены одного посадника другим коренилась не всегда в борьбе политических партий и в победе одной из них над другою; иногда один боярин уступал посадничество другому, принадлежавшему к той же партии, по совершенно особому поводу, именно потому, что этот последний был старше его в известной партии, старше не по возрасту, а, так сказать, по наследственному служебному положению или «по отечеству», как следовало бы выразиться на московском местническом языке. Так, в 1211 г. Твердислав Михалкович уступил посадничество Дмитру Якуничу «старейшему себя», потому что отец Дмитра Якун был посадником гораздо раньше, нежели отец Твердислава Михалко [3]).

Несколько ниже посадника стоял другой орган новгородской выборной администрации—тысяцкий. В Пскове ему соответствовал, вероятно, другой посадник [4]). Тысяцкий выбирался вечем из бояр и на такой же неопределенный срок, как и посадник. Подобно посаднику, тысяцкий участвовал в вече и в правительственном совете и, как видно из только-что приведенного свидетельства летописи о посольстве 1215 г., тысяцкие играли роль в дипломатических сношениях Новгорода с князьями и соседями. Но у тысяцкого были и свои специальные обязанности, весьма притом важные: прежде всего тысяцкий, как это нам известно уже из истории киевской Руси, был начальником тысячи, т.-е. новгородского городского военного ополчения. Когда начиналась война, общее предводительство войском принадлежало новгородскому князю, при котором находился и посадник, за отсутствием князя становившийся главнокомандующим; князь же сохранял за собой и право непосредственного предводительства своей дружиной. Второй элемент новгородского войска составлял владычень стяг, или полк, находившийся под начальством подчиненного главнокомандующему—князю или посаднику—владычня боярина. Третьим элементом было новгородское

---

[1]) Новг. 1 лет.
[2]) Там же.
[3]) Ключевский, Боярская Дума, изд. I, стр. 248.
[4]) Никитский, Очерк внутр. истории Пскова, стр. 150.

народное ополчение, которым руководил тысяцкий, подчиненный также, разумеется, главному начальнику армии [1]). Еще важнее были судебные обязанности тысяцкого, начало развития которых относится ко второй четверти XII века, а завершилось это развитие во второй половине XIII столетия. В 1135 г. новгородский князь Всеволод Мстиславич, как нам уже известно, был вынужден уступить Новгороду право торгового суда; суд по торговым делам был передан общине купцов, учрежденный при церкви св. Ивана на Опоцах; коммерческие тяжбы стали разбираться коллегией из трех старост от житьих людей, двух от купцов и председателя—тысяцкого, который, по словам, грамоты, являлся представителем черных людей, разумеется, в том смысле, что выбирался вечем, а не сословной группой, как житьи и купеческие старосты [2]). По договору 1270 г. между Новгородом и ганзейскими городами, тысяцкий сделался председателем суда, разбиравшего все дела без различия между новгородцами и немецким купечеством; в этом суде под председательством тысяцкого заседали новгородские купеческие старосты и два немецких альдермена [3]).

По своей компетенции посадник был чисто исполнительным органом веча и совета. Посадник прежде всего был представителем народной воли и власти во всех судебных, административных и военных действиях князя: во всех договорах с князьями встречаем условие, которым князь обязывался не чинить суда без посадника; посадник же участвовал и в назначении князем областных правителей из числа новгородских бояр; нередко также посадник сопровождал князя в военных походах. Итак, первая отрасль ведения посадника заключалась в его ограничительной деятельности по отношению к князю [4]), в чем-то подобном римской intercessio, свойственной каждому из двух консулов. Но ведомство посадника было шире этой сферы деятельности совместной с князем: посаднику принадлежало еще право председательствовать на вече, где он помещался на вечевой степени, отчего и именовался

---

[1]) Ключевский, Боярская Дума; Никитский, Очерк истории церкви в В. Новгороде.

[2]) Доп. к Акт. Ист., т. I, № 3

[3]) Никитский, История экономич. быта В. Новгорода, стр. 21.

[4]) Собр. Гос. Гр. и Дог., I, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 10, 15; А. А. Э., I, № 57.

степенным посадником в отличие от посадников старых, уже отбывших свой черед исправления этой важной должности [1]). Кроме того посадник был непременным членом правительственного совета и распоряжался о его созыве [2]). Руководящее участие в высших новгородских учреждениях—вече и совете—является, следовательно, второй отраслью компетенции посадника. Наконец была еще третья сфера, в которой посадник имел первостепенное значение,—сфера военных и дипломатических дел. Когда князя в Новгороде или Пскове не было, посадник усваивал себе княжеское право предводительствовать войском: так, в 1167 г. Якун отправился походом на Русу, где засел враждебный Новгороду князь Святослав [3]); в 1169 г. тот же Якун защищал Новгород от нашествия полчищ, посланных Андреем Боголюбским [4]); в 1270 г. Павша предводительствовал войском, отправленным против Ярослава Ярославича тверского [5]). Это -примеры военной власти посадников, а вот несколько случаев, когда посадники ставились во главе посольств: в 1215 г. для призыва князя были посланы посадник, тысяцкий и 10 старейших купцов [6]); в переговорах 1471 года с Иваном III степенный посадник также играл видную роль [7]).

За исполнение судебных функций посадник и тысяцкий получали судебные пошлины, но, кроме того, существовал еще особый прямой сбор в пользу этих органов новгородской выборной администрации, налагавшийся на все черное население новгородских областей. Сбор этот носил название поральской белки или поралья посаднича и тысяцкого. По некоторым актам, он равнялся 1 алтыну с сохи [8]).

Великий Новгород, как известно, делился на две стороны,—Софийскую по левому берегу Волхова и Торговую по правому его берегу. На Софийской стороне было три конца: Неревский, Загородный и Людин или Гончарский, на Торговой два конца: Плотницкий и Славянский. Концы делились

---

[1]) Беляев, Рассказы из рус. ист., II, стр. 164.
[2]) Ключевский, Боярск. Дума.
[3]) Новг. 1 и 4 лет. под 6675 г.
[4]) Новг. 4 лет. под 6677 г.
[5]) Новг. 3 и 4 лет. под 6788 г.
[6]) Новг. 1 и 4 лет. под 6723 г.
[7]) Новг. 4 лет. под. 6979 г
[8]) Там же.

на сотни, а сотни на улицы. Такое же деление на концы, сотни и улицы существовало и в Пскове. Что такое были конец, сотня и улица? Представляли ли они из себя простые топографические деления или в основу их положена была юридическая связь? Все исследователи признают несомненной юридическую связь, и нельзя не признать этой связи, потому что факты слишком громко говорят за ее существование. Повидимому, в основе этой связ илежал хозяйственный принцип. Многие признаки указывают на эту экономическую по преимуществу основу деления Новгорода и Пскова на мелкие топографические союзы. Прежде всего это указывают названия некоторых концов, напр., Плотницкий, Гончарский: очевидно, здесь были жилища ремесленников,—плотников и гончаров. Затем сотни в Новгороде и Пскове соответствуют московским черным сотням, которые были, как известно, ремесленными корпорациями [1]). Далее; при изучении политической борьбы, мы увидим, что три софийских конца и улицы, в них находившиеся, имели демократический, ремесленный характер, а два остальных были аристократическими, населенными крупными капиталистами. Наконец, существует любопытное донесение шведского военного агента в Москве в 70-х годах XVII века Эрика Пальмквиста своему правительству; из этой книги видно, что еще в конце XVII века в Новгороде население Софийской стороны состояло из ремесленников, тогда как на Торговой стороне жили бояре и купцы [2]). Итак, нет сомнения, что в изучаемое время при делении Новгорода на мелкие союзы главное значение принадлежало экономическому принципу. Этим вполне удовлетворительно обясняются и все особенности во внутреннем устройстве концов, сотен и улиц.

Во главе конца стоял кончанский староста, выбиравшийся кончанским вечем непременно из бояр конца [3]). Староста в своем конце играл такую же роль, какую посадник в городе. Весьма возможно, что старосте подсудны были все члены конца в их делах между собою. Кончанские старосты выдавали, по решению кончанского веча, грамоты с печатями: такова, напр., грамота Славянского конца св. Зосимы или грамота 1477 года

---

[1]) Ключевский, Боярская Дума др. Руси.
[2]) Готье, Известия Пальмквиста о России, стр. 6
[3]) Ключевский, Боярская Дума.

Троицкому-Сергиеву монастырю [1]). Вообще, вся исполнительная деятельность—дело кончанского старосты. Кроме старост, важное значение имели еще посылаемые временами депутаты от концов, напр., для участия в посольствах [2]). Концы строили укрепления, заготовляли военные снаряды, набирали и снаряжали войско, заботились о благосостоянии города [3]). Далее, концы имели очень важное значение в судебном отношении: они представляли на суд по два боярина и по два житьего, если кто-либо из членов конца являлся истцом или ответчиком,—для защиты его интересов [4]); на высшем суде—«у докладу во владычне компате» присутствовали в качестве заседателей по боярину да по житьему от конца; кончане обязаны были ставить к суду преступников—своих людей, т.-е. холопов и крестьян, живших на кончанских землях [5]). Из этого уже видно, что у концов были свои земли и свои люди. Это приводит нас к обсуждению одного спорного вопроса в истории новгородских концов, именно вопроса об их отношении к новгородским областям или пятинам. В сочинении барона Герберштейна, посла германского императора, бывшего в Москве в 1526 г., читаем следующее любопытное известие о Новгороде: «у этой общины во время ее процветания и самостоятельности обширнейшая ее волость (ditio) была разделена на пять частей, из которых не только каждая часть обращалась к обычному и соответственному должностному лицу своей части при исследовании общественных и частных дел, но и каждый гражданин мог в своей только области общины улаживать и надлежащим образом порешать дела с другими согражданами: никому нельзя было апеллировать ни в каком деле к какому-либо другому должностному лицу той же самой общины» [6]). Объясняя это свидетельство Герберштейна, исследователи разделились на две группы: одни [7]) утверждают, что Герберштейн говорит только о концах, т.-е. что

---

[1]) Там же; Соловьев, История Рос., т. IV.

[2]) Ключевский, Боярская Дума.

[3]) Неволин, О пятинах и погостах новгородских: «Зап. Рус. Геогр. Общ.», кн. VIII, стр. 50.

[4]) Там же, стр. 50.

[5]) Никитский, Очерк внутр. истории Пскова, „Ж. М. Н. Пр." за 1872, апр., стр. 246.

[6]) Там же.

[7]) Там же.

под «частями общины» надо разуметь концы; по мнению других [1]), «части общины»—это пятины. Но мы уже знаем, что у концов были земли в пятинах. С другой стороны, ditio значит «волость», а так называться может только Новгородская область, а не город. Наконец, известно, что в Пскове концы имели в своем ведении части Псковской области [2]). Итак, кончанское управление имело в значительной степени областной характер. Обыкновенно считают деление на пятины позднейшим, московским и объясняют его как переписной округ или как военную единицу [3]). Но житие Варлаама Важского свидетельствует, что еще при в. князе Василии II „бысть великий Новград по жребиям разделен, яже нарицаются пятины" [4]).

Более мелким, нежели концы, делением были сотни. Сотен в Новгороде было десять, столько же, вероятно, и в Пскове. Во главе сотен стояли выбиравшиеся из бояр сотские. В Пскове сотские участвовали в суде, составляя вместе с князем и посадниками «господу» [5]). И новгородские сотские пользовались судебной властью. Сотские были, кроме того, предводителями военного ополчения-сотни. Они ведали также торговую полицию, наблюдали за мерами и весом. Наконец, сотским же принадлежала обязанность мостить улицы, как указывает известный «устав Ярослава о мостах», изданный в 1265 году [6]). В свое время было уже сказано, что сотские были членами правительственного совета.

Наконец, самым мелким топографическим делением были улицы. Во главе улицы стоял уличанский староста, выбиравшийся уличанами из бояр и, повидимому, судивший уличан по делам, возникавшим между ними. Мы вообще мало знаем о внутреннем устройстве уличанского управления и о значении улицы, как юридического целого. Известно только, что уличане пользовались правом судебной защиты со стороны

---

[1]) Там же.

[2]) Никитский, Очерк внутр. истории Пскова, стр. 162.

[3]) Неволин, О погостах и пятинах: «Зап. Геогр. Общ.», VIII, стр. 66, 67; Андрияшев, Материалы по историч. географии Новг. земли, Спб. 1914, стр. LXI.

[4]) Рум. Музей, рукописи Ундольского, № 591, л. 4 об.

[5]) Никитский, Очерк внутр. истории Пскова, стр. 122.

[6]) Беляев, Расск. из рус. ист., II, стр. 172; Никитский: «Ж. М. Н. Пр.», 1869 г., окт., стр. 211, 222.

своих сочленов: именно, уличане посылали на суд, где разбиралось дело их сочлена, двух представителей - защитников или «ятцев» [1]).

Кроме всех этих должностных лиц, в Новгороде и Пскове существовал еще ряд чиновников с исполнительной властью, выбиравшихся вечем. Таковы были биричи и подвойские, посылавшиеся для объявления чего-либо народу, напр., для созыва на вечевую сходку; пристава, вызывавшие тяжущихся, производившие следствие, ставившие ответчика на суд, исполнявшие судебные решения, подверники, наблюдавшие за соблюдением порядка на суде, известный уже нам «вечный» или городской дьяк, ведавший вечевое делопроизводство, и т. д.

То, что было сказано выше об отношениях концов к пятинам, вводит нас уже в сферу областного управления. В землях, подчиненных Новгороду, следует различать несколько, отчасти уже нам известных по истории колонизации, составных элементов, из которых каждый пользовался особыми правами и находился в особых отношениях к главному городу. Прежде всего необходимо выделитъ пригороды. Происхождение части новгородских пригородов относится к довольно позднему времени и может быть прослежено по летописям. Таково, напр., происхождение города Корелы и ряда пригородов Пскова. Другие пригороды, как Руса, Ладога, Псков, существовали издавна, даже еще до призвания князей. Пригороды, как можно видеть по их расположению на главных речных системах страны и по укреплениям, которые в них сооружались, возникали под влиянием двоякого рода интересов,—военных и хозяйственных. Пригороды были торговыми и промышленными центрами известной местности и особенно развивались там, где или существовали особые промыслы, или проходили торговые пути: так, Ладога, находившаяся у устья Волхова, при впадении его в Ладожское озеро, была ключом всего торгового волховского пути, наиболее оживленного во всей Новгородской области; Орешек лежал у истоков Невы и, следовательно, господствовал над выходом из этой реки в Ладожское озеро, запирал этот выход; Яма лежала по лужскому торговому пути, Порхов по шелонскому; Руса была центром обширного солеваренного района и проч. [2]).

---

[1]) Беляев, II, стр. 176—178.

[2]) Ср. Беляев, Рассказы из русск. истории, II, стр. 13.

Нет сомнения, что к каждому пригороду была приписана известная волость, часть новгородской территории: это видно из того, что такую волость имел Псков, бывший сначала пригородом Новгорода, а также из того, что, когда новгородцы давали князьям в кормление какие-либо пригороды, то вместе с ними князья получали и известные области в такое же кормление [1]). Пригорожане, несомненно, собирались на веча для решения своих частных дел, но веча эти подчинялись решениям веча старшего города по известному правилу: «на чем старшие сдумают, на том и пригороды станут». Администрация пригородов находилась в руках посадников, посылаемых по соглашению князя с посадником из числа новгородских бояр, или в руках князей, получавших пригороды в кормление [2]).

Наиболее крупным делением территории, подчиненной Великому Новгороду, были пятины—Вотская, Обонежская, Деревская, Бежецкая и Шелонская. Относительно пятин в ученой литературе существует спор, сводящийся в сущности к простому терминологическому разногласию. Некоторые исследователи [3]) указывают, что термин «пятина» встречается впервые лишь в конце XV века, и что поэтому деление на пятины надо признать позднейшим, московским, установленным великим князем Иваном III только в 1478 г. и раньше не существовавшим. Но другие [4]) отмечают в противовес этому, что летописи рано упоминают о Води или Вожанах, о Дереве, Бежице, Обонежье, что еще в уставе князя Святослава Ольговича в 1137 г. упоминаются Обонежский и Бежецкий ряды. Вообще, не придавая большого значения термину «пятина», можно признать, что деление собственно новгородской земли на пять больших частей было древним, и, как мы уже видели, есть основание сближать это деление с пятью новгородскими концами, ставить пятины в известную административно-судебную зависимость от кончанского управления.

Более мелким, чем пятины, территориальным делением являются погосты, которых во всех пятинах было до 340 [5]). Погосты имели административное значение, были мелкими

---

[1]) Никитский, Очерк внутр. истории Пскова.
[2]) Беляев, Рассказы из рус. ист., II, стр. 13.
[3]) Неволин, О пятинах и погостах
[4]) Соловьев, История России, IV, прим. 424.
[5]) Неволин, О пятинах и погостах новг.

крестьянскими областными делениями, во главе которых стояли выборные старосты, раскладывавшие и собиравшие налоги и ведавшие полицию [1]). Новгородским погостам соответствовали псковские волости или губы, во главе которых стояли губские или волостные старосты [2]). Существовали еще перевары, которые обыкновенно, без достаточных, впрочем, оснований, считаются рыболовными округами [3]). Повидимому, перевара было лишь другое название для погоста или губы.

Остается рассмотреть характер новгородского областного управления в других владениях Великого Новгорода, кроме новгородских пятин. Этими владениями Новгород управлял не так, как пятинами, и даже далеко не все эти владения управлялись одинаково. Первый, наиболее важный элемент новгородских владений вне пятин составляла Двинская земля или Заволочье. На основании некоторых древнейших летописных известий можно сделать вывод, что первоначально управление этой областью носило военный характер: для сбора дани туда ежегодно отправлялись вооруженные отряды новгородцев. Так, под 1169 г. читаем: «иде Даньслав Лазутинич за Волок данником с дружиною» [4]). Но с XIII века можно наблюдать уже совершенно иные порядки, усиление связи Двинской земли с Новгородом. В Двинской земле появляются два назначаемых из Новгорода посадника, подобно тому, как посадники же были в новгородских пригородах. Посадники жили в Холмогорах, и один из них, кажется, имел такое же значение, как в Новгороде тысяцкий. Местные интересы на суде представлял выборный из двинян сотский, один на всю Двинскую землю, а в финансовых делах такими же представителями местных интересов были старосты отдельных волостей [5]). Все остальные новгородские владения на севере, Терский берег Белого моря, Пермь, Печора и Югра, были все время в том положении, в каком находилось Заволочье до XIII века: новгородцы собирали здесь вооруженной рукой дань, не имея постоянных органов администрации.

Итак, Новгород по отношению к областям, крепко с ним

---

[1]) Там же.
[2]) Никитский, Очерк внутр. истории Пскова, стр. 176, 177.
[3]) Беляев, Рассказы из рус. истории, II, стр. 27.
[4]) Новг. 1 лет. под 6677 г.
[5]) Никитский, Очерк внутр. ист. Пскова.

связанным, обладал тремя важными правами: во-первых, правом собирать дань, во-вторых, правом призывать в известных случаях всех пригорожан и жителей волостей на суд в Новгород, в третьих, правом назначать в области своих посадников и кормленщиков. Эти права нередко вызывали недовольство областных жителей. Вот почему довольно часто можно прочитать в летописях известия о восстаниях новгородских областей и пригородов. Так, в 1434 г. восстали Великие Луки и Ржев, но были усмирены новгородцами [1]). Здесь восстание вдохновлялось, главным образом, из соседней Литвы, так как литовские великие князья желали присоединить эти пригороды к своим владениям. В Двинской земле восстания возникали под влиянием другого соседа, великого князя Владимирского, потом Московского. Так, Андрей Боголюбский в 1169 г. привлек двинян на свою сторону, хотя и ненадолго [2]). В 1397 г. в Двинской земле опять наблюдается попытка переменить новгородскую власть на московскую; попытка эта кончилась, впрочем, неудачно: двиняне заплатили новгородцам 2 тысячи рублей и дали новгородским всадникам 3.000 коней [3]). Но всего важнее были восстания Пскова, особенно по тем результатам, какие они имели. Псковичи боролись с новгородцами прежде всего за право выбирать самим князей. Этого права псковичи добились во второй половине XIII века, когда в Пскове появился первый выбранный местным вечем князь Довмонт из рода Гедимина литовского [4]). Новгородцы, правда, считали Довмонта и его ближайших преемников своими кормленщиками, но это была чисто юридическая фикция, так как на деле выбор и смена этих князей зависели уже не от новгородского веча, а от псковского. С 1322 года в Пскове появляются совершенно самостоятельные князья, не признававшие себя даже и номинально представителями Новгорода: таким князем был в это время Давыдко, происходивший, как и Довмонт, из литовских князей [5]). Затем в начале XIV века в Пскове появляются собственные выборные посадники на-ряду с присылавшимися из Новгорода [6]). Наконец, все эти автономистские

[1]) Никитский, Очерк внутр. истории Пскова.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же.
[5]) Там же.
[6]) Там же.

стремления псковичей увенчались полным успехом в 1347 году, когда в Болотове был заключен между Новгородом и Псковом договор, условия которого изложены в летописи следующим образом: «посадником новгородским в Пскове не седети, ни судити, а от владыки судити их брату псковитину, а из Новгорода их не позывати ни дворяны, ни подвойскими, ни софияны, ни изветники, ни биричи, но назваша братом молодшим Новугороду Псков» [1]). Так Псков освободился окончательно от всякого подчинения Новгороду. Понятен успех Пскова в борьбе за самостоятельность: он был богаче и сильнее других пригородов и потому мог добиться своих целей.

Теперь, когда подвергнуты обстоятельному изучению все средства новгородского и псковского управления, можно сделать общие выводы о техническом уровне этих средств. Прежде всего наблюдались ли нами в вольных городах удельного времени учреждения с постоянным составом, определенным ведомством и самостоятельностью в круге дел, им предоставленных? Нет сомнения, что вече в городах и пригородах и сходки в погостах и губах в отношении состава своего были очень несовершенными органами управления, как то было и в киевский период. Но компетенция этих органов определилась полнее и стала более прочной. Еще ближе к настоящим, правильным учреждениям подходили правительственный совет, князь, посадник, тысяцкий и все остальные органы центрального и областного управления: они приобрели определенное ведомство, постоянный состав, стали самостоятельны в своей деятельности. Затем можно видеть начатки отделения верховного управления от подчиненного: верховная власть сосредоточилась в руках веча и правительственного совета, которые не делили ее ни с кем. Правда, и вече, и совет не были чистыми носителями верховной власти, некоторые функции их, административные и судебные, относились уже к сфере подчиненного управления, но это указывает только на неразвитость новых начал, а не на полное их отсутствие. Можно, наконец, заметить, что слабо намечалось и разделение властей, по крайней мере, отделился в высшей инстанции суд от законодательства и администрации: учреждение для доклада во владычне комнате не сливалось ни с вечем, ни с советом, ни с органами исполнительной власти.

[1]) Там же

Таким образом, нельзя отрицать крупные успехи, сделанные новгородским и псковским политическим строем в области административно-технической. Спрашивается теперь, насколько этому соответствовали понятия о цели государственного союза и о том, общество, как целое, или лицо признавалось носителем власти, т.-е. было ли государство вольных городов союзом личного или союзом общественного господства? И в этом отношении государство вольных городских общин удельной Руси представляет собою высший политический тип сравнительно с киевской Русью. Правда, уцелело еще не мало остатков старины, низводивших государство на степень союза личного господства, в котором часто преследовались интересы частной выгоды, а не общего блага: сюда относится, напр., принцип единогласия, необходимый для действительности вечевых решений и приводивший на практике к междоусобию, потому что меньшинство и даже одно лицо могло остановить решение в личных своих интересах; затем нельзя забывать, что существовало начало кормления: органы судебной власти смотрели на суд с фискальной точки зрения, имея в виду, главным образом, доход от судебных пошлин. Но на-ряду со всем этим наблюдаются явления совершено новые, чуждые киевской старине. Прежде всего является постоянный, нерушимый закон, заступающий место старого, колеблющегося обычая. Этот закон должен быть постоянным руководителем властей, которые должны были действовать, «взирая в правду», справляясь с законом. Такими общими законодательствами были новгородская судная грамота 1471 года и псковская судная грамота 1467 года, составившаяся из вечевых решений и грамот двух псковских князей, Александра Михаиловича, сидевшего в Пскове во второй четверти XIV века, и Константина Дмитриевича, который княжил над псковичами в начале XV столетия [1]). Затем цели правительственной деятельности в Новгороде сознательно понимались, как стремление к общему благу: так, военная деятельность князей направлена была не на расширение собственных княжеских владений, а на защиту от врагов. Наконец, в следствии и суде власть начала выходить из прежнего пассивного состояния и стала играть более деятельную роль. Остановим прежде всего свое внимание на следствии и вообще до-судебных действиях тяжущихся сторон и властей.

---

[1]) А. А. Э., I, № 92; Пск. суд. грам.

В этом отношении можно наблюдать установление довольно ясного различия между уголовными преступлениями и гражданскими правонарушениями. При уголовном преступлении до-судебные действия истца осложнялись прежде всего одним элементом, совершенно чуждым до-судебным его действиям при гражданском правонарушении: это—явка, т.-е. извещение суда и окольных людей о совершившемся; псковская судная грамота требует, чтобы татьба и бой были явлены старостам, «окольным суседом» или иным сторонним людям, а если преступление совершилось на пиру,—пировому старосте и участникам пира [1]). За явкой следовала жалоба властям, чем одинаково характеризовались до-судебные действия сторон и при уголовном преступлении и при гражданской тяжбе [2]). Впрочем, при убийстве, некоторых случаях боя, конокрадстве, зажигательстве и краже из крома, т.-е. из кремля, где был архив, казна и торговые склады, дело начиналось без жалобы. Третья составная часть до-судебного процесса—призыв на суд через посредство приставов или подвойских—также одинаково характерна и для дел уголовных, и для гражданских [3]). Это, как и явка,—явления новые в данное время сравнительно с киевским периодом, указывающие, что власть уже выходит из прежнего пассивного состояния. Надо, впрочем, заметить, что призыв через пристава в гражданских делах отличался и в изучаемое время сохранением очень значительных остатков старины, именно взгляда на процесс, как на договор между сторонами: тут нет ни истца, ни ответчика, обе стороны совершенно равны и потому обе посылают приставов. Так, в одном древнем новгородском акте речь идет о поземельной тяжбе двух лиц, причем оба тяжущиеся нарядили подвойских и согласились идти на суд [4]). Пристав или подвойский отправлялся для исполнения своих обязанностей обыкновенно с истцом вместе и читал ответчику на площади «позовницу», грамоту, призывавшую его на суд; если ответчик, уклонялся от выслушивания позовницы, то она читалась в присутствии священника и других лиц [5]). Четвертым до-судебным актом было

---

[1]) Дювернуа, Источники права и суд в древней Руси, стр. 376
[2]) Там же, стр. 377.
[3]) Там же, стр. 378.
[4]) Там же, стр. 379.
[5]) Энгельман. Гражд. законы пск. суд. грамоты, стр. 122.

проиводство следствия, т.-е. подбор подходящих доказательств. При гражданских правонарушениях этот подбор производился всегда самим истцом, как то было и раньше, в киевский период, но при уголовных преступлениях становится более заметным участие властей: в делах о воровстве, по псковской судной грамоте, истец мог просить судью о производстве следствия [1]); в делах о бое и грабеже, когда ответчик предъявлял равносильное обвинение к истцу, суд должен был помочь ему в представлении доказательств [2]).

Таков состав до-судебной части процесса; совершенно ясно, что государственная власть стала в ней принимать более деятельное участие, чем прежде, что она стала сильнее содействовать выяснению истины. Это показывает, что старая формальная точка зрения на судопроизводство утратила прежнее значение, что еще яснее обнаруживается при изучении самого суда. Суд состоял в рассмотрении и оцёнке судебных доказательств, при чем большинство последних оспаривалось, т.-е. прежний формализм потерял исключительное значение и сменился в значительной степени, хотя далеко не вполне, стремлением установить материальную истину. Судопроизводство в уголовных и гражданских делах имело, конечно, еще много сходственных черт, но существовали и значительные различия, сводившиеся к преобладанию следственного начала в уголовном процессе. Поэтому удобнее рассмотреть отдельно судебные доказательства в уголовных и гражданских делах. Что касается уголовного судопроизводства, то первым доказательством, самым решительным, было собственное признание обвиняемого. За отсутствием признания, весьма редко встречавшегося на практике, в качестве доказательств употреблялись поличное при воровстве-краже и вообще следы преступления или «долики» при других преступлениях [3]). Третьим видом доказательств были свидетели - очевидцы преступления. Только в виду отсутствия свидетелей, напр., при бое в пустынном или безлюдном месте, выставлялся послух [4]). Значение послухов нам уже известно из истории киевской

---

[1]) Там же, стр. 121.

[2]) Там же, стр. 121.

[3]) Дювернуа, Источники. права, стр. 393; Энгельман, Гражд. законы пск. суд. грам., стр. 141.

[4]) Энгельман, Гражд. зак. пск. с. гр., стр. 130, 131.

Руси,—они были подобием соприсяжников. Теперь остается указать черты различия и сходства послухов псковской судной грамоты с послухами «Русской Правды». По прежнему послух—это лицо, на которое «слались». Он был свидетелем не о факте, а о добросовестности славшейся на него стороны. Наконец, как и раньше, он был свободный человек, «муж», так что слова «послушествовать» и «мужевать» были синонимами [1]). Отличия от старого послушества сводились к следующему: во-первых, ссылка на послухов потеряла свою обязательность; псковская судная грамота прямо говорит: «кто не слался, ино его тем не повинити, что не слался» [2]), во-вторых, послух был теперь непременно один, «того доля, занеж и поле присужати» [3]), т.-е. потому, что его показания можно оспаривать «полем», судебным поединком, а вооруженная борьба стороны с несколькими послухами была бы затруднительна; в третьих, как только что сказано, показания послуха подлежали спору, с ним можно было, по выражению новгородской судной грамоты, «уведаться» путем судебного поединка [4]) Так ослабело значение послушества, игравшего в киевской Руси такую важную роль. Наконец, последним видом доказательств, допускавшихся в уголовном судопроизводстве, было упомянутое сейчас «поле», судебный поединок,—процессуальное средство весьма древнее, упоминаемое еще у славян X века арабским писателем Ибн-Дастой, но в изучаемое нами время утратившее уже прежнее первостепенное значение-оно допускалось лишь тогда, когда не было других, более достоверных доказательств, что опять-таки указывает на усиление следственных элементов в уголовном процессе. Для поля был установлен определенный порядок: суд назначал срок поединка, который происходил в присутствии властей, поручников и стряпчих сторон; перед поединком стороны присягали; победитель выигрывал процесс, но если побежденный был убит, то победитель не получал своих денег: «по трупу кун не имати», говорит псковская судная грамота [5]). Переходя к

---

[1]) Дювернуа, Источники права и суд, стр. 392—394.

[2]) Там же, стр. 392.

[3]) Там же, стр. 393.

[4]) Там же, стр. 393.

[5]) Там же, стр. 406, 407; Энгельман, Гражд. законы пск. суд. грам., стр. 145; ср. Владимирский-Буданов, Обзор ист. рус. права, стр. 650.

гражданскому судопроизводству, надо прежде всего заметить, что всякий гражданский иск был по прежнему почти всегда реальным, вещным, а не консенсуальным, личным, т.-е. стороны приносили с собою предмет спора (например, денежную сумму) и вели спор об этом предмете, находившемся налицо. И в гражданском процессе, конечно, собственное признание решало дело. При его отсутствии, первостепенное значение имели документы, при чем в большинстве случаев документы должны были иметь значение не домашних расписок, а официально-засвидетельствованных актов, почему суд и проверял достоверность документов, справляясь, оставлены ли были в псковском архиве или ларе св. Троицы копии с них. Неофициальные акты—«доски»—допускались в качестве судебных доказательств лишь при займе ниже 1 рубля [1]). Если не было документов, иск доказывался свидетельскими показаниями. В поземельных делах—при равенстве доказательств обеих сторон—призывались «межники» [2]),—не официальные межевщаки, а «сторожильцы», «знахари», старинные местные жители, разводившие спорную землю. Они, по своему юридическому значеняю, соответствовали отчасти послухам в уголовных делах. Наконец, поле применялось в гражданских тяжбах на тех же условиях, как и в уголовном судопроизводстве, и очень часто употреблялся еще один вид суда Божия,—крестное целование или присяга; присяга была двух родов—очистительная в некоторых исках о владении, которой подлежал ответчик, и которая составляла его обязанность, и присяга—право, принадлежавшее одной из сторон, при чем от последней зависело самой присягнуть, заставить присягать другую сторону или идти на поединок, но иногда предоставлялся выбор лишь первых двух из этих возможностей [3]). Например, при выкупе заложенной вещи возник спор о том, за сколько она заложена. Если был официально удостоверенный документ, то дело решалось бесспорно на основании его текста. Но если закладной записи не было, то залогоприниматель мог или сам присягнуть или возложить присягу на залогодателя. Опять присяга имеет значение лишь за отсутствием других доказательств.

---

[1]) Энгельман, Гражд. законы пск. суд. грам., стр. 143.
[2]) Дювернуа, Источ. права, стр. 399.
[3]) Там же, стр. 403, 404.

Итак, все заставляет нас придти к выводу, что прежнее, древнейшее государство, преследовавшее цели личной выгоды и бывшее, значит, союзом личного господства, стало колебаться в своих основаниях в Новгороде и Пскове XIII, XIV и XV веков и постепенно преобразовывалось в государство, имеющее в виду интересы общего блага, в союз общественного господства.

Впрочем, здесь необходимо сделать еще одно существенное дополнение, естественно вытекающее из всего предшествовавшего изложения. Государство вольных городов было еще аристократическим и муниципальным. Оно не было, правда, крепостным государством, основанном на принципе обязанности, но принцип права вырождался в нем в начало сословной привилегии, и притом фактически вся власть находилась в руках населения державного города, «государя Великого Новгорода» и «господина Пскова», и даже не всего населения, а горсти богатых банкиров, землевладельцев и купцов.

Таков был политический строй вольных городских общин удельной Руси. Чтобы лучше понять связь политических явлений с социальными и хозяйственными, мы должны теперь остановиться на борьбе новгородских политических партий. Читая новгородские летописи XII века, легко сделать наблюдение, что параллельно смене князей сменяются и посадники, при чем каждый раз как на новгородском столе появляются суздальские князья или их ставленники,— и посадниками становятся члены определенного круга новгородских боярских фамилий, а когда садятся на стол князья других линий Рюрикова дома, то и посадничество занимают члены иных фамилий. Такое совпадение не может быть случайным: очевидно, князья и посадники сменялись по той причине, что побеждала та или другая политическая партия. Одна из этих партий, именно та, которая была против суздальских князей, была, несомненно, демократической партией, состояла по преимуществу из черных людей и купцов, как видно из того, что она требовала, чтобы князь «блюл смердов» [1], и, разграбив дома враждебных бояр, снабдила деньгами купцов [2]. Предводителями этой партии были такие лица, как Мирослав Гюряти-

---

[1]) Новг. 1 лет. под 6644 г.

[2]) Там же, под 6643 г.

нич, его сын Якун Мирославич, Михалко Степанич и его сын Твердислав Михалкович. Противную партию надо признать на основании сейчас приведенных данных аристократической. Ее предводителями были, напр., Дмитр Завидич, его сын Завид Дмитрович, Иванко Павлович, его сын Судило Иванкович, Захария, его сын Иванко Захарьинич, Мирошка Нездинич, его сын Дмитр Мирошкинич и т. д. Мы можем определить и отношение обеих партий к важнейшим политическим вопросам и результаты их усилий осуществить то, к чему они стремились. Самым жгучим вопросом был вопрос о взаимных отношениях между вечем и князем. Не трудно заметить, что демократическая партия была против своеволия князей, за ограничение их власти и за расширение власти веча: она, во-первых, добилась уступки князем права торгового суда купеческой компании, организовавшейся около церкви св. Ивана на Опоках, во-вторых, когда в 1218 г. князь Святослав Мстиславич потребовал смены посадника Твердислава Михалковича, то он получил отказ от сторонников последнего; ему сказали: «тобе ся кланяем, а се наш посадник, а в то ся не вдадим». Между тем аристократическая партия мирилась с своеволием князей суздальской линии, которых она поддерживала: так, Рюрик Ростиславич, посаженный на новгородский стол Андреем Боголюбским, в 1171 г. отнял посадничество у Жирослава и выгнал его из города, хотя Жирослав принадлежал к суздальской аристократической партии; и мы не видим при этом никакого протеста со стороны приверженцев суздальских князей: они дают посадничество другому лицу из своей среды—Иванку Захарьиничу [1]). Можно прибавить, что бояре-банкиры были приверженцами аристократической партии, потому что у Дмитра Мирошкинича было много «досок», долговых обязательств ему со стороны разных лиц [2]). Вероятно, демократами было то боярское меньшинство, которое не превратилось в крупных банкиров, осталось при одном землевладении. Наконец, летописные известия указывают, что сторонники аристократической партии жили на Торговой стороне, а демократы на Софийской [3]). Понят-

[1]) Там же, под 6679 г.

[2]) Новг. 1 и 4 лет. под 6717 г.

[3]) Рожков, Политич. партии в В. Новгороде: «Ист. и социол. оч.», II, стр. 43.

но, почему главная масса боярской аристократии держалась пока сильной княжеской власти и опасалась могущества веча: экономическое господство крупных банкиров-землевладельцев еще не успело укрепиться, и можно было опасаться, как бы демократическая волна не захлестнула едва начинавшей становиться на ноги боярской аристократии.

В таком положении находились новгородские политические партии в XII веке и начале XIII столетия, до 1218 года. Тот самый Твердислав, о котором у нас уже много раз шла речь, разошелся в этом году с большинством демократической партии и выказал себя стронником сильных князей, не примкнув, однако, к аристократам: он понял, что плодами предшествовавшей политической борьбы воспользовались аристократы, подчинившие вече фактическому господству совета, и что в интересах народа предпочесть сильную княжескую власть олигархическому преобладанию богачей. В тридцатых и сороковых годах XIII века сын Твердислава, Степан воспринял и применил на практике идей отца: оставшись верным интересам народной массы, он, однако, поддерживал на новгородском княжеском столе привыкших к самостоятельности князей владимиро-суздальькой линии,—Ярослава Всеволодовича и его сына Александра Невского. Твердислав и Степан Твердиславич своей деятельностью положили начало кризису в демократической партии, но это привело сначало только к резкому столкновению между ними и другими народными вождями: то, что стало понятно отдельным выдающимся деятелям, оставалось еще недоступным народной массе.

Но перед видными членами аристократической партии возникал вопрос: пригодны ли те средства, которыми они раньше пользовались в политической борьбе, для сохранения достигнутого фактического преобладания боярского совета над вечем, обладавшим уже юридически всею верховною властью?. Опираясь на сильных и склонных к самовластию князей, боярская партия, правда, не могла ограничить демократические тенденции веча, но приобрела фактический перевес, добившись экономического господства. Следовало ли и после этого поддерживать таких князей? Большинство членов партии не сознавало еще необходимости перемены в этом отношении, но отдельные более талантливые лица опередили толпу; они поняли, что дальнейшая поддержка сильных князей опасна, потому что

они проникнуты стремлением подавить не только вече, но и боярский совет; что и подавление веча, находящегося в руках бояр-капиталистов и землевладельцев, невыгодно для аристократической партии; что, наконец, среди сторонников черного народа стали проявляться тенденции в сторону сильных, могущественных князей, как естественных союзников черни против знати. Под влиянием всех этих обстоятельств наиболее талантливые представители аристократической партии начали склоняться к поддержке более слабых и мягких князей в Новгороде. Первый тому пример представляет посадник Смен Михайлович; он принадлежал к фамилии, давно уже зарекомендовавшей себя аристократическими симпатиями, и, однако, в 1282 г. воспротивился признанию новгородским князем сильного Дмитрия Александровича, сына Александра Невского.

К половине XIV в. взгляды Твердислава сделались общепринятыми в демократической партии, тогда как партия боярская примкнула к воззрениям Смена Михайловича [1]).

В психологии и духовной культуре русских вольных городов до конца XIII века сохранялось еще много остатков старой неорганизованности, примитивной грубости. Одним из признаков этого является крайняя импульсивность народной массы: всякое впечатление немедленно переходит в действие и притом в действие крайне насильственное,— в убийство и грабеж. При чтении новгородских летописей внимание очень скоро утомляется описаниями дикой расправы народа с тем, кто ему был неугоден. Типическим примером здесь может служить рассказ о том, как новгородцы в 1209 году „створиша вече на посадника Дмитра и братью его". Они пошли на их дворы „грабежом", зажгли их дома, „а житье их поимаша, села их распродаша и челядь, и скровища их изъискаша и поимаша без числа, а избыток разделиша по зубу, по три гривне по всему городу, и на щит аще кто потом похватил, а того един Бог ведает; а от того мнози разбогатеша". Дмитр скоро умер, и во время похорон его тело „новгородци хотяху с моста соврещи, но возбрани им архиепископ Митрофан" [2]). Подобные и еще более необузданные расправы не были вовсе исключением, составляли заурядное, обычное явление чуть не

---

[1]) Там же, стр. 47—58.
[2]) Новг. 1 и 4 лет. под 6717 г.

повседневной действительности. О них можно часто прочитать в летописях. Поэтическим отражением подобного рода нравов является известная былина о Василье Буслаевиче, рассказывающая о его буйствах с дружиной на улицах города и на пиру, названном „братчиной Никольщиной" [1]).

К числу остатков принадлежало и религиозное двоеверие, которое, несколько побледнев и ослабившись, приняло вид суеверия. Вот пример этого: в 1228 г. всю осень стояло ненастье; нельзя было ни косить сено, ни сеять озимое; это бедствие в глазах простого народа, по словам летописца, было следствием преступления архиепископа Арсения, низложившего и заместившего прежнего владыку Антония: „того деля стоит тепло долго: выпроводил Антония владыку на Хутино (т.-е. в Хутынский монастырь), а сам сел, дав мзду князю" [2]).

И в искусстве вольные города в этот период жили еще старыми преданиями. Построенный еще в XI веке в Новгороде каменный собор св. Софии по плану своему был таким же подражанием византийским образцам, как и киевский Софийский собор: сохранена была форма квадрата. Построен он был из серого камня с прослойкой кирпичей, имел первоначально одну главу с круглым куполом. Климатические условия русского севера заставили внести существенные архитектурные изменения: во-первых, были уменьшены размерами окна вследствие зимних холодов, при чем, однако, на внешности стен остались следы прежнего большого окна; во-вторых, обилие атмосферических осадков—летних и зимних—заставило переделать форму кровли: была заимствована восьмискатная кровля романского стиля [3]). Все эти архитектурные черты были усвоены затем при постройке других каменных новгородских и псковских церквей, напр., Спаса в Нередицах, Спаса Преображения на Ильинской улице, псковского Мирожского монастыря и т. д. [4]). Любопытною особенностью и новостью сравнительно с предшествующим временем являются колокольни: они строились обыкновенно отдельно и лишь

---

[1]) Ср. Пыпин, История рус. литературы.

[2]) Новг. 1 лет., под 6736 г.

[3]) Голубинский, История рус. церкви; Грабарь, История русского искусства. т. I, стр. 6—7, 165 и сл.

[4]) Грабарь, История русск. искусства, I, стр. 181 и сл., 191 и сл.

позднее стали соединяться в одно целое с церквами. Оригинальна была колокольня Софийского собора, построенная позднее, в 1439 г., но, очевидно, по древнему образцу: она была подобием крепостной стены, увенчанной небольшим куполом и крестом: повидимому, первоначально колокола собора св. Софии висели действительно на стене [1])

Живопись Софийского собора, главным образом фрески,—мозаичным был лишь орнамент,—отличалась вполне византийским характером, лишена всякой оригинальности [2]). Еще в XII и даже в XIV веках в Новгороде были греческие иконописцы [3]). И здесь оригинальность была еще в будущем.

Традиции предшествующего времени были всецело восприняты вольными городами и в области народной поэзии и в литературе вообще. Известно, напр., что такие произведения, как „Повесть о Девгении Акрите", как ряд древнейших русских поучений, нам уже известных, читались в Новгороде и Пскове [4]). Всего яснее выступают на вид литературные связи вольных городов с Русью X—XII веков в том факте, что, как хорошо известно, былинное богатство русской народной поэзии сохранилось целиком на севере, куда оно перешло, несомненно, через посредство Новгорода [5]). Но были и былины новгородского происхождения. Для данного периода характерны именно былины о Василье Буслаевиче [6]) и быть может также былина о Микуле Селяниновиче, знаменующая собою переход к земледелию на севере и ярко выражающая страх и бессилие старого богатыря охотничьего и торгово-разбойничьего периода в лице Волха Всеславьевича или Вольги Святославича—отражение Олега в народном творчестве [7])—перед новым крестьянским земледельческим богатырем, оказавшимся сильнее всей старой дружины [8]). Уже здесь таким образом стало проглядывать нечто новое, самостоятельное, оригинальное, даже

---

[1]) Голубинский, История рус. церкви.

[2]) Грабарь, История рус. искусства, т. I, стр. 61 и сл.

[3]) Ровинский, История рус. иконописания.

[4]) Пыпин, История рус. литературы.

[5]) Лобода, Рус. богатырский эпос, Киев, 1896.

[6]) Келтуяла, История рус. литературы, ч. I, кн. 2, стр. 128—130.

[7]) Там же, ч. I, кн. I; Миллер, Очерки рус. народ. словесн., стр. 168.

[8]) Там же.

еще в столь раннее время, как XIII век. Василий Буслаевич также уже отчасти и новая фигура: реалист, не верит ни в сон, ни в чох, пренебрегает святынями [1]).

Оригинальность проявилась и в новгородском летописании. Историю летописания в Новгороде и Пскове восстановить нелегко, потому что подлинные новгородские и псковские летописные своды, не говоря уже о первообразных летописях, до нас не дошли. Следы летописей, составлявшихся в обоих вольных городах и притом следы довольно многочисленные, уцелели в ряде летописных сборников позднейшего времени: в четырех так-называемых новгородских летописях, в двух псковских, двух софийских, тверской и т. д. Но все эти сборники уже московского происхождения, так что в них произведено много переделок, изменений, дополнений и, может быть, также сокращений. Тем не менее факт сильного и раннего развития летописного дела в Новгороде и Пскове не подлежит ни малейшему сомнению.

Прежде всего можно считать доказанным, что в Новгороде в первой половине XIII века был составлен летописный свод под заглавием «Софийский Временник». Это заглавие сохранилось в некоторых позднейших сводах вместе с кратким предисловием, которое заключается обещанием рассказать «все поряду от Михаила царя до Александра (т.-е. Алексея) и Исакия». Византийские императоры Алексей и Исаак Ангелы, о которых здесь говорится, царствовали до 1204 года, когда Константинополь был взят крестоносцами: ясно, следовательно, что свод относится к XIII веку. Полагают, что «Софийский Временник» был составлен в 40-х или первой половине 50-х годов XIII столетия

Но, кроме этого свода, мы вправе предполагать в Новгороде и Пскове существование еще других летописных сборников и первообразных летописей. Дело в том, что, изучая известия несомненно новгородского и псковского происхождения в упомянутых сейчас летописных сводах московского времени, легко заметить в этих известиях большую разноголосицу взглядов, резкое различие симпатий тех, кто их записал. Возьмем, напр., так называемые новгородские летописи. Просматривая их за первое десятилетие XIII века, мы наблюдаем аристократическую боярскую тенденцию в освещении пе-

---

[1]) Келтуяла, Ист. рус. литер., 1, 2, стр. 129, 130.

редаваемых событий. Рассказывая под 1196 годом об изгнании ставленника бояр князя Ярослава Всеволодовича, летописатель замечает: «и жаляху по нем в Новегороде добрии, а злии радовахуся» [1]). В следующем году Ярослав вернулся и «добро все бысть», по словам летописца [2]). В рассказе о событиях 1209 года видно несочувствие автора разграблению народом имущества посадника Дмитра [3]), одного из вождей аристократической партии. На ряду с этим в известиях от 1210 до 1270 года наблюдается противоположная, демократическая тенденция. В рассказе о событиях 1210, 1214, 1215, 1218, годов сквозит сочувствие такому любимцу простого народа, как князь Мстислав Мстиславич [4]). Под 1220 г. находим такое характерное место: „не хотя же дьявол добра роду крестьяньску и злии человечи, и вложи князю грех в сердци, гнев до Твердислава, а без вины" [5]). Под 1255 годом летописец, замечая, что «быть в вятших совет зол, яко побити меньшии», называет дело «меньших»—«правдой новгородской» [6]). Наконец, в рассказе 1270 года об изгнании Ярослава Ярославича видно сочувствие автора обвинениям, пред'явленным этому князю партией черных людей.

Одной из важных особенностей летописания в вольных городах удельной Руси надо признать светский, не церковный характер большей части повествования. Политический и общественный интерес стоял для летописателей Новгорода и Пскова на первом плане [7]). Правда, очень часто встречаются известия о построении церквей, но и здесь виден не столько религиозный интерес, сколько результат тщеславия отдельных боярских фамилий, каждая из которых непременно хотела иметь свою церковь [8]). Если к этому прибавить, что наблюдается также и некоторый интерес к истории иных стран, выразившийся, напр., в помещении в летописи сказания о взятии Константинополя крестоносцами, то будет понятно, что историческая литература вольных городов отличалась уже в XIII веке весьма

---

[1]) Новг. 1 и 4 лет. под 6704 г.
[2]) Там же, под 6705 г
[3]) Там же, под 6717 г
[4]) Там же, под 6718, 6722, 6723, 6726 г.г.
[5]) Там же, под 6728 г.
[6]) Там же, под 6763 г.
[7]) Новг. 1, 3 и 4 лет. под 6778 г.
[8]) Ср. Голубинский, История русск. церкви.

значительной оригинальностью, большой жизненностью и некоторой широтой захвата. Это тем более верно, что по новым исследованиям [1]) в Новгороде возникла и „Толковая Палея“, сочинение вместе и историческое, и обличительное против евреев.

Понятно, что кипучая политическая борьба, богатство и разнообразие хозяйственных, общественных связей и отношений и соединенное с этим обилие впечатлений создавали уже иногда и оригинальные характеры. Развивались и индивидуалистические чувства и чувства общественные и нравственные. Тип этического индивидуалиста, разумеется лишь в первых главных очертаниях, далеко не законченных, зародился и притом лишь в виде очень редкого исключения в изучаемое время в Новгороде. Его представителем можно до некоторой степени считать знаменитого, неоднократно уже нам встречавшегося новгородского посадника XIII века Твердислава Михалковича. Вот краткая его биография, насколько нас с нею знакомят новгородские летописи. Твердислав был сын одного из вождей демократической партии в Новгороде, Михалка Степанича, и, унаследовав от отца выдающееся место в этой партии, был выбран в первый раз в посадники в 1209 году [2]). В следующем году, вместе с князем, Твердислав в качестве степенного посадника руководил удачными военными операциями новгородцев против Литвы [3]). В 1211 году из Суздальской земли вернулся бывший там в плену другой предводитель демократической партии, Дмитр Яконич, и Твердислав уступил ему посадничество добровольно, как старшему [4]). Сделавшись таким образом старым посадником, Твердислав продолжал, однако, играть очень видную активную политическую роль в своей партии: когда новгородцы в 1214 г., по призыву известного народного любимца князя Мстислава Мстиславича, отправились походом на Киев против самовластно распоряжавшегося в южной Руси Всеволода Чермного, дорогой поссорились со смольнянами и хотели вернуться домой, то Твердислав убедил их продолжать поход, сказав: «братья!

[1]) См. Истрин, Рецензия на „Ист. рус. литер. киевск. периода“ Владимирова.

[2]) Новг. 1 и 4 и лет. под 6717 г.

[3]) Новг. 1 под 6718 г.

[4]) Там же, под 6719 г.

ведь деды наши и отцы страдали за русскую землю»[1]). В 1215 г. в Новгороде появился самовластный князь Ярослав Всеволодович, угодный боярской партии и враг народа. Он напрасно пытался подкупить Твердислава,—тот остался при прежних убеждениях [2]). Узнав о притеснениях, чинимых новгородцам этим князем, вернулся из южной Руси Мстислав Мстиславич, одержал известную победу при Липице, и Твердислав снова получил степенное посадничество [3]). На этот раз он занимал эту должность до 1219 года. Это были бурные годы: сначала Твердислав с князем ходили походом на чудь, потом аристократическая Торговая сторона вместе с Неревским концом несправедливо обвинила Твердислава в вероломной выдаче князю видного члена аристократической партии Матвея Душильцевича и подняла восстание. „Твердислав же позря на св. Софию и рече: даже буду виноват, да буду ту мертв; буду ли прав, а ты мя оправи, Господи“ [4]). Усобица кончилась победой народной партии. Но князь Святослав потребовал от веча смены Твердислава без вины со стороны последнего, по собственному признанию князя. Твердислав сказал на вече: „я рад, что за мной нет вины, а вы, братья, в посадниках и князьях вольны“. Тогда вече наотрез отказало князю в его требовании [5]). Второе посадничество Твердислава кончилось по той причине, что часть демократической партии заподозрила его в сношениях с Юрием Всеволодовичем суздальским и, повидимому, не без оснований, потому что летописец, раньше и позднее отмечающий несправедливость взводимых на Твердислава обвинений, в данном случае на такую несправедливость не указывает: очевидно, Твердислав был новатором среди демократов, первый понял, что сильный князь может служить опорой простого народа против бояр [6]). Впрочем, в том же 1219 году Твердислав в третий раз сделался степенным посадником. В 1220 году князь Всеволод Мстиславич несправедливо, по словам летописца, разгневался на Твердислава, и снова едва не началась усобица, но Твер

---

[1]) Новг. 1 и 4 лет. под 6722 г.

[2]) Там же, под 6723 г.

[3]) Новг. лет. под 6724 г.

[4]) Там же, под 6725, 6726 г.г.

[5]) Там же, под 6726 г.

[6]) Рожков, Полит. Партии в В. Новгороде: «Ист. и социолог. очерки», II, стр. 48 и сл.

23*

дислав сам добровольно отказался от посадничества, будучи болен, и постригся тайком от своей семьи в Аркаже монастыре, построенном одним из его предков [1]); в 1224 г. он с братом построил церковь св. Михаила [2]). Умер Твердислав Михалкович в один из ближайших затем годов в монашестве.

Перед нами бурная, деятельная, преисполненная борьбы и опасностей жизнь, показывающая, что тот, кто ее прожил, не любил сидеть, сложа руки, и неудержимо рвался к проявлению своей крупной личности, к живым и разнообразным новым впечатлениям. Все время этот человек играл первую роль в своей партии,—даже тогда, когда не был степенным посадником. Он высоко ставил свою личность и без малейшего страха вступал в борьбу для самозащиты. Личная его храбрость не подлежит сомнению, потому что он не только смело боролся с политическими противниками, но и несколько раз участвовал в военных предприятиях. Твердислав не был корыстолюбив: не даром он не пошел на подкуп. Одним словом, при силе высших, более сложных эгоистических, вернее индивидуалистических, чувств, он был чужд элементарного эгоизма. Индивидуалистический, а не чисто эгоистический, элемент выступает на первый план в его духовной природе.

Но это был не чистый индивидуалист. Стремление к нравственной правде, стойкость и принципиальность в политическом отношении, глубокое и серьезное религиозное чувство, покоящееся на твердом убеждении, что Божество блюдет и хранит идеал правды на земле, привязанность к семье, заставляющая его скрыть от нее свое намерение постричься в монахи, рыцарская честность в отношении к старшему товарищу, которому по праву принадлежал высокий пост,—все это черты, показывающие в достаточной мере, насколько силен был в духовном складе Твердислава Михалковича этический элемент. Если к этому прибавить самостоятельность, оригинальность и силу ума, достаточно объективного, чтобы понять истинные интересы народа, и решительность воли, проявляющуюся в каждый момент жизни и деятельности, то будет ясно, что перед нами находится, по крайней мере в процессе своего развития, если не завершения, настоящий этический индивидуалист.

---

[1]) Новг. 1 и 4 лет. под 6728 г.

[2]) Там же, под 6732 г.

II.

Немецкая Ганза с XII до половины XV века.

Хотя немецкие ганзейские города и владели некоторой площадью земли вне городской территории [1]), но эта площадь всегда была невелика и во всяком случае не могла идти ни в какое сравнение с земельными владениями русских вольных городов—не только Новгорода, но даже и Пскова. Так как и городское ремесло долго, до XV века, не достигало в них значительной высоты развития, то торговля—и притом транзитная, посредническая, основанная на сбыте чужих продуктов,—составляла не только главную, но почти единственную основу их хозяйства [2]). Без сомнения, и немецкий рынок имел важное значение для ганзейской торговли: при обособленности местных рынков, их замкнутости ганзейская торговля служила все же некоторой поправкой к полной почти экономической раздробленности страны. Вот почему ганзейские купцы вывозили из Германии местные товары: хлеб, льняные ткани, металлические изделия (главным образом кельнские), хмель (из Эйзенаха) [3]); вообще Ганза обслуживала в коммерческом отношении главным образом земли по Рейну, Голштинию, Саксонию, Мекленбург и Поморье [4]). В заботах об этой сухопутной, внутренней торговле ганзейские города хлопочут в XIII и XIV веках об улучшении дорог, уничтожении

---

[1]) Daenell, Die Blütezeit der deutschen Hanse, II B. Berl., 1906, стр. 453.

[2]) Там же, I B., Berl. 1905, стр. 3—4.

[3]) Там же, I, стр. 15, 18; II, стр. 431; Фортинский, Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г., Киев, 1877, стр. 128, 155—156.

[4]) Фортинский, Приморские вендские города, стр. 126.

разбоев, сносе замков, ограничении в сборе пошлин, позволении свободного привоза и вывоза товаров и пр. [1]). Уже в половине XIII в. Любек приобрегает свободу от пошлин в Висмаре, потом в Ростоке [2]), в 1220 г. добивается отказа мекленбургских князей от берегового права, т. е конфискации товаров и судов, потерпевших крушение [3]); императоры XIII и особенно XIV в., главным образом Людвиг Баварский и Карл IV Люксембургский—покровительствовали ганзейской торговле в Германии [4]).

Но несравненно важнее была внешняя торговля Ганзы. Здесь первенствующее значение имели южные и восточные товары, соль, нидерландские, английские и французские сукна, русские меха, датские и голландские сельди, скандинавская медь и пр. [5]). Вся балтийская торговля в XII веке переходит в руки немецкой Ганзы [6]), во всех странах ганзейские города получают торговые привилегии [7]).

Но особенно большое значение имело учреждение ганзейских контор или дворов, подворий, коммерческих самоуправляющхся организаций в важнейших торговых заграничных центрах. Любек имел свой купеческий двор в Риге уже с 1231 г., в Данциге с 1298 г. [8]). Статут общества немецких (не только одних любекских) купцов в Брюгге относится к 1347 году, а в 1356 г. там были уже представители городов, входивших во все три трети Ганзейского союза [9]). В 1373 г. заведывание новгородской конторой перешло от Висби к Любеку [10]). В 1374 г. окончательно сложилась лондонская контора.

Хотя начало группировки северно-германских торговых городов около Любека как их центра экономического и политического относится еще ко второй половине XIII века— тогда уже к Любеку тяготели Гамбург, Люнебург, Висмар,

---

[1]) Там же, стр. 129 и сл.
[2]) Там же, стр. 150.
[3]) Там же, стр. 169.
[4]) Daenell, Die Blutezeit der deutschen Hanse, II, стр. 452, 458.
[5]) Там же, II, стр. 429—431.
[6]) Там же, I, стр. 76 и след.
[7]) Там же, I, стр. 9—13, 38, 45, 59 и др.
[8]) Там же, I, стр. 8.
[9]) Там же, I, стр. 12, 19.
[10]) Там же, I, стр. 37.

Росток, Стральзунд [1]),—но окончательно сложился Ганзейский союз только в 70-х годах XIV века: именно под влиянием общей организации немецких купцов в заграничных конторах [2]), с этого времени начинается и полный расцвет ганзейской торговли, длившийся до половины XV века.

Переходя к социальному и политическому строю немецких ганзейских городов, следует различать устройство отдельных городов и организацию всего союза.

Типичным для отдельных городов является устройство Любека. Впоследствии ганзейские города—каждый в особицу—были совершенно независимы от соседних сеньеров, кроме прусских городов, которые зависели в XIV в. от Тевтонского ордена. Но в XII и начале XIII в. у Любека были сеньеры, назначавшие своего фогта для высшего суда, председательствования на трех городских народных собраниях (placita legitima) в год заботы о безопасности города и сбора герцогских доходов. Во главе города стоял совет или рат, состоящий из ратманов и пополнявшийся в своем составе путем кооптации. Непременным условием для ратманов было обладание недвижимостью в городе, нажитою не ремеслом, т. е. принадлежность к купечеству. Каждый ратман исполнял свои обязанности два года, а на третий поступал в состав незаседающих, „старых" ратманов, приглашавшихся на совещания только в особо важных случаях. К ведомству совета относились охрана городских вольностей, низший суд, пошлины при котором поступали наполовину городу и наполовину сеньеру или фогту, заведывание полицией, рынком, монетным делом, городским хозяйством и сбором поземельного налога в пользу сеньера. Вече, народное собрание, имело мало влияния, но все же не было сначала безвластно [3]).

Важным моментом в истории внутреннего устройства Любека был 1226 год. В этом году император Фридрих II Гогенштауфен обязался любекскому совету не отдавать города никому в лен и не назначать фогтом кого-либо из соседних князей; вместе с тем Любеку было предоставлено за уплату особой пошлины в императорскую казну в размере 60-ти марок ежегодно право чеканки монеты, и дано право бес-

---

[1]) Там же, I, стр. 7.

[2]) Там же, I, стр. 50.

[3]) Фортинский, Приморские вендские города, стр. 61—70.

пошлинной торговли по всему герцогству Саксонскому, и император обещал отстаивать торговые привилегии Любека в других герцогствах Германии и в Англии [1]).

Со времен Рудольфа Габсбурга фогт назначался императором с согласия Любека. Потом он стал вершить суд не иначе, как с участием двух ратманов, а в 1247 г. совсем лишился судебной власти за особый платеж от города в 100 марок ежегодно. С 1261 года город сам стал выбирать фогта исключительно для военной помощи. Император за все поборы и доходы и за фогство с 1284 года стал получать от Любека по 750 марок в год [2]). Город стал, следовательно, к концу XIII века независимой сеньерией.

Вместе с тем окончательно пало значение веча, превратившегося в чисто формальное собрание, всецело подчиненное на деле совету, который руководил всей внутренней и внешней политикой [3]).

Внутреннее строение совета изменилось в том смысле, что между отдельными ратманами с конца XIII в. были распределены различные дела. Еще со второй четверти XIII в. появились два бургомистра, председательствовавшие в совете в отсутствие фогта. Все доходы и расходы, финансы города ведали с половины XIII в. два камерария. Торговлей вином, которая стала монополией города, заведывали винместеры. Суд был с 1247 г. в руках двух ратманов, прежде судивших вместе с фогтом; на их приговоры возможна была апелляция в совет. Особые ратманы ведали списки граждан и записи решений совета, а также советский архив. Два ратмана заведывали полицией и два военным делом, защитой города и его области [4]).

Для ведения дел города в имперском суде был особый наемный юрист, имевший звание канцлера [5]). В области города Любека были особые судьи—мархместеры [6]).

В начале XV века в Любеке началась сильная внутренняя классовая борьба. Ремесленные цехи восстали против купцов, бывших чаще всего и землевладельцами и банкирами и име-

---

[1]) Там же, стр. 77, 78.
[2]) Там же, стр. 80—84.
[3]) Там же, стр. 85—86.
[4]) Там же, стр. 88—102.
[5]) Там же, стр. 95.
[6]) Там же, стр. 94.

вших на деле всю полноту власти [1]). Главные причины волнений были финансовые: задолженность города и обременительность налогов [2]). Цехи в 1408 году одержали победу, и из 23-х членов старого совета ушли в изгнание 15, в том числе самые влиятельные—Генрих Вестгоф, Иордан Плесков и Генрих Рапесульвер. Но Рупрехт Пфальцский восстановил старый совет, и таким образом получилось два совета—старый и новый, при чем старый совет имел пребывание в Люнебурге и созвал в 1410 г. там ганзетаг, на котором присутствовали представители 24-х городов, его поддержавшие. Контора в Брюгге также высказалась за совет. Поддержал его и император Сигизмунд. Наконец в том же смысле и направлении действовал датский король. Вследствие всего этого в 1416 г. ремесленники вынуждены были уступить, и вернулся к власти старый совет, который, однако, действовал тактично, не преследовал противников [3]). Так аристократическое правление восторжествовало вполне и окончательно. Подобные же волнения с тем же результатом были в то время и в некоторых других ганзейских городах [4]).

Так как Ганзейский союз возник из привилегированных организаций немецких купцов заграницей, то пользование этими привилегиями и составляло основную цель Ганзы [5]). В половине XV в. в Ганзе непосредственно состояло до 70-ти городов, и кроме того к ней тяготели еще многие другие [6]). Все ганзейские города делились на три трети—любско-саксонскую, прусско-вестфальскую и готландско-лифляндскую, при чем каждая треть делилась еще на две половины, каждая из которых составляла, следовательно, одну шестую всего союза [7]). Высшим органом союза был ганзейский сейм или ганзетаг, на который собирались обычно представители 10—20 городов, редко свыше 30. Города, не приславшие представителей, обязаны были подчиниться решениям ганзетага. Главой союза был Любек. Единой союзной казны не было, финансы союза не были правильно устроены.

---

1) Daenell, Die Blutezeit der deutschen Hanse, II, стр. 165.
2) Там же, II, стр. 163.
3) Там же, I, стр. 165—189.
4) Там же, II, стр. 165; II, стр. 509, 521.
5) Там же, II, стр. 297.
6) Там же, II, стр. 300, 303.
7) Там же, II, стр. 308.

Доходы были случайны: они состояли из штрафов за нарушение статута, с XIV в. из весовых пошлин для специальных целей, напр., для войны и пр. Споры между ганзейскими городами, по постановлению ганзетага 1381 г., не раз подтверждавшемуся и в XV в., решались их соседями по союзу, без участия князей, причем высшей инстанцией для решения этих споров был ганзетаг. Контора в Брюгге имела старшин от каждой ганзейской трети—то по два, то по четыре, то по шести, т.-е. всего по 6, 12, 18. В Новгородской конторе был только один старшина [1]).

Ганзейские торговые городские республики воспитывали ту же духовную культуру и развивали такую же психологию правящих класов, что и русские вольные города, от которых они отличались только большим размахом торговой деятельности и в связи с этим существованием общего, объединенного союза. Уже во второй половине XIV века характерной для Любека и других ганзейских городов фигурой был Генрих Кастори—выдающийся политик, имевший и литературные интересы и вкусы: он составил хронику, интересовался историей. Его помощником был Иоганн Остхузен—тип секретаря-ученого на службе городов [2]). Типична также для XV века личность Иордана Плескова, умершего в 1426 г. и бывшего одним из виднейших вождей аристократической партии. Он был человек образованный, хороший полководец, выдающийся дипломат. Отличался гостеприимством, в особенности по отношению к иностранцам (умелое соблюдение своих интересов), и пользовался большим авторитетом в массах населения [3]). В XV веке ганзейские города много внимания уделяли делу просвещения: основывали школы и библиотеки; в 1419 г. основан был ростокский университет [4]). Вообще и в Германии вольные города были во многих отношениях передовым отрядом, авангардом культуры.

---

[1]) Там же, II, стр. 309, 311, 318, 326, 330, 331, 397.
[2]) Там же, II, стр. 524, 525.
[3]) Там же, I, стр. 225.
[4]) Там же, II, стр. 530—531, 533.

III

Венеция до 40-х годов XIV века.

Первый период истории Венеции длится до 30-х годов XI века. С половины IX века, когда Венеция начинает сколько-нибудь заметно выделяться из окружающей среды, и до конца первого периода два экономических интереса и, соответственно этому, две социальные силы определяли судьбы города. Интересами этими были, с одной стороны, рыболовство и солеварение [1]), с другой—транзитная торговля, посредничество между верхней Италией, также и Германией—и азиатским (сирийским) и африканским (египетским и варварийским) востоком [2]). А социальными силами являлись, во-первых, рыбаки и мелкие солевары, во-вторых, купцы. Первые были, естественно, заинтересованы в местном, итальянском сбыте рыбы и соли и потому тяготели к Франкской монархии, которая овладела при Карле Великом северной Италией, и вообще к той власти, которая в этой области господствовала. Напротив, купцы, заинтересованные в восточной торговле, образовали византийскую партию. И хотя рыболовство и солеварение были основами мореплавания и торговли Венеции [3]), но то, что было построено на этой основе, сильно разошлось таким образом с нею, оторвалось от нее и вступило с ней в борьбу.

---

[1]) Kretschmayr, Geschichte von Venedig, I Band, Gotha, 1905, 73, 74.

[2]) Там же, стр. 76 и сл.; Hazlitt. The Venetian Republic, vol. I, London, 1900, стр. 52 и след.; Schaube, Handelsgeschichte der Romanischen Völker des Mittelmeergebiets bis zum Ende der Kreuzzüge, München und Berlin, 1906, стр. 17, 19, 20.

[3]) Krotschmayr, Geschichte von Venedig, I, стр. 75.

Победа досталась купеческой аристократии, которая и перенесла центр государства из Гераклеи на Риальто, основала действительную Венецию [1]) и в борьбе с демократией опиралась на наследственную власть дожей, существовавшую в таком виде до 1033 г [2]). Дож Пьетро Орсеоло II в 1000 году завоевал Далмацию [3]) и тем укрепил еще более экономическую и политическую мощь купечества. Наследственные дожи и подготовили торжество в Венеции муниципального феодализма: купцы становятся и землевладельцами [4]).

Два столетия, протекшие с 30-х годов XI века до 30-х же годов XIII столетия, составляют второй период истории Венеции, время господства муниципального феодализма со всеми типичными для этой формы общежития чертами.

Купеческая и землевладельческая знать в это время оказывается уже объединенной. Ее сила увеличивается еще ростом кредита и развитием банкирской деятельности с половины XII века [5]). Внешняя торговля Венеции в XII и особенно XIII веках непрерывно расширяется. Еще в начале XII в. венецианцы пустили в обращение свою монету—серебряные динарии [6]), но в то время они употребляли в качестве денег еще и металлические слитки по весу и прибегали даже в простой меновой торговле [7]). В конце XII века эти остатки полной натурально-хозяйственной старины исчезают, и появляется золотая венецианская монета [8]). Уже эти факты—ясный признак пышного расцвета торговли в Венеции. По о том же свидетельствует и целый ряд других указаний: с 1100 года начинаются оживленные торговые сношения с только-что основанными христианскими государствами в Палестине и Сирии—с Иерусалимским королевством, особенно с Тиром и Триполи, а затем с Антиохией [9]). Крупным центром венецианской торговли становится в это время Александрия [10]) и более

---

1) Hazlitt, The Venetian Republic, I, стр. 46.
2) Там же, стр. 128 и след.
3) Там же, стр. 106 и сл.
4) Там же, стр. 121; Kreschmayr, Gesch. von Venedig, I, стр. 70.
5) Kretschmayr, Geschichte von Venedig, I, 169 и сл.
6) Schaube, Handelsgeschichte der Romanischen Völker, стр. 114
7) Там же.
8) Там же, стр. 118.
9) Там же, стр. 132, 137, 138.
10) Там же, стр. 147.

прежнего еще имеет значение Константинополь [1]). В Венеции появляются немецкие купцы [2]). Капиталы знати растут чрезвычайно быстро [3]).

В XIII веке еще более крепнут и умножаются коммерческие связи венецианцев с Северной Африкой вообще, с Египтом в особенности и с Иерусалимским королевством [4]). Но и Алеппский султанат входит в сферу торгового влияния Венеции [5]) и, что особенно важно, после 4-го крестового похода и основания Латинской империи, которые были в сущности делом, созданным именно интересами и мыслью венецианской знати, Константинополь, Балканский полуостров вообще и далее Крит и берега Черного моря становятся почти исключительным коммерческим достоянием Венеции [6]). Даже Никейская империя, враг детища Адриатической республики—Натинской империи,—торгует с венецианцами [7]). Характерно и то, что Венеция распространяет свои вес и меру на всю область [8]): признак развития внутренней торговли, денежного хозяйства.

Этот последний процесс, находится в тесной связи с одним первостепенной важности явлением в хозяйственной жизни Венецианской республики XIII века: появляется и развивается городская индустрия—металлические, деревянные, полотнянные хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные изделия [9]). Сначала эта индустрия имеет чисто ремесленный характер, организуются и ремесленные цехи [10]). Но скоро уже к концу XIII века—развивается так-называемая домашняя индустрия (Hausindustrie)[11] или товарно-кустарное производство [12]), при котором начинает играть видную роль уже капитал, берущий на себя сбыт изделий на обширном рынке и снабжающий работников-реме-

---

[1]) Там же, стр. 155, 176.

[2]) Там же, стр. 417.

[3]) Hazlitt, The Venetian Republic, I, стр. 126.

[4]) Schaube, Handelsgeschichte der Romanischen Völker, стр. 187, 196.

[5]) Там же, 213.

[6]) Там же, 258, 260, 261, 263, 268.

[7]) Там же, 262.

[8]) Там же, 263.

[9]) Kretschmayr, Geschichte von Venedig, I, стр. 369 и след.

[10]) Там же, стр. 370.

[11]) Bücher, Die Entstehung der Volkswirtschaft.

[12]) Ср. Струве, Историческое и систематическое место кустарной промышленности: «Мир Божий» за 1898 г., апрель.

сленников на их дому в долг материалом и орудиями, т.-е. в известной мере начинающий организовавать не только рынок, но и самое производство. Этот именно переход к домашней индустрии и является экономической гранью, отделяющей второй период истории Венеции—период муниципального феодализма—от третьего периода падения этого порядка и зарождения новых отношений. Промежуточным звеном между обоими периодами является время от 50-х годов XIII в. до 30-х XIV: в это именно время ремесло сменяется домашней индустрией.

Описанным сейчас хозяйственным условиям соответствовало и определенное соотношение общественных сил и интересов.

Мы уже выше отметили зародыши классовых противоречий между мелкой и крупной буржуазией в древнейшей Венеции, при чем буржуазия была не только торговым, но и землевладельческим классом и все более развивала свое землевладельческое значение, как и торговое, под эгидой наследственных дожей, сыгравших по отношению к муниципальному феодализму в Венеции такую же историческую роль, какая принадлежала Владимиру Святому и Владимиру Мономаху в России, Карлу Великому во Франкской монархии и их многочисленным двойникам в других странах в соответствующий период их развития. Эти два экономических устоя правящей аристократии—крупное землевладение и транзитная внешняя торговля в связи с кредитом—и были основой классового господства знати. Устои эти в XII и XIII веках достигли большой прочности [1]). Крестовые походы [2]) и особенно четвертый крестовый поход в начале XIII века и основание Латинской империи [3]) чрезвычайно увеличили экономическую мощь венецианской аристократии и окончательно переместили центр тяжести этой мощи из землевладения во внешнюю торговлю. Византийские императоры еще с конца XI в. дали венецианцам, своим союзникам в борьбе с норманнами, право

---

[1]) Hazlitt, The Venetian Republic, I, стр. 121; II, стр. 563 и сл.; Kretschmayr, Geschichte von Venedig, I, стр. 140.

[2]) Hazlitt, The Venetian Republic, I, стр. 206.

[3]) Kretschmayr, Gesch. von Venedig, I, стр. 140.

свободной, беспошлинной торговли во всей империи [1]). Поддержка, оказанная Венецией при завоевании Иерусалима Готфридом Бульонским в первом крестовом походе, дала ту же свободу от пошлин в Иерусалимском королевстве и обладание третью Иерусалима и других городов [2]). Вся торговля Латинской империи была в руках Венеции [3]).

В среду знати проникало по мере приближения к XIV веку дальнейшее классовое расчленение: многие беднели, особенно те, кто оставались почти исключительно землевладельцами [4]), сюда принадлежали главным образом остатки старых, существовавших до приобретения городом самостоятельности, землевладельческих слоев общества.

Еще большее классовое расчленение наблюдается в XII и XIII веках в городе и в деревне, поскольку дело касается главной по численности массы населения в Венеции и ее области. Городские ремесленники в городе [5]), феодально зависимые люди [6]) и особенно крестьяне или вилланы [7]) в деревне—вот классы общества, которые резко обособились экономически в это время.

За экономическими различиями следовали и слагались под их влиянием различия юридические, правовые. Гражданское и политическое равноправие, сначала как будто намечавшееся, стало постепенно слабеть даже формально, на деле же совершенно исчезло уже в XIII веке. Городские ремесленики и мелкие торговцы были лично свободны, но, переходя по мере развития домашней индустрии на положение наемных рабочих, теряли прежнюю самостоятельность. Вместе с тем, как сейчас увидим, падало и значение народного собрания; и в цехах торговцы—скупщики, купцы, снабжавшие рабочих материалом, а иногда и орудиями труда, приобретали главенство [8]). Зависимое население деревни, особенно крестьянство, переходило на положение крепостных, прикрепленных,

---

1) Schaube, Handelsgeschichte der Romanischen Völker стр. 20.
2) Hazlitt, The Venet. Rep., II, стр. 563 и сл.
3) Kretschmayr, Gesch. von Venedig, I, стр. 319.
4) Там же, стр. 373.
5) Hazlitt, The Venetian Republic, II, стр. 589 и сл.
6) Там же, II, стр. 544.
7) Там же, II. стр. 545 и след.
8) Там же, II, стр. 589 и сл.

однако, не к личности землевладельца, а к земле [1]): хлебный и вообще сельскохозяйственный рынок был местным, и потому, как и везде, возникала строгая и тщательная регламентация торговли хлебом и другими продуктами сельского хозяйства. С другой стороны расли привилегии правящих классов: фактически все управление перешло к ним.

Это лучше всего видно из следующего краткого очерка развития политических учреждений Венеции в XI, XII и XIII веках.

В 1033 г. наследственность власти дожа была отменена окончательно [2]). Это было достигнуто оперившейся уже аристократией и землевладельческой и торговой [3]), но на деле являлось несомненным признаком перевеса купцов: недаром дожем был выбран Доменико Флабиано, выскочка, homonovus, торговец шелком [4]). Выбор дожа сначала—до 1172 года—не обходился без народного собрания [5]), которое вообще имело обширные, прямо верховные права: ратификовало договоры, издавало законы, решало вопросы о войне и мире [6]).

Пятидесятые годы XII века и даже еще X и XI века—время Оттонов на престоле Священной Римской империи—поставили и Венецию перед необходимостью определить свое отношение к двум борющимся силам—папству и империи. Абсолютистские стремления Оттонов, Фридриха Барбароссы, Гогенштауфенов вообще были не в интересах венецианской знати, по крайней мере торговой. И она была против империи и гибеллинов [7]), т. е. примыкала фактически к гвельфам.

Эта гвельфская торговая аристократия в 1172 г. устранила от выбора дожа народное собрание. Дож стал выбираться коллегией из 11 избирателей, принадлежавших к числу имеющих право быть членами совета [8]).

То было крупнейшее изменение в положении и дожа и народного собрания: основной нерв политического организма

---

1) Там же, II, стр. 545 и сл.
2) Там же, I, стр. 128.
3) Там же, I, стр. 111.
4) Kretschmayr, Geschichte von Venedig, I, стр. 149.
5) Там же, стр. 196.
6) Там же.
7) Там же, стр. 248 и сл.
8) Там же, стр. 324.

Венеции вышел из под их влияния. Этому предшествовала история образования советов при доже.

Еще с конца IX века образовались при доже две коллегии, судебная (publicum placitum), при чем судьи, члены этой коллегии хотя и назначались дожем, но удалять их произвольно он не мог, что давало им довольно независимое положение, и административная (curia communis или curia ducis)— из представителей духовенства, судей (indices) или первых граждан (primates) и „добрых людей“ или народа (boni homines, populus) [1]). Главное значение уже тогда приобрели „первые граждане“, которые были и судьями, и правителями, и послами, военачальниками [2]).

Эти первоначальные учреждения потом постепенно дифференцируются и приобретают все большие права. В 1141 г. при доже появляются „мудрые“ (sapientes), в 1143 г.—Commune Veneciarum—общинный совет Венеции“. Это—предшественники Малого и Большого советов, которые сложились с 1185 года [3]). В 1179 г. судебная власть стала достоянием совета сорока, бывшего первоначально комиссией или делегацией большого совета [4]), так что даже потерял последний остаток влияния на суду. В 1192 г. и исполнительная административная власть даже подвергалась большому ограничению: тогда было признано, что решение Малого совета и большинства Большого—выше решения дожа [5]). Значение исполнительной власти дожа таким образом уже к началу XIII века свелось к военной и дипломатической работе [6]).

Остается прибавить, что в конце XII и самом начале XIII века аристократически были организованы и все другие отрасли управления и местная администрация частей города. Так, для заведывания финансами появились в 1173 г. advocatores et camerarii comunis, и camerariorum scriptores, при чем первых с 1207 стало трое, вторых шестеро, а также procuratores comunis, которых также с 1207 г. стало шесть; все они выбирались из знати особыми избирательными коллегиями по окру-

---

[1]) Там же, стр. 191—192.
[2]) Там же, стр. 195.
[3]) Там же, стр. 247.
[4]) Там же, стр. 331.
[5]) Там же.
[6]) Там же, стр. 335.

гам [1]). Так же выбрались и старейшины отдельных частей города (capita contratarum) [2])—„кончанские старосты“, как сказали бы в Новгороде. Союзы соседей (по-новгородски «уличан») были основой цеховой организации [3]). Большой совет, в который юридически имели доступ все граждане, уже с 1297 г со времен дожа Пьетро Градениго, стал доступен только знати, что окончательно оформлено было в 1315 г [4]), так что вся законодательная власть была в руках аристократии, которая в то же время через посредство Малого совета или сеньории сосредоточивало у себе и исполнительную власть, а через коллегию сорока и власть судебную.

Этот процесс развития Венеции в аристократическую муниципально-феодальную республику протекал особенно в последние десятилетия XII и в начале XIII в. в раскаленной атмосфере политической борьбы партий, смысел и значение которой также необходимо отметить.

Как видно из предшествующего изложения, в Венеции победила гвельфская торговая аристократия, не гнушавшаяся однако, приобретением земли и землевладением. Знать из гибеллинской партии была по преимуществу землевладельческой и силой не обладала. Гвельфы имели большую силу уже в этот период еще и по той причине, что являлись кредиторами государства [5]).

Но уже в 60-х годах XIII началось демократическое, ремесленно-цеховое движение в Венеции. В те годы оно носило еще экономический характер, протекало под лозунгом свободного ввоза хлеба в Венецию [6]). Правда, уже тогда дожи из фамилии Дандоло, демагогически проводя эту политику, думали опереть на нее свои самовластные, автократические стремления [7]), но победа была одержана демократией лишь в 1280 году [8]), и то ненадолго. В связи с ростом домашней индустрии и возвышением вследствие этого крупного капитала в обрабатывающей промышленности, подчинением последней

[1]) Там же, стр 337.
[2]) Там же, стр. 338.
[3]) Там же, стр 370.
[4]) Hazlitt, The Venetian Republic, 481.
[5]) Kretschmayr. Gesch. von Venedig, I, стр. 373.
[6]) Hazlitt, The Venetian Republic, I, стр. 394, ср. стр. 424.
[7]) Там же, стр. 394.
[8]) Там же, стр. 424.

торговому капитализму уже в 1289 г. знать победила снова, а после неудачного восстания 1310 г. к 1339 г. в Венеции наступило окончательное торжество олигархии [1]).

Духовная культура Венеции до конца XIII века носила общий отпечаток феодальной эпохи. Сухие, твердые, эгоистические характеры давали ей основной тон. Знаменитый дож 1192—1205 годов, вдохновитель 4-го крестового похода Энрико Дандоло, отличался одновременно и дипломатической скрытностью, хитростью и уменьем без зазрения совести, не разбирая средств, преследовать свои личные цели [2]). В нем жил при этом старый варвар, допускавший, напр, полную несдержимость в гневе [3]). Дож Циани (умер в 1229 г.) отличался такой же страстностью, гневливостью, жестокостью, убил даже под влиянием подозрительности собственного сына и вообще последовательно неуклонно развивал политику чистого эгоизма. [4]) Но встречались и проявления индивидуалистических тенденций не только у названных сейчас двух выдающихся венецианцев, но особенно у Пьетро II Орсеоло, склонного к развитию искусства, литературы, вообще духовной культуры Венеции [5]).

Венецианское искусство началось с подражания византийским образцам: пример — построенная еще в VIII веке на Градо базилика св. Евфимии [6]). Но уже в конце X и начале XI в. при Пьетро II Орсеоло византийское и западно-европейское влияния скрещиваются, и полагается начало своеобразному венецианскому стилю [7]), первым изящным образцом которого является еще в X в. колокольня св. Марка—знаменитая Кампаниле [8]).

Оригинальное творчество проявлялось и в музыке [9]), и особенно в литературе: первым венецианским прозаиком был диакон Иоанн, составитель хроники, изображавшей дал-

---

[1]) Там же, стр. 442, 483, 517, 647.
[2]) Kretschmayr, Gesch. von Venedig, I, стр. 276.
[3]) Там же.
[4]) Hazlitt, The Venet. Rep., I, стр. 338—339.
[5]) Kretschmayr, Gesch. von Venedig, I, стр. 169.
[6]) Там же, стр. 81.
[7]) Там же, стр. 169.
[8]) Там же, стр. 204.
[9]) Там же, стр. 201.

матский поход 1000 года. Хроника эта—не монастырская, не обычная, отличающаяся некоторыми поэтическими чертами в изложении [1]).

Опыты первой кодификации, составления сводов законодательных постановлений относятся в Венеции к концу XII века [2]). В законодательстве 1204 г. находят определенное выражение правовые понятия эпохи, отодвигающие уже на второй план даже присягу и уничтожающие другие ордалаи как судебные доказательства и на первое место ставящие документы и показания свидетелей. Телесные наказания и тюрьма играют теперь первую роль [3]). То же надо сказать и о позднейшем законодательстве XIII и дожа XIV веков [4]).

Существенные особенности муниципального феодализма в материальной культуре Венеции придавали таким образом своеобразные, во многом новые, прогрессивные черты и ее духовной культуре, сохраняя, впрочем, несмотря на ряд индивидуалистических примесей и эстетических элементов общий жесткий сухой, эгоистический тон психологии и духовно-культурных навыков и отношений, свойственный вообще феодальной эпохе.

---

[1]) Там же, стр. 200—201.
[2]) Там же, стр. 345.
[3]) Там же, стр. 345.
[4]) Hazlitt, The Venetian Republic, II, стр. 469, 502 и сл.

IV.

Генуя до конца 30-х годов XIV века.

С XI века, когда Генуя приобретает значительную, а потом и почти полную самостоятельность от маркграфов их наместников—виконтов [1]), и до конца 30-х годов XIV столетия наиболее характерной чертой генуэзского хозяйства было развитие торговли, главным образом морской, всегда рассчитанной на обширный внешний рынок, и по характеру своему транзитной, передаточной. Как Венеция играла первостепенную роль по торговому обслуживанию товарами дальнего производства всей восточной, по преимуществу половины Западной Европы, так в западной ее половине Генуя служила соответствующим дополнением и поправкой к системе мелких, узких замкнутых, местных рынков, характерных для средневекового, феодального мира.

Уже в XI веке Генуя торговала с Амальфи, Римом, Пизой, с нижней Италией, Ломбардией, Левантом [2]). В XII столетии коммерческий размах генуэзцев увеличился весьма значительно. После первого крестового похода их торговля сильно развилась в Сирии и Палестине: особенно процветала она в Лаодикее: в Иерусалиме генуэзцам была уступка на площадь, в Яффе улица, в Цезарее, Триполи, Аккане им принадлежало по трети этих городов; ряд важных генуэзских портов и факторий тянулся таким образом по всему побережью Среди

---

[1]) Sieveking, Genueser Finanzwesen mitbesonderer Berücksichtigung der Casa D; S Giorgio, I, Freiburg i. B. 1898, стр. 2 и сл.

[2]) Schaubo, Handelsgeschichte der Romanischen Volker, стр. 39, 4, 55, 64—66.

зимного моря от Яффы до устьев Оронта [1]). В том же веке Генуей был заключен торговый договор с александрийскими султанами [2]), в 1155 г. с Византией [3]), с 30-годов XII в. начинается торговля генуэзцев с Марокко и Испанией [4]).

Но высшего своего расцвета морская торговля Генуи достигла в XIII веке особенно во второй его половине [5]). Все завязанные и развивавшиеся раньше коммерческие связи и сношения сохранились. И после завоевания Иерусалима Саладином в конце XII века торговое значение Генуи в Палестине и Сирии, в Антиохии и Триполи не уменьшилось, даже крепло в XIII в.[6]). В тоже время через посредство шампанских ярмарок шла торговля с Англией и Фландрией, развивалась торговля с Францией и росли и крепли коммерческие связи со всеми островами западной части Средиземного моря. С конца XIII в. начинаются первые признаки упадка: потерян был палестинский рынок; однако, он до некоторой степени был заменен в XIII в. торговлей с греками и устройством генуэзских факторий в Крыму и вообще по берегам Черного моря [7]).

Генуэзская торговая техника отличалась обычными для того времени, характерными, типичными чертами—караванным характером и участием в деле торговых кампаний [8]). В XIII в. для Египта и Сирии снаряжался караван торговых генуэзских судов раз в год—обыкновенно в сентябре [9]). Существовали купеческие кампании или товарищества [10]), чаще всего коммандитные товарищества на вере [11]). Генуэзцы стремились монополизировать в своих руках морской ввоз, а вывоз товаров предоставляли в значительной мере и иностранным купцам [12]): одно из ярких доказательств транзитный характер торговли и слабости вывоза туземных товаров из Генуи.

---

[1]) Там же, стр. 125, 128, 129.

[2]) Там же, стр. 148.

[3]) Там же, стр. 229.

[4]) Там же, стр. 279, 318.

[5]) Sieveking, Genuerer Finanzwesen, II, стр. 2.

[6]) Schaube, Handelsgeschichte, стр. 175, 214.

[7]) Sieveking, Genueser Finanzwesen, I, стр. 65; Schaube, стр. 333, 334; 404, 421, 469, 482.

[8]) Sieveking, I, стр. 65.

[9]) Schaube, Handelsgeschichte, стр. 153.

[10]) Sieveking, Genueser Finanzwesen, I, стр. 19.

[11]) Schaube, Handelsgesch., стр. 155.

[12]) Sieveking, Gen. Finanzw., I, стр. 30.

В довольно слабой степени и поздно—главным образом в XIII и XIV веках—стала развиваться в Генуе обрабатывающая промышленность. Первые прямые указания на генуэзскую цеховую организацию встречаются под 1248 г. [1]). В 1252 г. упомянут цех мастеровых золотого и серебряного дела [2]), в 1257 г. два новых цеха—красильщики материй и торговые маклера [3]). В XIV веке значительной высоты достигли в Генуе шерстяная и шелковая промышленность, обработка золота, железоделательное производство, кораблестроение, выделка одежды и обуви [4]). Но вообще экономический удельный вес генуэзской индустрии был гораздо меньше, чем значение торговли, подчинявшей себе цеховое ремесло посредством домашней индустрии, т. е. ремесленников в долг материалами и орудиями производств и капиталистической организации сбыта: недаром с половины XII века в Генуе появляются и множатся маклеры, торговые посредники [5]).

Последовательный ход политической борьбы и перемены в государственном устройстве Генуи вскрывают действие всех этих основных хозяйственных влияний.

Древнейший генуэзский нобилитет, боровшийся за самостоятельность против маркграфа генуэзского, был землевладельческим [6]), т. е. представлял собою рядовое рыцарство, арьер - вассалов или, если употреблять итальянский термин вальвассоров. Они воспользовались обычным антагонизмом между светскими и духовными феодалами и, опираясь на епископа, постепенно в XI веке освободились в значительной степени от маркграфа, ограничились права его наместника [7]). Все это время генуэзский нобилитет был един и социально и политически, не делился на партии.

Но к концу XI века торговля Генуи сделала крупные успехи и втянула в коммерческие предприятия и мореплавание большую часть местной знати. Преследуя уже не только землевладельческие, но и торговые интересы. генуэз-

---

[1]) Caro, Genna und die Mächte am Mittelmeer 1257—1311. I B. Halle a, S. 1895, стр. 82.

[2]) Sieveking, Gen. Finanzw., II, стр. 12.

[3]) Caro, Genua und die Mächte, I, стр. 83—84.

[4]) Sieveking, Gen. Finanzw., I, стр. 62 - 63.

[5]) Там же, I, стр. 63; Schaube, Handelsgeschichte, стр. 761.

[6]) Там же, I, стр. 14.

[7]) Там же, I, стр. 2, 14.

ские нобили основали не только ряд купеческих товариществ, но с 1099 г. и „Компанью“ имевшую основной целью именно соблюдение торговых выгод [1]). Если таким образом образование купеческого капитала и не может быть всецело приписано землевладению как думают некоторые исследователи [2]), то нельзя и отрицать, что землевладение вошло сюда одним из весьма важных сословных элементов. „Компанья“ была присяжным товариществом, составлявшимся на определенный срок—обыкновенно на четыре года—и постоянно возобновлявшимся [3]). Она должна была включить всех свободных генуэзцев от 16-ти до 70-ти лет, кроме духовенства [4]). Кто не был членом Компаньи, тот не имел и политических гражданских прав, так что приобрести права генуэзского гражданства можно было, лишь вступив в Компанью [5]).

Компанья разделялась на подкомпании по частям или округам города, а подкомпании делились по улицам; всех подкомпаний, как и городских округов, было спачала шесть, а потом, с ростом города, присоединилось четыре новых [6]). У Компаньи были свои земли, которые ею покупались и хозяйственно эксплуатировались, и с которых Компанья получала доход [7]).

Управление Компаньи и было первым по времени самостоятельным управлением генуэзской городской республики, так что теснейшая неразрывная связь с экономическими условиями получит здесь нагляднейшее подтверждение. Исполнительная власть находилась в руках консулов—обычно шести, иногда четырех или восьми. Консулы были коллегией совершенно равных лиц, решавших дела большинством голосов, а если большинства не составлялось, выбиравших для решения вопроса особого третейского судьи. Постоянного разделения функций межу ними не было,—отдельным из них давались

---

1) Там же, I, стр. 14, 15.

2) Зомбарт, Современный капитализм, т. I.

3) Sieveking, Genueser Finanzwesen, I, стр. 14, 15; Blumenthal, Zur Verfassungs und Verwaltungsgeschichte von Genua im XII Ihrh., Calbe a, S. 1872, стр. 8, 9.

4) Sievking, I, стр. 15; Blumenthal, стр. 10.

5) Blumenthal, Zur Verfassungs und Verwaltungsgesch. von Genua, стр. 9.

6) Sieveking, Gen. Finanzwesen, I, стр. 19, 20.

7) Там же, стр. 25.

лишь временное поручение [1]). В круг ведомства консулов входили иностранные дела или внешняя политика, финансы, внутренние дела, прием в гражданство и дела военные [2]). В финансовых делах или в XII в. помогали особые должностные лица -clavigeri [3]). Суд находился в владении не консулов общих (consules pro communi), а особых судебных консулов (consules pro placitis или consules cosarum) [4]). Исполнение судебных решений и другие полицейские дела были в руках особых полицейских чиновников—emendatores, обыкновенно выбиравшихся из юристов [5]).

Всего важнее вопрос о том, как получили консулы свои полномочия. Формально власть их исода от сходки или собрания всех членов Компаньи (parlamentum), но это собрание выбирало в действительности только выборщиков, которые вместе с другими выборщиками, намеченными составом консульской коллегией, кончавшей свои функции (они делились 1, 2, 3, 4 года), и выбирали новых консулов [6]).Таким образом выборы были на деле не демократическими, тем более, что у знати здесь было и особое сословное право: консулы и коммунальные и судебные выбирались из нее, „из лучших людей" (de meliorivus) [7]).

Собрание или сходка членов Компаньи по договору или статуту было верховным носителем власти во всех делах: от него формально зависели война и мир, сбор податей, законодательство и т. д., но на деле в собрании не бывало дебатов, просто криком утверждались предложения консулов и еще одного весьма важного учреждения—совета, фактически вместе с консулами, заправлявшего в XI и XII веках всеми делами [8]). Совет состоял также только из нобилей. Консулы ему были подчинены и действовали только с его согласий и одобрения. Неизвестно точно, как пополнялся совет, но всего

---

1) Blumenthal, Zur Verf. und Verwaltungsgesch. von Genua, стр. 12, 13.

2) Там же, стр. 22, 25—27.

3) Sieveking, Gen. Finanzwesen, I, стр. 47.

4) Blumenthal, стр. 51.

5) Там же, стр. 57, 59.

6) Там же, стр. 20.

7) Там же, стр. 21.

8) Там же, стр. 36—41.

вероятнее в него поступали консулы по окончании или исполнении своих обязанностей [1]).

В 1190 г. главой исполнительной власти становится подеста, и должность его становится постоянной с 1217 года [2]). С 1220 года появляются 8 нобилей для заведывания финансами—доходами и расходами [3]); подчиненными им оказываются попрежнему (clavigeri) и вновь счетчики (duo de ratione) и особое учреждение для заведывания долгами Генуи (officium incpeisitorum) [4]). Были еще особые соляные консулы (consules salis) для заведывания соляной монополией, торговлей солью, которая была в руках компаньи [5]).

К половине XIII века в Генуе складываются в среде нобилитета две партии—гвельфы во главе с Фиеско Гримальди и гибиллины, вождями которых были Спинула и Дориа [6]). К тому же времени относится и начало народных волнений, движения низов генуэзского общества: растет индустрия, увеличивается экономический рост ремесленных успехов и с ними вместе той части купечества, которая заинтересована в сбыте местных ремесленных изделий и эксплуатирует ремесленников путем домашней индустрии. Поэтому гибеллинская часть нобилитета, земледельцев, купцов и банкиров, мелкого купечества, не принадлежавшее к нобилям [7]) действуют вместе с народными массами.

Ближайшим поводом к восстанию 1257 г. послужил финансовый вопрос. В финансовом отношении две язвы разъедали Геную: с одной стороны, сдававшиеся на откуп косвенные налоги, тяжело ложившиеся на массы, с другой—огромные государственные долги, вызванные войнами из-за торговых интересов [8]). Восстание 1257 г. и произошло под лозунгом замены косвенных налогов прямым налогом на богатых людей и уменьшении платежей по богатым, т. е. частного государственного банкротства [9]).

---

1) Там же, стр. 29—34.
2) Sieveking, Gen. Finanzw., I, стр. 47.
3) Там же, стр. 48.
4) Там же, стр. 85.
5) Там же, стр. 86.
6) Там же, стр. 61.
7) Sieveking, I, стр. 38, 47.
8) Caro, Genua und die Mächte, I, стр. 11, 12.
9) Caro, Genua und die Mächte, I, стр. 95, 96.

Вождем восстания был богатый банкир—гибеллин Гульельмо Букканигра, связывавший с делом восстания, повидимому, и соображения личного честолюбия и властолюбия. Восстание увенчалось успехом, и Букканигра провозглашен был капитаном народа, фактическим тираном [1]). Компанья во главе с советом и подеста была сохранена, но подчинена капитану и 32-м анцианам (по 4 от каждой из части города [2]). Анцианы были представительством знати [3]), повидимому гибеллинской, связанной экономически с ремесленником, а подеста, совет и Компанья были оплотами гвельфов. В 1258 года Букканигра лишил маркграфа финансового верховенства ограничил финансовые права виконта, установил определенный ежегодный платеж епископу взамен получавшихся им портовых пошлин, ввел прямой налог на богатых и провел преимущественное право государства на приобретение ренты государственного банка, предаваемой ее держателями [4]); этим думали как будто постепенно выкупать весь долг.

В 1262 г. гвельфская знать снова одержала верх и восстановила старый строй, но продержалась всего 8 лет, и в 1270 г. снова восстановляется капитанат, при чем обычно с тех пор, за исключением перерывов, когда торжествовал гвельфы и тираннии Опициния Спинулы в 1307—1309 гг. были два капитана, особый abbas populi и анцианы [5]). Так продолжалось до конца периода—до 1339 года.

Как ни сильно было движение генуэзской демократии, было бы ошибочно считать генуэзскую городскую республику и при ее победах демократической. Не говоря уже о том, что гибеллинские нобили—Дориа, Спинула и их сторонники—использовали земли, особенно на Сардинии отчуждали коммунальную собственность и государственные права нобилям [6]),—в ируности и новые государственные учреждения республики, созданные гибеллинами, сохранили аристократический харак-

---

[1]) Там же, стр. 86; Sieveking, I, стр. 51.
[2]) Caro, Genua und die Machte, I, стр. 12, 13.
[3]) Там же, стр. 77.
[4]) Sieveking, Genueser Finanzwesen, I, стр. 53—55.
[5]) Там же, стр. 56 и сл.; Caro, Genua und die Mächte, II, стр. 110, 211 и сл. 252, 921, 363 и сл.
[6]) Caro, Genua und die Mächte, II, стр. 211—213.

тер и были не чем иным, как компромиссом с гвельфской знатью и ее откровенным прежде полным господством.

Это видно уже из реформ 1270 года. Тогда установлен был платеж по государственным долгам 8% в год из доходов соляной монополии и вместе с тем кредиторы были привлечены к управлению долгом: из них составлено товарищество (сотреча) с консулами и писцами, назначаемыми капитаном или с согласия совета из 7—9-ти крупнейших кредиторов генуэзской казны [1]. Затем в 1303 г. преобразована была финансовая администрация в направлении разделения фрункий между отдельными учреждениями, и процент по государственному долгу понижен до 6-ти [2]. Даже когда в 1320 г. восторжествовали гвельфы, то они, правда, отменили счетчиков и коллегию по заведыванию долгами и ввели новую должность visitatores для ведения всех финансовых дел, но и здесь веял дух компромисса: визитаторы должны были выбираться анцианами и не старым советом Компаньи, при чем два из них—из знати и два из народа [3]. Для заведывания долгами существовала подчиненная визитаторам коллегия consules officii assignationii mutuorum, которым в 1323 году были прибавлены 4 представителя по выбору кредиторов—protectores et defensores compererum capituli специально для защиты интересов кредиторов [4]. Товарищество кредиторов и эти протенторы дефензары по их избранию и были зародышем будущего генуэзского финансового учреждения знаменитого банка Casa S. Giorgio [5].

По существу 20-е и 30-е годы XIII века с их напряженной борьбой породили некоторые серьезные изменения не столько в организации кредита, сколько в налоговой системе. Введены были новые прямые налоги—подоходный для жителей самой Генуи и поимущественный для подчиненных Генуе областей; для того, чтобы откупщики не могли произвольно повышать косвенные обложения, в 1326 г. была учреждена должность особых „исправителей сборов"—emendatores calegarum, выбиравших себе преемников вместе с анцианами

[1]) Sieveking, Genueser Finanzwesen, I, стр. 58—59.
[2]) Там же, стр. 76, 79.
[3]) Там же, стр. 85, 86.
[4]) Там же, стр. 86, 90.
[5]) Там же, стр. 90.

срок этой должности был 1 год Но не следует преувеличивать значение и этих перемен; попрежнему косвенные налоги преобладали над прямыми, а главное—все росли и достигли огромных размеров доли Генуи, и вся финансовая система республики была построена не на ограждении общественного блага, а на защите интересов кредиторов [1]). В результате и Генуя были типичным примером феодально муниципальной республики.

Как всегда в муниципальном феодализме, и в Генуе нафоне общефеодальной грубо-эгоистической психологии примером которой служит приведенное выше указание на, беззастенчивое хищничество даже надевавших на себя демократическую личину гибеллинов Дарьи и Спинула, не говоря уже о цинической откровенности гвельфского строя Компаньи, выделялись некоторые индивидуалистической новообразования. Смелость новаторство и властность Гульельмо Букканигры [2]) и не меньше властность Опициния Спинулы [3]) характерны в этом отношении. Но еще более замечателен в том же смысле генуэзский адмирал конца XIII века Бенедикт Цахариас, смелый искатель приключений, предшественник будущих кондотьеров, не постеспявшийся из чисто политических и экономических соображений заключить союз с сарацинами против христиан [4]).

---

1) Там же, стр. 90.

2) Там же, стр. 51; Caro, Genua und die Mächte, I, стр. 86.

3) Sieveking. I, стр. 85; Caro, II, стр. 363 и сл.

4) Caro, Genua und die Mächte, II, стр. 122—127.

V.

Флоренция до половины XV века.

В русских вольных городах в немецкой Ганзе в Венеции и Генуе мы наблюдали муниципальный феодализм, основанный почти исключительно на внешней транзитной торговле со слабой примесью промышленности. Флоренция представляет собою в этом отношении значительную оригинальность: собственная промышленность играла в ней крупную роль; то, что намечалось в других городах, как второстепенный экономический придаток,—организация промышленности торговцами, потом и крупными местными предпринимателями—здесь выступило на первый план. Конечно, это случилось не сразу.

В торговом отношении, особенно во внешной торговле, Флоренция долго и далеко отставала от Венеции и Генуи [1]). В XI в. Флорентинской внешней торговли почти не было совсем. Тогда Флоренция и ее область, несмотря на некоторые завоевания у соседей [2]), небольшая еще во времена Фридриха Барбароссы [3]), и входившая в состав владений маркграфини Матильды Тосканской, представляла собою пример экономическо-замкнутого округа обычного феодального типа. Господствовали земледелие, скотоводство, виноделие [4]). Существовало, в особенности в женских монастырях крепостное ремесло [5]). До начала XI века в самой Флоренции был один

---

[1]) Schaube, Handelsgeschichte der Romanischen Völker, I, стр. 62.

[2]) Davidsohn, Geschichte von Florenz, I, B., Berl. 1896, стр. 425, 435, 446 и др.

[3]) Там же, I, стр. 454.

[4]) Там же, I, стр. 112 и след. 776- 778.

[5]) Там же, I, стр. 91.

рынок, в 1018 г. появился другой, с 1024 г. открылась впервые флорентинская ярмарка [1]). Только около 1000 года встречаются первые следы деревенских рынков во флорентинской области [2]). В XI в. выпущена была и первая серебряная монета во Флоренции [3]). Только с половины XI в. начинается торговля Флоренции с Пизой, и заводится флорентинская фактория в Мессине на о. Сицилии [4]).

Такому соотношению отдельных отраслей хозяйства, характерному для феодализма обычного типа, соответствовали и обычный для феодализма уровень хозяйственной техники, и обычные же поземельные отношения. В X в. в западной части долины Арно отношение культурной площади к необработанной было равно отножению 3-х и 5-ти; в других местах было еще хуже: пашня относилась к перелогу как 1 к 10-ти [5]). Значит, в то время преобладала еще залежная или переложная система, и лишь отчасти наблюдался переход к трехполью. В начале XI в. севооборот во флорентинской области оказывается уже интенсивнее [6]): трехпольное хозяйство восторжествовало. Уже в XI в. крупное землевладение преобладало [7]). К XII-му столетию масса мелких землевладельцев поступает в зависимое состояние вместе со своею землей [8]), превращается в колонии [9]), пользующихся землею иногда сообща [10]), в совладении—существует общинная земля—альланда или terra communii [11]), есть „соседние“ владение—vicinantia или usus terrae [12]). Были епископские земли [13]). В XII в. и отдельные части города—„четверть“ покупают себе земли [14]).

Перемены, новшества замечаются только с XII века. Тогда именно начинается торговля Флоренции Венецией [15]). В

1) Там же, I, стр. 137.
2) Там же, I, стр. 138, 779.
3) Schaube, Handelsgeschichte, I, стр. 117.
4) Davidsohn, Gesch. von Florenz, I; стр. 789, 790.
5) Там же, I, стр. 136—137.
6) Там же, I, стр. 137.
7) Там же, I, стр. 343.
8) Там же, I, стр. 311.
9) Там же, I, стр. 314.
10) Там же, I, стр. 316.
11) Там же, I, стр. 316.
12) Там же, I, стр. 317.
13) Там же, I, стр. 341, 319.
14) Там же, I, стр. 329.
15) Schaube, Handelsgeschichte, I, стр. 117.

половине столетия заключаются торговые договоры с Луккой и Болоньей [1]), развивается торговля французскими сукнами [2]). В конце XII в. землевладельческая знать во Флоренции начинает интересоваться торговлей с дальними странами [3]), и развивается ремесло [4]). Усиливаются и становятся заметной экономической величиной флорентинские банкиры [5]).

Но только XIII век, в особенности же XIV и первая половина или по крайней мере первые десятилетия XV века, представляют собою время настоящего расцвета флорентинской торговли и промышленности. В Сицилии [6]), в Англии [7]) флорентинцы к половине XIII в. занимают видное место в торговом отношении. Тогда же они становятся кредиторами архиепископа кельнского [8]) и папского двора [9]). В 1234 г. введена новая серебряная монета во Флоренции [10]), в 1252 г.—золотые флорины [11]). Переработка иностранных сукон в более тонкие, организованная цехом Калимала, достигает к половине XIII века высшей точки своего развития; торговое и промышленное значение этого цеха стало тогда мировым [12]). Но уже с XI в. собственная обработка шерсти во Флоренции сделались самостоятельным ремеслом, в XIII в. цех суконщиков (Arte della Lana выступил опасным соперником цеха Калимала, а в XIV в. он создал уже гигантские суконные мастерския [13]). Важный шаг вперед сделан был в 1239 г. переселением во Флоренцию монахов-гумилиатов: ошибочно было бы приписывать им создание флорентинской суконной промышленности, но они сильно двинули ее вперед, дав первый пример крупной, капиталистической организации и улучшив технику производства тонких сукон [14]). С XIII в. вообще

---

1) Davidsohn, Gesch. von Florenz, I, стр. 668—669.
2) Там же, I, стр. 790.
3) Там же, I, стр. 600.
4) Там же, I, стр. 601.
5) Там же, I, стр. 795.
6) Schaube, Handelsgeschichte, I, стр. 491.
7) Там же, стр. 414.
8) Там же, стр. 432.
9) Davidsohn, Gesch. von Florenz, II, I, стр. 535 и сл.
10) Там же, II, I, стр. 213.
11) Там же, II, I, стр. 411.
12) Doren, Studien aus der florentiner Wirtschaftsgeschichte, B. I, Stuttg., 1901, стр. 25.
13) Там же, I, стр. 25.
14) Там же, I, стр. 28, 31, 32.

Флоренция становится первым промышленным городом в мире [1]). С XIV в. главным источником сырья (шерсти) для флорентинского сукноделия является Англия [2]). В половине XIV в. торговля Флоренции распространяется в Неаполе, Сицилии, Сардинии, Родосе, Кипре, Майорке, Лондоне, Париже, Авиньоне, Брюгге, Константинополе и на Черном море [3]). Вследствие важности морского транспорта, Флоренция в XIII и XIV веках стремится к морю, откуда происходят ее договоры с Пизой [4]). В 1400—1440 годах флорентинская промышленность достигает высшей ступени своего процветания [5]). С конца XIII в. и позднее до конца периода можно уже вести речь о флорентинском капитализме [6]). С XIII в. и позднее выдвигается на первый план наряду с суконной еще и шелковая индустрия [7]).

Все это сопровождалось, разумеется, крупными изменениями в формах хозяйства, в его технике и в соотношении отдельных элементов производства. В XIV и XV веках техника сукноделия достигла весьма значительной высоты, что обусловливалось и развитием разделения труда, промышленной специализации. Производилась особыми мастерами тщательная очистка шерсти, другими—тонкая ее обработка, были отдельные специалисты—красильщики и т. д. [8]). Резко выраженной оказалась концентрация предприятий по производству и сбыту: рано появились маклеры, скупщики, мелкие посредники [9]), цехи развивали комменду, купеческие общества [10]), гумилиаты сдали свою землю во Флоренции консорциуму капиталистов, и там устроены были крупные суконные фабрики—мануфактуры [11]). И покупка шерсти и полуфабрикатов и все отдельные ветви производства приходят с XIV века в зависимость от крупного

---

[1]) Там же, I, стр. 37.

[2]) Там же, I, стр. 72.

[3]) Там же, I, стр. 106, 107, 123.

[4]) Там же, I, стр. 115, 116.

[5]) Там же, I, стр. 414.

[6]) Davidsohn, II, 2, стр. 251, 353.

[7]) Там же, I, стр. 798 и сл.; II, 2, стр. 419; III, стр. 564—565.

[8]) Doren, Studien aus der florentiner Wirtschaftsgeschichte, I, стр. 43—53.

[9]) Davidsohn, Gesch. von Florenz, I, стр. 782—783; Doren, I, стр. 170.

[10]) Doren, Studien aus d. flor. Wirtschaftsgesch., I, стр. 353, 356.

[11]) Там же, I, стр. 39.

капитала [1]). Сильно развивается домашняя индустрия особенно в XV в. [2]).

Это сильно отразилось на социальном расчленении. Старые землевладельцы или превращаются в купцов, банкиров и промышленную буржуазию или продают этим новым господам положения свои земли [3]). Крестьяне освобождаются от крепостного права; в 1289 г. была запрещена покупка и продажа крепостных крестьян; их могло покупать лишь государство, и крепостные могли при этом выкупаться на волю; в 1321 г. разрешено было покупать земли с крестьянами у церкви, если покупатель соглашался освободить крестьян и отказаться от феодальных прав; наконец, в 1415 г. отменено было окончательно всякое крепостное право [4]). Промышленный капитализм разбил крепостные цепи, нуждаясь в „свободном", т. е. доступном крайней эксплоатации, наемном труде. То же произвел он и в цехах, не считаясь с регламентацией заработной платы и условий труда [5]). Создан был настоящий промышленный пролетариат [6]). Деревня должна была всецело служить городской промышленности: надо было удешевить хлеб, и потому установлен был законом максимум заработной платы в сельском хозяйстве, арендатору запрещено без разрешения землевладельца наниматься к кому-либо на работу; арендные договоры на землю заключались обычно на год, и арендатор не мог оставлять арендуемый участок без письменного разрешения землевладельца [7]).

Во Флоренции таким образом несомненно зрели и развивались силы, разрушавшие хозяйственную основу не только муниципального, но и всякого вообще феодализма; промышленный капитализм всегда является зерном и признаком падения феодального общества. Однако, это падение политически стало заметно лишь позднее, к половине XV века, в эпоху синьории Медичи. До того времени Флоренция, несмотря на

---

1) Там же, I, стр. 150 и след.

2) Там же, I, стр. 248 и след.

3) Зомбарт, Современный капитализм, т. I; Davidsohn, Gesch. v Florenz, III, стр. 401.

4) Архангельский, Социальная история Флоренции и политич. учение Маккиавелли: „Ж. Мин. Нар. Просв." за 1911 г., янв., стр. 2.

5) Doren, Studien, I, стр. 271.

6) Там же, I, стр. 232—235.

7) Архангельский: „Жур. Мин. Нар. Пр." за 1911 г., янв., стр. 3.

все перенетии напряженной социальной и политической борьбы, оставалась феодально-муниципальной республикой. Лучшим доказательством этого является обзор развития ее учреждений до половины XV века.

Маркграф тосканский и епископ флорентинский—вот две феодальные власти, которые через своих наместников осуществляли свои права над городом и его областью до XII в. при участии „добрых людей" из флорентинцев [1]). Когда Фридрих Барбаросса победил первоначально папу и итальянские города, он поставил своего графа и во Флоренции, и позднее в 90-х годах XII в., когда ненадолго Флоренция подчинялась было опять императору, последним был поставлен во главе городского управления подеста [2]).

Но в XII веке все это было уже стариной или отголосками, обломками старины. В XII в. Флоренция успешно борется с епископом и освобождается от всякой от него зависимости [3]), поддерживая папу Александра III, свергает императорского наместника [4]), в половине XII в. получает от маркграфов тосканских право суда во всей области [5]). К концу века усиливается купеческая организация во главе с купеческими консулами и добивается политического господства в городе и его области [6]). Консулы тогда являются уже фактическими обладателями исполнительной власти [7]). С 1193 г. при подеста учреждается совет из 150 членов, при чем купеческие консулы и ректоры цехов играют главную роль в его пополнении [8]). Народное собрание собиралось 4 раза в год, но особого значения не имело и без дебатов, криком „да будет так" („fiat, fiat") утверждало предложения совета и консулов [9]). В 1196 г. консулы заменили подеста в управлении городом [10]), но то было лишь временно: должность подеста и потом сохраняется, и лишь рядом с ним и его советами возникают новые учреждения.

---

1) Davidsohn, Geschichte von Florenz, I, стр. 346.
2) Там же, I, стр. 485, 597.
3) Там же, I, стр. 427.
4) Там же, I, стр. 512.
5) Там же, I, стр. 450.
6) Там же, I, стр. 600, 601.
7) Там же, I, стр. 346, 611.
8) Там же, I, стр. 601, 673.
9) Там же, I, стр. 674—675.
10) Там же, I, стр. 605.

События 1193 и 1196 годов были результатами победы партии землевладельческой знати—гибеллинов, поддерживавших обычно и императора в борьбе с папой, при чем побежденной стороной оказалась партия купцов, промышленников и банкиров—гвельфы, поддерживавшие папу. Но победа гибеллинам досталась в конце XII века только потому, что они вступили в связь с демократией—с мелкой ремесленной буржуазией и отчасти с рабочими [1]). Этим и объясняется важная роль цехов в пополнении совета. Характерно, что даже и при поражении новой феодальной буржуазии пришлось все-таки купеческим консулам уделить значительную долю влияния: зависимость ремесла от крупного торгового капитала уже тогда была слишком сильна.

Это именно последнее обстоятельство и было причиной того сочетания общественных сил, которое сложилось к половине XIII века и вызвало к жизни первую демократическую (в известном условном смысле) конституцию 1250 года, так-называемое primo popolo во Флоренции: в это время объединились для единого политического действия уже не земледельческая гибеллинская знать и ремесленники, а гвельфское купечество с ремесленниками и рабочими, получилась попытка сплотить в борьбе с феодальным землевладением все буржуазные силы [2]).

Сущность конституции primo popolo 1250 года заключается в главных чертах в следующем: подеста и его советы оставлены были попрежнему формально во главе государства; советы, однако, были преобразованы: генеральный совет должен был состоять из 300 знатных и 60 выборных от народа, а специальный, узкий совет—из 90 знатных; купцы и ремесленники—народ—были организованы особо: они выбирали капитана и 12 анцианов, при чем капитан и подеста должны были действовать в делах управления сообща, согласно, без согласия капитана подеста был фактически безвластен, и если получалось разногласие, дело решали анцианы; наконец, город был разделен на 12 гонфалони, а область на 96 гон

---

[1]) Там же, I, стр. 601.

[2]) Doren, Studien aus der florentiner Wirtschaftsgeschichte, II стр. 29.

фалони („знамен“): это было военной организацией сил демократии [1]).

В 1266 г. введена вторая конституция—secondo popolo. Это было полным торжеством гвельфов или, что то-же, семи старших цехов, объединявших крупнейших капиталистов—купцов, державших в своих руках всю торговлю и промышленность Флоренции. Эти семь цехов следующие: 1) судьи и нотариусы, 2) Калимала (крупные торговцы главным образом иностранным сукном, перерабатывавшимся во Флоренции), 3) банкиры, 4) суконные фабриканты (Arte della Lana), 5) мелкие торговцы сукном (Porta S. Maria), 6) врачи и аптекаря, 7) скорняки [2]). Представители этих цехов составили особый совет—креденцу из 80-ти членов, которая заменила анцианов. Советы при подеста сохранены, но должность народного капитана уничтожена [3]).

Результатом этого был переход значительной части демократии на сторону гибеллинов, что вынудило гвельфов к уступкам: вместо креденцы осенью того же 1266 г. учрежден был совет 36 „добрых людей“ из представителей обеих партий и народа; тем не менее фактический перевес в политической жизни Флоренции остался за гвельфами, главным образом за семью старшими цехами [4]).

Не останавливаясь на подробностях перемен, постигавших не раз флорентинские учреждения в 70-х и 80-х годах, и отметив для этого времени лишь торжество семи старших цехов в совете 14-ти и замену этого учреждения в 1282 году советом приоров не только семи старших, но и пяти средних цехов [5]), переходим к „третьей конституции“ 1293 года. В это время и 9 младших цехов получают участие в управлении республикой, выбирая совет приоров и капитана народа, а также „ганфалоньера юстиции“ (знаменосца справедливости)—начальника военной силы [6]).

---

[1]) Там же, стр. 29; Davidsohn, Geschichte von Florenz, II, I, стр. 369—373.

[2]) Doren, Studien, II, стр. 33.

[3]) Davidsohn, Gesch. v. Florenz, II, I, стр. 615.

[4]) Там же, II, I, стр. 605, 606; Doren, Studien, II, стр. 35.

[5]) Davidsohn, Gesch. v. Fl., II, 2, стр. 212; Doren, Studien, II, стр. 37, 43.

[6]) Doren. Studien, II, стр. 52—54; Davidsohn, Gesch. v. Flor., II, 2, стр. 473, 492.

Казалось, демократия восторжествовала. Но перевес крупного капитала, выражавшийся в экономической области господством домашней индустрии, а в политической тем, что цехи делились для выборов на отделения (membra), и отделения, состоявшие из богачей, всегда имели больше избирательных прав, чем отделения подлинно демократические по своему составу, привел к тому, что демократия далеко не была удовлетворена и реальной власти не имела. Дело осложнилось еще в начале XIV века конкуренцией двух банкирских групп среди господствовавшего богатого гвельфского меньшинства. Отсюда произошло деление партии гвельфов на две—черных и белых, сближение белых с гибеллинами и новая ожесточенная партийная борьба, закончившаяся лишь в 1309 г. учреждением общего совета представителей партий или мерканции (merkanzia), фактически и организовавшего все управление и республикой, и отдельными цехами [1]).

Но все это нимало не удовлетворяло демократии, и она в 1342 г. попробовала выдвинуть для удовлетворения своих нужд тираннию герцога Афинского, когда же это не привело к желанным результатам, в 1378 году, несмотря на уступку со стороны богачей, включивших было в состав мерканции в 1372 году двух представителей низших цехов, началось и увенчалось сначала успехом „восстание нищих"—мелких ремесленников хозяев и пролетариата. Цель движения была утопическая: вернуть самостоятельность мелкому ремеслу и дать ему главную политическую власть, и потому дело кончилось через 5 лет реакцией. В 1393 г. мерканция состояла уже из 6-ти членов, из которых лишь один был от низших цехов [2]). Политическая история феодально-муниципальной Флоренции кончилась в 1426 г. тираннией Медичи, окончательно упрочившейся в 1434 г. [3]).

Венеция и Генуя, по преимуществу торговые республики, не имели каких-либо ярких отличительных особенностей в духовной своей культуре—отклонения от общефеодального типа были сравнительно не велики и не многочисленны. Больше их было в промышленной Флоренции. Уже во второй

---

[1]) Davidsohn, Gesch, v. Flor., III, Berl. 1912, стр. 150 и сл.; Doren, Studien, II, стр. 745, 746.

[2]) Doren, Studien, II, стр. 749.

[3]) Там же, II, стр. 764.

половине XIII в. здесь расцветает политическая поэзия провансальского трубадура Рэмона де-Тарса, гибеллина Паллавиллани и гвельфа Орландуччио [1]). В XIV веке во флорентинской демократии на почве ее угнетенного положения и политической борьбы развиваются еретические движения [2]). Религиозно-мистическое настроение мелкой буржуазии находит себе выражение в поэзии монаха-минорита Убетино Казале, автора стихотворения „Древо крестной жизни" („Arbor vitae crucifixae") [3]). Мы не говорим уже о Данте и его ближайших предшественниках: они принадлежат всей Италии и характеризуют собою уже эпоху падения феодализма, но нельзя не отметить, что и они вскормлены и воспитаны были условиями жизни торгово-промышленной Флоренции.

Венецией, Генуей и Флоренцией мы ограничиваем обзор истории итальянских муниципально-феодальных республик средних веков. Причина такого ограничения заключается в том, что все остальные города Италии, надолго или ненадолго приобретавшие феодальную самостоятельность, в своем развитии подходили, как Пиза, Амальфи, к венецианско-генуэзскому типу или, подобно Милану, Лукке, Сиене, к типу флорентинскому, так что ничего нового по существу дальнейшее изучение истории городских республик Италии не внесло бы.

---

[1]) Там же, II, 2, стр. 276.
[2]) Там же, II, 2, стр. 275.
[3]) Davidsodn, Geschichte von Florenz, II, 2, стр. 29. 30.

VI.

Муниципальный феодализм в древней Греции.

Мы наблюдали уже в древнейшей Элладе появление земледелия и некоторое неравенство землевладельческих прав и фактического владения землей у отдельных групп или слоев населения. Уже тогда таким образом, в гомеровскую эпоху, появляются первые зачатки землевладельческих привилегий, сильно, однако, окрашенных еще в старые цвета, свойственные родовому и племенному обществу.

В отсталых частях древней Греции так было долго и после того. Но передовые области пошли дальше, и VIII и VII века для них—время уже муниципального феодализма, при котором граждане города—государя являются властителями и эксплоататорами обширной принадлежащей ему области—каждый отдельный слой этих граждан по своему.

Прежде всего наблюдается рост торговли и притом торговли нового, не разбойничьего типа, требовавшего уже известной коммерческой техники, правда, невысокой, полухищнической еще, с обманами, обмерами и обвесами, но все же уже большею частью почти всегда без прямого насилия и грабежа. Развитие такой торговли в разных частях древней Эллады в VIII и VII веках не подлежит сомнению. Греческие купцы стали вывозить медь из Италии, индейские товары—драгоценные камни, жемчуг, шелк, слоновую кость—с южного берега Черного моря, из Синопа, в котором заканчивалась караванная дорога из Индии, с того же берега—строевой лес для кораблей, с берегов Азовского моря рыбу, с Кавказа серебро и железо, у скифов золото, хлеб, кожи, воск, мед, рабов, в Массалии в южной Франции скупали янтарь, приходивший туда из Балтий-

ского моря, в южной Испании серебро [1]). Денежный капитал приобретает небывалое могущество, о чем в VII в. свидетельствует поэт Алкей [2]). Слагается в VII в. монетная система, и появляется чеканная монета [3]). Эгина стали вести транзитную торговлю [4]), в торговлю втянуты были Мегары и Лесбос; даже в Спарте развивается торговля периэков [5]).

Было бы, однако, большим преувеличением считать, что натуральное хозяйство для масс населения сменилось уже товарным, денежным: нет, торговля захватила только верхи общества, да и они старались создать из каждого греческого государства обособленный, местный рынок [6]), что доказывает сравнительную слабость торгового оборота даже на социальной вершине. Что же касается масс—они остались попрежнему в натурально хозяйственных условиях: недаром спартанские илоты вносили оброк не деньгами, а ячменем, вином и маслом [7]); натуральный же оброк платили и крестьяне Аттики [8]).

Таким образом рост торговли, при сохранении, однако, натурального хозяйства в массах населения,—первая черта хозяйства феодальных обществ второго, муниципального типа. Вторая его черта—сравнительное равновесие земледелия со скотоводством и отчасти даже охотой и развитие ремесла.

И на это есть ясные и достаточно многочисленные доказательства: в Спарте, напр., господствовал в виде посевного хлеба ячмень [9]), явный признак слабости земледелия и низкого уровня земледельческой техники, и вместе с тем по склонам Тайгета тянулись прекрасные пастбища для скота, а леса на вершинах Тайгета были хорошим местом для охоты за дичью. Во всей почти Греции почва особым плодородием не отличалась.

---

[1]) Мейер, Экономич. развитие древнего мира, М., 1910, стр. 27—30: Francotte, L'industrie dans la Grèce ancienne, I, Brux., 1900, стр. 25—38.

[2]) Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, т. II, стр. 554.

[3]) Там же, стр. 550; Виппер, Лекции по истории Греции, I, стр. 61 и сл.

[4]) Мейер, Экон. развитие древ. мира, стр. 28, 29; Francotte, L'industrie dans la Grèce ancienne, I, стр. 30; Виппер, Лекции по истории Греции, I, стр. 59.

[5]) Blümner, Die gewerbliche Thätigkeit der Völker des klassischen Alterthums, Leipz. 1869, стр. 79—83; Хвостов, Хозяйственный переворот в древней Спарте, Казань, 1901, стр. 20.

[6]) Francotte, L'industrie dans la Grèce ancienne, II, стр. 358.

[7]) Хвостов, Хоз. переворот в древней Спарте, стр. 5.

[8]) Виппер, Лекции по истории Греции, I, стр. 69.

[9]) Хвостов, Хоз. переворот в древней Спарте, стр. 5.

Это в особенности надо сказать о передовых государствах [1]). Вывоз хлеба из колоний [2]) также доказывает слабость земледелия. Что касается ремесла, то здесь появлялись технические изобретения и усовершенствования: в Хиосе и Самосе введена была в оружейное дело неслыханная в гомеровские времена спайка металлических полос (у Гомера Гофест скреплял пластинки на щите Ахилла крючками и гвоздями); в Коринфе и Мегарах стали художественно формовать и искусно окрашивать глиняную посуду [3]).

Уже изучение экономического быта показывает таким образом, что муниципальный феодализм создал условия, которые были гораздо выше по типу, чем условия жизни обществ, где господствовал феодализм обычный. Этот же вывод получается и в результате наблюдений над устройством общества и государства.

Лучшим признаком этой сравнительной высоты является колонизация, ближайшим образом связанная с хозяйственными условиями времени и развившаяся именно в VIII и VII веках. Мы видим, что земледелие в передовых частях Греции встречало препятствия на пути своего развития, а между тем переход к земледелию с ростом населения являлся для многих необходимостью. Эта необходимость и удовлетворялась колонизацией, при которой искали земли, полей для пахоты и посева [4]). А потом уже развивалась торговля и—в метрополиях—обрабатывающая промышленность, находившая себе рынки в колониях. Все почти передовые части Эллады в описываемое время обзавелись колониями: Коринф основал Коркиру на одном из Ионических островов и Сиракузы в Сицилии, Мегары—Византию, Халкида—Катану в Сицилии, Ахея—Сибарис в южной Италии, Милет—Ольвию, Феодосию, Пантикапею и др. города по берегам Черного моря, Фокея—Массалию и т. д. [5]).

---

[1]) Белох, История Греции, т. I, М., 1897, стр. 176.

[2]) Мейер, Экон. развитие древ. мира, стр. 31; Виппер, Лекции истории Греции, I, стр. 58.

[3]) Виппер, Лекции по истории Греции, I, стр. 59.

[4]) Там же, стр, 58; Белох; История Греции, I, стр. 176; Бузескул, История афинской демократии, стр. 11.

[5]) Пельман, Очерк греческой истории, стр. 57 и сл. Белох, История Греции, I, стр. 176 и сл. Francotte, L'industrie dans la Grèce ancienne, I, стр. 25 и след.

Одной из важнейших причин колонизации была сильная классовая борьба в греческих государствах—городах. Борьба эта в свою очередь явилась следствием значительного расчленения общества под влиянием хозяйственных условий. Противоречия классовых интересов сильно обострились и стали уничтожать остатки старых кровных связей, все еще не исчезнувших вполне. Землевладельцами по преимуществу являлись знатные—эвпатриды, как они назывались в Аттике. Обыкновенно они сначала держали в своих руках и торговлю и во всяком случае промышляли ростовщичеством, являлись банкирами хищнического, крепостнического типа [1]).

Эвпатриды и составляли в Аттике правящее сословие, единственное обладавшее полнотою политических прав. Из их среды выходил в древности царь, затем сменявшие царя архонты—сначала пожизненные, потом выбиравшиеся на срок; из них выбирался ареопаг, состоящий из 9 архонтов и 51 эфета, рассматривавший все дела до перехода их в другие учреждения и вершивший высший суд, пританы навкрары, стоявшие во главе навкрарий, обязанных строить и снаряжать корабли [2]). Как партия эвпатриды назывались πεδιεῖς, „равнинной партией", потому что их поместья находились на равнине, в низменности.

Вторым сословием были геоморы—земледельцы, крестьяне: они были в долговой кабале, почти в крепостной зависимости от эвпатридов, на земле которых большею частью жили; но, повидимому, некоторая часть крестьян сохраняла известную независимость, хотя также страдала от долгов: то были крестьяне, жившие в горах, где не было эвпатридских поместий; как более свободные, они политически руководили всем крестьянством, почему и крестьянская партия называлась горной—διάκριοι [3]).

Наконец, было и третье сословие—демиурги, ремесленники и торговцы, жившие по морскому побережью, лично свободные, но политически бесправные, если не считать участия их,

---

[1]) Meyer, Geschichte des Altertums, II, стр. 299, 305, 364; Белох, История Греции, I, стр. 246; Пельман, Очерк греческой истории, стр. 83; Виппер, Лекции по истории Греции, I, стр. 62, 69.

[2]) Пельман, Очерк греч. истории, стр. 77; Meyer, Gesch. des Altertums, II, стр. 553; Виппер, Лекции по истории Греции, I, стр. 64.

[3]) Там же.

как и крестьян, в народном собрании, совершенно бессильном в то время. Они составляли прибрежную партию—πάραλοι [1]).

Эвпатридская олигархия политически господствовала: вся страна была эвпатридской вотчиной, эксплоатировавшейся эвпатридами в собственных личных интересах без понятия об общей пользе. Управляли они и судили по обычаю, т. е. фактически по собственному усмотрению: обычай записан не был.

Подобные порядки долго, иногда дольше, чем в Аттике, существовали во всех частях Греции, кроме совершенно отсталых, застывших на дофеодальной старине. Так, в Спарте два царя и эфоры соответствовали архонтам, герусия—ареопагу, апелла (народное собрание) была ничтожна по значению; спартиаты занимали господствующее положение, как и эвпатриды, и, подобно последним, использовали его в собственных интересах без всяких оговорок и ограничений; периеки соответствовали демиургам, а илоты были даже в худшем положении, чем геоморы в Аттике [2]). В Арголите и Беотии такие порядки сохранились до V века, как в Спарте, а в Милте, Эфесе и Коринфе до половины VII в., в Сикионе до начала VII в., в Лесбосе и Самосе до начала VI [3]).

Но с указанного сейчас времени—особого для разных частей древней Греции—начались всюду крупные перемены: муниципиальный феодализм стал клониться к упадку, потому что торговля стала проникать в низшие слои общества, их захватывать, т. е. превращаться уже в товарное или денежное хозяйство. Торговцы и ремесленники (демиурги, πάραλοι), богатея, стали естественно стремиться к власти, крестьяне—к освобождению и к выкупу земли на возможно более льготных условиях [4]).

Преобладание в крестьянстве социальных интересов над политическими, деревенский аполитизм оказался удобной почвой, на которой взросли два родственных между собой учреждения, создавшие кризис в муниципальном феодализме

---

[1]) Там же.

[2]) Meyer, Gesch. des Altertums. II, стр. 343 и сл.; Виппер, Лекции по истории Греции, I, стр. 159 и сл.

[3]) Ср. там же; также Белох, История Греции, т. I; Пельман, Очерк греческой истории.

[4]) Meyer, Gesch. des Altertums, II, стр. 556; Белох, История Греции, I, стр. 181; Пельман, Очерк греч. истории, стр. 85 и сл.; Виппер, Лекции по истории Греции, I, стр. 64 и след.

в передовых частях древней Эллады,—эсимнетию и тиранию. И эсимнеты и тиранны обладали неограниченной властью, диктатурой, и все различие между ними сводилось к тому, что первые получали власть легально, вторые—насильственно. И те и другие—подобно Солону и Писистрату в Афинах, Кипселу и Периандру в Коринфе, Клисфену в Сикионе, Питтаку на Лесбосе, Поликрату на Самосе—опираются именно на крестьянские массы и отчасти на средних землевладельцев; так Писистрат был вождем крестьянской диакрии и в то же время его поддерживали отчасти всадники—средние землевладельцы с доходом не свыше 300 медимнов ячменя [1]). Но эти перемены уже тесно связаны с позднейшими условиями, о которых речь пойдет в другой связи.

Основной психологический тон верхов всякого феодального общества—активный эгоизм, т.-е. преобладание страха и жадности. И верхи общества в феодальных муниципиях проникнуты были главным образом теми же чувствами. Отсюда проистекала эмоциональная бедность, сухость сердца. Лучшим выражением такой психологии являются многочисленные в VII веке подражания поэмам Гомера, обыкновенно дополнявшие и продолжавшие их по содержанию. В этих подражаниях иссяк свежий источник народной поэзии, улетучился аромат безыскусственной красоты, остались и развились непомерное восхваление знати, ее доблестей и подвигов, и проповедь подчинения и служения ей со стороны масс [2]).

Но муниципальный феодализм по типу все-таки выше феодализма обычного. Он все же развивает некоторую общественность и дает большую сумму разнообразных впечатлений хотя бы уже тем, что в его рамках развиваются торговля и индустрия, готовится переход к товарному, денежному хозяйству. И потому психология и правящих классов и в особенности классов средних естественно обогащается новыми приобретениями: индивидуализмом и моральными, этическими тенденциями.

Конечно, индивидуализм по преимуществу эгоистический, чисто властный, лишенный многогранности, разносторонности.

---

[1]) Meyer, Gesch. des Altert., II, стр. 773 и сл.; Пельман, Очерк греч. истории, стр. 102; Виппер, Лекции по истории Греции, I, стр. 106; Бузескул, История афинской демократии, стр. 70.

[2]) Ср. Белох, История Греции, т. I, стр. 103 и сл.

Это—индивидуализм военных песен Тиртея. Он резко порицает трусость, славит смерть за родину, трусам грозит нищетой, стыдом, всеобщим презрением, проповедует товарищескую связь на войне. Но в этом и все новое в поэзии Тиртея; во всем прочем он типичный сторонник старины: он дразнит жадность спартиатов к новым наделам, он восхваляет царский род и старые порядки [1]).

И в искусстве в общем господствовали старые предания. Дорийский стиль в архитектуре имеет тот же характер, как романский стиль в архитектуре европейского феодального запада [2]). В пластике этого времени нет успехов ни в форме, ни в верности натуре сравнительно с предшествующим временем, но сделаны все же некоторые шаги вперед в ремесленно-техническом отношении [3]).

В музыке замечаются первые ростки некоторого эстетизма, в особенности по мере приближения к VI веку. Раньше у греков не было понятия о многоголосии и гармонии, господствовала мелодия, униссон, и известны были только четыре тона [4]). Теперь появляются изменения, связанные с именами Терпандра и Ариона. Особенно замечательно изобретение Терпандром новой, семиструнной кифары [5]). При всем том, однако, и в музыке фантазия была еще постарому убога, формы грубы и элементарны; музыка прозаически-суха, эмоционально бедна.

Средние слои общества и в особенности массы населения были угнетены до крайности. Борьба с гнетом долго казалась немыслимой и невозможной. На этой почве создавалась психология смирения. Нигде она не нашла себе столь яркого и полного выражения, как в поэме Гесиода „Труды". „Полна земля злом, полно им и море", говорил Гесиод, зажиточный крестьянин по социальному положению. „Ни днем ни ночью не прекращаются труды и печали". „Безумец тот, кто хочет бороться с сильным: победа невозможна, испытаешь только

---

[1]) Ср. Meyer, Gesch. des Altertums, II, стр. 787.

[2]) Ср. Barberot, Histoire des styles d'architecture dans tous les pays, I, P. 1891, стр. 126 и сл.; Кон-Винер, История стилей изящных искусств.

[3]) Overbeck, Geschichte der griechischen Plastik, I B., 4-e Aufl. Leipz., 1893, стр. 73, 74.

[4]) Размадзе, Очерк истории музыки.

[5]) Там же; Meyer, Gesch. des Altertums, II, ст 581, 591.

горечь унижения". „Всю власть захватили наглые и богатые". Труд—вот единственный просвет и вместе непременная обязанность: „никогда не наполнит житницы своей ленивый или небрежный" [1]).

---

[1]) Бузескул, История афинской демократии, стр. 20; Виппер, Лекции по истории Греции, I, стр. 43. VII.

VII

Муниципальный феодализм в Риме.

Муниципальный феодализм в Риме существовал в период своего развития и падения с V до половины II века до Р. Х. В начале этого периода все владения Рима составляли каких-нибудь 27 кв. миль [1]), после завоевания Вей они удвоились [2]), а под конец, после второй Пунической войны, Рим владел уже всей Италией, Сицилией, южной Галлией и Испанией, т. е. был великой державой в западной половине Средиземного моря, почти единым владыкой в этой части средиземноморского мира.

Причины такого расширения римской территории коренились в хозяйстве. Скотоводство уже в V веке окончательно уступило первое место земледелию [3]). Тогда же стали расти торговли и ремесла [4]). В конце IV века строится флот [5])—признак развития уже не местной только, а морской, обширной торговли, рассчитанной на широкий рынок. Тогда же расширяется и торговля сухопутная: Аппий Клавдий строит свою знаменитую Аппиеву дорогу в Капую. В IV же веке римляне начинают чеканить серебряную монету [6]). В V и IV веках Рим заключает три первых торговых договора с Карфагеном—в 508, 348 и 306 годах до Р. Х. [7]).

---

[1]) Meyer, Geschichte des Altertums, V, Stutt. und Berl., 1902, стр. 134.
[2]) Там же, стр. 148.
[3]) Ihne, Römische Geschichte, IV, Leipz., 1876, стр. 173; Niese Grundriss der Romischen Geschichte, стр. 56.
[4]) Meyer, Gesch. d. Altert., V, стр. 141; Niese, Grundriss, стр. 56.
[5]) Niese, Grundriss der Röm. Gesch., стр. 69.
[6]) Там же, стр. 87.
[7]) Там же, стр. 99.

Торжество земледелия, рост ремесл, развитие торговли сопровождались важными последствиями в формах владения движимым и недвижимым имуществом. „Экономическая основа права XII таблиц (половина V в.)—право частной собственности, движимой и недвижимой“ [1]). На-ряду со старыми формами сделок, отражавшими в себе прежнее преобладание кровного союза,—семьи, рода,—появляются формы новые, возникшие под влиянием индивидуализма, освобождения от контроля сородичей и соседей; эти новые формы договоров начинают применяться по всем вещам [2]). После XII таблиц развитие торгового оборота содействует выработке прочных основ гражданского права, юридической мерки, которою суд постоянно должен мерять спорные отношения [3]).

Законы XII таблиц дали римскому крестьянству полную свободу завещания [4]). Не желая дробить участки, что невыгодно для земледелия, ибо существовал нормальный крестьянский участок (fundus [5]), соответствующий германскому), гуфу, французкому манзу, английскому гайде, русским выти, обже крестьяне передавали свою землю обычно одному наследнику, который и оказывался обеспеченным землей (assiduus), а остальные превращались в пролетариев, испытывали земельный голод, что вместе с торговыми интересами и вызывало войны для завоевания новых территорий и для вывода колоний [6]). В течение данного периода колониальный поток постоянно возобновлялся, заливая своими волнами вновь завоеванные земли: так было после покорения средней Италии [7]), после второй Пунической войны в нижней и верхней Италии [8]), затем в Сицилии и Испании [9]). При этом колонизация производилась двумя способами: или целыми городскими поселениями, причем колонистам земля отводилась в общей меже, а они уже сами разделяли ее по качеству на коны или ярусы (laciniae), а в каждом кону на отдельные

---

[1]) Муромцев, Гражданское право древнего Рима, М., 1883, стр. 111
[2]) Там же, стр. 138, 139.
[3]) Там же, стр. 236, 237.
[4]) Max Weber, Die Römische Agrargeschichte, стр. 68.
[5]) Там же, стр. 81.
[6]) Там же, стр. 68.
[7]) Niese, Grundriss der Röm. Gesch., стр. 80.
[8]) Там же, стр. 148.
[9]) Там же, стр. 148.

участки (acceptae), так, что существовали чересполосица и принудительный севооборот [1]), или отдельными дворами по владельцам (viritim) с точным определением государственною властью пределов каждого дворового владения [2]).

У римских богачей—патрициев существовало важное право в земельном отношении—право заимки (occupatio) общественной земли (ader publicus). Во время преобладания скотоводства при наличности огромного земельного запаса заимка была естественна: часть общественной земли распахивалась, а другая служила выгоном, выпасом для обширных стад скота. Но это было доступно только богатым [3]).

Техника хозяйства интенсифицировалась, но не больше, чем в других феодальных обществах. Залежное и потом паровое зерновое хозяйство, без плодосмена—вот обычный тип земледельческой техники [4]).

Торговая техника поддерживала также интересы крупного капитала и была построена на монополии: договариваясь с Карфагеном, Рим монополизировал торговлю исключительно в своих руках, явился единственным посредническим рынком латинского сырья и заморских товаров; городу Анцию, напр, была запрещена морская торговля [5]).

Социальные результаты всего сказанного понятны: обогащение нобилитета—муниципальной торгово-землевладельческой и ростовщической, делеческой аристократии [6])—сделало его господином положения. Это получило свое выражение в консульской власти,—два консула, первоначально выбиравшиеся только из патрициев, имели сначала всю полноту царской власти, кроме власти жреца, религиозных функций, и в первенствующей роли сената, представителя правящего экономически и политически нобилитета [7]). Клиентела и патронат дополняли и довершали всю эту систему феодально-муниципиальных учреждений, в которой народному собранию принадлежала фактически подчиненная роль. Известно при этом, что старые

---

1) Weber, Die Rom. Agrargeschichte, стр. 19, 21, 107.

2) Там же, стр. 20, 29, 52.

3) Там же, стр. 122, 129; Ihne, Rom. Gesch., I, стр. 148.

4) Weber, Romische Agrargeschichte, стр. 220—222.

5) Там же, стр. 115.

6) Ihne, Rom Gesch., IV, стр. 177; Niese, Grundruss. стр. 152; Weber, Die Rom. Agrargesch, стр. 116.

7) Ihne, Romischte Geschichte II, стр. 396—397.

родовые собрания по куриям стали уступать свои функции центуриатным комициям, собранию по центуриям (сотням), построенному на принципе преобладания крупного землевладения и крупного капитала; из 193 центурий, состав которых распределился на пять классов по степени богатства землей, к первому наиболее богатому классу принадлежали 98, т. е. абсолютное большинство. Феодальная олигархия таким образом юридически была вполне обеспечена.

Прежде чем перейти к изображению духовной культуры Рима во время полного господства в нем муниципального феодализма, необходимо отметить существование здесь духовного, храмового, жреческого феодализма: существовала развитая жреческая организация, были жреческие коллегии, храмы владели большими богатствами движимыми и недвижимыми. Прежде всего существовала коллегия, состоявшая из понтификов, которых сначала было три, потом число их, постепенно увеличиваясь, дошло до 16-ти. Был царь—жрец (rex sacrorum); так как древние цари были представителями Рима перед богами, то и теперь, с уничтожением политической власти царя, его титул остался за религиозным представителем республики, в чем, несомненно, проявляется старый религиозный формализм. Было 15 фламинов, из которых три старших специально служили один Юпитеру, другой Марсу, третий Квирину, шесть весталок были жрицами Весты. Гадателями были авгуры, гаруспики и 15 хранителей и толкователей Сивиллиных книг, сверх того существовал еще ряд жреческих братств специального назначения: фециалы—для освящения международных договоров; салий—древние жрецы бога войны; луперки квиринальские—жрецы квиринальской общины, вошедшей в состав Рима, и луперки фабианские—жрецы такой же общины палатинской; арвальские братья—древние жрецы богов земледелия, молившиеся об урожае—и т. д. [1]). Надо, впрочем заметить, что в Риме, как и в других феодальных муниципиях, духовный феодализм был подчинен светскому и стал служить интересам последнего.

В религии феодального Рима первое новое наслоение было создано в сущности старыми понятиями, фетишистеско-племенными традициями: у каждого племени, города, области были свои предки—покровители, собственные боги, по старинному

---

[1]) Wissorva, Religion und Kultus der Bomer, стр. 432—483.

верованию. Покоряя город, племя, народ, необходимо было для прочности владычества над ними переманить к себе и их богов—покровителей. И вот римляне, подчиняя себе разные территории, совершали обряд вызова (evocatio), перезывали к себе чужих богов. Так из Тускула перешел культ Диоскуров, из Ардей Венеры, из Пренесте Фортуны, из Кум Аполлона [1]).

Вторичным новообразованием в сфере религиозных верований было религиозное освящение новых хозяйственных отношений. С усилением торговли в Риме появилась купеческая гильдия (collegium marcatorum), и началось почитание бога торговли Гермеса [2]).

---

1) Там же, стр. 38, 43, 45.
2) Там же, стр. 45.

VIII.

Карфаген с VI до половины II в. до Р. Х.

Карфагенский муниципальный феодализм достиг полного своего расцвета в период времени с VI до половины II века до Р. Х., т. е. до покорения Карфагена римлянами, насильственно перервавшими самостоятельное политическое существование пунической или западно-финикийской городской республики.

Наличность многочисленных ремесленников [1]) и развитие крупных фабрик—мануфактур [2]), повидимому, также и существование домашней промышленности сближают древний Карфаген с Флоренцией. Как и там, в Карфагене господствующую роль играл торговый капитал, который развивал великодержавную политику, проводником которой была фамилия Магонов [3]). С середины V в. у Карфагена в Африке (Ливии, как она тогда называлась) появляются крупные владения, и купцы превращаются в богатых землевладельцев [4]). Торговые интересы влекут Карфаген далее и сталкивают его в V и IV веках с греками и в частности с сиракузскими тиранами в борьбе за Сицилию [5]). Известно, наконец, что сначала Сицилия, потом Испания с ее серебряными рудниками были яблоком раздора между Римом и Карфагеном, повели к пуническим войнам и разрушению Карфагена в 146 году до Р. Х.

Таким образом торговый и земледельчески-феодальный характер хозяйства Карфагенской муниципальной республики

---

[1]) Meltzer, Geschichte der Krathager, II, Berl., 1896, стр. 19.
[2]) Тураев, История древнего востока, II, стр. 379.
[3]) Там же, стр 378; Meltzer, Gesch. der Karthager, I, стр. 195.
[4]) Meltzer, Gesch. der Karthager, I, стр. 194.
[5]) Там же, I, стр. 210 и сл.

не подлежит сомнению. Этому соответствовали и общественные отношения и государственный строй.

Во время третьей пунической войны число жителей Карфагена доходило до 700 тысяч человек, но граждан было 200—300 тыс., остальное составляли неполноправные и рабы, совершенно бесправные [1]). Но этого мало: главная власть сосредоточивалась у земельной и вместе торгово-ростовщической олигархии, перед которой экономически и политически бессильными оказывались мелкие торговцы и ремесленники [2]).

Это ясно видно из взаимоотношений между отдельными карфагенскими учреждениями. Во главе исполнительной власти — судебной и военной — стояли суффеты, формально выбиравшиеся народным собранием, но непременно из среды знатных [3]). Кроме суффетов были еще два совета — большой из трехсот членов и малый из 30 [4]). Члены совета отправляли свои обязанности пожизненно [5]). Повидимому, сюда поступали должностные лица, отбывшие срок своей службы по выбору.

Народное собрание фактически имело весьма мало значения; проведение новых законов, законодательство на деле зависело от суффетов и советов при их согласном решении [6]). Экономически господствуя над массами народа, торгово-землевладельческая аристократия вела их в поводу у себя, предварительно разрабатывая все государственные вопросы и подсказывая народному собранию необходимые в аристократических интересах решения.

Прочность всего этого строя поддерживалась еще тем, что высшая, судебная и контрольная власть находилась в руках особой коллегии 104-х [7]), а в областях управлением ведали особые наместники из той же знати [8]).

Под конец существования карфагенской державы—в III и II веках—представители фамилии Барка, Гамилькар и в особенности Ганнибал, проявляли некоторые, даже довольно силь-

---

[1]) Там же, II, стр. 16, 17.

[2]) Там же, II, стр. 19; Meyer, Gesch. des Altertums, II, стр. 698.

[3]) Meltzer, II, стр. 23; Meyer, Gesch. des Altert., II, стр. 698.

[4]) Meltzer, Gesch. der Karthager, II, стр. 44.

[5]) Там же, II, стр. 45.

[6]) Там же, II, стр. 21; Meyer, Gesch. des Altert., III, стр. 687.

[7]) Meyer, Gesch. des Altertums, III, стр. 688; Meltzer, Gesch. der Karthager. I. стр. 228, II, стр. 49

[8]) Meltzer, Gesch. der Karthager, II, стр. 19.

ные, монархические склонности и стремления [1]) или по крайней мере диктаторские замашки. Этим создавалась политическая борьба внутри правящей аристократии. Борьба эта, однако, не разгорелась в большой пожар: олигархия победила еще до последней Пунической войны и изгнала Ганнибала. Тирання или диктатура не удалась, и Карфаген так и погиб в состоянии муниципального феодализма.

Религия Карфагена в эпоху расцвета в нем феодально-муниципального строя, являясь в основе своей, в зерне своем финикийской, осложнилась примесью греческого влияния, сказавшегося с распространением карфагенского владычества на области, тронутые уже эллинской культурой. Это влияние могло, конечно, проявиться столь ярко в значительной мере по той причине, что, очевидно, в психологии и духовной культуре Карфагена наметились и осуществились перемены характерные в той или другой степени для всех феодальных муниципий. Торгово-промышленная жизнь сдвигала и здесь, как и в других подобных случаях, многих выдающихся людей с традиционного пути одного лишь господствовавшего раньше грубого, элементарного эгоизма, расширяла горизонты, ставила на очередь отчасти нравственные, также эстетические, в особенности же индивидуалистические запросы, отсюда вышли и перемены в религии, и такие явления духовной культуры, как сочинение Магона о земледелии [2]), и описание Ганоном стран, расположенных по берегам Средиземного моря [3]). Сюда же относится и появление таких ярких, талантливых, властных и смелых индивидуальностей, как Ганнибал.

---

[1]) Там же, I, стр. 249.
[2]) Там же, I, стр. 194.
[3]) Там же, I, стр. 230 и сл.

IX.

Финикийские города до покорения их персами.

В X веке до Р. X. с царя Хирама, Тир становится гегемоном всей Финикии [1]. Аристократический феодализирующий характер этой общефиникийской царской власти в Тире давно подмечен в специальной литературе, отметившей большое влияние местных суфетов и князей [2]. Характерно, что феодальная революция в Финикии, как и везде, сопровождалась и религиозным обновлением: Хирам построил новые храмы Мелькарту и Астарте, организовал культ и окончательно установил праздники [3].

В VIII веке мы наблюдаем в Финикии уже полное феодальное разложение: отдельные города уже не подчиняются Тиру и ведут каждый свою особую торговую и общую политику [4].

Торговое значение финикийских городов слишком хорошо известно, чтобы была нужда его подробно доказывать. Финикийские города были вообще древнейшими образцами феодальных муниципий в мировой истории: они были единственным в свое время дополнением к миру натурально-хозяйственных отношений, их окружавшему и нуждавшемуся в такой поправке к безобменному почти вполне хозяйству, необходимой именно потому, что все же кое-что обменять было можно и нужно. Лучшее доказательство торгового значения финикийских городов—устройство ими колоний не только

---

[1]) Movers, Die Phönizier, II, стр. 328.
[2]) Там же, II, стр. 321, 322.
[3]) Там же, II, стр. 329, 330.
[4]) Там же, II, стр. 385.

морских, но и континентальных—на различных торговых путях—водных и сухопутных [1]). Конечно, торговали только такими товарами, как драгоценные металлы, в особенности серебро, а также железом, медью, рабами, тканями, ароматами, пурпуром, меньше всего хлебом [2]). Разумеется, морская торговля финикийских городов была гораздо важнее сухопутной [3]): ведь морские пути были и легче и доступнее невозможных дорог на материке. Наконец, транзитный, передаточный характер финикийской торговли дополняет общую, известную нам картину феодально-муниципального хозяйства.

Господство аристократии, владевшей землей, промышлявшей также ростовщичеством и торговлей, было общим явлением в финикийских городах [4]). Купцы были организованы в гильдии [5]), ремесленники—в цехи [6]). Крестьяне находились в угнетенном положении и давали натуральные оброки за землю, которою пользовались [7]). Земли принадлежали не только светской аристократии, но и духовной—храмам, жречеству [8]). Высшие должности по управлению, а также и верховное жречество, были исключительным достоянием аристократии.

Со времен персидского владычества и особенно с развитием греческой торговли финикийские города падают. Еще раньше западная часть Средиземного моря была отнята у них в коммерческом отношении Карфагеном, колонией Тира, потом Римом. А с ростом торговли Афин и островов Эгейского моря нало торговое значение Финикии во всей восточной половине Средиземного моря.

Для финикийской феодальной религии характерно почитание в каждом отдельном городе особых, местных богов; типичным примером этого является тирская троица—Ваал, Ваал-Мелькарт и Астарта [9]). Религиозная обособленность, раздельность, расчленение вполне соответствовали и полити-

---

[1]) Там же, II, 2, стр. 4 и сл., 129 -641.
[2]) Там же, II, 3, стр. 22, 27, 28, 65, 67, 70 и др.
[3]) Там же, II, 3, стр. 148.
[4]) Там же, II, 1, стр. 538, 539.
[5]) Там же, II, 3, стр. 123.
[6]) Там же, II, 1, стр. 522.
[7]) Там же, II, 1, стр. 523.
[8]) Там же, II, 1, стр. 525, 526.
[9]) Там же, II, 1, стр. 511.

ческому и хозяйственному распаду страны на отдельные феодально-муниципальные области.

Такие примеры, как изобретение пурпура, стекла, весовой денежной единицы—„шекеля“, наконец, общий дух приключений, новаторства [1]), столь необычный для большинства стран времени, когда Критская культура уже была разрушена греками, а Халдея, Египет, Эллада, Рим еще не достигли высшей ступени своего развития, лучше всего показывают, что и финикийский муниципальный феодализм, несмотря на свою сравнительную отсталость, носил в себе зерно психологических, духовно-культурных новообразований.

---

[1]) Там же, II, 3, стр. 148.

X.

Общая характеристика муницииального феодализма. Выводы о развитом феодализме вообще.

Мы видели, что феодальное общество в процессе своего происхождения живет в условиях натурального хозяйства, и что, развившись, приняв законченный вид, феодализм является общественной формой, типической для товарного хозяйства с небольшим, местным, узким рынком, всецело к такому хозяйству приспособленной.

Но и в обществе, основанном на хозяйстве натуральном, и тем более в обществе, в основе которого лежит денежное хозяйство с местным, узким рынком, существует неизбывная потребность в некотором более или менее широком товарном обмене: есть избытки, требующие вывоза; существуют недостачи, вызывающие пополнение. Удовлетворить этой потребности собственными силами и средствами феодальное общество обычного, господствующего, наиболее распространенного типа не может. Это становится задачей особого рода феодальных обществ, которые мы подводим под общее название муниципального феодализма.

Ясна таким образом необходимая, неразрушимая, теснейшая связь обеих форм или обоих типов развитого феодализма: один без другого существовать не может; один является естественным и необходимым дополнением другого. Их единовременным, взаимозависимым существованием обусловливается и обеспечивается бытие развивающегося и развитого феодального строя.

Именно вследствие такой взаимозависимости и взаимо дополнения муниципальный феодализм существенно отличается от феодализма обычного типа.

В хозяйственном отношении муниципальный феодализм характеризуется преобладанием транзитной, передаточной внешней торговли, при чем торговля внутренняя или остается ничтожной, почти не существует, или организуется на тех же началах замкнутого местного рынка, как в феодальных обществах обычного типа. Ремесло играет при муниципальном феодализме более видную роль, чем при феодализме обычного типа, но оно никогда не господствует, всегда экономически и социально подчиняется торговле через посредство главным образом домашней индустрии, т. е. раздачи материалов, сырья, орудий, денег в долг вперед и расплаты работника со скупщиком готовым продуктом. Но земледелие и в феодальных муниципиях имеет важное, часто даже господствующее значение в деревенском хозяйстве.

Крупное землевладение, крупная торговля, кредит или ростовщичество, соединяясь в руках одного класса, выдвигали на первый план в социальном строе муниципально-феодальную аристократию. Торговля организует и купечество и ремесленников, подчиняя всех торговому и ростовщическому капиталу. Развитому муниципальному феодализму свойственна и крестьянская крепость.

Та же аристократия—землевладельческая, торговая и ростовщическая—господствует при муниципальном феодализме и в политической области. Иногда это господство получает точное юридическое выражение, но часто, особенно в недоразвитых формах муниципального феодализма, получает лишь фактическое осуществление, прикрываясь демократической внешностью. Более развитые хозяйственные и социальные связи и отношения приводят и к улучшению административной, судебной, финансовой, законодательной, вообще правительственной техники, к государственным организациям, приближающимся часто уже по характеру своему к настоящим, подлинным учреждениям, более или менее правильно устроенным с постоянным составом и определенным ведомством.

Совокупностью всех этих хозяйственных, социальных и политических условий, значительно опередивших соответствующие условия, характерные для феодальных обществ обычного типа, определяются и высшее сравнительно с этими последними обществами развитие духовной культуры и психологии общества. Смысл всех довольно иногда уже многообразных изменений в этом отношении сводится в общем и целом к росту инди-

видуализма, высших, более широких запросов человеческой личности, достигающей в верхах общества весьма значительной самостоятельности и самоопределения. Это находит свое выражение и отражение и в религии, и в литературе, и в искусстве, вообще во всех проявлениях духовной культуры.

Изучая феодализм обычного типа, мы вынуждены были различать в нем отдельные роды и виды. Муниципальный феодализм, взятый сам в себе, при сравнении его отдельных разновидностей, является более однообразным. Можно и должно отметить только—и это вполне естественно—некоторую недоделанность, недоразвитость русского муниципального феодализма и, может быть, также отчасти финикийского. Эта незаконченность вполне об'ясняется натурально-хозяйственной обстановкой окружающей среды, которая в других случаях является уже пережитым состоянием, так как в развитом феодализме обычного типа господствует уже товарное хозяйство с местным рынком, и это придает законченность и феодализму муниципальному. Впрочем отсталость русского муниципального феодализма выражена не резко.

Заканчивая отдел о феодализме в развитом состоянии, нельзя не остановиться ненадолго на одном мнении, недооценивающем значения феодальных отношений, придающем им слишком, незначительную роль.

Мнение это высказано и в общей форме, по отношению ко всякому феодализму [1]), и специально, по отношению к феодализму английскому [2]). Прежде всего следует обратить внимание на этот конкретный, английский пример и его освещение, а затем уже немногое останется добавить в применении к общему, целому.

Признавая с одной стороны, что „общее право Англии и своей теорией, и своей судебной практикой давно признало лорда мэнора собственником и земли общины, и большинства пользующихся ею членов общины“, а с другой—что внутри мэнора все фактически определялось не односторонней волей лорда, а обычным правом мэнора,—в поисках разрешения этого противоречия приходят к заключению, что фео-

---

[1]) Петрушевский, Очерки из истории средневекового общества и государства.

[2]) Петрушевский, Очерки из истории английского общества и государства в средние века; Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, изд. 2, М. 1914,

дализм был только поверхностной надстройкой, возникшей из нужд государства при господстве натурального хозяйства: государство нуждалось в службе, за службу оно не могло платить деньгами, поэтому платило землей, откуда и появился феодализм.

Нетрудно понять, насколько несостоятельно такое об'яснение. Так можно вывести происхождение одного из зародышей феодализма—бенефиция, но другие два зародыша—коммендация и иммунитет обязаны своим происхождением прямому и непосредственному влиянию хозяйственных условий,—потребности мелкого свободного люда в материальной поддержке при новых условиях хозяйства и нужды его в защите и покровительстве от насилий.

Притом превращение зародышей феодализма в развитой феодальный порядок—бенефиция в лен, коммендации в вассалитет, иммунитета в суверенитет—уже совершенно необ'яснимо из государственных, политических потребностей; это, как мы видели, продукт хозяйственных и социальных условий.

Далее, в действительности лорд мэнора признавал мэнориальное обычное право (consuetudo manerii) по той лишь причине, что оно ему было выгодно, и до тех пор, пока ему это было выгодно. Мы скоро увидим, что сталось с этим мэнориальным обычаем в XIV веке. Ведь признается же кроме того, что „в интересах сеньора" было сохранять и укреплять общину [1]), ибо „в интересах сеньориального хозяйства было, чтобы державший надел виллан был обставлен в хозяйственном смысле вполне удовлетворительно" [2]).

Наконец, рассматривая вопрос уже более обще, не в отношении к одной только Англии, считать феодализм поверхностным государственным наслоением над дофеодальной общиной тем более ошибочно, что нельзя смешивать дофеодальное отношение крестьян к земле с крестьянской земельной общиной феодального периода. Дофеодальные земельные отношения, как то было выяснено в предшествующем изложении [3]), были подобием нашего долевого владения, а в феодальную эпоху дело сильно изменилось: долевое владение местами

---

[1]) Петрушевский; Восстание Уота Тайлера, стр 211.

[2]) Там же, стр. 212, 366.

[3]) См. выше, глава пятая, отдел V и том I, глава третья отд. IV, глава четвертая, отдел IV.

превратилось в подворно-участковое с общим пользованием некоторыми угодьями, местами в общину уравнительно-передельную, подобную русской. И это превращение совершилось под влиянием новых хозяйственных условий феодальной эпохи и определенных ими крестьянских интересов, интересов крестьянской массы, а еще более того под влиянием интересов феодальной аристократии. Мы видели выше на ряде конкретных примеров отдельных стран, как там это произошло.

Таким образом в феодализме все, как всегда и везде, определяется интересами главным образом господствующего класса, возникающими и развивающимися на основе хозяйственных условий, и, следовательно, говорить о „поверхностности“ феодализма и о создании его государством никак нельзя.

Сводя воедино все сказанное о феодализме в развитом состоянии, можно формулировать следующие положения:

1. Существуют две основные формы развитого феодализма: во-первых, феодализм обычного вида, во-вторых, муниципальный феодализм.

2. Феодализм обычного вида имеет три основных типа— французский, английский и русский. Наиболее распространенным и вместе классическим, законченным типом обычного феодализма является французский.

3. В хозяйственном отношении французский феодализм характеризуется переходом к элементарному денежному или товарному хозяйству с резким разделением страны на местные, узкие, замкнутые рынки при господстве земледелия. В землевладении торжествует наследственный и доступный для отчуждения лен или феод.

4. Так как небольшой местный рынок требует для своего сохранения точной и мелочной организации и регламентации, чтобы этот хозяйственно-самодовлеющий мирок не распался и не погиб, то отсюда проистекают прикрепление крестьян к земле, гильдейское и цеховое устройства торговли и ремесла.

5. Под влиянием того же расчленения на местные рынки устанавливается феодальная иерархия: мелкие лены и ленники экономически и политически тяготеют к крупным феодальным владениям, барониям, и их собственникам, высшим баронам, королевским пэрам. Эти последние обладают полнотою суверенных прав, тогда как более мелкие королевские вассалы и арьер-вассалы баронов обладают лишь иммунитетом, урезанными государственными правами.

6. Монашество, защищая свои интересы, создает для себя центральный об'единяющий орган—папскую власть, через посредство которой оно правит церковью и влияет на светскую власть, и в то же время оно сохраняет королевскую власть, помогает ей утвердить принцип монархической наследственности, отражающий в себе и наследственность ленов, и содействует консолидации, об'единению королевского домэна, параллельно которому консолидируются и домэны баронов.

7. Все управление проникнуто теми же феодальными, вотчинными началами; цель государственного союза в это время—личное господство; суб'ектом власти является личность.

8. В психологии правящих классов окончательно слагается, как господствующая черта, активный эгоизм, которым определяется характер и феодальной религии, и поэзии, и искусства (в романском стиле начальной ступени его развития и ему соответствующих формах искусства индийского, греческого и пр.), вообще всей духовной культуры феодальной аристократии.

9. В психологии и духовной культуре средних слоев общества, лучше всего представляемых монашеством, наблюдаются, во-первых, (в клюнизме и ему подобных явлениях) рационалистическое течение, психология разумного, культурного эгоизма, проводящего в жизнь некоторые моральные начала и вносящего в искусство и литературу религиозность и религиозный символизм, во-вторых, (в цистерцианстве и его подобиях) мистическое течение, наложившее свою печать на архитектуру (позднейшие перемены в романском стиле и пр.), музыку и проповедь.

10. В то же время и в интеллигенции и в народных массах зарождаются и делают первые шаги вперед протестующие против феодального строя еретические учения,—в интеллигенции эти ереси окрашены рационализмом, в народных массах—отчасти психологией смирения и покорности (пассивного эгоизма), отчасти порывами мистического и эсхатологического характера, исканиями царства справедливости и равенства.

11. Английский тип феодализма имеет следующие отличия от французского: узкий местный рынок держится недолго и скоро сменяется более или менее обширным рынком; вследствие этого крепостничество слабо и сближается со свободным держанием, социальный и политический феодализм не силен, и

преодоление его достигается сравнительно скоро и легко, откуда происходит и ограничение королевской власти совокупным действием феодальной знати, рыцарства и горожан; обычные черты феодальной психологии и духовной культуры осложняются некоторой примесью индивидуалистических стремлений и порывов.

12. Русский тип феодализма отличается сохранением отсталых, недоразвитых форм: натурального хозяйства, условного и временного поместного владения, не превратившегося в наследственное и отчуждаемое, иммунитетов, не преобразовавшихся в суверенитет за исключением непродолжительного момента в XIII веке для отдельных великих княжеств; не создалось также поэтому ни прочного прикрепления крестьян (были только его зародыши), ни развитой организации торговли и ремесла.

13. Все три типа феодализма обычного вида находят себе естественное экономическое дополнение в муниципальном феодализме, жизненная задача которого—удовлетворение потребности в некотором более или менее широком товарном обмене, существующей как в обществе, основанном на натуральном хозяйстве, так и в особенности в обществе, в основе которого лежит товарное хозяйство с местным, замкнутым рынком.

14. В хозяйственном отношении муниципальный феодализм характеризуется преобладанием транзитной, передаточной внешней торговли, которой подчиняются и ремесло и земледелие или другие отрасли сельского хозяйства.

15. В социальном строе первенство при муниципальном феодализме принадлежит аристократии, соединяющей в своих руках крупное землевладение, крупную торговлю и кредит (ростовщичество); торговый и ростовщический капитал организует корпоративно купцов и ремесленников и подчиняет себе тех и других, а также, будучи приложен отчасти к земле, подчиняет и крепостное крестьянство.

16. Землевладельческая, торговая и ростовщическая аристократия господствует при муниципальном феодализме и в политической области, то облекая это господство в явно-аристократические, точно выраженные юридические формы, то прикрывая свое фактическое преобладание демократической формой, на деле лишенной реального содержания; правительственная техника достигает сравнительно высокого развития:

в феодальных муниципиях начинают слагаться более или менее правильные учреждения.

17. В психологии и духовной культуре муниципального феодализма наблюдается рост индивидуализма, высших, более широких запросов и стремлений человеческой личности.

18. Муниципальный феодализм в России отличается недоразвитостью так же, как и русский феодализм обычного вида; однако, эта отсталость русского муниципального феодализма все же менее резко выражена.

Такова общая характеристика уже довольно сложного периода исторического развития, известного под именем периода феодализма в развитом состоянии. Как то бывает со всяким общественным строем, феодализм, едва достигнув высшей точки своего развития, уже начал разлагаться, вступил в полосу разрушения, падения. Процесс этого падения составит в первую очередь предмет нашего дальнейшего исследования.

200-00